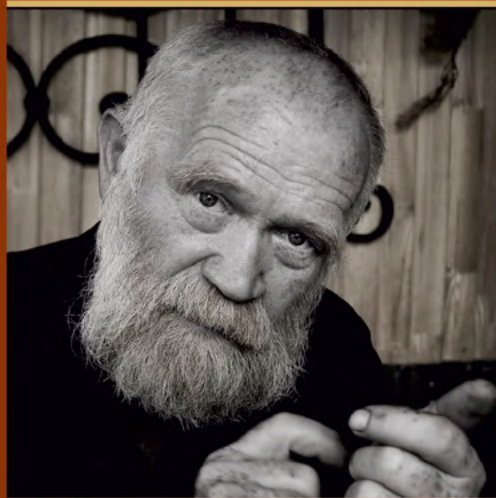

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

Лариса Вигандт

АЛТАЙ·СУДЬБА·ЭПОХА

Министерство культуры
Алтайского края

Барнаул
2020

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

Лариса Вигандт

*Книга из серии «Алтай. Судьба. Эпоха»
подготовлена в рамках губернаторского
издательского проекта*

Вигандт Л. А.

В 412 Александр Родионов / Лариса Вигандт; М-во культуры Алт. края, Алт. краев. универс. науч. б-ка им. В. Я. Шишкова. — Барнаул; Новосибирск: Типография Экселент, 2020. — 512 с: ил. — (Алтай. Судьба. Эпоха).

ISBN 978-5-90363-438-5

В книге представлена первая биография писателя, историка, знатока русского народного искусства, общественного деятеля Александра Михайловича Родионова (1945–2013). Автор книг поисковой прозы «Чистодеревщики», «Колывань камнерезная», «Красная книга ремесел», романа-эпопеи «Князь-Раб», публицистического сборника «Одинокое дело мое», Александр Родионов, кроме того, известен как инициатор, организатор и первый президент Алтайского Демидовского фонда, автор проектов «Демидовские гуманитарные премии», «Галерея горных деятелей», «Барнаул. Летопись города».

Основой для создания книги стали архивные документы фонда А. М. Родионова в Государственном архиве Алтайского края (536 дел, более 20 000 листов), в Краеведческом музее г. Рубцовска, в Алтайской краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова: дневники, рукописи, письма, автографы, фотографии. А также газетные и журнальные публикации, посвященные его книгам и общественным инициативам; воспоминания о нем близких людей и друзей.

В книге воссоздана жизнь и творчество человека яркого, неординарного, неформального лидера культурной жизни на Алтае — А. М. Родионова.

ББК 83.3(2Рос-4Алт)-8

ISBN 978-5-90363-438-5

© Л. А. Вигандт, 2020

© Е. В. Гундарина, редактор, 2020

© Ю. В. Раменская, дизайнер, 2020

© КГБУ «Алтайская краевая
универсальная научная библиотека
им. В. Я. Шишкова», 2020

«Предки путь вывели»

Глава первая

ПРЕДТЕЧИ

Александр Михайлович Родионов — русский писатель, автор нескольких книг поисковой прозы и исторического романа «Князь-Раб». Знарок истории Сибири XVIII века, особенно того отрезка, что пришелся на правление Петра Великого. Застрельщик многих творческих инициатив на Алтае, которые со временем перешли в разряд культурных традиций. Родионов стоит у истоков Дней славянской письменности и культуры. Его детище от и до — Демидовский фонд и Демидовские балы. Он родоначальник гуманитарных Демидовских премий, реаниматор — Шукшинской литературной. Инициатор создания Клуба любителей алтайской старины в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова. Организатор и руководитель экспедиции по первой Демидовской дороге. Барнаул обязан ему своей биографией — летописью с 1701 по 2000 годы. С его подачи площади Пионерской в Барнауле было возвращено историческое название — Демидовская. Не без влияния Александра Михайловича на гербе Алтайского края появился абрис колоссальной Царицы ваз, самого известного произведения искусства, сделанного на Алтае. Родионов — защитник русской культуры. А по внутренней сути истовый русак, он из тех, о ком с гордостью говорят: «О-о! Русский Иван». И с последней безнадегой: «А-а, Ванька русский!» И обликом он вышел типично русским. Отзывается в нем и Иван-дурак со сказочных иллюстраций Билибина, и известный персонаж славянской мифологии — Домовой. Ко всему рыжим уродился. Пусть не покажется это сравнение избыточным, но обличье седобородого последних лет жизни Родионова невольно вызывает в памяти образы известных русских старцев.

Мне всегда казалось, что и имя ему должно быть Иван, ну или отчество — Иванович. Но Иванов в прямом родстве Родионова не случилось. В его древе другие прекрасно-патриархальные имена, с отзвуком дали, легенды и силы: Леонтий, Егор (Георгий), Аким, Ефрем, Александр, Харитон, Григорий, Яков, Даниил, Василий, Сергей, Николай, Тимофей, Игнат, Мартын, Елисей. Прапрадеды и прадеды Александра

Родионова — переселенцы. Путь из Расеи в Сибирь они преодолели молодыми людьми или отроками. Родионовы и Черкашины — курские, Лебеденко и Задорожных — харьковские, Елисеевы — тамбовские, Дёгтевы — рязанские, Натаровы — воронежские, снялись с обжитых земель и двинулись в неведомую Сибирь. Неведомую и вместе с тем привлекательную, манящую необъятными полями, великими реками, богатыми лесами. Может быть, пустившиеся в дальний путь люди надеялись найти в сибирских краях заветное Беловодье, о коем в легендах сказывалось как о стране щедрой и справедливой. «Селись — где хочешь, живи — где знаешь, паши — где лучше, паси — где любче, коси — где густо, лесуй — где пушно».

Предки Родионова — великороссы и украинцы, православные — стали участниками грандиозного переселенческого движения на свободные сибирские земли. Все деды Александра Родионова — сибиряки. Леонтий Родионов и Марфа Черкашина, Сергей Лебеденко и Анастасия Дёгтева появятся на свет в засёлке Титовском Шелковниковской волости Бийского округа Томской губернии. В наши дни — село Титовка Егорьевского района Алтайского края.

Титовка приютилась у озера Жерновцы на кромке ленточного бора. За этот засёлок первопоселенцам пришлось побороться. Изначально межевщик Хребтов предписал под поселение другое место с названием «Долгая Дубрава» [182]. По его мнению, это была удобная земля «для поселения 500 душ приблизительно». Акт о заселении Долгой Дубравы подписан межевщиком и доверенными окрестных деревень, избранными на сходах, 12 августа 1887 года. Переселенцы — всего четырнадцать семей — на красивое название не купились, этой же осенью они перешли к озеру Жерновцы. Возмущенное начальство шлет распоряжение: «водворить ослушников на указанное межевщиком место». Новоселы обещают: к следующей весне, так и быть, перейдем в Долгую Дубраву. Сами же ставят дома и шлют «письма и ходочков с просьбами оставить их у озера» [182].

Весной 1888 года рядом с Жерновцами живут уже 113 семей, к июню — 130. В мае 1890 года Кабинет Его Императорского Величества разрешает остаться крестьянам на застроенном месте с оговоркой: «причисление новых поселенцев к первоначальному составу должно быть безусловно запрещено» [182]. Куда там! Посемейный список, составленный в засёлке Титовском в 1892 году, фиксирует 1470 душ, еще через год между озером и бором живут 1929 человек. Характерная переселенческая история. В ней — напор и упрямство, мечта и труд. Народ идет и идет из России. Вдохновляют путников рассказы о просторах и изобильности Сибири. В 1890 годах земельная часть Алтайского горного округа завалена прошениями от крестьян разных губерний. Барнаульский историк Борис Бабарыкин отыскал в архивных недрах челобитную, поданную дальними родственниками Родионова по черкашинской линии. Черкашиной в девичестве была Марфа Яковлевна — бабушка Александра Михайловича с материнской стороны.

«В Главное управление по Земельной Части Алтайского Округа

Курской губернии Грайворонского уезда Лисичанской волости села Русской Березовки бессрочно отпускиников нижних чинов: Никонора Митрофана и Иуды Васильева Черкашиных

Прошение.

Родные наши братья именно мои Никонора Черкашина: Максим и Афанасий Черкашины и мои Иуды Черкашина: Даниил, Феокист и Терентий Черкашины со семействами своими с разрешения начальства выбыли уже из места жительства для поселения в Титовском заселке Шелковниковской волости Бийского округа Томской губернии. Мы же, Никанор и Иуда Черкашины со своими семействами, остались на время на месте своего жительства для того, чтобы сделать окончательно распродажу своего имущества, а как в настоящее время покончив таковую распродажу хозяйственным способом, то имеем честь покорнейше просить оное Главное Управление по Земельной Части не оставить своим зависящим распоряжением относительно переселения и нас, Никанора и Иуду Черкашиных с нашими семействами, к семействам переселившихся наших выше поименованных братьев в тот же Титовский заселок Шелковниковской волости Бийского округа и в последующем своем распоряжении не оставить своим уведомлением нас, Черкашиных, чрез Курское губернское начальство, от которого мог бы быть нам свободный и беспрепятственный из места жительства в Томскую губернию пропуск. Семейный же список нашим Черкашиным семействам при сем прилагаем.

Марта 5 дня 1894 года. К сему прошению своеручно подписались Никанор Черкашин и Иуда Черкашин» [195, л. 450, 450об, 451].

Прошение братьев Черкашиных рассмотрено положительно 29 марта 1894 года, о чем свидетельствует чернильная печать на листе.

Из перечисленных Черкашиных прямое отношение к Александру Родионову имеет Даниил Васильев, 1852 года рождения, прапрадед. Выдвинулся он на Алтай из села Русско-Березовского Курской губернии вместе с женой Неонилой Семеновной и сыновьями: Ефимом, Яковом и Иваном. В Титовское семья прибыла в 1891 году. Об этом сообщают переписные листы 1917 года. К тому времени, когда Никанор и Иуда Черкашины просят о пропуске в Сибирь, в семье Даниила в засёлке Титовском уже родились сыновья — Сергей и Антон.

Писатель Родионов явится в роду Якова, которому выпало пуститься в дорогу через пол-России девятилетним мальчиком. О большом путешествии Яков Данилович, конечно же, расскажет дочери Марфе, а та в свою очередь — внуку Шурке. «Моим предкам, тамбовским и курским крестьянам, пришлось преодолеть поля в прямом смысле, сменив европейское хлебное скудородье на щедрость алтайской почвы, — напишет Родионов в 2005 году. — Глубже пятого колена я своих корней не знаю, но уверен: предки пришли на Алтай с тем, что в котомке не поместится, они пришли со своим русским языком, а следовательно, со своим русским мировоззрением» [160]. Рисуя родовое древо для своих детей и внуков, Александр Михайлович останавливает материнские ветви на прадедах и отцовские — на дедах. Историк Борис Бабарькин после исследования метрических книг Государственного архива Алтайского края продлеват родословную Родионова до шестых колен в материнской и отцовской цепочках. На самом нижнем горизонте родионовского древа пребывает Харитон Григорьев Родионов, родившийся в 1828 году.

В схеме, составленной Родионовым для сына Николая в 1994 году, Черкашины записаны выходцами из Черниговской губернии. Архивные документы, поднятые Бабарькиным, дают другую информацию. «Посемейный список засёлка Титовского (1892)» и анкеты переписи населения 1917 года фиксируют в графе «откуда прибыли» Курскую губернию. Разночтение проще всего объяснить неоднократным

переустройством административных границ в европейской части России. Село Русско-Березовское, откуда прибыли Черкашины на Алтай, в конце XIX века относилось к Грайворонскому уезду Лисичанской волости Курской губернии, а в наши дни находится на территории Белгородской области. Не исключено, что в какой-то период поселение принадлежало Черниговщине. Или другой вариант: Черкашины переехали в Русско-Березовское с черниговских земель.

Первые сведения о Русско-Березовском приходятся на 1686 год, они занесены в книгу писцом Филиппом Пересветовым. Селу, именуемому то Русская Береза, то Русская Березовка, кроме того, повезло попасть в списки десятой ревизии 1858 года. Так что при желании к родовому древу Александра Михайловича Родионова вполне реально прибавить еще несколько колен.

«Посемейный список» Титовского за 1892 год [195, л. 136, 141, 144об, 145об, 167об, 180об] фиксирует Родионовых, Елисеевых, Лебеденко, Задорожных как первопоселенцев в местечке у озера Жерновцы уже в 1887 году. Они в числе тех четырнадцати семей-ослушников, что тягались с Царским кабинетом за землю. В Титовке все рядом: озеро с рыбой, лес-кормилец, а сразу за околицей — степь голимая, «гениальная равнина», идеальный пахотный клин. Щедрое места пришлось по душе. Поселенцы привычно впряглись ломовыми. За тем и ехали — за землей, за работой, за достатком.

В 1907 году — через двадцать лет с момента заселения сибирской пустыни — Титовка становится богатым пятитысячным селом. Крестьяне «построили не только свои дома, но и церковь, школу, два кожзавода, мыловаренный завод, три маслодельни, четыре лавки, пимокатное заведение, паровую мельницу. И пашни обиходили, подняв целину, и тучные стада вырастили. Даже производство фруктовых вод наладили» [182].

Перепись 1917 года фиксирует во всех семьях, имеющих отношение к роду Родионова, средние или зажиточные хозяйства. У Родионовых домохозяйном записан Александр Харитонович. Тридцать лет назад Александр привел семью на Алтай

из села Курасовского Курской губернии. С ними был и его отец Харитон Григорьев Родионов. Усеченное отчество «Григорьев», по предположениям историка Бабарькина, служит косвенным указанием на то, что Харитон до 1861 года мог быть крепостным крестьянином. Подтверждение или опровержение этому факту следует искать в архивах Курской области.

В 1917-м Александру Харитоновичу Родионову и жене его Ахимье по 68 лет. Они живут одной семьей с сыном Егором и невесткой Натальей (из семьи Елисеевых), одиннадцатилетним внуком Леонтием и семилетней внучкой Лизаветой. В хозяйстве пять лошадей, шесть коров, девять овец и свиньи, 25 десятин пашни, имеется сельхозинструмент. В других семьях — Елисеевых, Натаровых, Лебеденко — нажито и меньше, и больше, благосостояние во многом определяется количеством душ мужского пола в семье. У Родионовых три душевых надела, скотины 21 голова, а, к примеру, за одной из семей Лебеденко числится скота в два раза больше.

В семье Родионовых единственный грамотный человек — Егор, ему 28 лет, и на момент всероссийской переписи его нет в Титовке — призван в армию. На хозяйстве до его возвращения остаются два старика, жена и дети. Егора Александровича, прадеда нашего героя, первого из Родионовых можно лицезреть на фотографии.

В двенадцати километрах от Титовки, на месте бывшей заимки, по воспоминаниям старожилов, в 1915 году, а по данным справочника «Список населенных пунктов Алтайского края», составленного историком Юрием Булыгиным, — в 1909-м, возникла деревня Ивановка [184]. Названия сибирским засёлкам переселенцы давали, помня о первой родине. Из Ивановки Шацкого уезда Тамбовской губернии прибыли Елисеевы. Из Пан-Ивановского Рогозинской волости Харьковской губернии — Задорожных. Село Пан-Ивановское известно тем, что здесь похоронен известный украинский просветитель философ Сковорода.

А в сибирской степной Ивановке, небольшой, на сто дворов деревеньке, родился в 1945 году Александр Родионов. Вот и нашелся Иван-корень — в колыбельке, в зыбке самой. «Родина-то одна — Ивановка. Все мы ивановские, в конце

концов», — скажет Александр Михайлович, отвечая на вопросы о родителях для фильма «В ожидании дня» [178].

Курские, воронежские, тамбовские, харьковские, рязанские и другие скоро стали называться «сибиряками». В вавилонском столпотворении народов на алтайской земле идет смешение обычаев, культур и — что, пожалуй, самое интересное для нас, коль скоро речь идет о писателе, — говоров. Речь в Титовке и окрестных деревнях — Сростах, Новоегорьевке, Ивановке — имеет некоторые особенности. Здесь всегда в ходу была шутка и кличка. «В деревне кличку припечатают, долго будешь думать, откуда пришла», — посмеивался, сам мастак на прозвища, Родионов.

Местные жители вспоминают, что были у них «Иван-Царевич, Семка-князь, Ведро, Гагара, Калина, Сверчок, Мураш, Тима-рысь». Друг к другу сельчане обращались ласково: Ванечка, Манечка, Дунечка. «Даже предметы, животных называли: «топорик», «телочка», «водичка», «ведерочко». А если женщины поспорят между собой, то вместо «Машенькина доченька» скажут «Машкина дочеренка», а на мужика «зятишко». Мужчины злобы долго не держали. Перебранившись крепкими словами, дальше работали вместе» [188].

Человек приезжий обязательно отметит некоторые общие черты во внешности жителей Егорьевского района: прямокулые, голубоглазые, среднерослые, в зрелые годы плотно сбитые. Но прежде всего бросается в глаза конопатость и рыжина всевозможных оттенков — от тонкой позолоты до шафранно-каштанового полыхания.

— Много ли рыжих в ваших местах? — вглядываюсь я в красивое лицо старой крестьянки. Не родня ли Родионову? Светло-голубые, вылинявшие с годами глаза, нос картошечкой, круглое лицо. Тыльной стороной ладони женщина вытирает пот с лица, невольно демонстрируя сильную, разработанную крестьянским трудом руку с узловатыми пальцами. Только что отнятая от грядки, она покрыта подсохшими земляными корочками. Кисть, не по-женски широкая, усеянная «гречихой», невероятно похожа на мастеровую родионовскую пятерню.

— Я и сама рыжая была, — отвечает моя знакомица, заправляя под край платка выбившиеся седые волосы.

Помню, так же я удивилась, когда узнала, что Родионов от природы рыжий. Мое знакомство с Александром Михайловичем пришлось на то время, когда цвет его волос никак не напоминал о рыжине. Он был бусым, с подпалинами цвета охры в бороде. Рыжие тоже седеют. Не родня Родионову, выясняется в разговоре, собеседница. Зовут ее Мария Никитична Плетнева, в девичестве Куринова, с фамилией Хвостовы в роду. Но Саньку помнит еще мальчишкой, по Ивановке.

Об особенностях породы здешних мужиков говорят так: «По внешнему виду мужчины были похожи фигурами друг на друга. Среднего роста, коренастые, широкоплечие, с прямой спиной, высокой грудной клеткой, они казались немного коротконогими. В каждом чувствовалась огромная физическая сила, ловкость в движениях во время работы. Мешок с зерном один человек мог перекинуть через крышу амбара, ударом в лоб убить быка, разогнуть подкову, рукой вбить гвоздь в плаху» [188].

Быка, подкову и гвоздь оставим за скобками, а все прочее отнесем к Родионову. За жизнь он переделал много разной физической и ремесленной работы, и в любой — строительство, огородничество, «столярка», резьба — был успешен. Уже в возрасте за пятьдесят на дружеских пирушках, на спор или просто желая продемонстрировать «порох в пороховницах», он, опираясь на перила веранды, делал «крокодила», сложное гимнастическое упражнение.

ВОЙНА И ПОБЕДА

Как люди верят в гороскопы, так Родионов верил в счастливый знак, которым отмечена его судьба. Факт появления на свет накануне великой Победы он находил неслучайным и закрепил его в юношеском стихотворении «Рожденный до Победы за три дня...». Александр Михайлович называл себя «победным»: «Солдаты уже с конца апреля говорили о победе» [178].

Весной и летом победного года семье Родионовых выпало много горевать. В небольшой избе попискивал в зыбке младенец нескольких дней от роду. Юная мать Таня Родионова, которой еще не исполнилось и семнадцати лет, хотела назвать малыша Аликком. (Потому что рыженький? Аленький?) Но пришедшая к соседям взглянуть на внука Анастасия Лебедеenko сказала: «Какой же он Алик? Он Сашка».

Запись о рождении Александра Михайловича Родионова произведена в книге регистрации актов гражданского состояния Ивановского сельсовета 24 мая 1945 года. Свидетельство выдано на руки матери с прочерком в графе «отец» [286. л. 4]. Михаил Лебедеenko в это время на фронте и подтвердить отцовство не может, а брак между ивановскими Ромео и Джульеттой не зарегистрирован то ли по «малолетству» — ему 17, ей 16! — то ли отложен на послевоенное время; то ли официальные отношения и вовсе не предполагались, и солдат ушел на войну, ничего не зная о беременности возлюбленной.

В 1941 году Егор Александрович Родионов не подлежит призыву по возрасту. На войну, вскоре после ее начала, забирают его сына Леонтия. Под приглядом деда Егора остаются бабка Наталья, невестка Марфа на сносях, внучки — тринадцатилетняя Таня и пятилетняя Люба. В конце первого военного года под Николу зимнего Марфа родит сына. Николаем и назовут. Церквей в округе нет, однако старики традиции помнят. Православные праздники и порядки в семье Родионовых не громко, не напоказ, но чтят.

Сашка родится ровно через месяц после смерти прадеда Егора. Дед простыл в мартовской ледяной воде Малинового озера, куда был направлен председателем сельского совета на работы по добыче соли. Вернулся домой с воспалением легких, пометался в жару несколько дней и умер. Егора Александровича знала вся Ивановка. На Первой «Романской», как называл эту войну сам дед, он служил полковым сапожником и вернулся в Титовку, где жили тогда Родионовы, с внушительным по размерам сундуком, заполненным первоклассным сапожным инструментом. На семейной фотографии 1929 года можно видеть, что все Родионовы, включая годовалого ребенка, обуты в ладные сапоги и ботиночки. На обороте карточки Александр Михайлович

написал: «Предки: прадед — Егор Александрович, прабабка Наталья, бабушка Марфа Яковлевна. Матери Татьяне Леонтьевне 1 год, на руках (справа). Слева с младенцем сестра деда Леонтия — Лизавета Морозова». Фотография сделана в городе Алма-Ате, где Лизавета Егоровна жила со своей семьей и куда приехали в гости Родионовы из Ивановки. Сапожное ремесло Егора Родионова здорово выручает односельчан в военное лихолетье: новой обуви нет, Егор Александрович чинит ношеную-переношеную. Вся округа уважает мастера за добротную работу.

Деда Егора похоронили на ивановском кладбище. Местный кузнец сделал крест «из отслужившего свое санного полоза, рассек его на три доли и скрепил их одной заклепкой крест-накрест, а второй утвердил косую перекладину...» [14, с. 379] О кресте прадеда Александр Родионов помнил всегда, с детских лет, с тех самых пор, как показала его бабушка Марфа. Прадедов крест, было дело, стал спасительным ориентиром для подростка в зимней вьюжной степи.

Двадцать первого июня победного года Сашкиной матери исполнится семнадцать лет, а через три дня, на Троицу, выпавшую в 1945 году на 24 июня, придет письмо с вестью о гибели ее отца, Леонтия Егоровича Родионова. Позже однополчане доставят вдове шинель Леонтия, и Марфа повесит фронтową одежду мужа на вешалку при входе, чтобы всегда была видна. В семидесятых годах, переезжая из Ивановки в Егорьевку, Марфа Яковлевна заберет шинелку с собой.

Воинская судьба Леонтия Егоровича Родионова, к сожалению, до конца не ясна. Поиск на электронных ресурсах Министерства обороны РФ «Мемориал» и «Подвиг народа» выдает ссылку на единственный источник — Книгу памяти Егорьевского района Алтайского края. Три строчки мелким шрифтом информируют о том, что Леонтий Родионов родился в 1906 году в селе Титовка Егорьевского района, призван на войну в 1944 году, пропал без вести в апреле 1945 года. В годе призыва очевидная ошибка. Если бы Леонтий ушел на фронт в 1944 году, то он увидел бы младшего своего ребенка, сына Николая, который родился в декабре 1941-го, и, наверное, успел чем-либо запомниться малышу. Но сын и отец никогда друг друга не видели.

В мае 1971 года Александр Родионов запишет в дневнике: «Рассказ матери про деда помнить» [227, л. 30]. В другой тетрадке за 1970 год он кратко фиксирует либо содержание письма, либо то, что бабушка и мать узнали из рассказа однополчан Леонтия Егоровича: «...погиб в конце марта; ранен, умер и похоронен в г. Нейса, дер. Ретесвальде. Посмертно награжден орденом Красного Знамени. Через Москву запрос дал — пропал без вести». Строчкой ниже стоит дата смерти прадеда Егора: 6 апреля 1945 года [217, после л. 81, стр. не пронумерована].

Бабушка Марфа осталась вдовой. В июне 1945 года ей, одногодке с мужем Леонтием, еще не исполнилось тридцати девяти лет (молодая женщина по нынешним временам). Теперь ей некого ждать. Ждала и надеялась дочь Татьяна. Отец ее рыженького Шурки Михаил Сергеевич Лебедеко был призван в армию в ноябре 1944 года. Он служил на Дальнем Востоке во взводе пешей разведки 716-го Стрелкового Ордена Суворова полка 157-й стрелковой Неманской Ордена Кутузова дивизии (<http://podvignaroda.ru>). Остался жив, но в Ивановку, к Татьяне и сыну, после войны не вернулся.

Марфе Яковлевне пришлось стать главой семьи. Под ее опекой две девчонки, Таня и Люба, семнадцати и девяти лет, четырехлетний сын Коля и внук Шурка, младенец. А времена не то что бедные, а совсем убогие, безысходные. «Невероятная жизнь-то была, — оглядывается в послевоенное детство Николай Леонтьевич Родионов. — Один эпизод: мать пришла с работы, а солома закончилась, не подвезли. Зима. Пять часов, солнце садится. Корове дать нечего. Она взяла веревку, лопату, пошла в поле, откопала там копну, навязала вязанку, на плечо ее и домой. Корове был корм на ночь. Представьте сейчас женщину какую, предложи ей такую прогулку в поле по темноте. Бабка Наталья от такой жизни очертя голову бежала к дочери в Алма-Ату. Жила там какое-то время. Потом, как она говорила, у нее сердце не выдерживало, и она ехала опять в Ивановку — спасти нас».

Александр Михайлович знал от бабушки и матери о тяготах, которые пришлось пережить семье. Да и сам кое-что запомнил. Накануне своего шестидесятилетия, волнуясь, мечась по комнате — три шага к шкафу, три к столу, — вспоминал он

подробности: «Дома не было ни корки, ни лоскута. Мать выпоролла из штанов прадеда карман и сшила мне рубаху. Хватило. Большой у прадеда карман был. <...> Помню весенний день. Я стою на деревянной кровати, меня собирают на улицу. Шапки нет. Повязывают платок. Моя Ивановка была нищей деревней. Года до пятьдесят восьмого наша изба была крыта дерном — по этой детали можно судить об уровне жизни. Степь практиковала в послевоенное время такой строительный материал» [161].

БАБУСЯ

Мальцом Шурка называл бабушку «мамой». А маму — Таней, как все в семье называли ее. Таня пропадает то на работе, то на учебе, сынок не очень-то ее знает. Однажды, когда та хотела взять его на руки, спрятался под стол, не признал, испугался. Саша растет спокойным ребенком, не доставляя особых неприятностей взрослым. Разве что единственный случай всполошил родню — Шурка едва не устроил пожар в ограде. Было ему тогда лет пять. Он поджег колючку, больно уколотившую палец. Огонь перекинулся на строение. Вовремя увидели, успели потушить. «Зачем ты это сделал?» — спрашивает бабушка. — «Хотел наказать кастрюю», — отвечает внук.

Марфа Яковлевна выделяет Шурку. Последний ребенок в семье, внучок, младше ее сына Коли на три с половиной года, он кажется ей необычным. «Его поведение выбивалось из привычного поведения ребят», — подтверждает Николай Леонтьевич Родионов. Вот хоть с кастрюей этой. И пакостью не назовешь. На выдумки богат мальчишка. Жалела Марфа Яковлевна и Татьяну за неустроенную судьбу, и сына ее, который при живом отце оказался безотцовщиной. Жалела и любила и очень привязалась к рыжеголовому парнишке. Говорила не без гордости: «Шурка в меня пошел».

В чем именно находил Марфа Яковлевна сходство? На фотграфиях, запечатлевших бабушку и внука-подростка, некоторую похожесть можно уловить в очертаниях лиц, в пластике

фигур. Самая яркая примета мальчика — рыжие волосы — на черно-белых фотокарточках, сделанных в середине пятидесятих годов, никак не проявляется. К тому же рыжий он в Анастасию Лебеденко — бабушку по отцовской линии. Старожилы Ивановки помнят об этом. Но Марфа Яковлевна смотрит не на внешнее. Она угадывает свое в характере мальчика: открытый, пыливый, жалостливый. Внук и бабушка совпали душой. Даже молчать вдвоем им хорошо. Если же приходится разлучаться, то сердце у обоих не на месте.

Безграмотная Марфа Родионова с удивлением наблюдает, как пятилетний Санька читает книги. Узнавать буквы он научился самостоятельно, подглядывая в книжки и тетрадки первоклассника Коли и восьмиклассницы Любы. Старшие дети за уроки, и младший с ними за стол. Люба и Коля прячут книги от Шурки на печке, за приступкой. Рановато читать-то. Но мальчик знает, где находится тайник, и едва семья за порог, он — за книжку. Первая из запомнившихся — книга Бориса Житкова «Что я видел». «Отсюда желание путешествовать», — заметит Родионов в автобиографии 1997 года. В шесть лет Шурка читает вслух Марфе Яковлевне «Робинзона Крузо».

Уже дошкольником он выполняет элементарную домашнюю работу — подмести, помыть посуду, вытереть стол, закинуть дрова в печку, прополоть грядку. Немного подрастет, и его обязанностью станет заготовка дров на зиму: найти чурки, распилить, сложить поленницу. Постепенно Саша осваивает весь круг крестьянских забот и работ. В речевой обиход Родионова навсегда входит фраза из букваря: «Мама ушла на работу. Я остался дома один». Он всю жизнь будет проговаривать эти слова с невеселой иронией, подразумевая за ними свое писательское дело, которое двигают в одиночку — рассчитывать тут не на кого.

В 1952 году Саша Родионов пошел в первый класс Ивановской начальной четырехклассной школы. Учеба дается легко — пятерки, четверки. Одноклассники осваивают буквы и слоги, а он бегло читает. Уже с понедельника первоклассник Родионов ждет субботы — в этот день открывается школьная библиотека, состоящая из одного небольшого шкафа. После уроков Санька бежит к заветному шкафчику и, аккуратно опустив новую книжку в холщовую сумку, спешит домой — читать.

В годы начальной школы Шурка и Марфа Яковлевна долго живут в доме вдвоем. Коля перешел в пятый класс и продолжает обучение в Сростах, где есть средняя школа и интернат, он приходит домой только на выходные дни. Шестнадцатилетняя Люба учится в Рубцовске. Мама Шурки, Татьяна, тоже грызет гранит науки. В октябре 1953 года ее направляют в Барнаульскую трехгодичную школу по подготовке сельских кадров.

Зимой под буранные переборы и потрескивание печки мальчик то читает, то слушает рассказы Марфы Яковлевны — о детстве, молодости, а чаще о войне. По рассказам бабуся (так Саша стал называть Марфу Яковлевну после того, как взрослые прояснили родство) выходит, что самое страшное — запретить сердцу ждать. Малолетний внук уловит и запомнит сердечную тоску родного человека и поймет на будущее что-то важное, пока не оформленное в слова. Любимцу своему бабуся многое отдает впрок. Марфу Яковлевну мы встретим во всех автобиографических записках Родионова. «Я прошел бабушкину школу — она была моим поводырем по просторам слова, и слово то было образным. Было — скрипнет на деревянной пяте дверь у соседей, скрипнет жалобно — бабушка звуки без внимания не оставит: «Опять дверь калачика просит». Или, это уже когда радио в деревне появилось, возьмет певица высоченную ноту, а бабушка на свой лад отзовется: «Визжит, как сука в щели...» Однако же не только такие сравнения рождались по ходу дела, когда она садилась за ткацкий станок. Тогда ее челнок нырял в просвет основы, и вслед ему приговаривалось: «Хорошо уток пошел, как уточка подволну — под основу...» Эта школа, ее начальный импульс, дороже иных учебников. Неосознанно в памяти застревало, впрок отлагалось слово "основа"» [160].

За бабуся Шурка готов был костями лечь. В их трогательной семейной двоице внук держит себя за главного, за мужика. Как все мальчишки в деревне, он играет в советского солдата-победителя и подбадривает «слабую женщину» взрослыми словами. Стихотворные наброски из черновиков молодого геолога Родионова дают представление о добросердечных отношениях бабушки и внука:

Брал я дедову
 старую бритву,
Меч и лук вырезал —
 шел на битву.
Взмах налево,
 направо взмах —
Только просека в лопухах.
Я с победой домой возвращался,
Вокруг бабки
 юлой вращался.
А она рукой узловатою
Подавала мне кринку <??...-ую>.
И снимая с макушки репей,
Говорила:
 «Холодненькое. Попей.»
Я стирал с губы ус молочный:
«Ты, бабуся, кончай горевать!
Если будет война, то я точно
Вместо деда пойду воевать» [227, л. 70].

Поэму из пяти глав «Сенокос 45 года» Родионов сочиняет в 1971-м, в год смерти бабуся. Замысел так и останется в черновиках. Неотшлифованный текст нет смысла приводить целиком, однако отдельные яркие штрихи потерять жаль.

Стихи не лишены удачных поэтических образов и, кроме того, как мне кажется, достаточно точно передают речевые обороты Марфы Яковлевны. Строки проникнуты затаенным вдовьим плачем и состраданием к бабусяной судьбе подростка.

Только видели кони да месяц,
Как она свое ворошит,
Неподвижно лежа на месте —
Болью рот изнутри зашит.
Было некогда горе мыкать —
Встал зеленой стеной покос... [227, л. 72]

Бабуся — самая верная муза Александра Родионова. Ее образ сопровождает творчество внука от первой поэтической книги

«Начало поля» (1975) и до последней прозаической — «Одинокое дело мое» (2011). В стихах внука Марфа Яковлевна ставит квашню — и «играет в руках веселка», направляет «в печьку чашельник, правит тестом и огнем»; тянет вместе с внуком салазки, на которых «полмешка неотборной, худосочной пшеницы». А то слышится ее прямая речь:

Ребятишки,
завтра троица, —
Нам бабуся говорит, —
Только что-то наша горница
Чистотою не горит.
Дома вам слоняться нечего
С беззаботной головой.
Вы домой вернетесь к вечеру
С богородскою травой...

«Саша боготворил Марфу Яковлевну», — говорят в унисон родственники и близкие Александра Михайловича.

Родионов — в то время ему перевалит за пятьдесят — напишет в автобиографии: «Из окружающих на меня более всех повлияла Марфа Яковлевна Родионова — бабушка моя, светлая ей память. Она не была певуньей-плясуньей или сказительницей. Она умела слушать людей и во все окрестное вслушивалась так, как это может делать степной человек, улавливая отдаленное. Она знала те слова, которые сейчас, в годы скудоязычия, так редки». Все светлое в детстве Саши Родионова — это бабуся. Под ее теплым и заботливым крылом согревалось его ребячество.

Последний раз о бабушке и русских бабушках вообще Александр Михайлович заговорит за три месяца до смерти, наговаривая на диктофон воспоминания о писателе Евгении Гущине: «Детство его было освящено бабушкой. Тут есть какая-то удивительная норма русской жизни. Талантливые писатели часто вырастают в среде материнской покинутости, и главным родным человеком оказывается бабушка. Давайте вспомним из истории русской литературы. Герцен — обиженное детство, материнской любви не знал, Пушкин — та же история: не родная, но бабушка

Арина Родионовна. В наше время перейдем: Виктор Петрович Астафьев — главные воспоминания, связанные с детством, — это бабушка. Живой наш классик Валентин Григорьевич Распутин, в недавно снятом о нем фильме, может быть, впервые выяснилось, что все светлое, теплое связано с бабушкой. Во всех этих случаях есть бесприютность, отсутствие материнской ласки. Какое-то горькое правило российской жизни: мать всех талантливых людей — обида в детстве».

Безусловно, Родионов говорит и о себе.

МАМА

В Новогорьевском о Марфе Яковлевне Родионовой вспоминают душевно, легко: «Добрая была, хорошая, приветливая. Весь дом на ней. Татьяна-то всю дорогу на работе. А бабушка готовила, стирала, убирала, белила, в огороде копалась. Хлеб сама пекла, булочки — угощала. Капуста у нее была красная, рясная. Солила со свеклой. Но в разговорах сильно-то не открывалась».

О дочери ее Татьяне, матери Александра Родионова, говорят по-разному. «Татьяна Леонтьевна больно строгая была. Никогда не остановится на улице, не поговорит. «Здрасьте», — и дальше пошла. Мужики и то ее боялись. И она мужиков не любила». Это мнение подчиненных, знавших Леонтьевну как главного агронома колхоза «Сибирь». Коллега по работе в колхозной конторе, экономист Галина Ивановна Козлова, отзывается о Татьяне Родионовой иначе — взвешенно и с симпатией: «Да, строгая была. А ответственность-то какая! Нагрузка огромная на ней лежала. Урожайность, сбор зерновых, закладка кормов, все с нее же спросят. Сад ягодный в колхозе был — ее инициатива и ее забота. Вы бы видели, какой это был сад! Первые ягоды всегда ребятишкам в колхозный садик. Она была очень честная, ответственная. А мужики боялись потому, что норму выработки она проверяла, проставляла табель, от нее их зарплата зависела. А она никому не приписывала. Она только и знала, что работу, для колхоза много сделала, потому

и заслуженным агрономом стала. Дома у нее — полное собрание сочинений Ленина было. Много знала, учиться любила. В декабре 1962 года мы вместе с ней поступили в сельхозинститут. Шесть лет учились, до апреля 1968 года. У меня «четверка» за диплом, а Татьяна Леонтьевна на «пятерку» защитилась».

Дважды попадала Татьяна Родионова в облако ядохимикатов при опылении полей. Не то чтобы не успевала покинуть опасную территорию: колхозников предупреждали о дне и часе обработки земель. Она оставалась там ради дела, добровольно подвергала себя опасности: контролировала захват опыления. «Учет и контроль» — дома полное собрание сочинений Ленина.

«Татьяна была занята на работе по самую крышу. Три часа ночи — она заходит на ток. И в семь уже около конторы. Человек был отдан работе. Требовательная была. И к себе, и к людям. Жесткая. И себе слабинки не давала, и со всех спрашивала», — такой запомнила золовку Анна Ивановна Родионова.

После окончания восьми классов, в 1944 году, Таня Родионова идет работать учетчиком полевой бригады. Работа требует нахождения в поле по 16-18 часов, у тракторов, среди людей. Она начисляет колхозникам трудодни, проставляет в табелях выполнение нормы. Добросовестную и грамотную Родионову через год переводят на должность счетовода в центральную бухгалтерию колхоза, затем ставят на должность секретаря сельсовета. В 1957-м по окончании барнаульской трехгодичной школы по подготовке сельских кадров председатель крупного колхоза «Сибирь» Анисим Трофимович Кондрашин предлагает Тане стать агрономом. «Сразу решиться было страшновато, несколько дней раздумывала, советовалась с мамой Марфой Яковлевной. Пугала неизвестность и большая ответственность: почти 17 тысяч га пашни в колхозе "Сибирь"» [131]. Через год Татьяна Родионова уже главный агроном «Сибири». «Запомнилась она в ту пору комбайнерам колхоза неугомонной и шустрой. На ходу могла заскочить на комбайн, не боялась ездить верхом на лошади» [131].

В Егорьевском районе почвы бедные. Какое-то время неплохие урожаи давала распаханная целина, но к началу 1960 годов начались спады. Свиристествовала засуха, пыльные бури. Агроном Родионова пропагандировала новшество тех лет — почво-

защитную систему земледелия. Правление колхоза поддержало систему мер, предложенных Родионовой: были посажены лесополосы, приобретены семена высоких репродукций. Семенной участок Саратовской-29, сильного в то время сорта пшеницы, в 1964 году дал по 20,5 центнера с гектара, было засыпано более 20 тысяч семян. Такого в колхозе раньше не бывало, и люди уважали своего главного агронома.

По инициативе Татьяны Леонтьевны создается отряд плодородия, который круглый год занимается вывозкой и внесением на поля органических и минеральных удобрений, механизаторы из этого отряда ухаживают за молодыми лесопосадками. Колхоз «Сибирь» становится участником ВДНХ, по итогам выставки агроном Родионова удостоена большой Золотой медали.

«Хлеборобный 1972 год был трудным. Мешали дожди. Каждый погожий час использовали на уборку хлеба. Люди выстояли. Государству было продано 221, 7 тысячи центнеров зерна. Вскоре пришло известие о присвоении ей звания "Заслуженный агроном РСФСР"» [131].

В 1970-1980 годы хозяйство стало одним из лучших в районе по производству зерна, урожайности кукурузы, надоям молока и привесам молодняка. На Егорьевскую землю пришло время процветания. В колхозе полностью обновлены все животноводческие помещения, построены мехтока, машинные дворы; действуют свой детский сад, профилакторий; школа и больница получают финансовую помощь от колхоза. В бригадах с первого весеннего дня до поздней осени полеводов кормят бесплатно, немногим позже бесплатное питание вводят и для животноводов. За чисто символическую плату колхозники могли заказывать обеды и для своих семей.

Коммунизм в отдельно взятом селе! В создании этой крепки немалая заслуга Татьяны Леонтьевны Родионовой. Конечно, она и коммунист, и член парткома, и депутат сельского и районного Советов, и наставник молодежи, и каких только удостоверений у нее нет. Татьяна Родионова принадлежит к той плеяде сельских советских работяг (слово «руководителей» не больно-то им подходит), которых вспоминают до сих пор. Их портреты теперь на стендах краеведческих музеев, и рассказывают о них, как о былинных богатырях.

«Быть домовитой не позволяла работа. Впрочем, домовитость как черта по характеру передалась от отца Леонтия Егоровича, который до войны, будучи бригадиром, от зари до зари пропадал в поле» [131]. Эту семейную особенность — преданность делу — в полной мере воспримет и Александр Родионов.

Поле и дело забирают все силы и, конечно, куют командирский характер Татьяны Леонтьевны. Она и дома часто остается начальником, что, конечно, не может не огорчать сына. Тем не менее их отношения невозможно свести к формуле «властная мать — несчастный сын». Александр тоже характером не обделен, и как бы то ни было, а между ними сильно кровное родство, их связывает единая любовь к бабушке, Марфе Яковлевне, и единая семейная история, боль и горести которой до конца известны только им, родным людям. Александр знает цену матери, понимает ее, гордится и любит. Во время учебы в Томском политехе он часто рассказывает своему другу Лене Рихванову, как трудно приходится маме.

В его дневниках есть записи, посвященные Татьяне Леонтьевне. В ночь с 20 на 21 июня 1971 года он записывает: «Сегодня день рождения мамы», и рядом стихотворение «Пахарь». В фильме «В ожидании дня» (1995) Александр рассказывает о матери: «У нее более сорока лет стажа. Агроном в колхозе-миллионере. Военная должность. В детстве, помню, как посевная или уборка, по трое суток не ночевала дома».

«Строгая, жесткая, боялись...» Что-то мешает согласиться с такой суровой характеристикой Татьяны Родионовой. Вот фотография: Шурке здесь года два-три, значит, и маме его не больше девятнадцати. Милое открытое девчачье лицо, на щеках ямочки, короной уложены косы. И под увеличительным стеклом не разглядеть строгости в этом приветливом симпатичном облике. Не жесткая, но раненая; обиженная в самой нежной своей, джульеттиной, поре. И потому закрытая, прячущая душевную боль и слезы. Оттого и жизнь ее — сплошная работа. В работе и защита от злого слова, и искупление, и счастье.

Лучше других расскажет о Татьяне Леонтьевне Родионовой друг Александра, односельчанин Анатолий Мартынов. Юношей связывает любовь к поэзии, их переписка состоит главным образом из разборов стихотворений друг друга. Есть

у Мартынова посвящение Родионову. В апреле 1985 года, накануне выхода Татьяны Леонтьевны на пенсию, Анатолий пишет о ней статью в газету Егорьевского района «Колос». Не исключено, что берется он за материал по просьбе друга. Подписывается: А. Мартынов, секретарь парткома колхоза «Сибирь». Статья «Растить хлеб и людей» вышла хорошей, душевной. Четыре этапа выделяет автор в жизни известного Егорьевского агронома, четыре главки в статье: Таня. Татьяна. Татьяна Леонтьевна. Леонтьевна.

ОТЕЦ

Было в детстве светло, было и горько.

В семье Родионовых жила тайная обида на отца Саши, Михаила Лебеденко. Тема считалась закрытой, на люди не выносилась. «Татьяна никогда об этом не говорила, — вспоминает Анна Родионова. — И мы ничего не знали и не спрашивали. Однажды она попросила меня что-то подать из тумбочки, я полезла, а оттуда выпали несколько писем. Не в конвертах, а так, листы сложенные. Я подумала, что, может быть, это письма Леонтия Егоровича с фронта. Листы разъехались, и я невольно прочитала верхнюю строчку: «Шурке обо мне ничего не говори. Ты мать, и этим все сказано». Тут же все обратно засунула. Испугалась, что узнала тайное, лишнее. Никогда Татьяне словом не обмолвилась».

Почему Михаил Лебеденко не вернулся к Татьяне и сыну после войны? Бог весть. В 1945-м ему девятнадцать лет. Он остается в рядах Красной армии и с 1945 по 1949-й служит в Москве. В этот период был у него двухмесячный отпуск, он приезжал на побывку в Ивановку, к матери. Александр Михайлович говорил об отце скупно, напряженно. Вот кое-что из того, что довелось слышать: «В деревне никто не знал, чей я сын. Но они-то знали, чей я сын! — Родионов имеет в виду родню со стороны отца. — Окликнет бабка, конфетку протянет — я не брал!» Казалось, у него, давно не мальчика, саднит то место в груди, где положено жить доброму чувству к отцу. Ошибался он, конечно, думая, что в селе не знали, кто его отец. «Да все

знали, — говорит уроженка Ивановки Мария Никитична Плетнёва. — Лебеденко его отец».

Как ни строжился Михаил в письмах к Татьяне: ни звука обо мне, ни слова — однако, рассказывают, во время отпуска навещал маленького сына. Возможно, Татьяна сумела убедить его, а может быть, и мать Михаила настояла. Чувствуется, что и в семье Лебеденко, проливались слезы по брошенному мальчику, мучились виной перед Марфой и Татьяной. Сергей Николаевич Лебеденко, дед Александра Родионова по отцу, сложил голову на Великой Отечественной войне в 1943 году, Анастасия Федоровна осталась вдовой 36 лет от роду. Горя и без того хватало, а тут еще ребенок — сирота наполовину. Потому и ходила бабушка Настя за внуком с конфеткой.

Отсутствие в семье отца — ахиллесова пята Саньки Родионова, и он прячет ее, как может. Вокруг него ребята — сплошь безотцовщина. Вот и Коля Родионов тоже без отца. Положение Саньки как будто ничем не хуже. Но мальчик рассуждает по-своему: у других отцы погибли, а мой жив-здоров, но бросил меня. Это и терзает: брошенность, покинутость. Значит, он, Саша Родионов, чем-то нехорош своему отцу, недостойн, виноват перед ним. Детям, оставленным родителями, свойственны подобные психологические заблуждения. Подросток придумал, что говорить: после войны отец остался в армии (тем более, что это так и есть). Родионов и взрослым человеком пользуется этой версией. В двадцать шесть лет он впервые выговорит обиду в стихотворных строчках. В поэме «Сенокос 45 года», оставшейся в черновиках, сначала напишет: «...нет пока что и тех, что живы». Подумает, исправит: «...не вернулись и те, что живы».

Горький эпизод, связанный с отцом Александра Михайловича, известен мне от второй жены Родионова, Нины Ваниковны. Это случилось, скорее всего, в 1994 году, резонансном для Родионова после устроенной им первой Демидовской премиальной церемонии. В это время имя его на слуху. Он везде — в газетах, на радио, телевидении. Зазвонил телефон, Родионов взял трубку. Выслушав, возбужденно прокричал: «Какой отец, какой отец? У меня в свидетельстве прочерк вместо отца». Как выясняется, звонила сестра Михаила

Сергеевича Лебеденко, Мария. Она предложила по-родственному дружить. Родионов бросил трубку в сердцах, а потом плакал, закрывшись в кабинете.

Михаил Сергеевич Лебеденко, ветеран Великой Отечественной войны, а в мирное время инженер в отделе оборудования барнаульского шинного завода умер 25 января 1985 года, 58 лет. Сына на похоронах не было. О смерти отца он узнает позже.

Не всякая женщина простит слова «Шурке обо мне ничего не говори...». Скорее перечеркнет кусок жизни, расскажет ребенку легенду об отце — сбитом летчике. Татьяна Родионова решает по-своему, она хочет вернуть Михаила. Они встретились в Барнауле (вероятно, это был период учебы Татьяны на курсах) и решили попробовать жить семьей. Мать привезла в город Саньку. Шаг был отчаянным и бесперспективным. Михаил уже был женат, в его семье родилась дочь. Фотокарточки с той барнаульской встречи обнаружились совсем недавно в семейном архиве Родионовых. На одной — на фоне роскошного фикуса Татьяна и Михаил. На другой — мать, отец и одиннадцатилетний сын Саша. Троица обошлась без объятий, расположившись на расстоянии друг от друга. Отец — чернобровый красавец. Уверенный и улыбочивый, в кадре он существует отдельно от матери и сына. Шурка кажется расстроенным и от родителей обособленным. Ему непонятно, для чего это испытание? Зачем нужна встреча без продолжения, к чему эта безнадежная попытка? На что надеется мать, если у отца семья?

А вот другая фотография: на ней Санька с Марфой Яковлевной. Бабуся, застенчиво улыбаясь, смотрит прямо в объектив. Она и не подозревает, что внук подставил ей рожки. Бабуся на полшага впереди, Шурка позади, воткнул острый подбородок в бабушкино плечо. Родные люди — хорошо и спокойно им вместе.

В родословной, составленной в 1994 году, Александр Михайлович сделает пометку рядом с квадратиком, в который занесено имя Михаила Лебеденко: «воевал с Японией». На информационном ресурсе «Подвиг народа» в электронной копии наградного листа читаем: «Лебеденко Михаил Сергеевич, красноармеец, разведчик, служил во взводе пешей разведки 716-го стрелкового Ордена Суворова полка 157-й стрелковой

Неманской Ордена Кутузова дивизии, 5-й армии. Русский, член ВЛКСМ с 28 августа 1944 года, участник боев с японскими милитаристами с 9 августа 1945 года на Дальневосточном фронте, ранений не имеет. Призван Егорьевским РВК Алтайского края, в Красной армии с 26 ноября 1944 года». В графе «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига» написано: «В боях с японскими империалистами в Манчжурии в районе высоты 861 красноармеец Лебеденко обнаружил вражеский блиндаж и броском гранаты уничтожил ручной пулемет с большим боеприпасом и убил 3 японских солдата, чем дал возможность продвинуться вперед нашим подразделениям. Достоин правительственной награды — орден "Красная Звезда"».

К «Красной Звезде» Лебеденко представлен 27 августа 1945 года командиром 716 стрелкового Ордена Суворова полка подполковником Сидоровым. Вышестоящий командир полковник Кусакин подписал наградной лист 31 августа 1945 года. В строке «Награждаю» написано: «Слава 3 ст.». Орден Славы ценился среди фронтовиков, но все же в официальном ранжире «Красная Звезда» стоит выше. Это нетипичная ситуация с награждением солдата, часто вышестоящий командир давал награду на ступень выше. Здесь — наоборот.

Возможно, сегодня мы владеем более подробными и точными биографическими данными Михаила Сергеевича Лебеденко, нежели владел сын. Во всяком случае, Александр Михайлович в родословной ставит год рождения отца — 1928. В военном документе значится 1927-й. Фотография Михаила Сергеевича Лебеденко выставлена на сайте «Бессмертный полк» его дочерью Людмилой Михайловной Малютиной. Людмилу Михайловну удалось найти, и она прояснила некоторые моменты семейной истории. «Отец никогда со мной не говорил о своем сыне, — говорит она. — Но я знала, что он есть, что это Александр Родионов. Об этом мне рассказывала мама. Мне казалось, что отец рад был тому, что у него есть сын. А почему не дал ему свою фамилию, не знаю. Приезд Татьяны Леонтьевны с сыном в Барнаул мог быть вызван тем, что отец наобещал чего-нибудь. Такой он был человек. От мамы я знаю, что Александр мальчиком приходил к нам, но я еще маленькая была и не запомнила.

Книжек Александра Михайловича у нас дома не было. Нельзя сказать, что отец был читающим человеком. Но упорным был, хотел достичь чего-то, иметь положение в обществе. У него семилетка до войны, а после он окончил вечернюю школу и химико-технологический техникум. Широкой души был человек, общительный, друзей имел много, домой их часто приводил, в пятницу после работы — это уж обязательно. Друзья у отца оставались и в Москве, где он служил. Там, кажется, жил его командир. Отец любил туда ездить, у него бывали командировки. Их отношения с мамой много раз готовы были распасться, в том, что семья сохранялась, — это, конечно, заслуга мамы. Когда отец умер, мы не сообщали Александру, у нас не было его телефона. Мне кажется, отец гордился им. Когда Александра показывали по телевизору, отец говорил нам: "А это мой сын!"».

ШКОЛА

Подошло время пятого класса. Каждую неделю, забросив котомку с хлебом за спину, Шурка вместе с другими ивановскими детьми отправляется в село Сросты — пятнадцать километров вольной степью. В воскресенье — туда, в субботу — обратно. Иногда школьникам выделяют лошадь, запряженную в телегу, и тогда можно идти налегке, без сумок, и даже по очереди ехать. Ребята из Ивановки живут в интернате. Сегодня невозможно представить, чтобы школьники целую неделю не получали горячего питания. Но в середине 1950-х так было. Марфа Яковлевна сама пекла хлеб для своих школяров и с тем отправляла сына Колю и внука Шурку на учение. «К концу недели хлеб заплесневевает, а все равно ели, хотелось кушать-то», — вспоминает Николай Леонтьевич Родионов.

В поисках подробностей детства Александра Родионова мне сопутствовала удача. В музее села Сросты среди множества экспонатов мое внимание привлекла амбарная книга с надписью на серой обложке: «Дело № 1. Четвертные ведомости, протоколы экзаменационных работ учащихся Сростинской средней школы за 1956-1957 учебный год». Открываю — о! чудо

— среди фамилий учеников, записанных по классам, нахожу в пятом — Родионова Александра, в восьмом — Родионова Николая. Сотрудник музея радуется вместе со мной. Кто ж знал, что в старом, потрепанном от полувековых скитаний журнале, случайно, кстати, выловленном музейщиками на свалке, хранится частица детской жизни Шурки Родионова?

В четвертях Шурка изредка срывается на тройки по русскому (устно и письменно), но в годовых оценках он уверенный ударник. Русский язык, литература, арифметика, английский язык, география, естествознание — четверки; история, рисование, физкультура, труд, поведение — пятерки. В своем пятом «Б», где постигает учение двадцать один ребенок, он лучший ученик. Обращает на себя внимание отличное поведение всех без исключения пятиклассников.

Сросты по сей день помнят школьного директора тех лет Евгения Михайловича Лазуткина, педагога божьей милостью. Кажется, он не выходил из стен школы круглосуточно. Кроме того, что директорствует и преподает математику и физику, после уроков ведет кружок по выпиливанию лобзиком. Учитель выписал из Москвы альбом с образцами изделий из дерева и трафаретами пропиловочной резьбы. Этот набор и сегодня хранится у дочери Евгения Михайловича. Абрисы узоров на сто раз обведены карандашом, в некоторых местах канва прорвана. В пятидесятые годы внеурочные занятия педагогам не оплачивались. Учителя считали такой порядок вещей естественным. Деньги не главная ценность, куда важнее, что детвора валом валит в кружок. И Саша Родионов вместе со всеми с удовольствием осваивает резьбу по дереву. Он делает небольшую легкую узорчатую полочку. Для бабуси, конечно. Недельное расставание с ней дается Шурке нелегко.

Отлученные от семьи интернатские дети воспринимали директора Лазуткина родным человеком. Руководителя школы любили. Мальчишки, послевоенная безотцовщина, находили в нем доброе внимание, искреннюю поддержку, во всем старались походить на него. Евгений Михайлович — инвалид с рождения, руки его не разгибались до конца, но он выполнял любую физическую работу, а ученики беспрекословно следовали примеру учителя. Мелкий ремонт в классах, разбивка

школьного сада — все делалось и создавалось совместно. Прямое наследие Лазуткина — любовь его учеников к чистодеревенному ремеслу и музыке. Евгений Михайлович играл на гитаре. Дети знали, что директор освоил инструмент по самоучителю, и это служило ученикам дополнительным стимулом в их музыкальных опытах. В школе порою бывали праздничные вечера или смотр талантов. Выступал директор, читали стихи и разыгрывали сценки ребята, некоторые юные музыканты демонстрировали свои достижения в игре на гитаре. А пели все вместе, хором. Саша Родионов не раз вспомнит добрым словом своего бывшего педагога Евгения Михайловича Лазуткина.

Сросты, удивительные «хожения» через степь в компании разновозрастных ивановских учеников, интернат, где Шурка был самым маленьким и «постоянно ощущал всеобщее опеку» [146], — все это из той череды детских обретений, что даются навечно. Тайная ниша, спасительное прибежище, куда любят возвращаться усталые взрослые путники. Также хорошо помнится и всю жизнь стоит перед глазами Родионова околосредом с родной Ивановкой, прикрывающий деревушку от жесточи степных буранов. В автобиографии Родионов пишет: «В этот лиственный храм можно было входить одному, свивать на любимой ветле гнездо и жить по-птичьи, улета в те земли, о которых читал...»

Воспоминания писателя о светлых отроческих годах рассыпаны в статьях и книгах, в интервью разных лет. Вот одно из них: «Однажды, когда я учился в пятом классе, мой друг из девятого класса вернулся с урока литературы и начал красками рисовать дуб, с которым «встречался» Андрей Болконский. Это как-то запало мне в душу — отношение деревенского мальчишки к русской классике. Такой красивый отзвук... Это было дороже любого академического урока» [146].

В 1957 году двенадцатилетний Саша Родионов переезжает из Ивановки в Новогорьевку. Здесь колхоз выделил дом его маме, агроному колхоза «Сибирь». Бабуся и Коля остаются на прежнем месте, а Шурке и маме Тане предстоит наладить новую жизнь. С 14 ноября шестиклассник Родионов

приступает к учебе в новом коллективе (точные даты — из классных журналов, они сохранились в архиве новогорьевской средней школы).

«Саша удивил тем, что пригласил весь наш класс на экскурсию к себе домой, — вспоминает Галина Ивановна Калашникова. — Таким было знакомство. Никто из нас не водил экскурсии по своим домам. Он — единственный». Мама, как всегда, на работе, а Саша рассказывает тесно набившимся в небольшой домик одноклассникам: «Вот моя комната. Здесь я сплю, здесь делаю уроки. Это мои книги (есть уже кое-какие личные, и всегда стопка из библиотеки — Л. В.). Рамку для фотографии я сделал сам». Рамочка из фанеры, с пропиловочным узором, будет напоминать о друзьях и учителях, оставшихся в Сростах.

Шестой класс Саша окончил на «четыре» и «пять». В свидетельстве о семилетней школе три тройки: по арифметике, алгебре и вот неожиданность — по чтению. Геометрия, география, физика, химия, английский язык, черчение — «четверки». История, естествознание, физкультура и «практические занятия в учебных мастерских и на учебно-опытном участке» — «отлично» [315]. В девятом классе — четверки выставлены лишь по четырем предметам: геометрии, истории, черчению и основам производства. Даже по физкультуре у Родионова тройка. К этому школьному периоду относятся две характеристики Александра.

«Характеристика ученика 8-Б класса Родионова Александра.

Родионов Александр, рождения 1945 года. В 7 классе обучался в Егорьевской семилетней школе. Имеет неплохие способности. Трудно давалась математика. К занятиям относится серьезно, но иногда может ослабить работу, хотя к концу четверти запущенность ликвидирует самостоятельно. Прекрасно ориентируется в жизненных вопросах. Охотно решает задачи с практическим содержанием. Читает художественную литературу. Следит за политическими событиями.

Живет с матерью, много помогает ей по домашнему хозяйству. Домашние условия хорошие.

Физически хорошо развит. Неплохо трудился во время производственной практики. Был членом учкома. Пользуется большим авторитетом товарищей.

Мальчик самостоятельный, настойчивый, трудолюбивый, но иногда позволял себе нарушать дисциплину на уроках, в чем честно признавался и давал слово исправиться.

Со взрослыми вежлив, но не всегда. С учителями откровенен. Может быть хорошим классным организатором и учеником.

27/VI

Классный руководитель Репейко»

Через год еще характеристика. Она короче, суше и в целом оставляет ощущение отрицательной оценки.

«Характеристика ученика 9 класса Егорьевской средней школы Егорьевского района.

Радионова Александра, 1945 года рождения. (Почему-то фамилия через «а» — Л. В.) Радионов Александр воспитывался в семье матери без отца. В 1961 году окончил 9 классов Егорьевской одиннадцатилетней школы. Учился удовлетворительно, физически вынослив, может хорошо трудиться. После окончания 9 класса, не желая получить в школе среднее образование и специальность механизатора, из школы выбыл для поступления в техникум. Радионову необходимо проявлять больше выдержки, при старании может хорошо учиться.

VII 1961 года.

Директор школы (подпись)».

Школьные характеристики — первые биографические свидетельства об Александре Родионове. В них просматривается психологический портрет того человека, которого довелось (а про себя скажу: посчастливилось) знать и нам. Да, неровный, взрывной характер, но тут же, следом, и чувство вины, и желание загладить ее, и помириться. Оба педагога отмечают трудолюбие своего подопечного — истинная правда: Родионов умеет и любит трудиться на совесть. Объективно и справедливо смотрит на своего ученика классный руководитель. А с директором, скорее всего, отношения у Саши не заладились. Во всяком случае, Евгений Михайлович Лазуткин из Срост уж точно не отправил бы ученика в жизнь с подобной путевкой. В техникум Саша не пойдет, вернется в школу, в десятый класс. Пройдет четверть века, и Александр Родионов в книге «Кольвань камнерезная» вспомнит о директоре егорьевской школы. Он расскажет о том, как, будучи девятиклассником, откопает на школьном дворе рог доисторического животного.

«Но никто в школе не мог объяснить, на какое животное мы наткнулись. Распорядитель работ, директор школы, увидев кости, сказал:

— Двор не захламляй. Убери это гнилье.

Он поправил очки, посмотрел в холодное небо и пошел преподавать астрономию» [6, с. 75].

Целый год Саша был обладателем древнего рога. Следующей осенью десятый класс, в котором он учится, за хорошую работу на колхозной картошке наградят поездкой в Барнаул. Свободное время Саша потратит на краеведческий музей. находку сдаст в музейный фонд и, как положено, взамен получит бумагу «Экспонат такой-то принят...». Десятиклассник Родионов будет обескуражен, увидев точно такие же рога в застекленной витрине. «То удрученно, то удивленно разглядывал я череп вымершего бизона с размахнувшимися на метр, толстыми, будто рифлеными рогами. Широколобый череп бизона подтверждал — с открытием я опоздал» [6, с. 74].

В новогорьевской школе у Шурки есть любимый учитель, преподаватель алгебры и геометрии Теодор Давыдович Заурвейн, из репрессированных немцев. Высокий, в очках, очень строгий. «Мог и указкой садануть непонятливого ученика. Я его так боялась, — рассказывает одноклассница Александра Родионова Галина Калашникова. — Если и решала задачи, то с испугу. Я не могла продраться сквозь его акцент, ничего не понимала, всегда подружку переспрашивала: «Что он сказал?». На экзамене не могла начать говорить, побелела вся». Заурвейн вышел из класса, и девочка ответила билет. «Сильнейший математик», — характеризуют бывшего коллегу нынешние новогорьевские учителя. А многим школьникам Теодор кажется злым. Ученики мстят немцу за двойки, однажды привязывают к воротам его дома кладбищенский крест. Санька в подобных «развлечениях» не участвует. Несмотря на три балла по алгебре (зато это был железобетонный «трояк»), учитель мальчику нравится. На геометрии Теодор Давыдович хвалит пространственное мышление Саши, и по этому предмету у Родионова всегда твердая «четверка».

Бывший трудармеец ведет два кружка: математический и музыкальный. Сам играет на домре и руководит ансамблем русских народных инструментов. Коммунист с 1958 года,

секретарь первичной партийной организации, депутат районного Совета, отличник народного просвещения РСФСР — прекрасный послужной список! Но было в Зауревейне что-то еще — неявно привлекательное — чего не узнать из биографической справки, но что заставит Александра Родионова помнить учителя математики всю жизнь, упоминать его имя в переписке с одноклассниками, интересоваться его воспоминаниями, опубликованными в журнале, подарить ему первую книжку и рассказывать о нем своим детям. Это обстоятельство осталось бы загадкой, если бы не один эпизод, рассказанный о Теодоре Давыдовиче завучем Новогорьевской школы. «Когда я умру, прошу, не говорите обо мне по бумажке. Лучше два слова, но от души», — произнес однажды Теодор Давыдович тихо, отчетливо, почти без акцента. Вот что, пожалуй, подкупает Родионова в учителе: неподдельность, прямота, чистосердечность. Шкала ценностей Родионова сродни правилам егорьевского математика. «Я ценю два качества: искренность и страсть», — скажет писатель [161]. И разумеется, Александр Михайлович никогда не говорил по бумажке.

ПРОСТОР И ЦВЕТ

Детство Саше Родионову выпало просторное и цветное — степь раздольная, сосновый бор, огромные, как море, озера. Егорьевскую округу знает он отлично.

Места вокруг красивые и курортные. Вода в озере Горьком (а всего в районе 25 озер) близка по своему составу к водам знаменитых Эссентуков. Постановление о строительстве курорта подписал в 1918 году Ленин. С 1920 годов и по 1990-е в селе Лебяжье, что в десяти километрах от Егорьевки, действовал климатокумысолечебный санаторий для больных активными формами туберкулеза легких — всесоюзная здравница. Во время Великой Отечественной войны в Лебяжьем на базе курорта основан госпиталь 4100. Вода, иловая грязь, кумыс, воздух, настоящий на сосне, — все служило исцелению раненых бойцов.

Старожилы рассказывают, что кумыс в санаторий возили жившие в районе казахи, они разводили верблюдов.

Между тем целебные окрестности никак не спасают от послевоенной нищеты. В детстве, еще живя в Ивановке, Саша вместе с другими ребятами охотится на сусликов. Степной промысел — хорошее подспорье в летние месяцы. Мясо жарят на костре или томят в чугушке. К тому же за шкурки зверьков платят деньги, по несколько копеек за штуку. «Вся деревня была на грани выживания до 1954 года, — вспоминает Николай Леонтьевич Родионов. — Спас урожай невиданный, такой бывает раз в столетие. Совпали погодные условия. Целина в Егорьевском районе особой роли не играла. Тут распахали неудобье, это были пастбища, выпаса. Основные земли в совхозе «Егорьевский» были давно освоены, пахались, обрабатывались. Ох, тогда зерно в каждый двор привезли! Деревня наелась, наконец».

А Шурке Родионову урожайный год запомнился грузовиком с книгами. Их привезли в сельскую библиотеку. Отдельные разноцветные томики с золотыми буквами на корешках походили на драгоценности. В этот же год колхоз перекрыл крыши на домах колхозников, дерновое покрытие ушло в прошлое.

Александр Родионов не то чтобы гордился своим деревенским происхождением, но считал русскую деревню здоровыми корнями, которые дают раскидистую, густую крону, — и плоды, и тень будут. (В 1990 году писатель подготовит книгу под названием «Алтай: корни и крона.») «Городскому я всегда научусь, — говорил Александр Михайлович, — а вот городской деревенскому не вдруг. Весь круг домашних работ: принести воды, наколоть дров, участвовать в сенокосе и круглый год присматривать за хозяйством — тут и начинается вся закваска. Отрок, малец полноценно включен в жизнь деревенской семьи» [161].

Степные огороды огромны, ивановские грядки длинные. Марфа Яковлевна поднимает детей на рассвете. С огородными делами нужно успевать до работы, а Коле и Шурке — до жары или до школьной практики. В ивановской округе речек нет. Колодец в ограде Родионовых завалился в войну, а поправить некому и в мирное время. За водой ходят к Шишковым, через два дома. У них колодец на меже выкопан,

метров пятьсот-шестьсот идти с коромыслом на плечах. И Николай Леонтьевич Родионов рассказывает не о том, как было тяжело, а о том, какой был замечательный колодец: бездонный, сколько ни черпаешь из него, а вода не кончается, всем хватает. И вода прозрачная, вкусная.

После седьмого класса всех школьников привлекают к колхозным работам: они возят волокуши, пастушат, скачут верхами на конях — такую работу воспринимают как награду. Спустя годы Александр Михайлович признавался, что подростком завидовал мужикам — владельцам полного набора столярных инструментов: долота, фуганки, рубанки, стамески... Родионов — из рукастых, умелых. Крестьянская обстоятельность передалась от предков-переселенцев, поднимавших дома на новом месте с помощью одного лишь топора. «Раньше каждый мужик умел дом поставить. Поставить и отделать» [3, с. 35]. Саша мастерит с малолетства, а за подсказкой бегаёт к соседским мужикам. «Мне повезло, у меня соседи были белорус и хохол, один — кузнец, другой — мельник. И оба — деревенские плотники. Эти мужики меня всему и научили» [160]. Русское село по сути своей общинное, а после войны — тем паче. Добрые земляки остались в стихах Александра Родионова.

Деревенский пацан-непоседа.

Есть друзья у меня — два соседа:

Справа — добрый коваль, слева — мельник.

Я среди мужиков не бездельник. <...>

Мельник спрячет упрек в бровь густую:

«Что? Молол целый день вхолостую?»

А коваль подмигнет — пересмешник:

«Что ж ты мелко пахал, подлемешник?» [4, с. 11]

Для нового егорьевского дома Санька перво-наперво сделает из подручных досточек книжную полку, приладит к стене, составит на нее все свои книжки, большей частью похожие на тетрадки стихотворные сборники из серии «Библиотечка избранной лирики». Он покупает их в сельмаге за пять копеек. Односельчанам Саша запомнится как мальчик с книжками. «Возьмет под мышку пачку книг и пошел, — вспоминает одно-

классника Галина Ивановна Калашникова. — Начитанный был очень. Что ни спросишь, все знает».

Мария Никитична Плетнёва, соседка по Ивановке, о племяннике своей подруги Любы Родионовой говорит: «Он выделялся, лучше нас учился и больше нас знал, хоть мы были старше. О нем хорошо отзывались в селе. Незадиристый был».

«Он обособленный был, — добавляет жена Николая Леонтьевича Родионова Анна Ивановна. — С нами не якшался. Ну, знали мы, что это Сашка, учился в школе, видели. Все во дворе был занят. А с нашей улицей не общался. Деловой с детства, что-то мастерил все. То кресла какие-то изобретал. Весь в работе был».

Вся мужская работа в доме на нем, к старшим классам Саша многое умеет. Во дворе материнского дома он выкопает колодец, обустроит колодезный сруб. Колодец и поныне жив. А в институте Рыжий сразу станет известен однокашникам как человек, умеющий поставить избу-землянку. Свободного времени у Саньки нет, его и на учебу толком не хватает. Потому и троек многовато в восьмом и девятом классах, что увлечений не счесть. Читает по-прежнему много, но иначе: завел тетрадку, делает выписки. Отдельный блокнот выделил под соленые частушки. К ядреным припевкам Родионов сохранит интерес и взрослым человеком, они мелькают в его записных книжках геологических времен. Вот одна для примера:

Я Матаню греб на бане —
Разлетались косяки.
Неужели нас посадят
За такие пустяки.

Он увлеченно рисует с дошкольных лет, и, судя по нескольким сохранившимся рисункам, у него имеются к этому явные способности. В старших классах у Саши появляется фотоаппарат, он осваивает все стадии фотодела, сам проявляет, сам печатает. В семейном альбоме Галины Ивановны Калашниковой сохранились карточки, сделанные Саней. На них лето, река Милицейка, брызги, смех, догонялки, и одноклассница Галя в купальнике. Лето

в Егорьевке проходит на Милицейке или на запруде Эмтэ-эсовке. Странные названия водоемов в селе. Этимология восходит к милиции и МТС, расположенных неподалеку. На берегу Милицейки устраиваются ярмарки. Вся деревня тогда вываливает к реке, поет частушки и танцует под гармошку.

В десятом-одиннадцатом классах Александр с одинаковой страстью отдается стихам и спортивной гимнастике. Гимнастический кружок, организованный молодым инструктором по спорту Леной, ученики встречают на ура. Они готовы тренироваться круглосуточно. С трудом выпроводив спортсменов в одиннадцать вечера, сторож закрывает школьный спортзал на ключ. Ребята влезают в окна и продолжают заниматься. О тройках по физкультуре все забыли. Гимнасты выезжают с показательной программой в соседние села. На сцену домов культуры заносятся брусья, мальчишки демонстрируют выход, стойку на руках, уголок и соскок. Легкий, тонкий, мышечный Саша Родионов великолепен и на спортивных снарядах, и в вольных упражнениях. Вместе с Галей Калашниковой они готовят парный номер на ковре, много тренируются, продумывая последовательность и оригинальность движений.

Гимнастика увлекает настолько, что старшеклассник Родионов подумывает о спортивном факультете. Но будущую профессию все же определит книга. После «Лоцмана Кембрийского моря» Федора Пудалова Саше хочется быть только геологом. Покорит, станет примером главный герой книги Василий Зырянов, который ищет нефть где-то в Забайкалье. Нефть нужна пятилетке, и разведчик недр много работает, а по вечерам учится. Читая учебники, чтобы не уснуть, привязывает к чему-нибудь подручному пряди волос. Когда, сонный, роняет голову, волосы натягиваются, становится больно, он просыпается. Чтобы меньше спать, Василий кладет под голову полено. Сашке Родионову хочется так же. Он подражает молодому ученому и геологу Зырянову. На одной из фотографий Санька запечатлен в упоре на левой руке, при этом правой — он пишет в тетради, лежащей на полу. Совмещает физические нагрузки с интеллектуальными, экономит время,

чтобы больше успеть. Решено: учиться на геолога. «Степные мальчишки мечтают о море. А я думал, как они выглядят, горы? До семнадцати лет не видел гор. Мысль о поиске мне не давала покоя» [161].

Во время подготовки к экзаменам, сидя допоздна за книжками, Саша слышит, как в пекарне, что расположена напротив их дома, поют заступившие в ночную смену женщины. В открытое окно вплывают ароматы цветущей черемухи и горячего хлеба. Санька отодвигает учебники и берет заветную тетрадку. Геолог геологом, а стихи не отстают. Впервые Саньку назовут «поэтом» в летнем пионерском лагере. «Тогда же патриотическое воспитание замечательное было. Нам рассказывали, что вот на этом холме в гражданскую шли бои, потом здесь находили оружие. У нас был вожатый Феликс. Я ему говорю: «Феликс! И на холмах мы побывали, где наши деды воевали...» Он говорит: «О! Да ты у нас поэт!» А у меня стихов-то больше нет. Две строчки» [151]. Да и рифма простенькая, глагольная. Но Саша в седьмом классе — и высоким званием вдохновлен. Накануне экзаменовки пишется что-то про природу, про девчонок, заодно и поэму попробовал, назвал «Семь вздохов» — по «вздоху» на каждый экзамен. По алгебре все же «трояк», по русскому языку тоже. А вот выпускное сочинение по теме «Образы коммунистов в современной литературе» (жаль, что в школьных архивах не хранятся тексты выпускных сочинений) Саша напишет на пять-четыре и встанет вровень с первой ученицей в классе. Вместе с аттестатом о среднем образовании Александр получает удостоверение тракториста-машиниста третьего класса, в котором написано: «имеет право работать на тракторах всех марок, агрегатируемых с ними орудиях и на комбайнах всех марок».

Последний звонок. На фотографиях, сделанных ФЭДом, девочки в белых фартучках, мальчики в белых рубашках, галстуках со срезанным уголком и зауженных книзу брюках. Обычные школьные штаны Санька ушивает на маминой швейной машинке. На другой фотографии лета 1963-го рядом стоят мать и сын Родионовы. Саша «страшно модный»: в пиджаке, застегнутом на одну пуговицу, в брюках-дудочках, солнцезащитных очках и черном берете. Стиляга.

Счастливые дни детства Родионов вспоминает всю жизнь. В его стихотворном творчестве легко выделяется детский цикл. Интересно, что и поисковая работа Родионова — музеи, архивы, экспедиции — всегда остается на связи с детством. «Как не любить тихий двор музея, где стоит безработный «фордзон», а попросту — колесник, прокатиться на котором рядом с трактористом, да еще на глазах у сверстников, в детстве было пределом мечтаний. А рядом с колесником — полуторка! На такой же «полундре» привозили в родную деревню кино, а когда это приходилось на субботний день, то на ней можно было доехать до самого дома, а не топать пешком пятнадцать километров из школы» [6, с. 73-74].

Два эпизода из детства — оба просторны, один цветной, а другой метельно-белый — Родионов подробно описывает в своих книгах. Из «Красной книги ремесел» узнаем мы о выпускнике школы Саше Родионове, пришедшем с учебником алгебры на берег озера Горького. Вокруг тихо и пустынно. Квадратные корни в голову не лезут. «А что я буду делать после экзаменов?» — размышляет восемнадцатилетний выпускник. Из горячего желтого песка он только что извлек маленький крепкий обломок камня. «Таких камешков я в нашей округе не встречал. Да и откуда им взяться, если до ближайших гор больше сотни верст. <...> Я долго брожу по скату дюны и набираю целую пригоршню глиняных обломков. Конечно же, мне не до алгебры, день мой состоит из охоты за черепками» [8, с. 178]. Черепки и яркие вспышки воды занимают его. «Я, погрузившись в тишину и теплынь озера — только глаза над водой, — вижу, как его гладь начинает вспыхивать разгоряченной бронзой заката. Я храню ту картину разгоревшейся до цвета расплавленного металла озерной глады... Света его мне хватает и по сей день» [8, с. 178].

Другой сюжет из детства, сказочно гиперболизированный, фантазийно домысленный, описан в стихотворении «На зимние каникулы». К его реалиям Родионов обратится в последней своей книге «Одинокое дело мое». «Дело было в зиму 1962 года. Каникулы. Учусь и живу в Егорьевке, а бабушка Марфа остается в Ивановке. Коли уж каникулы, то — к бабушке. Машин туда не ходит. Напрямую 30 километров степью. Решаю —

пойду на лыжах. <...> Первые километров двадцать — легко, даже и без лыжни, труднее всего было на застругах старого снега — лыжи не врезаются... Ориентиры — полевые станы, которые мне хорошо знакомы. Но последний стоит ровно на половине пути. Дальше степь голимая, да редкие лесополосы...

Третью десятку пути я заканчивал в полном неведении — где я — кругом была степная круговерть снега. Какой частью нутра своего я чувал — деревня моя где-то здесь должна быть — не знаю и по сей день. В буране достаточно было на сотню-другую метров взять влево-вправо и все — деревня мимо, а дальше полный простор на 80 км до железной дороги, и никакого жилья. Я вышел в этом буране на крайний крест — в кладбище уперся! Не помню, подумал ли я о том, что где-то здесь рядом и крест прадеда. Душа возликовала — меньше километра до дому осталось. А уж тут-то я не заплутаю, на этом промежутке я летом всех сусликов знаю. Вот сейчас оглядываюсь и думаю — не будь того кладбища, мог ли я сейчас сидеть у окна в теплой комнате и перебирать в памяти недавнее и давнее? Скорее всего, если бы проскочил могилки, замерз бы в степи, как «котях» (бабушкино словцо!), что и случилось не раз в нашей степной округе с путниками, попавшими в буран. Но! Предки путь выверили» [14, с. 379-380].

Из детства в юность Саша Родионов переходит с хорошим знанием, что такое поле. Ему знаком вкус победы. Он верит в свое предназначение.

Вся жизнь впереди. Поле, поиск, победа.

«Мы из такого, брат, сословия...»

Глава вторая

РЕДКАЧИ

«Конечно, хотелось простора, — вспоминает Родионов свои восемнадцать накануне шестидесятилетия. — Но в институт с первого захода не поступил...» [161]. Несостоявшийся студент устраивается «рабочим по второму разряду» в Алтайскую геофизическую экспедицию. Вместе с геологической партией с 9 сентября по 17 октября он перемещается по маршруту Павловск — Смоленское: пешком, с трехметровой топографической рейкой наперевес, разумеется, чувствуя себя матерым геологом.

Мне — восемнадцать. Тропы круты.

Топографический отряд

Мне заменяет институты.

Подшвы к вечеру горят... [2, с. 4]

Через месяц после первого в жизни поля Александр уже на Дальнем Востоке. «Хотели с другом строить Братскую ГЭС, но нас не взяли. Тогда мы уехали в Хабаровск, устроились на ТЭЦ. Ремонтировали водопроводные трубы и паропроводы — я знал Хабаровск из-под земли лучше, чем наверху. Через год опять поступал в Томский политех и поступил на геолога» [161]. Знаменитый технический вуз Сибири учрежден в 1896 году указом императора Николая II и связан с именами известных русских деятелей — Дмитрия Ивановича Менделеева и Сергея Юльевича Витте. Здание ТПИ похоже на дворец: своды потолков опираются на колонны, широкие лестницы опоясывает изящная балюстрада, высокие и часто поставленные оконные арки превращают длинный коридор в классический, залитый светом неф. Торжественное убранство храма науки ко многому обязывает. На геологоразведочном факультете существует несколько специальностей. Можно стать нефтяником, геофизиком, буровиком. Родионов идет искать уран. Его специальность называется «поиск и разведка руд редких радиоактивных элементов». В студенческом и профессиональном жаргоне — редкач.

Редкачи — геологическая элита, белая кость. У них самый высокий проходной балл (на экзаменах сдают две математики — устно и письменно, физику и сочинение), повышенная стипендия и особые условия обучения. Специальность — мужская, девочек не берут. Пятерки на экзаменах не гарантируют поступления в урановую группу. Окончательное добро дает КГБ, который отбирает студентов по личным делам. Биографии абитуриента и его родственников до второго колена должны быть кристально чисты: не судимы, не проживают за границей, не встречаются с иностранцами, обладают высокими морально-волевыми качествами. Родословные исследуются долго, вплоть до третьего курса. В случае выявления изъяна в родовом древе студента переводят на другую специальность. Урановая геология считается засекреченной сферой деятельности в Советском Союзе.

Почему Саша и другие мальчишки выбирают уран? «Если найдено хотя бы одно серьезное месторождение урана, оно полностью закрывает затраты на содержание геологов целой страны», — поясняет свой выбор Родионов [161]. Дети Победы, романтики и патриоты, они хотят быть полезными своему народу. «Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы...» — для советской молодежи слова Павки Корчагина, героя культового в СССР романа «Как закалялась сталь», являются девизом или даже клятвой. «Мы все руководствовались словами из песни «раньше думай о родине, а потом о себе». Это в крови было у всех нас, — объясняет жизненную позицию юношества середины 1960 годов Леонид Рихванов, однокурсник и друг Александра Родионова, а в настоящее время профессор геологии Томского политехнического университета¹. — На геологический факультет до сих пор поступают ребята из деревень, из рабочих поселков. На этом факультете не бывает детей высокопоставленных родителей. У нас учатся дети

¹ 16 сентября 2020 года известный российский ученый, доктор геолого-минералогических наук, профессор Инженерной школы природных ресурсов ТПУ Леонид Петрович Рихванов ушел из жизни.

тех, на ком держится Россия. Как Саша — из деревни, я из деревни, все ребята нашей группы были из деревни. Пробиваться мы должны были сами. Блата не было. Только характер у каждого.

К занятиям в институте студенты приступают в конце сентября, после колхозных работ (святое дело в эпоху социализма). Первокурсники Родионов и Рихванов живут в общежитии, в знаменитом у томского студенчества корпусе на улице Усова, 13а. В одной комнате тринадцать коек. Трудно, непривычно. Дома, в родной деревне, у мальчишек были свои комнаты — личное пространство. Рихванов даже подумывает бросить институт. Родионову тоже нелегко, хотя он и компанейский человек. Его знает весь геологический поток и общежитие. Однокурсники зовут Сашу «Рыжим», «Конопушкиным». «Такой яркий, как картинка какая-то, на него люди в автобусе оборачивались», — вспоминают Родионова друзья.

И Родионов и Рихванов оглядываются в поисках родственной души. Они сошлись на прогулке, разговорились, оказалось, у них много общего в деревенском детстве. И тот и другой любят спорт: до позднего вечера режутся в волейбол или играют в футбол в институтском спортзале. Они оценят друг друга, Рихванов и Родионов, станут не разлей вода. Скоро друзья втянутся в жизнь студенческой коммуны, примут всё разнообразие и все прелести ее. Томск стал для них родным городом, институт — семьей. Были и ночные посиделки, и споры, и песни под гитару. Вся общага, все двести жильцов на трех этажах, пели «жесточайший», по словам Родионова, романс:

Телега-жизнь, минуты-кони
Меня несут, как на бегах.
Судьба — ямщик, он злобно гонит
И правит в пагубный овраг.

Я ямщика не тороплю,
Меня грядущее пугает.
Я не страдаю, не люблю,
А сердце тихо остывает.

А на дворе такая тишь,
Как будто чем заткнули уши,
Ну как же тут не загрустишь,
Ну как тут чарку не осушишь?

А может быть, настанет срок,
Иль скажем просто: «Надоело!»
Рукой уверенной в висок
Пущу шутницу прямо в тело.

Как-то навестил Сашу в Томске Николай Родионов. «Нашел их общагу, комнату. Протяженная такая, для группы редкачей, их тринадцать человек. Мне запомнилась атмосфера. На стене две пары боксерских перчаток. Бились парни на полном серьезе. До крови, до ссадин. В целях становления воли. Эти ребята врезались в мою память. Группа — яркая, и каждый в отдельности. Вот этот Лёха Рихванов, он сейчас академик».

На втором курсе мужскую дружбу разбавит девушка из группы гидрачей — Лиза Ковтун. В майские дни с палатками и рюкзаками троица отправляется с ночевкой на Басандайку. На берегу речушки, притока Томи, они слушают кукушек — в мае их много.

Кажется, в студенческие годы люди только и делают, что поют под гитару, куда-то бодро шагают, пишут стихи и слушают их. Нет, все-таки еще учатся. Редкачи грызут гранит науки в атмосфере секретности. Слово «уран» произносить запрещено, ему подыскивают какую-нибудь невинную замену — молибден, фосфорит или первый элемент. Толий — второй элемент. КГБ — первый отдел в вузе — каждый год меняет обозначения. Преподаватели читают лекции открытым текстом, но за двойной дверью. По некоторым курсам тетради прошиваются и опечатываются, страницы в них нумеруются — не вырвешь. После лекционных занятий тетрадки сдаются преподавателю, при получении — студенты расписываются за них. Секретные предметы уранщики готовят в спецбиблиотеке.

Леонид Рихванов погружается в учебу с головой — круглый отличник. Александру Родионову одной учебы мало. Он

буквально набрасывается на жизнь. Все хочет знать, везде успеть. Ему все кажется, где его нет, там и происходит самое интересное. Учебные аудитории сменяются читальными залами, и не только специальными, он завсегда дай художественного абонемент. К волейболу и футболу добавляет акробатическую секцию, имеет первый разряд по гимнастике. Его влечет старый Томск. Александр подолгу рассматривает кружевные терема, фотографирует дома-шкатулочки, украшенные деревянной резьбой, интересуется литературой по теме и сам создает поделки из корней и сучьев деревьев. На прогулках по городу Саня рассказывает другу Лёне о значении узоров, будто считывает зашифрованную в орнаменте историю. «Для меня «хреновинка», — улыбается Рихванов, — а для него знак плодородия, оберег, солярный знак».

Центрами притяжения для Родионова становятся редакция студенческой газеты «За кадры» и поэтическая студия «Молодые голоса». На страницах институтской прессы появляются его статьи и стихи, а под занавес, в последний учебный год, еще и рассказ о собаке, жившей в геологическом лагере, — «Лапа». Он печатается в двух номерах. На все интересы дня не хватает, пишет ночью, сидя на кровати. То ли думает в темноте, то ли черкает что-то в тетрадке, а с рассветом, когда буквы становятся различимы, записывает набело. Однокурсники подшучивают: наш Родионов работает в многотиражке, пишет стихи, изучает архитектуру и историю Томска и еще немного учится на геологическом факультете.

Газета «За кадры» от 25 октября 1969 года в рубрике «Мир твоих увлечений» дает статью Александра Родионова «Подчинить себе дерево». Познакомимся с ней. «...После того как мне в руки попал кусок дерева, очертаниями напоминавший человеческую голову в берете, и я попытался ножом освободить ее от лишних наростов, я узнал, что среди людей, увлекающихся поделками из корней и сучьев дерева, существуют два правила, которые звучат так: первое — «иди за деревом и подчиняйся ему», т. е. улови характер, который заложен в причудливом корневище, пойми хитросплетение волокон и не нарушай этого хитросплетения. И второе правило: подчини себе дерево.

Второй путь значительно труднее. Таким путем идут мастера. Но и кажущаяся легкость первого может завести так далеко, что от заготовки, обещавшей быть интересной фигуркой, не останется и намека на образ.

На мой взгляд, все зависит от того, сумел ли человек, едва отряхнувши пыль с корня, увидеть в нем характерные черты, а усилить или приглушить их ему поможет чувство меры и, конечно, технический навык в работе с материалом.

Если говорить о материале, то нужно упомянуть о породах деревьев, из которых выполнены эти фигурки. «Танцующий предок» сделан из корней тяншанской ели и березы (в редакции эту фигуру называли «шейк»). «Ветер» — это обломок барбарисового дерева. Но самый интересный материал — береза, причем не корни ее, а странные кишкообразные завихрения на ветвях дерева, которые алтайские лесники называют особым словом «кап». Вот из такого деревянного узла и сделано "Раздумье".

Статья Родионова проиллюстрирована тремя фотографиями, на них — фигурки из дерева. Все поделки хороши, но взгляд невольно задерживается на голове, получившей название «Раздумье». Ее профиль удивительно похож на профиль Родионова. Характерные родионовские черты двадцать и сорок лет спустя запечатлеют в графических и живописных портретах Василий Рублев, Владимир Коньков, Пиргельди Широ, Владимир Прохода, Юлия Кикоть, Ксения Аврамова, в скульптуре — Владимир Квасов, Михаил Кульгачёв. Однако выходит, что первым изваял себя сам Родионов. Отвлеченное название работы вызывает некоторое недоумение: неужели автор не разглядел в этом «Раздумье» себя? Обширный архив Родионова многое проясняет. Нашелся в нем ответ и на этот вопрос. Фотография головы из березового капа обнаружилась в деле №367. На обороте карточки написано: «Автопортрет, 1969».

После мая, утопавшего в поэзии, после экзаменационной поры наступает время летней практики. Предварительно пройдя инструктаж о соблюдении режима секретности,

редкачи отправляются в поле. Направление выбирают на свой вкус. По названиям экспедиций — Краснохолмская, Степная, Березовская, Сосновская, Волковская — невозможно определить, чем они занимаются. Закрыты, так же как лекции в институте. В разговорах, записях, на картах запрещается пользоваться реальными топонимами, только — придуманными. Реки пишутся задом наперед или посреди Сибири вдруг появляется река Волга-2.

По окончании второго курса Родионов вместе со всем геологическим потоком едет на учебную базу института, которая находится в горах недалеко от хакасского села Туим. Полевой лагерь редкачей держится на расстоянии от биваков студентов других специальностей. Тем летом Сашу Родионова тянет к гидрогеологам. Каждый день, выполнив задание, он спешит к тропе, ведущей в соседний лагерь, устраивается под деревом и ждет.

— Лиза, — слышится девичье хихиканье, — тебя опять Родионов под деревом караулит.

Александр влюбился. Ухаживал настойчиво, привлек все интеллектуальные накопления, и чернокудрая Елизавета Ковтун, первая красавица курса, товарищ по Басандайке и концертам кукушек, ответила взаимностью. В горах под Туимом закрутился бурный роман.

Практика в Хакасии подходила к концу, когда произошла трагедия. Погиб Гена Кузнецов, студент из группы редкачей. Он работал в маршрутной паре с Родионовым. Обязанности практикантов чередовались: один ведет дневник, записывает лекцию за профессором в импровизированной аудитории, где все сидят кружком на траве и камнях; другой изучает местность, наблюдает, собирает минералы. В тот день дневник вел Саша. А Генка, осматривая окрестности, набрел на горную выработку. Горизонтальная штольня переходила в вертикальный шурф. При каких обстоятельствах произошло падение — не заметил отверстия и провалился или заметил, решил заглянуть и сорвался — неизвестно. На глубину за другом спускался Саша. Ему, гимнасту и акробату, это было сделать легче, чем другим ребятам. Он обвязал еще живого напарника веревками, и Геннадия подняли на поверхность. В больнице врачи пытались спасти студента, весь второй курс сдал кровь.

литературы, подшивки газет. Саша дарит раритеты друзьям, носит в «Букинист», кое-что оставляет в личной библиотеке. Елена Васильевна, несмотря на преклонный возраст, остается энергичной «дамой из бывших». Леонид Рихванов вспоминает такой случай: «Я зашел за Сашей и слышу из коридора звуки гитары и пронзительный женский голос:

Пора любить, пора страдать,
Себе я друга отыскала...

Заглядываю в комнату. Елена Васильевна сидит в кресле с инструментом, наигрывает и самозабвенно поет, а Саня напротив, за столом, подперев подбородок рукой, слушает».

Жилец иногда приводит к Елене Васильевне гостей с праздников поэзии, и бывшая гимназистка радушно встречает разгоряченных успехом и вином мастеров слова. Родионов надолго запомнит, как его квартирная хозяйка вслушивалась в декламацию, почти шаманство, Леонида Мерзликина. «Она была современницей Блока и Гумилева. <...> А здесь, на закате жизни, живой и неумный поэт читает ей стихи. И она уносилась в свою юность... И Мерзликин был, пожалуй, единственный и последний живой поэт в ее жизни...» [106]

Студенческая жизнь идет своим чередом. Режим Александра по-прежнему предельно насыщен. Только теперь институт, тренировки, «деревяшки», работа в газете и «Молодые голоса» утопают в любви. «С Сашей было очень интересно, он так много всего знал. Сам эмоциональный, увлеченный, умел увлечь и других, — Елизавета Павловна выбирает отдельные снимки из вороха фотографий, лежащих на столе. — Это он сфотографировал меня, неожиданно, я повернулась — он щелкнул. Ему нравилась эта карточка. Но когда вопрос о женитьбе встал ребром, я не знала, хочу я замуж или нет. Сомневалась». Молодые люди дважды приходили в ЗАГС, Елизавета не решалась идти дальше порога. Саша уговаривал, горячился: «Я что, не имею права на семью?! Я вырос без отца, и что, на ребенка не имею права?!»

Третий раз они пришли зимой. Гардеробщица, принимая у пары одежду, сказала: «К нам так часто не ходят». Елизавета, не обретя уверенности в правильности поступка, напишет

в заявлении: оставить девичью фамилию. Родионов буркнет: «Дети будут на моей фамилии». С этим невеста не спорит. О чем она беспокоится, почему во весь дух не бежит под венец? Саша, интересный, разносторонний молодой человек, известен всему институту, его любят студенты (и девушки есть среди них) и преподаватели. «Любили, потому что настоящим другом был, — подтверждает Леонид Петрович Рихванов. — Добрый, отзывчивый. В лепешку разобьется, а сделает, что обещал, обязательно поможет товарищу». И все-таки у Лизы существует серьезный повод для сомнений. На веселых студенческих пирушках Родионов становится порой неудержим, задирает всех подряд, лезет в драку. В таких ситуациях справиться с ним мог только Лёня Рихванов.

Однажды милиция сняла хмельного Родионова на станции Тайга. В институт пришла жалоба, как тогда говорили, «телега». Дело закончилось вызовом к декану — который, стоит заметить, как многие на факультете, любил Рыжего — и комсомольским собранием. Разбирали персональное дело комсомольца Родионова. Повинился, обещал: «Больше никогда». Лиза сказала сама себе: «Перевоспитаю».

Студенческую свадьбу сыграли в Томске. В марте 1967 года у Александра и Лизаветы родилась дочь. Молодой отец выбирал имя по словарю. Назвал Вероникой. Понравилось, что слово содержит два значения: Вера и Ника, богиня победы в Древней Греции. Вера в победу — это по-родионовски.

ДНИ ПОЭЗИИ

«Стихи нравились мне всегда», — признавался Родионов в пору своей бесспорной писательской известности. Многие поклонники его поисковой прозы и не знают, что автор начинал как поэт. В действительности же, слово «нравится» не отражает в полной мере его отношения к поэзии. Он был влюблен в стихи. Став студентом Томского политехнического института, Родионов первым делом записывается в литературное объединение «Молодые голоса». Четыре года занимается он

у прекрасного русского поэта Василия Ивановича Казанцева. «Это был настоящий поэт, высокообразованный человек, который многое сумел передать нам» [161]. На занятиях читаются и обсуждаются рукописи студийцев; делаются доклады о Гарсии Лорке, Басё, Тютчеве и еще о многих и многих. Некоторые имена Родионов слышит впервые. Изумлен. Внимает учителю. Старательно записывает.

Собственно, с каким багажом подался Саша Родионов в поэты? Деревенская школа, стандартная программа по литературе, а незаурядный и любимый учитель — математик. Что в плюсах? Преимущество в самом времени, в духе его. Юноше подфартило мужать в шестидесятые. Особая эпоха. Поэты известны и любимы наравне с космонавтами, и тех и других знают в лицо, на тех и других собираются стадионы. Стихами заражено все общество, в институтах каждый второй пишет в столбик. Мечтает ли Родионов о славе? «Никогда не было разговора на эту тему, — пожимает плечами Леонид Рихванов. — О славе ничего не говорил. Что могу сказать точно: душа у него пела, радовалась жизни, потому и писал стихи». Непреходящая взволнованность и потребность откликаться на бытие напевом, криком или речитативом, конечно, в зачет начинающему стихотворцу. Такую восприимчивость не назовешь счастливой, но без нее поэта нет. И пусть техника стихосложения дается Родионову нелегко, однако упорства больше. Он уверен: если очень захотеть, научиться можно любому делу. А юный Родионов больше всего на свете хочет писать стихи. Вот и весь поэтический НЗ.

Первая публикация Александра Родионова в студенческой газете «За кадры» состоялась 22 декабря 1965 года. Всего одно стихотворение — впечатления летней геологической практики.

ТАЕЖНЫЙ АЭРОДРОМ

Убаюканы шумом Сибири кондовой
В вечернем тумане, будто в чехле,
Вертолеты уснули над речкой Кондобой
С каплями пота на светлом челе.
Они донесли до нашей стоянки
Долгожданные, нужные грузы.

И с Большою землей, кроме писка морзянки,
Нас надежно связали воздушные узы...
А теперь они спят, отрешившись от мира,
В безмятежном, железном сне,
Пока солнечный луч, как рапира,
Не проколет папаху мохнатой сосне.

Родионовские строки сопровождает заметка руководителя литобъединения «Молодые голоса» Василия Ивановича Казанцева. Она зазывает любителей поэзии на занятия и чуть-чуть приоткрывает студийную кухню: «Каждую среду, в 7 часов вечера, комната редакции газеты «За кадры» оглашается «молодыми голосами». Здесь идет своеобразная учеба трудному делу поэзии. Так, последние две «литсреды» были отданы творчеству студента-вечерника Юрия Мясникова и питомца ГРФ Александра Родионова. Немало полезного для себя вынесли из этих обсуждений начинающие авторы. В планах нашего литобъединения — выступления на поэтических вечерах, встречи с писателями, обзоры литературных новинок и, конечно же, обсуждение всего того, что выйдет из-под пера «литобъединенцев». Если ты не равнодушен к поэзии и даже сам пытаешься говорить стихами, приходи к нам» [23].

В пору, когда Родионов учится на геолога, первостепенными становятся не лекции и зачеты по специальности (хотя успеваает он неплохо), а литобъединение и его руководитель — взыправдашний, первый в жизни Саши живой поэт. Василий Иванович Казанцев, серьезно повлиявший на судьбу ученика, был старше своих студийцев всего-то на десять лет. Он начал писать стихи в конце 1950 годов, когда в городе на Томи жил всего один член Союза писателей. Писательский билет Василию Ивановичу вручили в 1963-м одновременно с несколькими молодыми томскими авторами. В городе появилось отделение Союза писателей СССР. Все наперечет, каждый на виду.

«Стать членом Союза писателей — это хорошо, замечательно, но...», — тут Казанцев делает паузу. Какое может быть «но» в самом деле? В Советском Союзе нельзя было просто так, без каких-либо причин, нигде не работать; праздность

преследовалась по закону о тунеядстве. Писательский билет давал вольную и высокий социальный статус в советском обществе. Документ уважала даже милиция, стражи порядка отпускали с миром людей интеллигентного вида, возвращавшихся в расслабленном состоянии с цехового собрания. Однако по поводу писательских корочек Василий Казанцев открывает своим студийцам одну простую истину: «Чтобы стать по-настоящему хорошим писателем, мало числиться членом Союза писателей». Школа Василия Ивановича Казанцева даром не пройдет. Александр Родионов раз и навсегда примет для себя главные писательские правила, своеобразный кодекс чести. Не заимствуй. Не повторяйся. Будь единственным.

«Саша у нас был номер один, он всегда выступал на конкурсах, на праздниках — здесь, — профессор Рихванов обводит взглядом сцену и зрительный зал Дома культуры томского политеха. — А на одном из смотров я читал его поэму. Он написал ее, вернувшись из таежной экспедиции с Дальнего Востока. Саша был там на практике. Встретились, как всегда, осенью в Томске, гуляли по тополиной аллее на проспекте Кирова, и он читал мне куски из нового произведения. Каждый день добавлял что-то и каждый день читал. Его потрясла история, которую он узнал в Хабаровске. В годы гражданской войны там оказалась музыкальная рота, состоящая из красных венгров. Они поддержали революцию. Атаман белоказачьих войск приказал музыкантам исполнять на военном смотре «Боже царя храни...». А они заиграли «Интернационал», и были расстреляны немедленно. Помню некоторые строчки из поэмы:

На политые кровью ноты
Полегла музыкантов рота...

Саша целиком эту вещь нигде не публиковал, только некоторые отрывки печатались в газете «За кадры». Тогда он еще писал как бог на душу положит, потом уж много занимался.

На стихи Саши Родионова однокурсник Гена Зятев напишет музыку. Песню будут исполнять на институтской сцене, под гитару, всем геологическим потоком:

А тыними свою усталость
и с рюкзаком повесь на сук.
Тропа нелегкая досталась,
мой молчаливый верный друг.

Бежит тропа у изголовья,
Тропа задумчива, строга,
Мы из такого, брат, сословия,
Что прёмся к чёрту на рога.

На осеннем традиционном студенческом смотре Александр читает стихотворение, написанное на летней практике в Степной экспедиции, что базировалась в Северном Казахстане:

Загорели мы с тобой.
Нас одно светило грело...
После крымской мостовой
Ты,
 в прибой бросая тело,
плыл,
 солёный всхлип волны
 благосклонно утешая,
я ж ворочал валуны
у подножия Тянь-Шаня.
Как по-разному с тобой
мы за лето загорели.
Как загар спокоен твой!
На моём на бренном теле —
чёткой белой полосой,
если я рубаху скину,
след от сумки полевой
через грудь и через спину.

Прошел на ура, под крики «Рыжий, молодец!» и яростные аплодисменты зала. Стихотворение окажется долгожителем, оно будет в милости у критиков и войдет в первую книгу автора, до которой от этих счастливых студенческих подмостков почти десять лет.

*«Кто я? Что я? Только лишь мечтатель... 26.03.1962».
Фото из семейного архива. Здесь и далее подписи в кавычках
принадлежат Александру Родионову*

«Предки. Прадед Егор Александрович. Прабабка Наталья. Бабушка Марфа Яковлевна, матери Татьяне Леонтьевне 1 год (на руках справа). С младенцем сестра деда Леонтия — Лизавета Морозова (слева). Алма-Ата, 1929 г.».
Государственный архив Алтайского края (ГААК)

Леонтий Александрович Родионов
(1906–1945 гг.), дед писателя.
Фото из семейного архива

Марфа Яковлевна Родионова,
в девичестве Черкашина (1906–1971 гг.).
Бабуся. *Фото из семейного архива*

Слева: Сергей Николаевич Лебедеико
(1904–1943 гг.) — дед Александра
Родионова по отцовской линии.
Фото из семейного архива

Татьяна Родионова (слева).
Рубцовский краеведческий музей

Татьяна Леонтьевна Родионова, мать. Михаил Сергеевич Лебедеико, отец.
Саша Родионов. Барнаул, 1956 г.
Фото из семейного архива

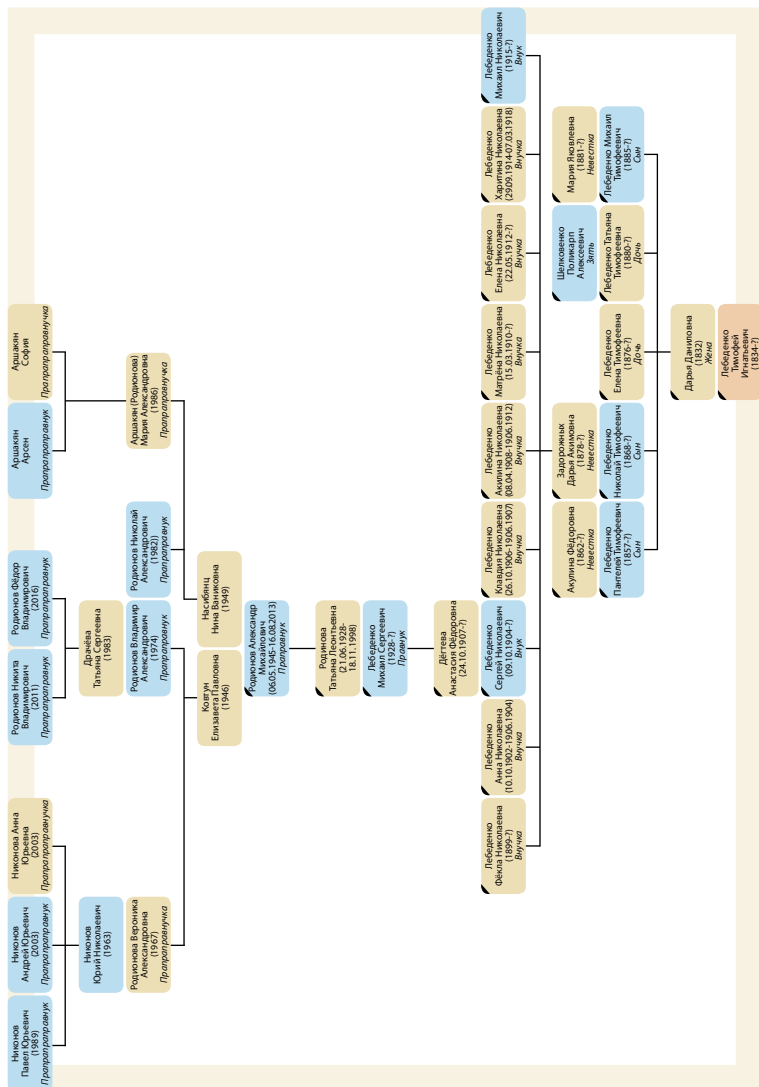
Марфа Яковлевна Родионова
с дочерьми Татьяной (*стоит*),
Любовью и внуком Анатолием

Александр Родионов.
Фото из семейного архива

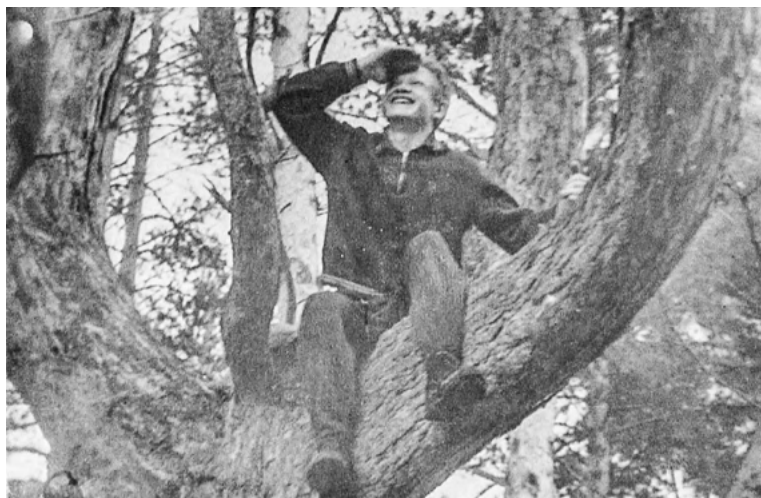

Егорьевская средняя школа. 6 класс. Александр Родионов *первый слева
во втором ряду*. 1958 г. Рубцовский краеведческий музей

Родовое древо Александра Михайловича Родионова.

Составил историк Борис Бабарыкин

Саша Родионов на любимой ветле. 1960-е гг.
Фото из семейного архива

За книгами. 1960-е гг.
Фото из семейного архива

«9. XII. 1962. Одинокий».
Фото из семейного архива

Стиляга. 1963 г.
Фото из семейного архива

Последний звонок. Выпуск из Егорьевской средней школы.
Александр Родионов (в белой рубашке, справа). 1963 г.
Рубцовский краеведческий музей

«Лена. 1963–1964. Стадион. Н. Егорьевка.
Инструктор по спорту». Александр Родионов — в центре.
Рубцовский краеведческий музей

«Хабаровск. Утес на Амуре. 1964. Весна».
Рубцовский краеведческий музей

В Хабаровске. 1964 г.

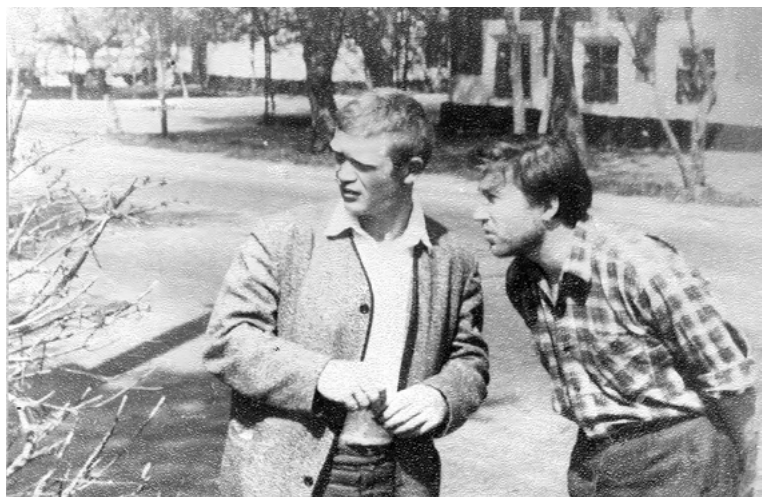
«1 курс ТПИ. Шегарский район под Томском, сентябрь 1964».
ГИАК

«1 курс ТПИ, гр. 264, редкометаллы, ГРФ. 1965». *Справа: Александр Родионов.*
Рубцовский краеведческий музей

Редкометаллышки у могилы Гены Иванова. Лето, 1966 г. Александр Родионов – правая шеренга, пятый слева. Рубцовский краеведческий музей

Студенты геолого-разведочного факультета ТПИ Александр Родионов и Леонид Рихванов. Из архива Л.П. Рихванова

Девятый день поэзии в Томском политехническом институте. 1972 г.
Александр Родионов — первый справа. Электронная библиотека: elib.tomsk.ru

Александр Родионов читает свои стихи. 1972 г.
Электронная библиотека: elib.tomsk.ru

Леонид Мерзликін на Дне поэзии
в Томске. Май, 1969 г. ГААК

Участник дней поэзии Вильям Озолин.
Май, 1972 г. Электронная библиотека:
elib.tomsk.ru

Томск, Лагерный сад. Слева направо: Сергей Заплавный, Елизавета Стюарт, неиз-
вестный, Илья Фоянков. 1972 г. Электронная библиотека: elib.tomsk.ru

«Поэт Василий Казанцев. День поэзии
в Томском политехническом институте.
1969 г. Последнее воскресенье мая».
Г.А.А.К.

Томский политехнический, 5 курс, 1969 г.
Рубцовский краеведческий музей

«День поэзии. ДК Томского политехнического института. 1971.
Александр Родионов, ведущая Тania Титова, преподаватель философии
Толя Петренко, поэт Валерий Жестов». *Г.А.А.К.*

«Река Касансай, лагерь 2700 м нум. Рассказ Лапа».
Рубцовский краеведческий музей

Стадион в Новогорьевке. Вторая
половина 1960-х гг. *Семейный архив*

Работа с деревом.
1969 г. ГААК

Томск. Редакция газеты «За кадры». 1969 г.
Рубцовский краеведческий музей

Первый поэтический праздник Томский политехнический институт проводит весной 1964 года. Да так проводит, что «до сих пор о нем легенды ходят. Гостями политехников стали Александр Балин и Алексей Заурих из Москвы, Виктор Соснора из Ленинграда, Марк Сергеев из Иркутска, Илья Фоянков, Елизавета Стюарт, Александр Кухно и студенческая команда НЭТИ из Новосибирска. Разделившись на группы, в которые вошли и томичи, они разошлись по студенческим корпусам политехнического института. Утро в каждом из них началось не с лекций, а с часа поэзии» [177].

Дни поэзии, а их было десять, поддерживает легендарный ректор ТПИ Александр Акимович Воробьев, руководивший вузом с 1939 по 1969 годы. Праздники имеют колоссальный размах. Что Томск — вся страна стихами бредит! На кадрах кинохроники времен оттепели мы видим стадионы, до отказа заполненные любителями литературы. Трибуны гипнотически прикованы к камлающим в центре футбольного поля фигурам, совсем крошечным на кадрах дальнего плана. По окончании концерта толпы людей, подобно вулканической лаве, скатываются с верхних ярусов, устремляясь к кумирам за автографами. Закрадывается шальная мысль: все население СССР впало в поэтический экстаз.

Актовый зал Дома культуры томского политеха, рассчитанный на двести пятьдесят мест, набивается до отказа. Зрители сидят и стоят в проходах партера, также плотно утрамбован балкон. Публики в зале вдвое больше нормы. «Несмотря на горячую пору экзаменов и зачетов, зал ДК ТПИ был не в силах вместить всех желающих, студенты толпились в дверях, сидели па подоконниках, стояли в проходах, а некоторые — на улице, слушая стихи, доносившиеся из окон зала», — напишет вузовская газета «За кадры» [120]. Порой в открытые окна выставляются динамики. Площадь перед входом в Дом культуры ТПИ сплошь заполняется молодежью.

С момента поступления в институт и до выпуска Александр участвует в подготовке Дней поэзии. В одной компании с ним студийцы из «Молодых голосов» и ребята из поэтического кружка Томского университета. И конечно же, Александр Родионов знакомится со всеми поэтами, приезжающими в студенческую

столицу Сибири. Его дружба с ленинградцем Леонидом Агеевым, новосибирцем Ильей Фоняковым, барнаульцем Леонидом Мерзликиным и омичом Вильямом Озолиным (барнаульцем он станет позже) берет начало в Томске, на Днях поэзии.

Как почувствовать атмосферу необыкновенных шестидесятих? Как ощутить окрыленность нашего героя, предвкушающего поэтическое пированье? К счастью, Александр Родионов оставил собственноручное описание праздника поэзии и знакомства с Леонидом Мерзликиным.

«Добираться от Томска до Рубцовска, до родных мест в степи, пришлось на перекладных — прямого поезда не было. И пока в ожидании пересадки я гулял по малознакомому Барнаулу — набрел на книжный магазин и рад был ему. Взял в руки маленькую книжку стихов "Таисья" — Леонид Мерзликин. Взял и больше и не расстался. Она до сих пор у меня и дорога не только авторским росчерком на титуле (автограф появился позже), а тем, что я испытал радость родства с поэтом, читая стихи уже в поезде:

Ты один у меня, мой земной уголок,
С крутоярами синими, с тихими плёсами.
В эту осень к тебе я добраться не смог
Ни пешком с батажком, никакими колёсами.
Лишь закрою глаза — и навстречу большак.
Вижу — степь большаком-кушаком перехвачена.

Да это же о моем, родном! И почему я раньше-то не видел, что дорога и в самом деле перепоясала пологий увал. Будто необъятное богатырское тело. Мерзликин открывал мне глаза на мою, на нашу родную землю. И я не заметил, как пролетели шесть часов в поезде, помню лишь гул его стихов, перекрывающих железный лязг:

Я свои сапоги обобью о порог,
Здравствуй, давность моя,
Здравствуй, юность безусая.
Ты один у меня, мой земной уголок,
Я вернулся обратно. Ты слышишь?
Вернулся я.

Та первая встреча со стихами Леонида Мерзликина состоялась в конце апреля. Я вернулся в Томск и первым делом на институтском литературном объединении спросил поэта Василия Казанцева, знает ли он Мерзликина? Ответ был: "Знаю. Да и ты скоро познакомишься, Мерзликин приглашен на День поэзии".

И я еще целый месяц, ожидая праздника поэзии в томском политехническом, ходил в обнимку со строчками:

Уже не сон, еще не пробужденье,
Но слышу, что-то щелкнуло сперва.
Потом возникло мерное гуденье,
Я понял, разгораются дрова.
Дрова? Ну, да. И вскинул я ресницы,
И вижу в кухне отсветы огня.
Они дрожмя легли на половицы
И протянули лапы до меня.
Не лапы — золоченое монисто
Упало в рассыпную, на боку!
Снежинка-одуванчик лопушисто
Приклеилась к дверному косяку...

И это все о моем, родном! И с проникающей тонкостью картины и ощущений.

А через месяц Мерзликин открывал Пятый день поэзии в ТПИ. И студенческий зал, набитый под завязку, внимал его словам. <...> Мерзликин умел читать свои стихи, удивительно точно соотносясь с их смыслом, с их зарядом. Он был и нежным, и яростным одновременно. <...> Он в азарте артиста сжал в кулаке программку, составленную только что перед выступлением. <...> Он читает свое стихотворение "На кладбище":

За кладбищенской оградой
Виснут памятников лбы
То давящею громадою,
То крушением судьбы,
То надменно, то застенчиво,
То отчаянно и зло,

И делить-то вроде нечего,
Но челу грозит чело...

После шумного восторга, с которым политехники принимали его выступление, я уже в тихой гостинице снова листал книгу "Таисья". Перелистал, в оглавление посмотрел... но стихотворения «На кладбище» не нашел.

— И не найдешь! — успокоил меня Леонид Семенович.

— Почему?

— Цензура не пускает, — и он тут же взял книжку и на полях стихотворения "Разговор с иностранкой" после строк "А на Алтае уж давно теперь стогуют сено", написал:

Теперь там борются везде,
У нас борцы — дай боже!
И на земле, и на воде,
И в атмосфере тоже.

Дописал и как будто отчеркнул что-то:

— Даже в таких словах крамолу увидели, вырубili, вырвали живой кусок — как будто селезенку из тела... Да ладно! Чё мы о цензуре-дуре. День поэзии открыли? Открыли. Можно и погулять.

И мы гуляли по старому Томску, не расставаясь несколько дней. И всюду, где образовывался какой-то круг собеседников, Леонид Семенович читал стихи» [106].

Прекрасное отражение найдет в газете «За кадры» шестой поэтический праздник в Томске. «Итак, начался VI день поэзии ТПИ, праздник тех, кто не может оставаться спокойным, слушающая или читая стихи, кто сбивается с ног в поисках сборников Пастернака или Блока, тех, кому не чужда прекрасная музыка рифмы. Вечер открыл Василий Иванович Казанцев — руководитель литературного объединения нашего политехнического института, всеми уважаемый и любимый поэт, имеющий уже несколько изданных сборников. Гости нас порадовали, давно уже в ТПИ не было так много и таких хороших поэтов: здесь и Леонид Агеев из Ленинграда, и Александр Плитченко из Новосибирска, алтаец Леонид Мерзликин, Валентин Ермаков

из Москвы и, конечно же, конечно, наш давний друг, не пропустивший ни одного дня поэзии в Томске, — Илья Фояков из Новосибирска.

Длинные ряды стульев в президиуме, где и сидели все «наездники Пегаса», сами за себя говорили о том, что стихов будет много и что любители поэзии должны остаться довольными» [120].

На этом празднике «алтаец» Леонид Мерзликин запомнится публике тем, что умело исправит сбой в сценарии, «спасет положение». «Раз нет никого, я пойду», — спокойно сказал он, чем сразу расположил зал. А после нескольких интересных, с большим юмором написанных стихов он окончательно покорила публику. Студенты любят юмор, ценят его. Очень хорошо встретили студенты выступления своих «родных» поэтов-политехников: Александра Родионова и Валерия Жестова. Александр в этом году кончает институт, дипломирует. Его ждут трудные дороги геолога, но мы надеемся, что стихи, поэзию он никогда не забудет, как не забудет и Томска, где прошли его студенческие годы, а пока мы слушаем его новые строки, полные любви к Томску, родному институту, к своей профессии» [120]. Материал украшает фотография Александра Родионова, читающего стихи.

Вечером праздник перемещается из Дворца культуры в Лагерный сад, где «накануне плотники института соорудили эстрадную площадку, вкопали свежеструганные скамейки. Возле эстрады на треноге полыхал самый настоящий олимпийский факел. Репродукторы разносили по всей округе голоса ораторов. На шеях гостей — пестрые косынки. Лица собравшихся (а их море!) оживлены, молоды, прекрасны. Казалось, весь город собрался сюда, чтобы послушать стихи» [177].

Сотни студентов ТПИ распевает под гитару сочинение одноклассника Владимира Бельчикова:

А над Лагерным — вьется музыка,
А по улице — только парами.
Ты тревожишь аккорды, Усовка,
Молодая моя, гитарная.

Вспомни, Усовка, — скоро сессия!
Заливаются соловьи.
Очень радостно, очень весело
Вторят им гитары твои.

Я иду. И встает приветливо
Корпусами — мой вуз Лирический.
Главный корпус Моей Планеты —
Главный корпус Политехнического.

И снова выходят на сцену именитые поэты, члены Союза писателей СССР. На равных с ними читают собственные сочинения студент Родионов и другие «шпингалеты» из литстудии. Накаленная, чуткая, тысячеглазая тишина неизменно взрывается аплодисментами. Это вдохновляет.

Каждые два года в литобъединении «Молодые голоса» выходит сборник стихов с одноименным названием. Книжечка совсем небольшого формата — меньше ладони, тоненькая, аскетически оформленная. Впрочем, почти все поэтические издания в те времена имеют вид субтильных брошюрок.

Василий Казанцев пишет Родионову в Томск из Ленинграда, где учится на курсах повышения квалификации:

«Саша, приветствую тебя! И все литобъединение!

Значит, горите желанием издать сборничек? Хорошо, хорошо. Надо попытаться еще раз. В прошлый раз дело стало за разрешением обкома КПСС. Впрочем, к тому времени, когда будет идти разговор об издании, я вернусь в Томск. Думаю, что к концу февраля вернусь. Все материалы того несостоявшегося сборника где-то в редакции. Часть материалов была опубликована в газете «За кадры». Стихи заняли там — помнишь? — целых три страницы. Эти три страницы нужно взять за основу и добавить к ним «современных» авторов. Посылать сюда это, мне кажется, не нужно. Вот приеду, и все отберем окончательно. Пишите побольше хороших стихов, чтоб было что обсуждать, когда приеду. Жму руку. В. Казанцев. 27 сентября 1967 г.» [214, л. 1].

В этот раз все получится. Обком (спасибо ему) даст разрешение. Сборник «Молодые голоса» увидит свет в 1968 году. Редактор мини-антологии Василий Казанцев ставит в издание четыре текста Александра Родионова, подборку открывает стихотворение, посвященное дочери.

Я дорогою пропитан и прошит,
Даже комнату качает, как на рельсах,
Дочь мне бороду ручонкой ворошит:
«Ну, зачем ты едешь на Карельский?»
Может быть, и впрямь пора осесть
У колен её, ладошек и лодыжек,
Что дороги? Их не перечесть.
Обложусь горами толстых книжек,
Буду жить без горя и забот
И растить для дочери морковку.
Но не грядка — гор гряда зовёт.
Мне без гор уже совсем неловко.

В раннем стихотворении к дочери, написанном с большой нежностью, Родионов, кажется, сам не ведая того, обозначает главную проблему, над разрешением которой ему предстоит биться отныне и всегда: как соединить дорогу и семью? Дорога здесь понимается и в прямом значении — путь, путешествие, и в переносном — творческое движение. И в том, что... дорога́ свобода. На одной чаше весов — семья, на другой — безграничное манящее пространство, космос.

Учеба в институте близится к концу. Родионов все настойчивее пишет стихи. А что же учитель, обожаемый наставник? Видит ли Василий Казанцев в своем ученике поэта, надеется ли на его успех? Прямого разговора в пору «Молодых голосов» не случилось. Оба уедут из Томска. Будут редкие письма и еще более редкие встречи. Потом связь и вовсе оборвется. В последние годы Александр Михайлович ничего не знал о Василии Ивановиче: где живет, как и жив ли вообще?

Василий Иванович Казанцев нашелся случайно — улыбнулась удача. В январе 2015 года «Литературная газета» поздравила поэта с восьмидесятилетием и опубликовала подборку

его стихов. А в августе 2016-го, предварительно договорившись по телефону, я приехала к нему в гости. Поэт живет в Подмосковном доме творчества, в Голицыно. Главный предмет обстановки в его небольшой комнате — обеденный стол, служащий письменным. Полированный прямоугольник уставлен высокими стопками бумаг и книгами. Тут же новенький, находящийся в процессе освоения ноутбук. Все говорит о том, что рабочее место не простаивает. Оно привычно обжито, пожалуй, что — центр жизни. Василий Иванович пишет стихи. «Как и всегда», — поясняет он.

Поэт удивлен тем, что, оказывается, имел огромное влияние на студийца Александра Родионова, которого, конечно, помнит и по писательской молве знает, что нет его уже в нашем бренном мире.

— Что же Вам рассказать?

— Все, Василий Иванович! Все о «трудах и днях» литобъединения томского политеха.

— Ну, что ж... Вы знаете, подготовка Дней поэзии не требовала большой работы. Поэты сами рвались на сцену. Молодых нужно было только направить, а известных поэтов пригласить из других городов. Сейчас вот, попробуй, займись подготовкой такого праздника, и едва ли получится. Обстановка другая. Тогда ведь стихи были востребованы всем обществом, городом, газетами, журналами, телевидением. Это был исторический момент. Повторить невозможно. Дни поэзии проходили в Томске самым блестящим образом. Они, конечно, вдохновляли Сашу Родионова. На этих вечерах он выступал и выступал успешно. Читать стихи со сцены — тоже своего рода искусство. Писать стихи — искусство, а прочесть их — другое искусство. Некоторые, читая свои стихи, их силу уменьшают, а другие при чтении увеличивают силу своих стихов, потому что у них есть еще актерский талант. Саша, безусловно, артистически был одарен. Родионов писал хорошие, интересные для литобъединенца стихи, но как поэт надежд не подавал. Он не выделялся талантом стихотворца среди других. Когда человек поэтически одарен, он непременно выделяется. Его отличало другое: он был уверен в своих силах. Было у него понимание, чувство, что он обязательно что-то напишет. Это бывает у людей,

которые ощущают в себе творческую силу. Саша активно внимал всему, что было на занятиях, проявлял неподдельный интерес к литературному делу, к секретам мастерства. Родионов начал быстро расти по окончании института, когда уехал из Томска и стал работать по специальности. Он стремительно набрал высоту и этим очень удивил меня.

«Надо карабкаться, иначе жизнь задавит»

Глава третья

ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ЗВЕЗДНОСТИ

Последний учебный год в Томске проходит в душевной маете. Дневник, самый ранний из найденных, написан между 15.12.68 и 30.10.69. Он испещрен буквами «Д. Д.» и «Д2». В середине тетрадки инициалы раскрываются: какая-то Дия, Дийка терзает его сердце. Имя необыкновенное. И чувство, кажется, безответное. Тоска и стихи. Но — вовсе не любовная лирика. 25 июня 1969 года Родионов записывает:

Живу за монастырскою стеной,
В черемуховом захолустье.
И каждый день, прожитый мной,
Набит здесь под завязку грустью.
Хозяйка, выбрав строже тон,
Мне говорит: «Да где же видано?
Все пьёшь да пьёшь. Да где ж закон?
Вот я тебя с квартиры выгоню...» [305, л. 26]

В дневнике двадцатичетырехлетнего Сани Родионова больше тревоги за человеческое в себе, нежели любовных терзаний. «В вине можно утонуть — всё от презрения к самому себе, до отвращения к падали. Бог мой, к чему такие казни, к чему такие козни судьбы? Д. Д. Что будет?

<...> Только поверить в себя, только не опуститься, не запечататься и не озлобиться на окружающих. Люди в конечном счете хорошие. Надо быть великодушнее. Пока всё, что у меня есть, это возможность говорить с собой начистоту. Это почти богатство. Но ведь можно и самому себе вдохновенно лгать? Это было. Да, это было, «не отпирайтесь» [305, л. 30об — 31).

Душевная боль глушится старым русским способом. Тем не менее дипломную работу по «Спецтеме» Александр Родионов защищает на отлично и в конце июня 1969 года выходит из стен Томского политехнического института с дипломом геолога. Семейная жизнь к этому времени вконец расстроена. Молодых супругов по их настоянию распределяют

в разные геологические экспедиции. «Хочется в берлогу», — загадывает Александр в дневнике [305, л. 35об].

Родионовы разъезжаются в разные концы Кемеровской области. Елизавета с дочерью отправляется в поселок Елань. Александру выпадает Тисуль. Но мечты его — о Средней Азии. Восточная экзотика пришлась по душе Родионову во время летней студенческой экспедиции. К тому же работа где-нибудь в Узбекистане кажется ему, молодому специалисту, более интересной и перспективной. В глубине души таится надежда стать первооткрывателем месторождения редких металлов. Чутье поисковика его не обманывает, действительно, все крупные урановые залежи обнаружены в советские годы в юго-восточных республиках СССР. Кроме того, Азия влечет удаленностью от мест личного поражения. Родионову хочется обнаружить себя за тысячи километров — умным, добрым, образцовым человеком, каким искренне стремился стать. В азиатской инопланетности мечтается ему начать жизнь заново, «на чистовик».

За советом Александр обращается к поэту и геологу, знакомцу по томским дням поэзии Леониду Агееву. Старший товарищ откликается: «Жаль, что ничего у нас не вышло с твоим перераспределением... Но путь, который я тебе объяснил в письме, пожалуй, единственный. Ты им не пренебрегай хотя бы на будущее: отработав по распределению 2 или 3 года, ты вполне можешь списаться со Средней Азией и махануть туда. А насчет стихов — какой может быть разговор! Конечно, присылай, рад буду почитать и помочь, чем смогу» [212, л. 1].

Замкнутый и мрачный, разочарованный в себе, отправляется Сантей (так иногда обращаются к нему в письмах друзья) в свой таежный угол. 22 августа он зачислен в состав Мартайгинской полевой геологоразведочной экспедиции ответственным геологом по массовым поискам. В этот же день в тетрадке появляется запись: «Тисуль, конюшня. Отель "Сивый мерин"». И первый тисульский набросок:

Нет квартиры. Живу в конюховке.

Через стенку лошадки травую хрустят.

Выйду ночью, поглажу гнедого по холке,

Хорошо лошадям — ни о чем не грустят [305, л. 40, 41].

Середина текста идет сбивчиво, на ощупь, на авось — тут он еще поработает, добьет. Зато с ходу нашлась чудная концовка:

Хорошо жить вот так, у судьбы не канюча
Никаких разособенных прав.

Тисульский дневник под завязку забит рифмованной рудой, автору еще предстоит извлекать из нее жизнеспособные строки. Что-то получится, что-то канет навеки. И все же случается Александру в августе-сентябре 1969 года напасть (воспользуемся геологическим словарем) на жилу рабочей мощности. Несколько крепких стихотворений выживут и через шесть лет войдут в его первую книгу. А пока им отдает полполосы газета томских политехников «За кадры» от 25 октября 1969 года. Поэтическую подборку под заголовком «Из цикла «Осенние листья» сопровождает слово редакции: «Александр Родионов, чьи стихи мы печатаем сегодня, известен многим нашим читателям. В прошлом году он окончил геологоразведочный факультет ТПИ. Сейчас он работает инженером-геофизиком в п. Тисуль Кемеровской области. Редакция часто получает от него письма. Саня пишет, что очень скучает об институте, просит сообщать, что нового в ТПИ, как живут, над чем работают друзья-литобъединенцы. Публикуя его новые строки из осеннего цикла, мы говорим: «Не тоскуй, Саня! Успехов тебе и радостей на работе! Полезной тебе руды!»

Достаточно первых стихотворных строк, чтобы уловить настроение автора: «Мне сегодня нужен собеседник...», «В ту пору отчужденья долгого...», «Закатился тускнеющий шар...». Лирический герой печалится, познает себя, осмысливает будущее. Любопытная подробность: стихотворение «Мне сегодня нужен собеседник...» в черновиках идет с посвящением Д. Д. Отправляя текст в печать, поэт снимает заветные буквы. Лучшими в «Осенних листьях» представляются строки, начало которым положено два месяца назад, 22 августа, в первый рабочий тисульский день:

Две недели подряд я живу в конюховке,
за стеною лошадки травую хрустят...

Выйду ночью, поглажу гнедого по холке,
сено в ясли подброшу, и снова назад.
Ни о чем не грущу. Плащ повешу за дверью,
он рекою, и ветром, и пылью пропах,
я сегодня почти два десятка отмерил
километров,

теперь вот курю на дровах,
на березовых чурках у печки железной.
Печь малиновым боком маячит, искряться.
Я не вижу занятия на ночь полезней,
чем в печурку смотреть да покуривать всласть.
И летят под стропила полночной конюшни
треск поленьев и мерное хрупанье трав.
Хорошо жить вот так —
у судьбы не канюча
никаких разособенных прав...

В «Конюховке» — отступление от звездности, подхваченной в студенческие годы. Родионову показалось, что успех на институтской сцене, известность в многотысячном вузе, знакомство, дружба и переписка с признанными поэтами свидетельствуют о его исключительности. Здесь же, у печурки в «полночной конюшне», — примирение с бытием, отрадное слияние с природой, осознание равенности себя и всех. Родионов еще не раз вернется к теме избранности, будет биться с ней на страницах дневника. Для поиска ответов выберет верный путь — чтение Библии.

«27 сентября, 1970. Читаю Кривелева об Иисусе. Кажется, некоторые моменты библии прояснились и стали на место. Вообще, великое чтение — Библия. Нужно первоисточник читать» [217, л. 64].

«14-15 октября 1970. «Перед богом все равны», — сказано. Но — сказано же — Избранник божий, перст бога на него указал. Хм... Какая-то несуразица. Значит, не все равны, то есть не умеют жить так, чтобы перст божий указал на всех» [217, л. 68].

Как бы то ни было, главное правило для себя он уже вывел: «никаких разособенных прав».

Забившись в тисульскую нору, Родионов разбирается с собой, вытряхивает на страницы дневника тяжелое нутро.

«19 ноября, 1969.

Мои противоречия делают явными и мою аморфность и бесхарактерность. Ненадолго хватило желаний не красоваться, позировать. Очевидно, поза отдает чем-то естественным. Но тогда, какое же некрасивое, противное это естество... [217, л. 2].

19 января 1970. Теперь уже можно с уверенностью сказать, что подчинить себя себе нет силы. Теперь вопрос стоит так: как долго смогут ужиться два начала? Кто-то должен победить — зверь или человек.

Крещенье. Небо в звездах, значит, летом будет много ягоды.

Январь перед Крещеньем — похмелье. [217, л. 10].

21 января. Это похоже на состояние тайного горба. Никто не знает и не видит, что ты горбат душой. Вот почему с тобой еще и разговаривают и тебе улыбаются еще. Никто, кроме тебя, не знает о тайном горбе [217, л. 10об].

27 января. Нельзя метаться. В этом вся твоя дешевизна, слабость и бессилие. Где-то ты струсил? Поддался сиюминутности [217, л. 11].

1 февраля. Что окажется дороже? Свобода двадцатипятилетнего оболтуса или благодарный взгляд дочери? [217, л. 14]

21 марта. Самое плохое в том, что я уже не повинуюсь себе. Время подарило взлет, время и отняло его. Осталось только состояние того, что все временно, преходяще, и по-настоящему радостно смотреть на сегодняшнюю дымку я уже не могу... Беда, беда. Но никто не должен знать о медленной смерти» [217, л. 15].

Родионову не исполнится и двадцати пяти, когда он поставит себе суровый диагноз. В записях недуг не называется напрямую, но обозначается иносказательно: тайный горб, горбатая душа, медленная смерть. Порой беда проступает на страницах дневника в подсчете утраченных дней. Родионов растерян. Он, умный, здравый человек, не в состоянии усмирить в себе другого — агрессивного, прущего наружу под действием алкоголя.

Со своей бедой Александр Михайлович с переменным успехом борется всю жизнь. Испробовано всё: и бабки-шепталки с заговорами, и все известные медицинские схемы, и настойчивое обращение к силе воли. В этой борьбе ему будут помогать

и мама, и жены, и друзья. Сохранились тетрадки матери, Татьяны Леонтьевны, с конспектами антиалкогольных лекций, которые читались по радио. Густо исписанные листочки она подсовывала сыну.

Родионову удается отвоевывать у болезни куски жизни — месяцы и годы. Благодатные периоды он подчиняет жесткой дисциплине: архив, библиотека, письменный стол — «верстак» в его лексиконе. После поражений с удесятеренной энергией набрасывается на работу. Родионов не разрешал друзьям, да и близким не всегда, разговаривать с ним на болезненную тему. Обрывал: «Падаю — умею подниматься». Однако случались редкие откровения, нечаянные прорывы утаенных переживаний. Зачем-то довелось быть их свидетелем, и потому с полным основанием утверждаю: никто сильнее не стыдился обезображенного лика своего, чем сам Родионов. «Тайный горб» он ненавидел, но избавиться от него не мог. И, конечно, никто не страдал от «состояния зверя» больше, чем близкие, семья.

В ранних дневниках периоды выпадения из реальности он помечает словом «аут», в поздних — перечеркивает пустые страницы латинской буквой «Z». Зеро. Нуль. Никто, ничто, ничтожество.

Сам факт существования дневников Родионова стал неожиданностью. В 2011 году Александр Михайлович с большим интересом, даже восторгом встретил публикацию фрагментов дневниковых записей своего друга, поэта Владимира Башунова, в журнале «Культура Алтайского края». Сразу по прочтении сказал: «У меня таких дневников нет». В тот момент в реплике услышался факт полного отсутствия тайных тетрадок. И не ждите, мол, и не ищите: весь я на поверхности таков как есть. Теперь ясно: писатель акцентировал слово «таких» — хотел подчеркнуть разницу в содержании его записей и друга.

Владимир Мефодьевич исповедуется дневнику всю жизнь, и в зрелые годы доходит в заметках до емких жизненных формул, философских изречений. «Привязанность к отдельным словам обнаруживает, открывает, выговаривает душевный темперамент человека — в данном случае поэта». «В русской поэзии

есть отзвук на все, на всякое сердечное движение. Поэтому в ней можно найти утешение душевному разладу, даже оправдание своим недостаткам». «Что необходимо, то возможно. Поэтому возрождение России, возрождение человеческой жизни через обретение Бога и веры — возможно?» «Способность писать — это не способность писать в рифму, но способность чувствовать и понимать жизнь».

Александр Михайлович прекратит исповедальный опыт в 1982 году, в 37 лет. Блокноты будет вести по-прежнему, но характер записей в них кардинально изменится. В тетрадках не станет откровений, будто кто-то внезапно перекроет особый клапан и навсегда запретит подспудному изливаться на чистые страницы. С годами изменится даже форма записных книжек. Вместо добротных пикетажных книг, которые выдавались геологам, блокнотов с усиленными, почти фанерными, корочками, обстоятельных общих тетрадей Родионов использует узкие горизонтальные планинги на спирали. В отличие от привычного ежедневника, выполненного в формате книги, планинг отводит на каждый день не страницу, а узкую колонку из двадцати трех строчек. Экономная организация писчего пространства подразумевает предельно короткие записи — одно-два сигнальных слова. Поздние дневники Родионова являют спрессованную модель дня, собранную из часов, фамилий и приказов самому себе, связанных с творческой работой. Матрица.

Много общего имеют юношеские тетрадки Родионова и Башунова. Они подобны, как все без исключения дневники молодых людей и начинающих поэтов. Страницы пестрят цитатами великих и высказываниями знаменитых современников. В плотные слитки сбиты первые строчки собственных стихов, отправленных в литературные журналы, рядом пометки: «напечатано» или «no rasagan». Сюда же, на заповедные страницы, заносятся жизненные наблюдения и внезапно вспыхнувшие поэтические образы — упаси бог потерять.

Не знаю, что имел в виду Александр Михайлович, говоря, что нет у него таких дневников, как у Владимира Мефодьевича. Боялся уступить в извечном писательском соперничестве? Напрасно. Родионовские пикетажки читаются с острым интересом. Изучение записей превращается в общение с автором

и, как ни странно, напоминает первое знакомство, нужно заметить, очень приятное, притягательное. Удивителен молодой Родионов. Время за чтением его дневников бежит незаметно, и кажется, что архив закрывается возмутительно рано. Так бывало и в родионовском доме на улице Пушкина в Барнауле: уже и за окном стемнеет, а разговоры не переговорены, до точки в теме далеко.

Записи Родионова экспрессивны и прямодушны. Что, впрочем, понятно: зачем человеку манерничать с самим собой? Удивляет другое: он отдал их в архив. Следовательно, не побоялся довериться современникам и потомкам, открыться целиком перед близкими и дальними. Видится в этом шаге — от сокровенного к публичному — попытка объяснить себя, уже оттуда, из небытия, чтобы здесь быть понятным и прощенным. Знал: рано или поздно прочитают. И хотел этого.

Дневники Родионова интересны в первую очередь тем, что автор их предстает без прикрас и оговоров, без возвышенных фантазий и клеветы. Это исключительный — чистый, без примесей — биографический материал. И это, возможно, лучшая творческая работа, выполненная Родионовым в первой половине 1970 годов.

Тисульская зима проходит под знаком трудов и самобичевания. С утра — камеральный труд, расшифровка геологической информации, вечерами — сражение с рифмой, затворничество с дневником. Пишет без пропусков, еженощно.

Вот январская ночь без сна, с 26-го на 27-е. Тема та же — «тайный горб» — но выписана в столбик. Таежный затворник выводит первую строчку: «К тридцати годам накуролесив...». Лирический герой, свесив похмельную голову, слушает сопение старого чайника на плитке, он вспоминает дочь и искренне хочет начать жить иначе.

День начать свой новый без оплошки,
Позабывать про боль былых утрат,
Что ж ты задержался у окошка
С сигаретой горькой до утра?

Доводить до печатного варианта безотрадный эскиз не стал. В черновиках отвалы пустой породы обильны. В комментариях к прозам пера заметна досада на себя за неумение обуздать сложную словесную стихию.

«18 декабря, 1969. Тисульская жизнь представлялась мне бутылью темного стекла, наполненной чем-то не отведанным доселе. Испил... и оказалось ни то самогон, ни то водка, а уж на дне — лень, это точно.

Христе боже! Пошли слово...

А терпенье долгое и труд будут ответом» [217, л. 6].

Все девять месяцев жизни в Тисуле, с августа по май, Родионов несет себя по кочкам, хаёт нещадно, выворачивает запущенный испод, и бьет, и чистит, и скребет его до изнеможения.

«15 января, 1970. Растительно-дремотное состояние — это как раз то, что можно сказать о житие тисульском [217, л. 7].

22 марта, 1970. Дела. Хватит мелочи. Нужно помнить о людях. Потом — ты. Всё» [217, л. 15об].

Распинает и характер неангельский, и творческие опыты свои. «Это абортыш, а не стих» [217, л. 76об].

Девятнадцать страниц подряд исписывает он стихами Бальмонта и Волошина, на полях — эскортом его придиричivéые, въедливые комментарии. Волошинское «И манит, и плачет, и давит виски/Весеннюю острою грустью» тисульский критик оценивает как «плохие строки, обычные», зато следующее двустушище «Неси мои думы, как воды реки,/На волю к широкому устью» ставит выше: «эти хороши». Оголец, влюбленный в стихи, менторски разбирается с классиками. «Это "ведет в преисподнюю поэзии"», — не смущаясь говорит «строгому парнасцу» задиристýй молодой человек. Однако дарит и лестные оценки: «мастерски сделано». Броско, восклицательным знаком, выделяет строки «Как ядро к ноге прикован/Шар земной». Уж это да! Упорительный ходок с детских лет, он тысячекратно подтвердит: хорошо сказано, образ — в десятку!

Увлечение Волошиным и Бальмонтом оборачивается приговором себе: «24-25 марта, 1970. И ни слова о поэзии больше. До дней уверенности, что ты имеешь право говорить о ней» [217, л. 26об].

Первые тисульские месяцы невероятно трудны. Он один. Не то чтобы никаких контактов. Есть рабочие отношения, знакомства, возможно, и донжуанское увлечение, но нет своего круга. То, что устоялось за годы учебы: литстудия, многотиражка, дни поэзии, верный друг Лёха, дочка (вот о ком помнит постоянно) и, как ни крути, жена — все теперь далеко. В дневнике замечает: «Отрадно говорить с ТПИшниками!» [217, л. 15] Через полгода, в самом начале октября, уже покинув Тисуль навсегда, он снова запишет: «Пока друзья и звезды тебе светят. Такие добрые письма...» В Тисуле, легендарной Мартайге, достаточно времени, чтобы подумать обо всем: о творчестве и о семье, о свободе и одиночестве. Да, Родионов хочет свободы. Ясно ли представляет, каких размеров она должна быть? И дело вовсе не в подвигах Казановы. Любовные похождения, подмечено им, становятся в итоге сюжетом, характером, милой подробностью и прочей прекрасной художественной мишурой. На тисульских страницах мелькает какая-то Антуанетта. Он записывает за ней, боясь упустить чудо-говорок.

«Из Антуанетты: «Юровая девка, в стенку брось — отскочит». Или: «Ребенка-то ей состроит, сам в армию уйдет — оставь лодка с товаром» [217, л. 11об]. По соседству с Антуанеттой цитируется Цицерон: «Служить одновременно женщине и философии невозможно» [217, л. 9]. Вот к чему стремится Родионов: к творческому раздолью, к свободе по Цицерону. Однако это существование довольно странное, противоречивое, жертвенное. Творческая свобода парадоксальна. Она подразумевает беспрепятственное движение и общение, и она же склонна вместе с тем к исключительной сосредоточенности, закрытости, как бы безотлучному пребыванию внутри себя. Свобода творца ведет напрямик в келью. Свобода творца и есть одиночество.

О свободной келье Александру предстоит подумать еще не раз. В дневнике: «Надо быть одному» [231, л. 1]. Но сейчас он выбирает долг — жену и дочь. В конце мая 1970 года, после седьмого дня поэзии в Томске («где остался в своем тщеславно-пьяном амплу», — контролирует дневник [217, л. 35]) он переезжает в геологический поселок Елань, к Лизавете и Вероне. Не последнюю роль в возвращении Александра в семью

сыграли постоянное самобичевание (и литературное, и житейское), изведение скрытых червоточин, подчинение себя дисциплине и правилам.

«Сегодня Елань, — пишет в ночь с 21 на 22 мая. — Красивое слово. Дитячьи следы. Играют под управлением Л. Стоковского из "Самсона и Далилы". Очень восточно звучит. Итак, "возвращается ветер на круги своя"» [217, л. 35].

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА

Елань — небольшой поселок, возвышающийся над Новокузнецком в тринадцать километрах от него. В 1957 году в этом местечке обосновалась центральная геолого-съёмочная экспедиция, которая к семидесятым годам станет называться Западно-Сибирской. В одной стороне Елани живут крестьяне, на противоположном фланге — подданные «геологической державы», «удивительной геологической страны». «Геологическая съёмка — это королева геологии», — горячо утверждает Сергей Николаев, коллега и друг Александра Родионова по Елани. Больше двадцати лет Николаевы, Сергей Владимирович и его супруга Нина Васильевна, отслужили Елани верой и правдой. В поселок приехали молодыми специалистами. С Родионовыми дружили семьями.

В еланской империи собрался народ неординарный, бесконечно преданный геологии, однако и не замкнутый исключительно на работе. Камеральный период, с октября по май, когда геологи работают в кабинетах, проходит весело, кажется, будто и вовсе в игре. По рассказам Николаевых, жизнь в Елани представляется нескончаемым праздником. Работа дается на удивление легко, а геологи только и делают, что острят, развлекаются и пируют. А бывает ли иным взгляд, обращенный назад — в молодость?

В Елани лучший день в году — первое воскресенье апреля, день геолога. К празднику выходят «Еланские ведомости». Стенная газета, склеенная из двадцати листов ватмана, опосыдает фойе клуба. Лента напичкана стихами, шутейными

штучками и шаржами. Генератор идей и редактор — Сергей Николаев. Саня Родионов время от времени участвует в подготовке самиздата, сочиняя стихи.

Классика жанра — композиция «Не все дома». На рисунке он и она, молодые, спортивного вида люди. Под картинкой — перефразированные строчки из песни «Держись, геолог»:

Ты поедешь в далекие степи,
Я уйду на разведку в тайгу...

За Николаевым и Родионовым закреплены стихотворные тексты к капустникам, непременной составляющей всех еланских праздников. В семейных архивах еланцев до сих пор хранятся оригинальные пригласительные билеты, зазывающие на вечеринки. Один из них выполнен в виде фотографии, запечатлевшей мужскую половину экспедиции вокруг большой вырезанной из бумаги восьмерки. На обратной стороне карточки написано: «Дорогая Нина! (Или: дорогая Лиза!) мужчины приветствуют, поздравляют тебя и приглашают на чашку чая в красный уголок. 07/III — 72 г. В 16 ч. 30 мин. Мужчины».

Коридор еланской камералки славится публичным гвоздем. Всякий желающий накалывает на него лист с экспромтом, всякий проходящий мимо читает. В комнаты, где геологи корпят над расшифровкой и описанием полевых изысканий, то и дело доносится смех.

Мы любовью с науками спаяны,
Каждый с умною книгой знаком —
Тайны разума неисчерпаемы, —
Вдруг проснешься: дурак дураком!
(Николаев)

У Дроздова фавориты
Мартайгинские утриты.
Если спросишь про бокситы,
Отвечает он: «Иди ты!»
(Родионов)

Геологи, кочуя из дома в дом, в складчину отмечают знаменательные события: Новый год — само собой, но, если надо, подойдет и день Парижской коммуны. «В нашей квартире часто случались какие-то праздники, — вспоминает дочь Александра Родионова Вероника. — Постоянно звучал проигрыватель, помню, часто ставились пластинки Валерия Ободзинского. В единственной комнате людно — к родителям пришли друзья-геологи. Мужчины чинно что-то обсуждают. Женщины хлопочут в кухне, снуют с салатами, посудой. Я, малявка, мешаюсь под ногами. Меня отправляют поиграть в ванную комнату и за спорами и тостами забывают обо мне. Спихиваются, бегут, открывают двери ванной, сокрушаются: что ж не скажешь, Вероня?! — усаживают с собой за стол. Молодые папа, мама, их друзья — в моей памяти навсегда. Отношения с геологами, однокурсниками, папа говорил «однокашниками», не пресекались никогда. Однажды я спросила: «Почему однокашник?» Папа удивился: «Ну как? Кашу вместе ели». Геологическое братство — это очень сильно».

Еланцы с энтузиазмом обустривают свой быт. Собственными трудами в свободное от работы время возводят клуб и два спортивных зала. Клубное помещение задумывается по образцу английского, как «мужское всееланское акционерное общество "Сандуны"». Члены клуба дразнят жен:

Сколько женских поколений
пережили мы в общежитии.
Но, увы, сошли со сцены
постаревшие бедняги.
Их тот час же заменяют
молодые фаворитки,
Распивая вместе с нами
алкогольные напитки.
(Николаев)

Геологини грозятся сжечь «Сандуны».

Елань начала 1970-х вполне можно назвать коммунальным райом. Молодых специалистов заселяют в отдельные домики или в дома на два хозяина, где есть горячая вода, ванна,

отопление. Сразу за поселком начинается освещенная лыжная трасса, имеется подъемник. После восьмичасового корпения в камералке геологи не прочь пробежать пятерочку на лыжах. Правда, и в поселке образцового содержания не без курьезов. Геологическую контору в центре Елани украшает лозунг «Слава советским геологам!», а неподалеку от здания в жирной грязи (асфальтом еще не обзавелись) лежат совхозные свиньи, забредшие с крестьянской половины. «Еланские ведомости» отзовутся карикатурой и экспромтом Сергея Николаева:

Чешется о «Наши достижения»
За конторой крупная свинья.
Вы не ощущайте унижения,
У свиньи эстетика своя.

Свиньи на фоне славящего геологов лозунга — всего лишь повод для юморного куплета, всерьез сельскохозяйственные животные никого не занимают. До хрюшек ли? Геологическая молодежь погружена в съемки игрового фильма: написан сценарий, отобраны актеры, а главное, есть своя шестнадцатимиллиметровая камера.

Родионов вносит в культурную жизнь Елани свою лепту: приглашает из Новокузнецка знакомых поэтов и устраивает вечера в Красном уголке. После выступления распаленная вагата стихотворцев находит пристанище в доме Николаевых — у них двухкомнатная, а Родионовы пока живут в однушке.

Однако Александр не погружен с головой в еланскую среду, подобно Николаеву, он поддерживает геологические фантазии от случая к случаю. Поэтический Томск не отпускает его. Вряд ли коллеги-геологи предполагают в громком, порой бузовом Рыжке (так зовут Родионова на Елани) будущего серьезного литератора. А тот давно знает: по-настоящему интересна ему только литература. Капустники, юморные стишки, работа и лыжня после нее — жизнь, которая видна всем. От посторонних глаз скрыто внутреннее старательство, оно доверено дневникам.

ПРАВИЛО БЕЛОГО КАМЕШКА

В дневниках Родионова дышит благодатная сила молодости. Нет ничего невозможного в начале жизни. На смену испугу и смятению, в которые ввергла его беспривязность собственного подсознательного, приходит вера в себя. Начало 1970-х — сплошь попытка меняться, совершенствоваться: не сметь любоваться собой, отрицать себя, не допускать пустых часов, ослабленной болтовни, владеть собой. Цель — вира, на-гора! Он пытается взнуздать свою природу, выковать для нее нравственный канон, который поможет жить и творить. Работу по выведению или — говорю с улыбкой — селекции новых качеств характера фиксируют дневники.

«Вчерашний день отмечен белым камешком, — записывает Родионов 9 июля 1970 года. — *Albo lapillo diem notare* (День, который следует отметить белым камешком [лат.] — прим. Л. В.) Перебирая, отмывая из рухляди дня что-нибудь стоящее, с ужасом отмечаешь, что лоток пуст, все легкое уплыло с водой. Значит, не искал в этот день, а просто существовал. Вот тебе и ни дня без белого камешка. *Nulla dies sine alba lapilla* (Ни дня без линии [лат.] — прим. Л. В.)» [217, л. 47, 48].

Правило белого камешка останется с ним до конца.

Одну из ранних дневниковых тетрадей открывает цитата из книги «Воспитание воли» французского педагога Жюль Пэйю: «Для воспитания воли необходимо распинать себя по мелочам» [218, л. 2]. Написано красиво, разборчиво. Строки подчеркнуты и, не иначе, взяты эпиграфом к жизни.

Получив профессию геолога и уже работая в ней, Родионов твердо решает стать поэтом. Он делает ставку на самообразование и настойчивые пробы пера. В дневниках почти нет геологии, зато с лихвой, плотно, в каждой строчке — литературные темы. Он составляет огромные, на несколько страниц, списки книг, с указанием издательства, тиража, цены и годового квартала, в который планируется выход книжки.

«Заболоцкий Н. Сочинения. 2 т. (III кв.) 25000

Р. Рождественский. Радар сердца (II) 25000

Ю. Тувим. Цветы Польши (IV) 30 тыс.

По Э. Избранные произведения. (IV) 100 тыс.
Эсхил. Трагедии. (III) 40 тыс
Гюго В. Лирика (IV) 30 тыс.
А. Моруа. Олимпия, или Жизнь Виктора Гюго. (IV) 100 тыс.
Стоун. И. Муки и радости (о Микельанджело) (IV) 75тыс.
Цветаева Анастасия. Воспоминания. (IV) 30 тыс.
Горбовский Г. Новое лето. (II) 10 тыс.
А. Жигулин. Прозрачные дни.
Передрев А. Равнина
В. Шаламов. Московские облака.
Натан Альтман. (II) 15000, 3,5 р. «Искусство»
Брюсов. В. Карелия. По Олонецкой земле.
Званцев. Заволжье. (III) 50 тыс.
Виленкин В. Амедео Модильяни. (II). 50 тыс. 1,8р.»

Из другого блокнота:

«Я. Парандовский. Мифология. М. 1971
Рехлов В. Повесть о Михаиле Волкове. 1972. 20000. 48 к.
Двойникова Е. С. и Лямин И. В. художественные работы по дереву. Высшая школа. М. 84 к.
В июне вышли:
Баянов. Лирика. Кемерово
Озолин. Песня для матросской гитары. Новосибирск
Евт. [ушенко]. Поющая дамба.
Июль:
Плитченко А. Родительский сад.
Рерих. ЖЗЛ
Сельвинский. В библиотеке поэта
Словарь русских народных говоров. Вып. 7, 1р. 10 к. Наука. Ленинград
Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Под ред. Ф. П. Филина. Авторы: Бухарева Н. Т., Фёдорова А. И. Новосибирск. Наука. 0,81 р. 4200 экз.
Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., Мысль, 1972 (июль), 45000 экз., 2,4р.
Перикл. ЖЗЛ — Ф. Арский
В. Рождественский. В созвездии Пушкина
Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Наука. 17000 экз., 2,5 р.
Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 4. Издательство Московского университета. Под редакцией Шанского Н. М., 0,7 р. (выяснить о первых трех выпусках)» [219, л. 23об, 24, 26].

Все это, и еще в сто раз больше будет прочитано. Собираясь в поле, Родионов первым делом набивает непромокаемый геологический вьючник книгами и блокнотами. Как-то доводится

ему заехать на несколько дней в геологический лагерь к Петру Падерину, младшему однокашнику по факультету. Александр предлагает другу построить отдельную землянку — зачем в вагончике мерзнуть? Вместе они долбят камень, укладывают рядами бревна, возводят крышу. Получилась отличная камералка. В первую же свободную минуту, когда можно было прилечь на нары и ничего не делать, Родионов спросил:

— Ну, где у тебя книги лежат, все осмотрел, не нашел?

— У меня нет их, не беру с собой.

Родионов помолчал в растерянности, вымолвил:

— Так же с ума можно сойти.

Он представить не мог, что люди идут в тайгу без книг, а выючник используют для хранения теплых вещей. Книги для Родинова — предметы первой необходимости, он не умеет без них жить. Его однокурсники вспоминают, как в студенческие годы Александр купил на всю стипендию четырехтомник Даля. Домой, к Лизавете и Вероне, летел на крыльях счастья. Лиза онемела (да любая бы на ее месте дар речи потеряла) — до следующей стипендии целый месяц! Справедливости ради нужно сказать, что молодой отец подрабатывал на институтской кафедре лаборантом, так что какие-то денежки про запас держал.

Страстный библиофил, Родионов трепещет перед книгами, тем более редкими. В советское время, когда книга — лучший подарок, а в магазины «Подписные издания» стоят длинные очереди, книги не покупают, а достают, выменивают, приобретают на толкучке и «зачитывают». Добыча приносит неописуемую радость, о которой не грех сообщить дневнику: «Завтра у меня будет 4 тома Фасмера!» [220, л. 70]

Книжную страсть сына разделяет мама. И Татьяне Леонтьевне случается потратить на редкую книгу немалые деньги. В письме к Саше с юга, из санатория, она пишет: «В дороге читала книгу «Очерки о земледельцах», очень понравилась, большое тебе спасибо, много познавательного. Заходила здесь в книжный магазин, посмотрела старую книгу, есть Екатерина II, наверно, возьму. Напиши, что посмотреть надо из книг». Приобретенные издания мать отправляет сыну в Елань по почте. «Ночь. Из дома прислали книги. Смотрел сытым идиотом на корешки» [227, л. 19].

В Тисульском сидении Родионов придумывает правила не только для неустойчивых недр натуры, но и для своего литературного дела, издает что-то вроде указа: «За поэтом, как за балероном, должен следовать прожектор критики, иначе он останется в полумраке сцены» [227, л. 14]. И сам лезет под софиты, предлагая литературным знакомцам честно высказываться по поводу его сочинений. Что просит, то и получает.

«28 октября, 1970. Получил письмо от Соловья. ... Впрочем, а почему бы и нет. Почему бы не получить зуботычину из Кемеровского КИ (книжного издательства — Л. В.). Но последние твои стишки, по мнению Соловья, холодные туристко-многозначительные опусы» [217, л. 74].

Не заставляют ждать пламенные приветы от Вадима Кшена, собрата по поэтическому Томску, а теперь львовского поэта. «Кшен говорил о стихах, что нет каркаса, вывески, нет характера. Очевидно, он прав где-то в частностях и, может быть, вообще» [228, л. 44]. Еще одно «письмо от Кшена с ушатом по поводу виршей. Самообольщение не лучший вариант слепоты» [227, л. 86]. Самые жестокие розги Родионов выписывает себе сам: «Несколько гнилых свай, на которых держится твое тщеславие, должны быть сожжены на собственном огне. Не следует ожидать, когда это сделают другие» [227, л. 17]. И еще о себе: «Зажирел мозг. В твоём мышлении не самостоятельность, а общие места... где? Заметил, что при разговоре с незнакомыми людьми я больше рассказываю, чем слушаю и спрашиваю. Это пахнет кичливостью, крохами знания. Слушать надо и спрашивать» [228, л. 52].

Наблюдая болезненное отношение к критике писателей нынешних лет (вплоть до возгласов: что я вам сделал плохого?), невольно приходится задаваться вопросом: Родионов из другого теста? Критика ему нипочем? Так крепка броня? Нет, он как все. И больно, и обидно. Но вида не подает, а внутреннюю истерзанность доверяет дневнику. «20 октября 1970. Елань. Все, что написано до сегодня, написано не для себя, а с тщеславной надеждой на (неожиданного) читателя, на самом деле очень ожидаемого. <...> Ты пишешь в надежде, что кто-то прикоснется. В то же время трусишь, что прикоснется не тот... Но от-

давать все это на уничтожение либо на усмешку не в моих теперешних правилах. Здесь есть доля меня» [217, л. 71].

Стрелы критиков долетают, ранят. Он терпит, разбирается с промахами, ибо поставлена цель — состояться в литературе, войти под ее своды с девизом: «Никто, кроме меня». И пусть дело дойдет до нокаута! Значит, слаб, плохо подготовлен. Поднимайся, и снова трудись. Возвышайся. В этом — характер Родионовский.

Круг чтения Александра Родионова еланского бытования удивляет: Фет, Тютчев, Гейне, Шекспир, Блок, Мандельштам, Цветаева, Бодлер, Вознесенский, Евтушенко, Распутин, Кафка... Список можно продолжать. В тетрадях выписки, поэтический анализ, мысли по поводу. Блоком восхищен: «Милый Блок. Даже Пушкин отступает» [217, л. 52]. Мандельштам идет с трудом. Цветаеву любит безгранично, ее авторство обозначает одним именем — Марина и выписывает: «Рас-стояния, версты, мили...». Евтушенко, по-свойски именуемый «Евтухом», входит в конспекты Родионова статьями о кирсановских зеркалах и четверостишием:

Это счастье, даренье,
Это мука моя —
Быть поэтом деревни
Под названием Земля.

«28 октября 1970. Елань. Больше всего за последние три дня — новая книга Вознесенского. Нужно хорошенько еще раз перечитать "Тень звука"» [217, л. 74].

Из «Мужества молчания» Наума Коржавина берет литературное правило:

И если он звучит немного тише,
Не взял за горло и не бросил в дрожь,
Не тронь пера. Ведь если ты напишешь —
Напишешь дрянь, и сам ее порвешь.

«Эти строчки должны быть ориентиром», — Родионов выделяет строфу красным карандашом.

«НИ СТИША»

Новая тетрадка — как новая жизнь — начата в январе 1971 года. В каждодневных заметках — весь человек:

«Ты ровно ничего не значишь. Зачем делать вид значащего? Что из того, что написано несколько десятков стихов? За всем этим должна стоять уверенность. В чем?»

«Читал Камю. «Посторонний» необычен, хотя кое-что в нем знакомо. Г-н Мерсо... Как-то через год почти возвращаешься ты к западным авторам, точнее к зарубежным. М. б. поэтому оставляют они наиболее заметный след».

«Дочь сказала: «Пальцы зажмурились». А еще раньше она заметила, что внутри яблока гремят семена. Поистине поэзия — детство».

«8 января, год 71. Все повторяется. Только влечению не повториться. Будут дразги, ссоры, дурацкое любопытство, написанное в мой адрес. До чего меркантильно» [227, л. 1].

Интригует запись на следующей странице:

«9 янв [аря] год назад ты потерял, может быть, лучшее, что мог иметь — веру». Загадка: речь о вере в Бога? Вере в людей? В себя? Этим же днем: «Папа, нарисуй песню». «Читал дочери начало «Руслана и Людмилы». У лука морья буб зеленый — так она затвердила себе первую строчку».

«Надо карабкаться, иначе жизнь задавит».

«Написал хорошее письмо Рыбин. «Не хочу баловаться серьезным делом...» Человек — самобич. Не прощает себе посредственности».

«29 января. Умер Рубцов. Отклики Левитанского и Плитченко».

Строгал. Писал Рыбину, Киселёву.

Надо покончить с влюбленностью в привычные строчки, хоть в чьи. Если привычно, значит мертво».

«9 марта 1971. Дочитал «Дневники» Блока. Человеку не хватило одной меры пшеницы и куски масла. Во всей России не хватило. Для Моцарта не нашлось места для могилы. Для Блока внимания при жизни».

«Опять не так живешь. Слишком ты нищий, чтобы тратить время на телебоевики. Если негде работать, то есть келья» [227, л. 1-19].

Понемногу Родионов толкает свое литературное дело. В газете «Кузнецкий рабочий» 14 февраля 1971 года в рубрике «Новые стихи» выходят два его стихотворения. Одно свежее («В лесу протаяла тропа...»), второе — давнее («В ту пору отчужденья долгого...»), опубликованное полутора годами ранее в томской газете «За кадры».

Через три месяца в том же «Кузнецком рабочем» и в той же рубрике публикуется новый поэтический опыт «Вершина Чукур-Су». Начало неплохое, увлекает циклопическими видами, интересными образами: палеозойское чело, глетчер — клубук.

Там тишина и облака,
Да глыбы серого гранита.
Как бы покровом клубука,
Вершина глетчером прикрыта.
И не тревожит ничего
Горы уснувшую громаду.
Палеозойское чело
Спокойно...

Ясность и точность описания Чукур-Су сохранить не удается. Во второй части автор скатится в банальности. Композиция стихотворения подобна качелям, одно плечо которых изрядно нагружено, а второе свободно — невозможно ни качаться, ни равновесие установить. Тем не менее Родионов делает новые настойчивые шаги на первой после институтской газеты публичной площадке. Характерно, что по прошествии времени, уже будучи опытным литератором, разбирая стихи рубцовской поэтессы Ольги Такмаковой, Александр Михайлович обращается к автору с советом: «Дай стихам отлежаться. Хочется опубликовать, знаю, и мне по молодости не терпелось». В дневнике Родионова за 1971 год есть запись: «Поставить точку на сиюминутном предложении стихов в печать. Срок выдержки — полгода» [227, л. 27].

За письменным столом тем временем — пустыня. «Ни стиха», — жалуется он дневнику 23 февраля 1971 года [227, л. 17]. «Дремотное состояние грозит затянуться. Нужна какая-то встряска. Беда какая-то нужна...» [227, л. 14]. Александр помнит, как ударила его смерть однокурсника Генки, как в тисульской отверженности строки сами ложились на лист. Но просить беды?! Лишь самонадеянная молодость способна на столь опрометчивые взывания. Беда не заставит себя долго ждать. В поэтических сферах проводимость материи мгновенна.

В апреле 1971-го Родионов отправляется в большое путешествие: Москва — Львов — Западная Украина — Ленинград. «Дальние страны» проходят у него по разряду самообразования. Заранее намечена обязательная программа, под шапкой «что посмотреть» с десятков пунктов. В рюкзак первым делом отправляется книга, которую он будет читать в дороге, и несколько чистых блокнотов. Вояж, так заведено, тщательно конспектируется. «Только в дороге и почувствуешь по-настоящему, как велика и богата Россия», — выписывает он наставление из книги Дмитрия Жукова «Аввакум» и отправляется в путь.

В Москву Александр приезжает 13 апреля. В программе все, что положено провинциалу: Красная площадь, ГУМ, букинисты. «К четырем так устал, что с трудом стоял в комнате Маяковского. Снял очень немного, хотя интересного масса. На столе пачка недокуренного "Волгодона"..." [229, л. 32]. Назавтра он уже во Львове, и почему-то важно для него вспомнить: «В этот день 41 год назад выстрелил Маяковский» [229, л. 32]. На львовщине «определенного плана нет, пойду куда-нибудь, все интересно» [229, л. 32]. Он мотается по близлежащим городкам. «Выехал в Дрогобыч — негромкая провинция запада. Трускавец. Вернулся ночью в Ужгород, вышел в два часа ночи в центре. "Верховина" и "Киев" забиты, ночевал на рынке» [229, л. 32]. Лежанка на столе — вполне приличный ночлег для геолога.

Блокноты стремительно заполняются впечатлениями. Узнал технологию резьбы по дереву, покрытому лаком; побывал в музее деревянной архитектуры и быта — «это

очень, очень!» [229, л. 32]. Он заглядывает во львовский кафедральный собор, где «что-то пели, чему-то молились» [229, л. 32], идет в картинную галерею, которая «началась в 1907 году с личного собрания львовского историка. Третья в Союзе после Третьяковки и Эрмитажа» [229, л. 57]. Важное для него место: «церковь на подворье, в которой похоронен Иван Фёдоров. Ниже есть дом, в котором в 1564 (?) г. вышел лист "Апостола"» [228, л. 41об]. Поездка, конечно, подразумевает и встречи с поэтами, знакомцами по томским дням поэзии. Во Львове живет Вадим Кшен, в Ленинграде — Леонид Агеев. На другой конец страны Родионов едет не только за новыми знаниями и вдохновением, но и порцией критики.

В северной столице настигает его «весть о телеграмме из дома. Тревожно. Что-то с бабусей. Ленинград не мил» [228, л. 47]. «1 мая 1970. Ленинград оставлен с сознанием необходимости. Три дня назад — 28-го — похоронили бабуся».

Клича беду, конечно, не смерти чьей-либо просил он, а внутреннего импульса, концентрации сил и дисциплины духа, которые однажды изведаль в Тисуле. Потеря самого родного человека, утешительницы, незримой молитвенной защиты, погружает Родионова в прошлое. Скорбь придает воспоминаниям поэтическую остроту. В черновиках появляется цикл стихотворений о детстве и поэма «Сенокос 45 года» — здесь бабуся его жива. Не все, к чему подступался Родионов, будет опубликовано, но сюжетный «Триптих» увидит свет. Автор создает кинематографически выразительную картину своего детства и его главной хранительницы. Светлые стихи!

Я проснусь, прищурюсь —
Светится
Половиц промытых гладь.
Хорошо
 с кровати свеситься
И на кухню —
 глядь-поглядь,
Где бабуся,
 как-то тщательней,
Чем обычным, будним днём,

Направляя в печку чапельник,
Правит тестом
И огнём.
Кот у печки круто горбится,
Отзвенел давно петух.
Правит праздник
В нашей горнице
Травный
И древесный дух.

В Егорьевке Александр остается до самого поля. Перед отъездом на форзац пикетажной книжки, что служит ему дневником, он наклеивает фотографию бабуси. Исписанный блокнот так и попал в архив с изображением Марфы Яковлевны.

ЧАРЫШСКИЙ ЛИСТ

Два поля, в 1970 и 1971 годах, геологическая партия, в составе которой находится Родионов, работает на Чарышском листе. Под листом у геологов подразумевается определенный квадрат местности, по которому идет полный сбор геологической информации для карты-двухсотки¹. К слову, геологи 1970-х совершили полную геосъемку территории Советского Союза. Именно по их трудам составлены современные карты России и государств СНГ. Колоссальная работа!

Лагерь стоит на озере Кольванском, известном и как Савушкино, в окружении причудливых каменных изваяний — на языке геологов «матрацевидных гранитов». После положенного на день маршрута (от 5 до 15 километров) Родионов бежит на вечерки к окрестным бабушкам, прихватывая с собою солидный продуктовый набор. Сетка загружается банками с тушенкой и сгущенкой, взятыми из геологического пайка. Ну, и, конечно, по дороге в деревню приобретается в магазине

¹ Двухсотка — топографическая карта масштабом 1:200 км

«беленькая». Бабуси сдались настырному парню и собираются в доме одной из товарок. Разговор заходит о местных преданиях, о традициях, о домовой резьбе. Родионов задает вопросы и строчит в блокнот: из каких мест мастер переселился в Сибирь, какой рисунок предпочитал, много ли получал заказов? Под стопочку доходит дело и до песен. Родионов просит старинных, что известны бабушкам еще от родителей: записывает, ухмыляется в рыжую бороду, на припеве, уловив мотив, подтягивает. И на этой своей добровольной фольклорной практике Саня совершенно счастлив. Сам бабусин, он любит старух — их лица, похожие на древесную кору, старинный говор, особый домовый уклад. Все это кровное, сызмальства родное.

«Вчера икона в грязной хате. Притча о солдате, выбросившем икону и потому схлопотавшем первую пулю» [227, л. 32]. «У бабки ложка с фашисткой свастикой» [227, л. 37]. «Лицо старухи с провалами глазниц, востреньким подбородком» [227, л. 40]. Старушечьи рассказы вносят существенные поправки в официальную историю страны. Молодой геолог мотает на ус. Много фотографирует, крупным планом берет истонченные ветхие образы стариков.

С приближением вечеринки к финалу Нина Николаева, согласившаяся помогать коллеге с фольклорной «практикой», выходит из дома и ждет Рыжку на крыльце. Разгоряченные бутылочкой бабушки уступают уговорам молодого ухажера и с шиком подпускают в частушки соли. Довольный Саня пополняет свою лекцию соленых частушек, начатую еще в старших классах школы:

«Ты скажи мне, дорогая,
Толь ты цэ или не цэ.
Если цэ, давай в сарае,
А не цэ, то на крыльце.

Милый Коля, я не знаю,
Толь я цэ или не цэ.
Полки две ты брось в сарае,
Остальные на крыльце».

В лагерь геологи возвращаются за полночь.

Полевой сезон 1971 года. Родионов запишет в дневник 20 мая: «Выехали в Колывань. Совсем не знаю истории Алтая». С этого дня и берет начало вся поисковая проза Александра Родионова. Памятный момент Александр Михайлович зафиксировал: «Завтрашние маршруты намечались накануне вечером. Мой черед получать задание подошел, когда карандаш старшего геолога миновал долину Чарыша и заскользил к верховьям речки Белой.

— Пройдешь по границе нашего участка, — сказал старший, — можешь даже заглянуть на соседний — для стыковки.

Кто-то добавил:

— Можешь даже в Колывань заглянуть, мимо пойдешь...

Конечно же, вспомнили, что камнерезный завод в поселке основан бог весть в какие времена. Вспомнили о самой большой в мире каменной вазе: делали ее будто бы почти полсотни лет, а до Петербурга везли не один год.

И мне, выросшему на Алтае, незнание Колывани тогда не показалось обидным. С того маршрута Колывань у меня на горизонте» [6, с. 49-50].

За лето колыванская тема получает надежную прописку в пикетажке Родионова. «В Колывани теперь режут запонки да чернильницы» [227, л. 40]. «Первый в мире камнерезный завод основан в 1802 году Ф. В. Стрижковым. 9 июня 1947 года присвоено имя И. И. Ползунова» [227, л. 10]. «Большая чаша из ревневской яшмы с позолоченным бронзой венком на нижней части выполнена по чертежу архитектора Гваренги» [227, л. 35]. Тут же является замысел поэмы «Камнерезы».

В ночь с 29 на 30 сентября по дороге на базу экспедиции Александр подведет черту под колыванским летом: «Алтай до того интересней Кузбасса, что о предвзятости помнить не приходится» [227, л. 19]. Колывань повела Родионова за собой.

Полевой сезон завершился. Подошла пора «сшивать листы», что означает: сводить в единую карту разные квадраты местности, например, присоединять Чарышский лист к Романовскому. Но главное, что сулит «конец поля» геологам, — долгождан-

ное свидание мужей и жен. По негласному закону супругов не отправляют в одну партию. Родионов работает на Чарыше, а жена Лиза Ковтун — на Романовском листе. Также и супруги Николаевы, Сергей и Нина, разбросаны по разным «листам».

В конце сентября партии сошлись в Краснощеково. Накануне встречи Родионов посылает шифrogramму друзьям: «Готовьте белые нитки, едем сшивать листы». Геологи перетолмачили: празднуем конец поля, запасайтесь водкой. Шутка долго была в ходу во всей Западно-Сибирской экспедиции.

Фотография запечатлела счастливую компанию. Вот они, на фоне краснощековского сельпо — молодые, сильные, уверенные, нужные стране люди: Саша Родионов, Лиза Ковтун, Нина Николаева. После полугодовой геологической вахты стоят перед фотообъективом свободные, веселые, с буханками свежего хлеба, прижатые к штормовкам и свитерам. «Белые нитки» надежно спрятаны под фуфайкой Родионова. Он смеется, глядя на жену. Они только что перемахнули через бортики грузовиков и наскоро успели обняться. Впереди отпуск.

Ташкент — Навои — Бухара — Кызыл-Кумы. В октябре-ноябре 1971 года Родионов предпринимает путешествие на Восток. Его по-прежнему влечет седая и многоцветная Азия, ее культура, обычаи. Кроме того, ему нужна очередная встряска, новые впечатления, интеллектуальная подпитка. Странничество оживляет поэтическую энергию. Объяснить это жене очень трудно! Лиза, конечно, права: у них семья и маленький ребенок. Но Родионов не в силах уступить поездку. Непонимание, разлад, очередная ссора.

«Глядя во мглу, думал о том, как жить дальше» [230, л. 36], — записывает несчастный, ожидая рейса в аэропорту. Мысленно он примеряет к себе Кызыл-Кумы. Чем не судьба для геолога? В пустыне, в красных песках, работает однокурсник Рыбин. Родионов завернет к однокашнику на базу десятой экспедиции, оглядится: «Саксаул и верблюды, барханы мертвые — это все внешнее. Для узнавания пустыни следует в ней жить» [230, л. 42]. Он готов остаться в таинственных песках. Но пока — путешествует.

Пестрый языкастый азиатский мир! В подорожный блокнот перебираются уличные сценки, восточные натюрморты из базарных рядов. В рыночной толчее взгляд останавливается на «резчике по дереву, персидских рукописных книгах, сундуках, самоварах» [230, л. 38]. Над базаром вьется узкая тихая улочка. Поднимаясь по ней, Родионов увидит и «подберет»: «остаток минарета, как окурок», «ребенок с надкушенным гранатом, выглядывающий из дверей», «гнезда аистов на мечетях».

Среди приезжих ротозеев,
Белесым солнцем разогрет,
Хожу на Азию глазею
По глинобитной Бухаре.

Добросовестно изучены несколько музеев в разных городах Узбекистана, в том числе и музей Ленина в Ташкенте, картинная галерея. Авторы и названия работ скрупулезно занесены в тетрадь.

Александрю интересно все, что связано с деревом и орнаментом. В медресе Кукельдаш он открывает для себя резьбу по ганчу² и, конечно, ганчора — мастера. Путешественник записывает имя самого известного резчика по ганчу: Ширин Мурадов, академик Узбекской ССР, под его руководством велись реставрационные работы в республике. Во дворце Пой-Калян Родионов кратко отражает в блокноте рассказ экскурсовода о жемчужине Востока: «Крепость — городище Ар. 20 метров культурных слоев. Стена XVI в. h — 10 метров, ш. — 5 м. Минарет Калян — мастер похоронен на расстоянии 46,5 м — упадет если, то на могилу мастера.

Паранджа = ветром вздута.

Саид алиб хан — последний эмир. В 1920 г. ушел в Афганистан с наложницей-немкой, подаренной Николаем II. Четыре женки за ним вослед. У эмира 4 официальных жены, 420 наложниц. Купанье — избраннице яблоко — ее в баню молоком мыть. Больше 3 дней наложниц не держали.

Не девушек — львам. (Предложение подчеркнуто — Л. В.).

² Ганч — среднеазиатская разновидность гипса.

Пой-Калян — подножие Великого. Минарет Калян (1127). Мечеть Калян (XV-XVI вв) — крупнейшая в Бухаре» [219, л. 3 – 8].

Читая блокноты Родионова, хочется немедленно отправиться по его цивилизаторскому маршруту. Он напикивает себя впечатлениями, чтобы «всплеснулось», чтобы проснулись стихи:

В зените солнце. Время чая
в тени листвяных паранджей.
Но неустанно круг вращает
точильщик кухонных ножей.
Летит искра, дробясь о плиты.
Точильщик стар, бритоголов,
на потном лбу играют блики —
сиянье ближних куполов.
Взглянуть на купол нету мочи —
глазури блеск слепит глаза.
Давно забыт придворный зодчий —
сверкает храма бирюза.
Лишь на макушке минарета,
где муэдзинов был престол, —
никто не помнит, в кои лета, —
сложили аисты гнездо.
Дивлюсь гнезду и минарету,
пирамидальным тополям.
День пролетает незаметно
у стен мечети Пой-Калян.
В полночной мгле с небесной кручи,
взметнув хвостом вселенский прах,
летит искра звезды падучей,
вмиг отражаясь в куполах,
как будто где-то в недрах ночи,
вращая круг едва-едва,
точильщик-время нож свой точит,
бессильный против мастерства.

В конце декабря в Елани болезненный и поворотный 1971 год Родионов завершит фразой: «Подбить бабки для книжки» [230, л. 70].

AVE HOMO

В мае 1972-го Родионов работает в тайге, в составе Таянского отряда Таскыльской партии. А в родном политехе вот-вот начнется Девятый день поэзии. Поэт рвется в alma mater. Сжалились, отпустили. Ожидая самолет в аэропорту, Александр записывает в дневник: «27 мая. Сейчас в Томске, возможно, уже читают и слушают, нужно занять терпения у авиакассира». На семинар он везет «Бухару», другие стихи, кое-что из поэмы: «Сенокос 45 года», наброски к «Камнерезам». Среди наставников Илья Фоняков. Тетрадка Родионова сохранила вопрос, заданный руководителем семинара: что было бы, если бы Демон женился на Тамаре? Серьезная семинарская часть сменяется легкокрылой, где позволено, обнявшись с Бахусом, быть веселым и дурашливым. В блокнотах — рожицы, цветочки, автографы. «Priwet Sache ot Wili!», — пишет поэт из Омска Вильям Озолин.

На Томск, на поэзию, на замечательные встречи отпущены всего сутки. «Томск до слез. Как всегда при редкой встрече, было без сна...» [219, л. 19] В два ночи 29 мая он уже в Елани. После студенческой столицы Сибири геологический поселок кажется хмурым, неулыбчивым. Александр не задерживается в нем, а совершает «перепрыг сразу на Таян». В таежном уединении он рассчитывает сохранить томский настрой. Рубит избу-камералку. Над дверью на фризе выжигает большие буквы: AVE HOMO (Да здравствует человек! — Л. В.). Строчкой ниже и мельче: Otium reficit vires (Отдых восстанавливает силы. — Л. В.). Землянку сторожит деревянная баба, высеченная из бревна топором. Божок хранит одиночество поэта.

Счастливые поля 1972 года. Родионов уравновешен. Ему пишется. Таянским летом он подмечает много интересного вокруг — в природе, в психологии людей. «На переправе люди еще четче». «При возвращении в лагерь мелькнула мысль о чистоте Ленинграде, стоящем на болоте. Таян — болото» [218, л. 2]. «Лошадь из болота выползает на боку. Чудо-лошади, в потемках, темноте, а дорогу — четко» [219, л. 27].

На маршрутах он любит пейзажами: «Салтымаково. Дорога из Медвешки мало интересна. А вот

когда дорога выходит на уступ, с которого открывается пойма Томи, — это ощущение простора. В самом тихом углу — у подножия склона — Боровушка. От нее сквозь пихты видно желтое поле и шишечки стогов. Весь этот простор будет, очевидно, затоплен, если состоится ГЭС. Атлантида медвежьих углов» [219, л. 28]. Попутно делает запасы очаровательных поэтических мелочей: «черемуховые ноты» [219, л. 27]. В его таежных хоромах живет ласка. Она спряталась от разношерстной толпы геологов, гонявших ее. «Проснулся от стука рулетки, потом по спинке кресла скатилась на сидение ласка — опять пришла. Бегала по вьючнику у головы, по черной Библии. Дочери можно рассказать» [218, л. 5об]. Запись о лесном зверьке открывает интересные подробности родионовского быта на Таяне. В землянке — кресло. Грубый крепкий лесной трон. Самодельный, конечно, из подручных деревяшек. Для дома он мастерит другие — изящные, на тонких ножках — креслица, неотличимые от магазинных. Родионов умеет приручить дикое место, любит превратить хаос в космос. Прочел у Брокгауза и Ефрона: «космос» в одном из значений — «порядок, гармония, красота». Отсюда любовь Родионова к словосочетанию «русский космос». Увидев в 2006-м одноименную рубрику в краевом еженедельнике «Два слова», радуется: «Хорошо назвали». Александр рубает деревяшечки, обихаживает свой угол. Ему важно, кроме сиюминутного чувства удовлетворения — смог, сумел, — знать на собственном опыте: каково было ладить с сибирской первозданностью предкам-переселенцам. Каково утверждать на голом месте русский космос? Пока он работает топором, собирая камералки, в сознании зреет тема чистодеревщиков.

Удивительная и важная подробность: с ним в экспедиции Библия. Многие ли читали Вечную книгу в начале семидесятых? Где он ее раздобыл? Нет, книга не бабусина, не Марфы Яковлевны. Может быть, он приобрел ее у старушек, к которым бегал на фольклорную практику?

На Таяне Родионов запрещает себе посиделки у костра и споры «до обугленной ручки молотка». Жалко времени «на потраву пьянству и болтовне. Одиночества, одиночества...», — просит он в дневнике [227, л. 90]. Итог таянского лета — 24 стихотворения. Хороший задел для будущего сборника.

В середине октября, через пять месяцев таежной жизни, партия выдвинется на базу экспедиции, в Елань. «Выходить к людям после такого периода приходится с некоторым сопротивлением». А первого ноября Родионов начнет очередной образовательный «сет»: Москва — Валдай — Ленинград. На этот раз Александр и Лизавета едут вместе.

Перед тем, как рвануть в Европу, Родионов задержится в Барнауле. Глядя с обрыва на пойму Оби, «подумал о том, что на Томи так же. Так же... Да не так. А как? Здесь шире, здесь дома» [219, л. 34]. С Горы он спускается на Мало-Олонскую улицу, где в здании бывшего храма, у Старого базара, располагается архив. В нем «Петруша Бородкин, затертые обрезы толстых связок, архивная сонность. А в описи то и дело рапорты о побегах, убитых, фальшивомонетчиках, о караванах серебра в Питер» [219, л. 34]. Визит в архив Алтайского края ошеломит его. Фонд под первым номером — Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства — содержит 5134 единицы хранения за 1747–1779 и 1797–1828 годы. Второй фонд — Алтайское горное правление — 8337 единиц хранения, датированных 1828–1883 годами [219, л. 13]. Он аккуратно выписывает числа в тетрадь, будто условия задачи, которая вдруг показалась ему слишком сложной. «4.11.72. Подкрался испуг от неспособности переварить толком ту гору материала, которая лежит в архиве» [219, л. 35об].

Но в тот же день явилась и добрая весть из Егорьевки: «Итак, твоя нечаянная мысль о том, что мать достойна быть заслуженным агрономом республики, подтверждена сегодня по телефону» [219, л. 35об]. Родионов, склонный расширять любое событие до символа, до знака, пожалуй, применяет его к себе следующим образом: нужно работать, как мать работает в поле, и непрерывные усилия дадут результат. Слово «поле» приобретает для него еще одно значение — «архивное», дополняя хорошо известные: «русское поле» и «геологическое». В блокноте появляется запись: «Ошеломлен — не обезглавлен».

Несколько дней плотной изыскательской работы в Барнауле, и старый город улегся на блокнотный лист топографической решетки. Из Барнаула Александр заедет с поздравлениями к мате-

ри в Новогорьевское, и уже оттуда через Новосибирск двинется на столицы с заранее составленной просветительской программой. «Обязательно посмотреть Петрова-Водкина и некоторые иконы в Третьяковке» [219, л. 41]. Блокнот испещрен наказаниями подобного рода.

В его отпускном маршрутном листе намечена особая точка — деревня Мешково на Валдайской возвышенности, где живет мать одного из еланских буровиков. Геолог рассказал Александру о том, что в селе сохранилось много старины: и резьба, и вышивка, и иконы, и книги. День поездки отмечен в дневнике впечатлением: «Сегодня в утро. Талый Валдай. Дом, грязь и под гору ручей. Петушки поют. Ажик на всю Русию. Трещит пускач. Поедем в Мешково на тракторе» [219, л. 42 об]. Автобусы в Мешково не ходят. Дорогой к деревне служит глубокая колея от тяжелого транспорта. Прицеп трактора «Беларусь», в который загрузились путешественники, бросает из стороны в сторону. Лиза, боясь вылететь из «салона», крепко цепляется за железные борта.

— Не дрейфь, старуха, — подбадривает Родионов жену. — Сюда в войну даже немецкие танки не прошли.

— Вот именно. Танки не прошли, зато мы в отпуск сюда едем, — отвечает «старуха».

Из Мешково Александр привозит старинные иконы, книги, кое-какую утварь и лапти. После Валдая был Ленинград, где Родионовых приняли Агеевы. Как-то жены, желая удержать мужей от похода в магазин, спрятали обувь Леонида и Александра. Не найдя ботинок, Родионов надел мешковские лапти и отправился в близлежащий гастроном.

Походы в винный отдел, тем не менее, не отменяют намеченной программы. На Ленинград отведено всего десять дней — нужно успевать. С утра — Эрмитаж, вечером — театр, в промежутке — визиты в толстые литературные журналы. В «Авроре» и «Звезде» — «по rasaran» и «посулы на завтра». На обиды времени нет — зовут сокровища Ленинграда. Эрмитажный Матисс только что не скопирован, на листе схематично передана композиция картины. Стоя перед Гогеном, Родионов рассуждает: «Может быть, Гоген смотрел на вещи глазами таитян, не заботясь о том, как будет смотреть европеец на его полотно.

Это одно из условий независимого (самостоятельного) в творчестве» [219, л. 46]. В Русском музее он пригвожден к месту рериховским «Небесным боем»: «желто-зеленые и сине-серые мускулы облаков» [219, л. 51] отправляются в поэтическую копилку.

Прицельный интерес проявляет Родионов к Царице ваз и другим колыванским «казнобам» — вазам из алтайской ренёвки, порфира, белоречита. Зимой 1972-го он знакомится с Зинаидой Александровной Петровой, давним и потомственным научным сотрудником Эрмитажа, знатоком цветного камня. Служительница науки и искусства настолько поразит воображение Александра Родионова, что он введет ее образ в повествовательную поэму «Камнерезы». Увы, Зинаиде Александровне нечем порадовать алтайского исследователя. Родионов передает разочарование в отчаянном стихике:

«Над чем ты мучаешься, бездарь?
Тех лет почти не слышен гул.
Ведь пухлый том
В архивной бездне
Невозвратно утонул.

Папка «Дело о семиаршинной чаше» в Ленинградском архиве утеряна. Есть вариант: Мельников-Печерский — быт того времени. «Россия» Семёнова-Тян-Шанского. «История России» Соловьева. Где прочитать о тракте почтовом Барнауль — Екатеринбург? О том, как пароходы ходили по Чусовой до Питера? Надо читать историю 1800–1850 годов» [219, л. 49]. В целом же поездка дает Александру то, что он так любит: интеллектуальное насыщение, упоение новым знанием. Перед отъездом домой в неотлучном «подорожнике» появится запись: «Итак, Ленинград, прощай. Какой кусочек удалось увидеть... А надо больше».

Подсчитав «белые камешки» в последний день 1972 года, он останется недоволен годовой ревизией: «Главное время отдано не стихам. Это не итог, а факт с огорчением. А подводить черту не под чем. Черта под пустым местом» [219, л. 54]. Слишком строг Александр Михайлович.

Все-таки 1972-й отмечен творческим подъемом. Он хорошо обсудился на поэтическом семинаре в Томске. Написал больше двадцати стихотворений на Таяне. Начал работу в барнаульском архиве и всерьез заарканил две темы — дерево и камень. А поездка на Валдай и в столицы как хороша! Почему же «пустое место»? Во всем — начало. А хочется большего. Двадцать семь лет. «Что сделано?» — спрашивает Родионов себя. Мечты рисуют книгу, непременно сборник стихов.

Летом 1973-го и лагерь разбит на том же месте, что год назад, и сам Родионов живет в том же домике под охраной деревянного божка, но вдохновения нет. Немога. «Месяц Таяна — ни строки. Кажется, только сейчас доходит до тебя тщета всех потуг. Десять лет — полсотни стихов. И до чего же всё мелко, жадно, натужно...» [222, л. 1] «Август — ни в крови, ни в голове» [222, л. 3]. Родионов пытается сдвинуться с творческого нуля, применяя свой особый метод: «...черника, рыба и силой Мандельштам. Остальное должно всплеснуться». Что-то плескалось. «Проклевывался» Мандельштам. «Хочется вертолета, новостей и, вообще, чего-нибудь оттуда», — записал он в дневнике и наворожил. Выпала и этому Таяну благодать. Начальник геологической партии Алексей Минин, встретив на еланской улице Лизу и Веронику, предложил им: «Я на Таян, давайте со мной. Туда и обратно. Папку проведаете». Приземлились на вертолетной площадке в тайге, но папку в лагере не застали. Родионов был на маршруте. Через час Минин улетел один. Лиза махала руками, кричала стрекотавшей над макушками сосен «вертоптахе» (словечко из родионовской тетрадки) о завтрашней работе и строгом начальнике, который всех убьет. Геологи смеялись. Они знали: мама и дочка забыты в тайге намеренно, это подарок. В партию Лизаветы отправили радиogramму, а Родионовым выпала сказочная неделя.

Летели-то на часок — как были, в платяцах. Геологини тут же поделились с Лизой запасными штанами, кофточкой, косынкой. А где найти одежду для шестилетней Вероники? Ребенка нарядили в трико и рубашку самой маленькой женщины в геологической партии, поварихи. Резинку трикошек

затянули под мышками, штанины и рукава подвернули. В семейном альбоме хранится фотография, запечатлевшая девочку в чудном балахонистом облачении верхом на лошади. Рядом, придерживая уздечку, стоит отец. Таянское лето осталось с Вероникой навсегда. Таежная трава щекотала щеки; на берегу горного ручья вдвоем с отцом они слушали выступление «лесного оратора». «Папа в природе чувствовал себя уютно и комфортно. Он учил замечать незаметное. Услышать что-то такое... в журчанье ручья, в шелесте травы».

И маме, и дочке таянская неделя запомнилась ярким праздником без точных дат. А дневник Родионова достоверно сохранил год, число и эмоции: «14.08. 1973. Уехали. Улетели. Тихо, как всегда после неожиданной радости» [222, л. 5].

НОВОЕ ПОЛЕ

В ноябре 1973 года Родионовы переезжают в столицу Алтайского края. Александр и Елизавета давно собирались двинуться в город, где есть большая библиотека и архив. Это важно для Саши, который без литературной работы, как когда-то без гор, уже не мыслит себя. Барнаул или Новокузнецк — кажется, особых предпочтений не было, главное, чтобы нашлась работа по специальности. Должность в барнаульском ТИСИзе³ предложили Лизавете, в этой же организации нашлось место и для Александра. В ожидании кооперативной квартиры Родионовы живут на съемной, в поселке Осипенко. Неблагополучный район, частный сектор, в распутицу грязь по колено. Зато в доме через дорогу сосед собирает телескоп. Герой Шукшина, помнится, мечтал о микроскопе. Мимо необычного человека Родионов не мог пройти. Познакомился. Об осипенковском астрономе напоминают несколько строк в дневнике:

Светало. Замыкались башни створки.
Сосед мой возвращался со звезды [220, л. 86].

³ ТИСИЗ — трест инженерно-строительных изысканий.

Литературная среда Барнаула в начале 1970 годов довольно активна, интересна. Писательскую организацию на тот момент возглавляет Иван Павлович Кудинов. Выделяется «серьезный отряд литераторов, родившихся в 1918–1925 годах» [14, с. 210]. Это писатели-фронтовики Георгий Егоров, Николай Дворцов, Пётр Бородин, Пётр Старцев, Марк Юдаlevич. Не нуждаются в особом представлении местному читателю и особенно детям Лев Квин и Виктор Сидоров. Есть поэты: Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Сергеев, Василий Нечунаев. В литературной студии «Родник» при газете «Молодежь Алтая» занимается небезынтесный поэтический народ: Борис Капустин, Станислав Яненко, Владимир Коржов, Николай Байбуза, другие. Однако студийцы, многие из которых ровесники Родионова, творческой компанией для него не станут. Александр появится на занятиях разок-другой и не задержится. Василий Казанцев останется для него непревзойденным наставником.

В 1973 году в Барнауле нет тех, кто составит литературный и дружеский круг Александра Родионова. Владимир Башунов работает в ельцовской газете «Заря Востока» и приедет в столицу края в 1975-м. В 1977-м вернется из московской аспирантуры Виктор Горн. Все трое, по определению Родионова, «одна грибница», дети победных сороковых. Родионов 1945 года рождения, Башунов — 1946-го, Горн — 1949-го. «Писатели, как и грибы, растут слоями», — говаривал, улыбаясь, Александр Михайлович. На десяток лет старше Евгений Гуцин и Леонид Мерзликин, которые тоже войдут в ближний круг общения, но и они пока за пределами Барнаула. Какое-то время Родионов держится одиночкой.

Прошло немногим больше месяца после переезда из Елани в Барнаул, а он уже отправляется в Тальменку. Александр беседует со старожилками о своем: деревянная резьба, мастера, родина предков и попутно обо всем, что интересно сельчанам. Вечером в гостинице заносит в дневник впечатления дня: «Вопросы старух грубоваты, может быть, но в точку: а вот у тебя бывают счастливые дни? Но когда речь заходит о вере, то это не грубо, а безжалостно прямо: а ты во что веришь? И к ужасу не сразу найдешь, что ответить, а лепет не спасает» [220, л. 5].

Перебираясь в Барнаул, Родионов имеет договоренность о выпуске стихотворного сборника в Кемерове. Рискнула и предложила Александру сделать первую книгу редактор Кемеровского книжного издательства Тамара Ивановна Махалова. Она и работает с молодым автором, дисциплинируя его строгими письмами на издательских бланках. «Саша! Необходимо приехать в издательство. В октябре я должна уже сдать сборник в производство. Гена (художник Геннадий Кравцов — Л. В.) полным ходом делает оформление. Командировку тебе оплатит СП, до 5-и дней. Только командировочное удостоверение возьми в барнаульской газете или местном отделении союза писателей и отметь там же дату выезда. Позвони, когда приедешь. Заранее. Если есть новые стихи — захвати. С приездом не затягивай — книжка не ждет, план тоже» [317].

В конце декабря 1973-го Александр завершает рукопись будущей книги, а первого января 1974 года у него черне готова поэма «Камнерезы» для второго сборника. Еще через четыре дня: «Завтра в библиотеку, пришел том «Отечественных записок» 1820 года. Что там о Колывани?». В краевой библиотеке нового читателя запомнили сразу и поначалу называли между собой «Рыжим» («Там Рыжий пришел»). Но очень скоро все знали фамилию «Родионов». Приходит ежедневно после шести вечера, сидит до закрытия.

И все же первый барнаульский год подарит Родионову настоящую дружбу. На литературном вечере, проходившем на Алтайском заводе агрегатов (АЗА), Александр знакомится с Виктором Петровым, инженером, начальником цеха. В советское время выступления писателей проходят на всех промышленных предприятиях края, но АЗА славится особой любовью к литературе. При цехе Петрова, а в нем работает около 600 человек, по инициативе директора Дома книги Александра Ивановича Морозова обустраивается народный книжный магазин. Витрина с книгами устанавливается в просторном красном уголке, расположенном рядом со столовой. В обеденный перерыв книжный прилавок не миновать. Ассортимент широкий: техническая литература, детская, художественная. Отдельная

полка выделена под книги писателей Алтайского края. Они пользуются особым спросом. Рабочие знают всех местных литераторов в лицо. Организатором заводских встреч выступает поэт Владимир Казаков, работающий в Доме книги у Морозова. Накануне поэтических посиделок в красном уголке появляется выставка книжных новинок.

Поэты Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Башунов, Александр Родионов и композитор Михаил Стариков с неизменным баяном не раз выступали для рабочих из цеха Петрова. Как правило, все сто мест в актовом зале заняты, опоздавшим приходится стоять вдоль стенки и в дверях. По окончании музыкально-поэтического концерта рабочие с книжками в руках идут к поэтам за автографами. Шумно, радостно. В дружеской толчее объявляются земляки, завязываются знакомства, все благодарят друг друга. Только подумать: люди после восьмичасовой смены у станков! А когда слушатели расходятся, писателей приглашают в столовую — не отпускать же гостей голодными. В застолье и выясняется, что Родионов и Петров — однокашники. Виктор окончил механический факультет ТПИ в 1963 году, а на следующий год стал студентом Томского политеха Александр. Alma mater сразу сблизила их.

Виктор Сергеевич Петров — добрый ангел Александра Родионова. В трудные девяностые годы и после, и до самого последнего вздоха Александра Михайловича Петров будет ему надежной опорой.

Другая вечная дружба начнется с заочного знакомства, дата которого достоверно известна: 4 марта 1973 года. В этот день Родионов купит газету «Алтайская правда» и прочтет статью «Сохранить дома с кружевами», одним из авторов которой обозначен Борис Кадиков. В это время Родионов еще живет в Елани, но в Барнаул наезжает: посещает библиотеку и архив, покупает местную прессу. Личное знакомство с Борисом Хатмиевичем состоится через год с небольшим в Бийске, куда летом 1974-го Родионов будет приезжать рейсовым автобусом на выходные дни, чтобы изучать бийскую деревянную резьбу. Она здесь особенная.

Кадиков — директор Бийского краеведческого музея, первооткрыватель рунических письмен на Алтае и вообще личность легендарная. Он станет для Родионова и наставником, и другом, и героем публикаций. Кадиков и Родионов сошлись на русской старине, на любви к полевым сезонам (теперь археологическим и этнографическим), на защите уходящей культуры.

5 сентября 1974 года в дневнике Родионова появляется запись: «Только что из Бийска. Там находка — 10 эскизов наличников. Возможно, из мастерской Борзенкова» [222, л. 18]. В предчувствии открытия он возбужден. На этом фоне довольно сдержанно звучит другая новость, отмеченная тем же числом: «У меня родился сын. Сын — посох». Уточнение на полях: «Родился 4 сентября» [222, л. 19].

Почти детективные разыскания бийских резчиков начала XX века, кажется, перекрывают все другие интересы. Родионов пропадает в бесконечных поездках, курсируя между Барнаулом и Бийском. Однако самые ответственные дни он проводит с семьей. Первого сентября дочь идет в первый класс. На праздничную школьную линейку Родионовы отправляются всей семьей. Отец фотографирует дочку, красивую улыбчивую девочку в белых бантах и фартучке, с торжественным букетом гладиолусов. «В кадр попала я и мамин животик, в котором будущий брат, — вспоминает Вероника. — Кроме черного портфеля, папа подарил мне перед линейкой маленькую фигурку человечка, который мог курить. Необычную игрушку можно было положить в портфель и ходить с этим человечком в школу. Четвертого вечером родители сказали, что скоро вернутся. Я осталась гонять на улице. А потом всю ночь мы с папой куда-то ездили, он делился радостью с друзьями: родился сын. В сентябре 1974-го я и в Бийск, помню, ездила».

И еще одна запись от 5 сентября. «За все лето материал для одной статьи — это непростительно». Первая публикация Родионова в алтайской прессе называется «Мелодии резных карнизов». Она напечатана в газете «Молодежь Алтай» 10 октября 1974 года. С этого момента статьи внештатного корреспондента Александра Родионова регулярно появляются в алтайских СМИ.

ПЕРВАЯ КНИГА

Финальная рукопись поэтической книги «Начало поля» «заключена 19 июня 1974 года в пять часов утра» [222, л. 12]. За два дня до тридцатилетия автора сборник подписан в печать в Кемеровском книжном издательстве. Александр Родионов явно готовит себе подарок. К этому времени книга нужна ему по-зрелому. Родионову, всегда и во всем нацеленному на результат, период ученичества кажется слишком долгим. Публикации по одному-два стихика в местных газетах его давно не устраивают. Кажется, он мог и на кон поставить: или книга к тридцати, или и попытаться нечего быть литератором.

Книга вышла. На мягкой обложке цвета мяты пасутся каурые кони. Знающий читатель, несомненно, соотнесет рисунок со стихотворением «Две недели подряд я живу в конюховке...».

Хорошее название «Начало поля». Просторное. Оно удачно и в смыслах, и в звуке. И Родионову очень идет. В его Ивановке чистое поле начиналось у крыльца и нигде не кончалось. Брали ли мать четырехлетнего сына с собою в бригады, шел ли он пешком в школу за пятнадцать километров, вглядывался ли в горизонт, залезая на дерево в рощице, прильнувшей к родной деревне, — всё «степь да степь кругом». В юности познал он и другое поле. «Он в поле», «начало поля», — так говорят геологи. И «жизнь прожить, не поле перейти», конечно, тоже здесь читается. И есть еще поле литературное. Все сошлось в этом названии.

Сборник, насчитывающий 62 стихотворения, вышел тиражом 7000 экземпляров, что в наши дни для начинающих поэтов просто немисливо. На фронтисписе — портрет Родионова, молодого поэта с пышной бородой и четко очерченным профилем. Он смотрит не на читателя, а вверх, в небо. В лице — и мечтательность, и напористость. Автор снимка Борис Брызгин — фотокор «Молодежи Алтая», легендарный в алтайском журналистском цехе человек. Редактором и автором вступительной статьи стал ленинградский поэт Леонид Агеев. В машинописном варианте «вступилка» существует без подписи. Можно предположить, что статью писал молодой автор самостоятельно. Обычная,

в общем, практика: именитых не затрудняют, они вносят правки и дополнения сверху, по писаному. Редактора первого сборника Родионов выбирает, пожалуй, из двоих: Василий Казанцев или Леонид Агеев. Оба относятся к Саше тепло. С обоими Родионов состоит в переписке и встречается во время «образовательных» наездов в столицы. В какой-то момент решилось: Агеев.

Интеллигентный, скромный поэт из Ленинграда стал для Саши Родионова главным проводником в литературный мир. Александр Михайлович благодарно помнил Леонида Мартемьяновича всю жизнь и неизменно повторял: «От него я видел только помощь».

В коротенькой вступительной статье к сборнику «Начало поля» Агеев вспоминает о первом знакомстве с Сашей Родионовым, произошедшем, конечно, на томском Дне поэзии, отмечает диапазон тем молодого поэта, обращает внимание на его искренность, желание одушевить все, что окружает, — «стремление закономерное для людей, много времени проводящих на природе, часто — наедине с ней» [1, с. 5]. Кроме того, стихи Родионова отличает предельная автобиографичность, по ним можно восстанавливать подробности его жизни, и Агеев, разумеется, отмечает эту особенность: «Автобиография, как говорится, — в стихах. Вплоть до даты рождения поэта: до Победы за три дня» [1, с. 6].

Летом 1975-го «Начало поля» в руках читателей. Книгу открывает «Ручей Таян». Гулкое столпотворение сонорных: ри-ре-ерьра, ро-ре-рва-оро... И благородный образ лесного оратора.

Скалой лобастой не напуган,
а прижимаясь плотно к ней,
ревет ручей Таян с натугой,
грохочут камушки на дне.
Шумы, шуми, лесной оратор!
Средь каменистых берегов
Ты сам проверь тысячекратно
Звучанье слова своего.
Катай во рту обломки кварца,
бери граниты в оборот,
чтоб, рокоча, к реке прорваться,
косноязычье поборов.

Книжечка хорошо разошлась в Кемерове, Барнауле, других сибирских городах. Ее заметили критики. Внимание к «Началу поля» — не исключительное обстоятельство, а норма литпроцесса 1970 годов: страна читает. На страницах газеты «Комсомолец Кузбасса» дает рецензию на стихотворный сборник Родионова поэт Михаил Александрович Небогатов (1921 – 1990). Известный человек, фронтовик, орденносец, он стоял у истоков Кемеровской писательской организации, много помогал начинающим поэтам, вел раздел «Факультет молодого литератора» в газете. Кроме того, Михаил Александрович состоял в многолетней переписке с Александром Трифоновичем Твардовским. Получить от Небогатова отзыв на первую книгу почетно.

В статье «Согреть — не только греться» Небогатов отмечает, что «Начало поля» производит общее хорошее впечатление, ибо «автор твердо усвоил главное: поэт создан мыслить образами. Какой бы темы ни касался Александр Родионов, разрабатывает он ее посредством образного мышления, в этом убеждают нас лучшие его стихи, в которых немало поэтических находок». Небогатов посвящает отдельный абзац стихотворению студенческих лет «Загорели мы с тобой...». Хвалит, ибо сочинение «оборачивается одой человеку-труженику». Другие «хорошие и просто отличные стихотворения» автор статьи перечислит через запятую — их тринадцать. Наименее удачными Небогатов называет «стихи сугубо геологического характера. Образны они, а как-то не трогают, не волнуют». Отсутствие эмоциональности во многих стихах Михаил Александрович считает главным недостатком сборника.

В другом кемеровском издании выходит статья «И себе принадлежать» Владимира Петраша (1938 – 1985), поэта, товарища Родионова по новокузнецкому литературному объединению «Гренада». Рассуждения Петраша о том, что «стихами теперь никого не удивишь, что при желании их может написать любой грамотный человек», дают представление о всеобщей погруженности советской молодежи в поэтическую стихию, подтверждают: книги, литература — это модно в 1970 годы. О поэзии Родионова Петраш говорит: «Порой стихи молодого автора чем-то напоминают дневниковые записи, и если бы поэт не смог подняться

над фактом, они ничем не отличались бы от стихов среднего уровня, которые уже не способны взволновать читателя». Пётраш, как и все рецензенты Родионова, выделяет «Конюховку», ему, как многим, нравится, что «за будничностью встает человек, хорошо понимающий свое назначение в жизни, свою причастность к делам страны».

Статьей «Свое выражение лица» откликается на книгу Родионова доцент Кемеровского государственного института культуры Инна Тимошенко. Думается, номер «Комсомольца Кузбасса» от 28 августа 1975 года Александру было приятно держать в руках. Литературовед пишет: «Взгляд поэта многократно обогащен поэтической фантазией: в небе он пристально наблюдает «битву» облаков (уж не с них ли написан "Небесный бой" Рериха?). <...> В остановившемся ветряке читает как бы скрытое в нем живое чувство: "и не верится мне, что затих он и замер, просто он за звезду зацепился крылом"». Критические замечания автор статьи высказывает в виде пожеланий: «Пусть придет и строгий расчет мастера: малая форма родионовских стихов станет плотной, объемной и экономной, рифма — разнообразной, гибкой и точной, а образная ассоциативность стиха позволит избежать пейзажного натурализма, "перечисленности", найти еще не открытые поэтические связи». Кроме того, Тимошенко рекомендует Александру Родионову «расширить жизненный диапазон своих стихов: пусть будет масштабнее охват жизни, острее социальное зрение, пусть его стихи что-то отстаивают, опровергают, защищают — тогда в них отразится сложная диалектика жизни, ее реальные противоречия, ее драматические узлы».

Во всех трех отзывах сильны установки советской критики, нацеливающей на социальную заряженность, на присутствие в произведении людей труда, на способность героя жить одной судьбой со страной. Все это имеет право быть (и есть у Родионова), как, впрочем, и «тихая лирика», и взгляд созерцателя. Увы, рычащий, «катающий обломки кварца во рту» «ручей Таян» остается незамеченным.

Проявляет интерес к дебютной книжке Родионова поэт Игорь Кисилёв (1933–1981). Его статью «Начало поиска» публикует литературный альманах «Огни Кузбасса», первый

выпуск 1976 года. Пожалуй, точнее, чем слово «поиск», ничто не определяет смысл жизни и творчества Родионова. «Поиск вел меня по жизни», — уже в солидных летах говорит и сам Александр Михайлович. По прошествии четырех десятков лет статья Киселёва ценна не литературным анализом, который, во многом совпадает с видением других рецензентов, а живым портретом Родионова, который критик дает сразу же, в первых строках. «Свои короткие заметки о книге Александра Родионова «Начало поля» мне хотелось бы начать с необычного утверждения. Дело в том, что мне нравится этот человек — шумный, непоседливый и удивительно рыжий; мне нравится та атмосфера, которая возникает в скучном редакционном кабинете вместе с его появлением. Это атмосфера дальних и трудных дорог, причем дорог не туриста, а человека работающего, жадно и пытливо впитывающего в себя «все впечатления бытия» и делающего это не только «по праву пешехода», по праву своего поэтического призвания, но и — в первую очередь — по долгу службы». И правда, вокруг Родионова всегда устанавливалась удивительно рыжая атмосфера — яркая, магнетическая, с интеллектуально плотными слоями.

Александр дарит первую книжку друзьям, родственникам, наставникам. Шлет почтой однокашникам, разлетевшимся во все концы Советского Союза, Казанцеву (ему посвящено стихотворение «Река Кассан-Сай»), Агееву. В Егорьевку сборник приходит с надписью на форзаце: «Мама, Николай, Люба, Толя! Шлю вам всем книжку — первый блин. Саша». Получает подарок и любимый учитель и математик Теодор Давыдович Зауервейн.

Василий Иванович Казанцев, понимая, что его отзыв важен для ученика, отвечает без задержек, письмо датировано 24 июля 1975 года: «Саша, дорогой, здравствуй! Спасибо за книгу. Спасибо за посвящение. Книга твоя явилась для меня приятной неожиданностью, хотя я всегда верил в тебя как автора и, кажется, должен бы быть готов к появлению книги. Прочел ее с удовольствием. Кое-что в ней показалось мне знакомым еще по Томску. Самыми интересными показались стихи «В ту пору отчуждения долгого...», «Было время в зимовье...», «Потеснись-ка, зверье лесное...», «Переполах еще не поднят...». Интересны также: «Сними часы, закинь в траву...», «Наш колодец...», «Рисует

дочь...», Баллада о мельнице, «Тишина еще над поселком...», «Воспоминание», «Жил возле речки дядя Митя...», Топография, Река Кассан-сай, «О чем басил цветку на ухо...», «Рублю избу...»

Что ж, начало положено. Теперь, как говорится, давай жми! Для тебя настала самая пора. Говорят, что в возрасте от 30 до 40 пишутся самые главные, лучшие стихи. Не упusti время. (Впрочем, у каждого поэта свои главные сроки. У одного — от 20 до 30. У другого — от 60 до 70).

Пиши. Будешь в Москве — заезжай! Жму руку. В. Казанцев» [214, л. 5].

Лучший друг пишет 13 октября 1975 года:

«Здравствуй, брат Сантей!

Получил от тебя и сборник, и письмо. Поздравляю, Саня, со сборником. Есть хорошие стихи, от души, и в целом сборник хорош. В продаже в Тайге, Тяжине, Комсомольске его нет, хотя в Тайге был. Наблюдал со стороны, как его покупают. Это надо видеть. Молодец, Саша! Твой Лёшка Рихванов» [214, л. 90].

На отзывы критиков, на письма друзей Александр, вероятно, как-то реагирует, но в дневниках нет ни единой строчки, обнаруживающей его эмоции по этому поводу. Летом и осенью 1975 года им уже владеют новые замыслы.

Десятилетие, предшествовавшее первой книге, далось Александру Родионову непросто. Мало поощрений, много — в три смены — работы. «Начало поля» — первая литературная победа и первая награда.

Д. ИОНОВ. И. ФАТИН

В конце января 1975 года семья Родионовых переезжает в собственную квартиру в кооперативном доме на улице Гущина. После съёмного угла три своих комнаты кажутся хоромами, теперь у Александра есть рабочий кабинет. Сразу после новоселья Родионов уходит из АлтайТИСИза и устраивается в Барнаульское межрайонное объединение «Сельхозтехника». Характер работы связан с поездками по краю. В то время как рецензенты и друзья пишут статьи и письма

с отзывами на «Начало поля», Александр колесит по алтайским городам и весям, совмещая должностные обязанности и работу над новой книгой, которой уже дал название, — «Чистодеревщики». С 18 по 22 июня он осваивает маршрут Павловск — Ребриха — Мамонтово — Алейск — Усть-Калманка — Краснощеково — Курья — Рубцовск. С 7 по 9 июля проходит Лопари, Усть-Козлуху, Маралиху; 24 и 25 июля остается в Усть-Чарышской Пристани. Его тетради пестрят названиями деревенских улиц, пометками о фотофиксации, рассуждениями о мотивах деревянной резьбы. «Старая Барда. Пер. Пионерский, 1. Наличники с полушариями, скомпонованными в гроздь. Верхний шпренгель есть на пленке». Или: «Бобровка озадачивает: может быть, есть где-то в легендах истоки мотива — заглывание хвоста? Самоеды-змеи — символ вечности» [223, л. 53об]. Родионов занес в блокноты, а их несколько с заголовком на корочке «Чистодеревщики», сотни деревень, за которыми закреплены те или иные мотивы деревянной резьбы: птицы, драконы, цветы, геометрические фигуры. «Ехали через Видоновский бор. Видоново — М. Калтай — Камышенка — Черемушкино. П. Восход уже кытмановские мотивы» [223, л. 63]. При помощи условных знаков он отражает на карте Алтайского края разные виды резьбы: «гл — глухая; нак — накладная, пр — пропиловка; плр — плоскорельефная» [209, л. 1]. После знакомства с рабочими материалами для книги «Чистодеревщики» возникает понимание, почему Родионов знал край как свои пять пальцев. Александр Михайлович просто-напросто прошел его пешком, а приметы местности записал: «По дождю в Ст. Перуново. Два вздоха долины Чумыша. Зеленый склон дважды отбегает от берега» [223, л. 55]. «Верх-Марушка. Слева от дороги на Целинное (из Бийска) полуразрушенный дом с волотными наличниками» [223, л. 4]. Родионовские подорожные тетради фиксируют и попутную информацию, и встречи с людьми. В Сорокино Александр выслушивает потешного деда Мишу: «Старуха умерла два года назад, ходит тут ко мне одна. Вот недавно была, я у ней вчера был. Пьет. Я только стопочку, а она все. Ну, правда, поросенок у нее килограмм на сто...» [220, л. 9].

Вдобавок дневные журналы Родионова — это всегда словарь устаревших слов. «Вешняк — запорный ставень. Сок — отходы

В газетах «Звезда Алтая» (от 11 марта 1978) [117] и «Молодежь Алтая» опубликованы статьи И. Фатина: в «Звезде» — «Согревать — не только греться» (странно, что заголовок идентичен кемеровскому трехгодичной давности), в «Молодежке» — «Лирический дневник» [116]. Материалы хвалебные. В качестве лучших цитируются строчки стихотворений из первой книги. Фатин больше говорит о содержании поэтических текстов, нежели об их формальной организации. Резюмирует: «Голос негромок, но стихи напевны, свежи, чисты». Поэмы также удостоены одобрения.

Загадочный персонаж этот И. Фатин. Никто из газетчиков Барнаула и Горно-Алтайска, работавших в семидесятые годы, не помнит такого человека. В кратком временном отрезке с 1975-го по 1979-й он написал не больше десятка рецензий: две на Николая Черкасова, две на Родионова, по одной на Геннадия Панова, Владимира Башунова и на очерковый сборник «От Кулунды до Кош-Агача». Рецензия на публицистическую книгу называется «Люди передового края». Это самая ранняя статья Фатина, она прошла в «Алтайской правде» 20 сентября 1975 года [112]. В ней автор выделяет произведения Ивана Кудинова, Ивана Чернавцева, Виктора Попова, Николая Дворцова, Льва Квина, Николая Павлова, Евгения Гущина, Виктора Слипечука и Ивана Олиферовского. В общем и целом — обзорный материал с кратким пересказом очерков и безадресным указанием недостатков. В других статьях Фатин анализирует стихотворное творчество земляков. Рецензия «Говорю о своем селе» [114] посвящена поэме «Паново» Геннадия Панова. В центре материала «Из огненной дали» [115] поэма Николая Черкасова. Его же сборник стихов «Милая родина», четвертый по счету, становится предметом внимания в заметке «Живет любовью обоюдной земля и человек» [118]. Взвешенные разборы, плюсы, минусы — все по делу. Последний раз таинственный рецензент появится на страницах газеты «Молодежь Алтая» 2 августа 1979 года со статьей «Прочтите сказку до конца» [119], посвященной стихотворному сборнику Владимира Башунова «Три дождя». Кстати, автор иногда ставит под фамилией свою прописку «г. Горно-Алтайск». Но кто он, этот Фатин? Или Фатин? Скорее, второе. Фатин — легкая сетчатая ткань,

вуаль, фата. В переводе с тюркского: легкое женское покрывало из кисеи, шелка, тюля. Вероятнее всего, Фатин — псевдоним. Что ж, многие алтайские писатели обращались (да и теперь не прочь) к литературной мистификации. По всей видимости, не удержался и Александр Михайлович. В статьях Фатина обнаруживаются характерные речевые обороты, любимые слова Родионова: «самоцветное слово», «больше простора мысли» (без «простора» Родионову как без рук). Отдельные выводы — «ее замысел значительнее исполнения» [114] — пересекаются с выписками и рассуждениями в дневниках Александра Михайловича. Наконец, рецензии Фатина на «Краснотал» написаны по мотивам кемеровских откликов на сборник «Начало поля». «Рецензент из Горно-Алтайска» поддерживает автора «Краснотала» на фоне всеобщего молчания коллег. Он, как может, защищает поэта, которому ставят в упрек монотонность, привязанность к одной теме. Прикрывшись покрывалом, «заступник» говорит: человек пишет о том, что хорошо знает. Сомнений не остается: под фатином прячется Александр Родионов.

Кроме И. Фатина, благосклонно отнесется к «Красноталу» Аркадий Голик. Рецензент, что интересно, не литератор, а психиатр. В статье «Спасибо, поле, травы, птицы...» Голик отмечает орнаментальность стихотворений Родионова, чему способствуют образы птиц. «Сборник буквально населен птицами», — подчеркивает он. «Птицы — лишь символы. За ними скрыты чувства поэта. Высвободить их — значит выпустить птицу на волю» [123]. Анализ стихов с позиций психиатрии очень, мягко говоря, специфичен. Сквозь отдельные абзацы, в которых автор жонглирует понятиями материального, духовного и орнаментального, просто невозможно продрагаться. «Наиболее удачным и зрелым произведением Родионова» Голик считает поэму «Агашевна». «Эту удачу, как мне кажется, определила вдумчивая работа автора над фольклором, который привнес в поэму своеобразие, душевность и простоту». Указав на некоторые недостатки, как того требует классическая форма рецензии: «Стихи о работе... мне кажутся менее интересными», автор делает вывод: «Сборник «Краснотал» — хорошая заявка».

Иначе звучит статья Евгения Скворешнева (настоящее имя Евгений Скворцов) «О чем-то несущественном скорбя...» [122], опубликованная в декабрьском номере «Алтайской правды». Автор разбирает книги молодых поэтов: «Васильковая вода» Владимира Башунова, «Сентябрь» Станислава Яненко и «Краснотал» Александра Родионова. Ругает всех. Башунова — за мечтательность, созерцательность и даже слезливую сентиментальность, которая выражается в обилии уменьшительных слов: «девчоночка, тихонько, Русь-славяночка» (на мой взгляд, с образом Руси как раз все хорошо у Владимира Мефодьевича). Родионова — за «корявые рифмы». «Стихи зачастую напоминают скверно зарифмованную прозу. Законы стихосложения знать надо», — требует критик. В «Агашевне» Скворешнев хвалит «работу над фольклором», а о «Камнерезах» говорит следующее: «Родионов попытался написать поэму». В качестве достижения рецензент отмечает «жизнеоснову» стихов. В целом, статья жесткая и обидная, но аргументы в ней крепки.

С «Красноталом» Родионов, конечно, поспешил. Книга и ему самому не дает ощущения успеха. Понять автора можно: он торопится в Союз писателей. Выбор между геологией и литературой сделан. Замыслы теснятся, а времени на их воплощение катастрофически не хватает. Писательский билет даст возможность перевести литературную деятельность в разряд основной.

Камертоном в оценке «Краснотала» выступают письма учителей и старших товарищей. Десятого августа 1977 года Родионов записывает в дневник: «Вернулся из Кулунды. Письмо с рекомендацией от Василия Ивановича. Ну, вот и есть оценка. Ни единого стиха из второй книги не названо. О поэмах ни слова. Это поточнее критики». Казанцев высылает Александру рекомендацию в Союз писателей. Конечно, по просьбе ученика. Аккуратно добавляет: «Скажу по секрету, первая книга мне понравилась больше» [214, л. 9].

Письмо Леонида Агеева с отзывом на «Краснотал» датировано 30 сентября 1977 года. «За книжку — мерси! Хорошо, что она вышла, теперь проще тебе будет со вступлением в СП. Стихи выбраны хорошие, о поэмах говорить труднее.

«Камнерезы», конечно, приведены тобой в божеский вид по сравнению с тем, что я имел ранее на руках. С чем-то можно и сейчас спорить, ползать по строкам и т. д., но не стоит. Представляю, до чего тебе больше не хотелось с поэмой что-либо делать, да и не виделось, наверно, что. Пройдет какое-то время — поглядишь другими глазами. А пока пусть будет все так — этап есть этап. «Агашевна» более традиционна, написана ровнее и красочней, но, пожалуй, помельче, что начинаешь ощущать со второй трети: идет снижение значимости факта. Завидки берут (это касается обеих поэм) на твой патриотизм (алтайский) — это я в хорошем смысле» [213, л. 2].

А что сам Родионов думает? К примеру, о поэме «Агашевна», которую он посвящает «Борису Хатмиевичу Кадикову, неутомимому исследователю Горного Алтая», и в журнальном варианте печатает под заголовком «Уймонская быль». Заглянем в дневник: «9.10.76. Вчера точка на «Агашевне». Что же вышло? Лубок? Этнография? Или портрет?» «11-12.10.76. Поэма читана Володе и Лёне. Потом Лизавете. Лёня сказал: «Хорошо нарисовано». Это в полдень. А ночью на вокзале: «А нельзя ли покруче? Чтоб не повествовательно». Володя: «Хорошая штучка». И всё. И все-таки где-то я не весь выложил. Вроде бы ершисто по словарю, а по напряженности смысла и событий — гладко больно» [222, л. 29].

«Агашевна» дождется доброго слова спустя десять лет. Да еще от кого — от Валентина Яковлевича Распутина! Известный писатель пишет Александру Родионову 6 февраля 1988 года: «Спасибо и за книжечку. Об «Агашевне» зря Вы с извинениями, поэма мне понравилась. Мне жаль лишь, что в Уймоне, в сущности, и не побывал. Наскоком туда нельзя. Надеюсь присесть там на подольше, может быть, этим летом. Да побродить без начальства и влиятельного сопровождения. Еще раз спасибо. Единственное, чем могу сейчас ответить, — книжечкой, изданной в прошлом году в Иркутске. Искренне. В. Распутин» [215, л. 24].

После выхода «Краснотала» Родионов обращается за рекомендациями для вступления в Союз писателей к Василию Казанцеву, Леониду Мерзликину, Илье Фoniaкову. Никто не отказал, все три характеристики хранятся в архивном фонде

Родионова. Илья Фоянков вместе с рекомендацией отправляет письмо Александру. Оно весьма интересно, его следует привести целиком.

«Ленинград, 28 сентября

Дорогой Саша!

Спасибо за книжки.

Рекомендацию высылаю, хотя должен признаться, она стоила мне сомнений и колебаний. Стихи мне в целом нравятся, они лучше многих стихов, принадлежащих членам нашего Союза. И вообще: если уж Гену Панова — милого парня, но очень слабенького стихотворца — в Союз приняли, то уж Родионова-то сам бог велел!

Но:

1. Надо ли оценивать поэта, отталкиваясь от нижнего предела?

2. Материала все-таки мало: две небольшие книжки, в значительной мере повторяющие одна другую. Их, строго говоря, мало, чтобы судить, п и с а т е л ь с т в о ли это. Ведь Союз писателей — это не просто союз талантливых или способных...

3. Самое главное: боялся я, как бы не сбить с пути хорошего человека. Думал: вот станет Саша членом Союза, бросит работу, как все нынче делают, станет существовать на ненадежный литературный заработок, торопить себя — и потеряет геология геолога, а поэзия, может быть, поэта...

Для чего все это пишу? Хочу сказать, что рекомендацию дал в какой-то мере авансом. Хочу, чтобы ты со всей серьезностью подошел к этой вехе в своей жизни. Бросать или не бросать «первую» профессию — сложный вопрос. Но если уж переходить на литературный хлеб, то, по-моему, этот хлеб должен быть не только поэтическим. Пусть будет очеркистика, переводы, исследования — что душе ближе...

Извини, Саша, за этот наставительный тон. Он только от самого хорошего, дружеского отношения к тебе и твоим стихам. Желаю всяческого успеха. Илья Фоянков».

Заручившись поддержкой известных поэтов, Родионов откладывает документы в сторону. Причины отступления от планов могут быть разными. Возможно, свою роль сыграла интонация одолжения, прозвучавшая в устах поручителей.

ВПЕРЕДИ БЕСКОНЕЧНАЯ РАБОТА

С лета 1978 и до осени 1979 года в жизни Родионова происходит несколько важных событий. В их числе работа на конференции, посвященной его любимой Колывани, участие в VII Всесоюзном совещании молодых писателей, проходившем в Москве, и поездка на БАМ в составе алтайской агитбригады.

Научная конференция «Искусство Алтая в XVIII-XIX веках» проходит в Барнауле с 13 по 15 июня 1978 года. Изначально событие планируется к 175-летию Колыванского камнерезного завода, но все успелось и срослось только через год, к 176 дню рождения знаменитого предприятия. Как бы то ни было, история получилась грандиозной, устроить мероприятие подобного размаха больше ни разу не удалось. К научной конференции была приурочена уникальная культурная акция. Из Эрмитажа и Павловского дворца были доставлены в родные края десять колыванских ваз, они демонстрировались в Барнаульском музее изобразительного искусства, располагавшем в те времена игрушечными площадями по улице Советской, 28. Вдохновителем и исполнителем в одном лице выступает Любовь Николаевна Шамина, искусствовед, директор музея. Историю о том, как родилась идея и каким образом удалось воплотить ее в жизнь, Родионов знает в подробностях. Она явно впечатлила его и дала импульс на будущее.

А дело было так. С 1969 по 1976 годы Любовь Шамина учится в Ленинградской Академии художеств и довольно часто посещает Эрмитаж. В один из визитов она пересекается с экскурсионной группой под Царицей ваз. Экскурсовод, назвав самую большую вазу в мире «колыванской», спросила посетителей:

— Знаете ли вы, где находится Колывань?

Экскурсанты не знали.

— Колывань находится на Урале, — победоносно сообщила гид.

Группа перешла в следующий зал, а потрясенная Шамина еще долго ходила вокруг алтайской красавицы.

Немногим позже Любовь Николаевна познакомится с сотрудниками Эрмитажа и сообщит им об ошибке. «Просто

хотелось, чтобы сказали не Урал, а Алтай». И кроме того, расскажет о своей идее — организовать выставку колыванского камнерезного искусства в Барнауле. Ей пойдут навстречу и Эрмитаж, и Павловский дворец — отпустят погостить на Алтай несколько подъемных изделий.

На конференцию съехались музейщики из многих городов Советского Союза, был даже директор музея янтаря из Прибалтики. Как родных Любовь Шамина встретила научного сотрудника Эрмитажа Наталью Мавродину и директора музея в Павловском дворце Анну Зеленову. На выставке камнерезного искусства Алтая царил ажиотаж, в музее яблоку было негде упасть. Родионов, несколько лет копивший тему камнерезной Колывани и уже опубликовавший поэму «Камнерезы», не мог не оценить подвижничества Шаминой. «Любаня ошалела», — отпускает он улыбку в адрес Любви Николаевны, объединяя в шутке и умение директора музея делать невозможное возможным, и ее пристрастие к роскошным шалам.

На конференции Родионов завершает утреннее заседание третьего дня. Он выступает с докладом «Декоративная резьба деревянных построек на Алтае конца XIX — начала XX вв.». Работа содержит все основные положения его будущей книги «Чистодеревщики».

Все говорит о том, что в творческой среде Барнаула Родионов хорошо известен. Нарастающая популярность, как водится, обратным порядком сказывается на семейной жизни. Дома все чаще штормит, лодку раскачивает, а летом 1978 года она терпит крушение. Елизавета Ковтун подает на развод, скорее, не всерьез, желая всего лишь припугнуть мужа. Кажется, никто из супругов не предполагает, что разрыв окончательный. Но их разведут на первом же заседании суда, не дав времени на осознание ошибки, как это было принято в советском обществе. Расставание было мучительным для всей семьи, а для детей, которые очень любили своего неординарного отца, и вовсе горьким, слезным. Александр Михайлович, как умел, пытался смягчить болезненный удар, объяснить ситуацию дочери. Он пришел в школу, дождался окончания уроков и долго прогуливался с Вероникой вокруг

стадиона. Отец что-то говорил, дочь запомнила единственное: «Когда ты вырастешь, может быть, ты поймешь меня». Веронике и Вове пришлось долгие годы залечивать серьезную психологическую травму.

В марте 1979 года Александр Родионов становится участником грандиозного литературного события в Москве. На VII Всесоюзное совещание молодых писателей съехались из всех регионов СССР только поэтов 200 человек. К слову, на этом же форуме присутствует еще один поэт с Алтая — Иван Жданов, он получил путевку от журнала «Молодая гвардия». В семинарских кулуарах земляков познакомит Геннадий Красников, в то время один из редакторов альманаха «Поэзия».

Итоги всесоюзной поэтической учебы подводит в «Комсомольской правде» известный советский поэт Василий Фёдоров. В статье «Призвание» Родионов упоминается среди тех, «к кому был проявлен повышенный интерес». На московском совещании широко представлены стихотворцы из союзных и автономных республик. Знакомство с Нобаткули Реджеповым из Туркмении окажется для Александра судьбоносным.

Статья Василия Фёдорова, написанная почти сорок лет назад, звучит на удивление современно. «Двести молодых поэтов на одном совещании. Много это или мало? — спрашивает Фёдоров. — Одни говорят, что много. Кажется, и статистика в пользу этого мнения. За семь лет «Молодая гвардия» издала около восьмидесяти первых книг молодых поэтов, до второй дошло из них около десяти, а поэтами стали только трое. Взять бы сразу этих троих, да и заниматься ими. Но в том-то и загвоздка, что из множества обещающих талантов в узкий отборочный круг эти трое, ставшие настоящими поэтами, могли бы и не попасть. Сам собой напрашивается вывод — с первыми книгами надо рисковать. Здесь риск обоюдный. Тем-то и дорог настоящий талант»[124].

Публикация важна для Родионова, он вырезает статью, напротив своей фамилии ставит галочку и отправляет на хранение в папку. Нет сомнений, ознакомились с материалом и признанные литераторы Барнаула.

Хурмули, Дуки, Болен, Березовка, Амгунь — станции и поселки на трассе БАМа. С 30 мая по 15 июня 1979 года Александр Родионов вместе с девятнадцатью другими посланцами Алтайского крайкома комсомола находится в «красном эшелоне» — знаменитом агитпоезде «Комсомольская правда», который с 1975 по 1985 годы курсировал на крупнейшей стройке XX века. В составе команды артисты, художник Геннадий Борунов, композитор Владимир Хохолков, ветераны, преподаватели. Они едут выступать перед строителями Байкало-Амурской магистрали. Первые встречи состоятся в Благовещенске. Грандиозным праздником впечатлит гостей Комсомольск-на-Амуре — городу исполнилось 47 лет. Главная точка — станция Эворон (в переводе с ненецкого «гиблое место»), где работает алтайская бригада строителей, и поселок Новый Эворон — подшефная стройка Алтайского края.

«Когда лицом к лицу встречаешься со строителями, исчезают, просто перестают существовать те 6560 километров, что отделяют Эворон от Барнаула», — сразу по возвращении домой Родионов сдаст в газету «Молодежь Алтая» статью «Мы выбираем дорогу на самом краю России» [24]. Он напишет о детях, родившихся за 136 меридианом на дальневосточной земле, упомянет о том, что в поселке Эворон живут и работают 270 земляков-бамовцев. От его внимания не ускользнут географические и производственные подробности. «Отрезок железной дороги Комсомольск — Березовка — это все-таки история довоенная. Новый путь, спрямленный, смелее секущий обширные заболоченные пространства, — это уже сегодняшняя магистраль. И строится она по-сегодняшнему. Даже рельсы иные — сечение помощнее довоенного, марка стали повыше, а значит, железнодорожная ветка на востоке страны выращивается с большим запасом прочности. Именно выращивается, так как она ежедневно прибавляет в росте, дает ответвления маневровых путей на станциях, как почками, обростает поселками. На карте интервалы между населенными пунктами пока обозначены пунктирной линией. Но карты не успевают за магистралью. Вот-вот замкнется восточное кольцо БАМа Комсомольск — Ургал — Известковая» [24].

Агитбригаду встречает лозунг: «БАМовский привет землякам-алтайцам!» Бойцы «красного эшелона» выступают на открытых площадках, на пахнущих свежим деревом сценах или на полотне строящегося в тайге моста. Написанную в дороге песню «Красный эшелон» — стихи Александра Родионова, музыка Владимира Хохолкова — в исполнении ансамбля «Ритм» из села Хабары бамовцы просят на бис.

Держит путь далече красный эшелон.
В ту страну, где реки свой берут разгон,
Где над их волнами БАМ разбег набрал,
Плещут под мостами Тында и Ургал.
<...>

Как сквозь горы мчался, цели не менял,
А сердца и трассу он объединял.
Держит путь далече красный эшелон.
Беркакит, до встречи!
Здравствуй, Эворон! [24]

Хит — и слова, и ноты — опубликует «Молодежка».

В августе 1979-го Родионова отметит в заметке «Алтайской правды» под рубрикой «Молодые крупным планом» Марк Юдалевич.

«Нынешней весной мне с Александром Родионовым довелось выступать перед студентами медицинского института, — пишет Марк Иосифович. — Можно было искренне порадоваться успеху молодого поэта. По просьбе слушателей он несколько раз возвращался на сцену, чтобы прочесть свои новые стихи. Думается, удача была закономерной. Поэт — прежде всего личность. Многие привлекает в Родионове. И в первую очередь серьезность, добросовестность в работе, разносторонность. Инженер-геолог по профессии, он вместе с тем прекрасно знает поэзию, глубоко чувствует слово, заочно владеет стихом.

Молодой поэт любит и постоянно изучает историю Сибири, ее своеобычное народное искусство — творчество камнерезов,

мастеров деревянной резьбы. В будущем году выйдет его очерк о народных умельцах прошлого — «Чистодеревщики».

Родионов — участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей. О его стихах отозвался один из крупных мастеров советской поэзии Василий Фёдоров. Совещание рекомендовало для издания в Москве новую книгу стихов молодого поэта» [125].

К высказыванию Марка Юдалевича подверстаны три текста Александра Родионова: «Ветла», «Моя хата с краю...», «Зимние каникулы». Признаться, полный вид публикации, открывшийся в газетной подшивке, меня удивил, поскольку в архивном фонде Родионова хранится лишь вырезка с названными стихами. Хвалебную реплику Юдалевича Родионов отрезал. Между Юдалевичем и Родионовым не было теплых отношений. Тут скорее производственные связи. Не без трений и недовольств, естественных в литературном мире между людьми разных поколений и разных убеждений.

Первый заход Родионова в Союз писателей СССР провалился. Неудача отзывается в переписке: «Не унывай здорово, меня ведь тоже зарубили при приеме в СП здесь, в Волгограде, местные киты» [213, л. 61], — успокаивает друга по несчастью Михаил Зайцев, собрат по Томску и совещанию молодых писателей в Москве.

Какие претензии, собственно, имеют к Родионову старшие товарищи и ровесники, уже принадлежащие профессиональному литературному цеху? Протоколы собрания писательской организации, которые могли бы прояснить обстоятельства дела полностью, вероятно, утрачены, но есть другие документы. В свой архивный фонд Александр Родионов определил рецензии Марка Юдалевича, Николая Черкасова, Виктории Дубровской и Владимира Башунова на книгу стихов «Ожидание дня», которую, по всей видимости, автор планировал издать к маю 1980-го, к своему тридцатипятилетию.

Но рецензенты посчитали рукопись неготовой к печати.

«Во многих стихотворениях можно увидеть подлинно поэтический образ. Даже не строку, а, подчеркиваю, образ, как например: «Чей-то мальчик под горой превращает прах в свистульку»,

«Глину, песок ли, породу покрепче/Я поднимаю в просторной горсти». Что же касается основного массива стихотворений (а их всего 32), то я не могу назвать тех нескольких, которые можно было бы сию минуту издавать, ибо все они несут на себе печать поспешности», — высказывается Виктория Дубровская, преподаватель барнаульского пединститута и член редколлегии журнала «Алтай». Указав на недостатки, Виктория Васильевна выделяет лучшее: «Родионов всегда был силен сюжетными стихотворениями, истории, рассказываемые им, бывают увлекательными, в них чувствуется автор интересный, знающий человек. Среди предложенных стихотворений «Погруженный как будто в дрёму...» и «На зимние каникулы» представляют в этом смысле интерес» [241, л. 2]. А вот и вердикт критика: «Александра Родионова я не назвала бы начинающим поэтом. Требования к его рукописям, естественно, выше, чем те, которые предъявляются к авторам первых книг. Рукопись нуждается в серьезной доработке, возможно, в дополнении новыми стихами» [241, л. 4].

Веселее Родионову слушать Николая Черкасова. Николай Михайлович считает цикл «Кулундинские письма» явной удачей.

Владимир Башунов выделяет пять задач, которые необходимо решить поэту. К счастью, дружба не мешает Владимиру Мефодьевичу говорить правду.

«Первое. Иногда, может быть, хватит отсечения лишнего, иногда нужно досказать недосказанное.

Второе. Освободиться от стихов, которые варьируют чужое, бывшее в употреблении не однажды — с новыми действующими лицами под старым углом.

Третье. Освободиться от повторений самого себя, чем чаще страдают стихи, связанные с геологией.

Четвертое. Синтаксис бывает так затруднен, что через него приходится продираться.

Пятое. Надо, на мой взгляд, избавиться от красивых выражений вроде «Под высокой звездой первородства» [241, л. 11-12].

О своей склонности к витиеватым фразам Родионов знает. «И говорить проще, проще», — советует он сам себе на дневниковых страницах. А с «первородством», что ж, — потянулся, должно быть, за известным сибирским поэтом Леонидом Мартыновым, у которого в 1965 году в издательстве «Молодая гвардия» вышел

стихотворный сборник «Первородство». Родионов — ученик советских поэтов, и в первую очередь, шестидесятников.

Марк Юдалевич дает подробный анализ стилистических неудач в книге Родионова, но начинает свою речь весьма комплиментарно. «"Ожидание дня" — несомненно лучшее, что мне довелось за последнее время прочесть у наших алтайских молодых поэтов. Сборник отличает одна из самых важных для поэзии черт — самостоятельность. Родионов в своих стихах не повторяет общеизвестных истин, не заимствует словарь, рифмы, ритмику, а главное, тематику и образную систему. Сборник привлекает цельностью. И не только потому, что большинство стихов географически прописаны в Сибири и на Алтае, но, главным образом, потому, что в них нашла отражение личность автора» [241, л. 8], — пусть заздравные слова Марка Иосифовича и завершат коллегию, состоявшуюся, если брать во внимание даты, проставленные «местными китами» на рецензиях, в конце сентября 1979 года.

Досадно Родионову. Но кто ж из писателей не подвергался «жестоким поркам»? Книга «Ожидание дня» не одобрена к печати, автор не вступил в Союз писателей. Ко всему прочему он больше года скитается по углам. Не лучшее время.

На первых порах бездомного Родионова по-дружески выручает художник Татьяна Ашкинази, она предлагает под жилье свою мастерскую. Александр называет счастливый приют «майстерней». Здесь его впервые осеняет мысль о новой книге. Дневник фиксирует творческий импульс: «3 декабря 1978 года. О книжке по прикладному народному искусству надо думать исподволь, материал — постепенно» [222, л. 44]. Замысел прост. Есть чистодеревщики, есть камнерезы. Далее легко выстраивается ряд: глина, металл, ткань. Через двенадцать лет озарение обернется «Книгой красных ремесел».

В «майстерне» же рождается и его фирменный автограф: начальные буквы имени и фамилии «С» и «Р», которыми он завершает дарственные надписи в книгах, превращаются — по принципу «точка, точка, запятая» — в рожницу. Точки в середине каждой буквы — глаза, скобка под буквами — улыбка, борода в виде пружинки объединяет все элементы воедино.

Александру придется покинуть мастерскую после очередного бессмысленного и беспощадного выступления. Какое-то время он живет у поэта Василия Нечунаева, потом несколько месяцев в садовом домике, затем ради жилья устраивается воспитателем в общежитие станкостроительного завода. Наконец, 23 октября 1979 года он получает работу геолога в Кулундинской партии и вместе с ней ведомственную комнату на оползневой станции Барнаула. Деревянный одноэтажный дом находится на улице Короленко, 48, за стадионом «Динамо», рядом с изысканным строением начала XX века, именуемым «домом Яковлева».

На новом месте устраивается просто и со вкусом. Первым делом сооружает из досок книжные полки и письменный стол. «Самолитно», как любил говорить он. Стены украшает резными ставнями, подобранными в усадьбах под снос, и кованым звеном, выпавшим из ограды, опоясывающей старый особняк на улице Льва Толстого, 2. На пол брошены домотканые половички и вязанные из цветных тряпочек кружки. В разных углах комнаты — глиняная утварь, привезенная им из добровольных этнографических экспедиций по алтайским деревням: горшки, кринки, кошевы. На полках рядом с книгами — минералы. Все пристанища Родионова походили на музей русской культуры.

Подходит к концу 1979 год, завершаются «героические» — так написал в одной из своих рецензий И. Фатин — семидесятые. В новогоднем дневнике Родионов записывает 7 января: «Так плохо, как «Краснотал», писать нельзя. Во всей книжке одно стихотворение «Снегири». И еще нужно избавиться от непроходимой зависти и понять до конца, наверняка понять, что впереди только бесконечная работа. Тогда, может быть, будет момент радости».

Часто дневниковые страницы Александра Родионова подобны исповедальным. Исповедники знают: после покаяния легко на сердце и светло на душе — жизнь начинается с чистого листа, с новыми силами. Родионов прибегает к этому спасительному таинству. Может быть, потому и не впадает в отчаяние, и не бросает болезненное литературное дело, а с удивительным упорством становится к верстаку.

«Делаю нужное дело»

Глава четвертая

КРАСИВАЯ ИСТОРИЯ

В апреле 1980-го, сдав после окончательной правки рукопись «Чистодеревщиков» в Алтайское книжное издательство, Александр отправляется в Ашхабад. Цель поездки двойная. Во-первых, он едет в гости к Нобаткули Реджепову, с которым познакомился год назад на московском совещании молодых писателей. А кроме того, в Ашхабаде проходят дни русской литературы в Туркмении.

Нобат работает в книжном издательстве, туда и приводит Родионова, чтобы познакомить с коллегами. А окажется, подведет к самой судьбе. Направляясь вместе с другом ко входу в издательский комплекс, Александр вдруг повернется к одному из окон и встретится взглядом с девушкой. Нина Насибянц, сидящая за рабочим столом в русской редакции издательства «Туркменистан», буквально на секунду отвлечется от рукописи и посмотрит в окно. Мимо пройдет огненно-рыжий бородатый человек. Глаза их встретятся. У него — голубые, удивительно чистые. Неведомая волна подхватит ее и вынесет в коридор. А Рыжий уже там. Нобат представит Нину и Сашу друг другу. В это время по радио заиграет музыка: Моцарт, сороковая симфония. «О! Сороковка Моцарта», — воскликнет гость. «Я была готова, — вспоминает и смеется Нина Ваниковна. — Он меня покори́л тем, что разбирается в классической музыке. Это такая редкость для мужчин».

Вечером Александр приглашает Нину в театр. После спектакля провожает до дома и читает стихи на том самом месте, где обращались к поэзии и другие ее кавалеры. Из окна дома за ними наблюдают жена брата и мама. В Ашхабаде Нина была девушкой особенной, можно сказать, известной. Армянскую семью Насибянц знала вся республика. Отец Нины Ваник Насибянц, историк по образованию, — популярный в Туркмении журналист, спецкор газеты «Советский спорт», чемпион СССР по бегу. Родители дали дочери прекрасное образование. Традиционно армянских девушек больше учат домашнему обиходу: готовить, шить, вязать. Нина окончит Туркменский государственный университет, факультет иностранных языков,

получит специальность филолога и преподавателя английского языка. Девушка от природы одарена лингвистически. Многонациональное окружение тому способствует. С детства она свободно говорит на армянском, русском, туркменском, фарси, понимает азербайджанский. Учеба добавляет английский и немецкий. Некоторое время она работает переводчицей в «Интуристе» и проектно-институте, выполняющем международный заказ. Потом переходит в книжное издательство.

На второй день Родионов придет к Насибьянцам в гости. Так было заведено в семье: новых друзей приводить в дом. Родители тревожатся: Александр — человек пришлый и русский. На третий день Нина выдерживает грандиозный скандал домашних.

— Ты опозорила нас на всю республику, — кричат ей.

Нина не понимает, в чем дело. Наконец, выясняется, что в прямом эфире, который вело местное телевидение из зала университета, где проходили встречи в рамках декады русской литературы в Туркмении, то и дело на весь экран показывали Сашу и Нину, национально контрастную, но необычайно счастливую пару.

— Как ты на него смотрела! Как он на тебя смотрел! Позор! — негодуют родственники.

— А как я на него смотрела? — недоумевает Нина.

На четвертый день все сотрудники издательства обсуждают телеэфир. Заведующий редакцией Рахман Бабаев говорит Нине: «Он тебя отсюда увезет. Попомни мои слова». Остаток недели Родионов сходится с родственниками Нины. С Ваником Насибьянцем он запойно беседует. Интеллект каждого заставит уважать друг друга. Пробыв в Ашхабаде неделю, Родионов отправляется домой. В день его отъезда телевидение повторит запись с писательских встреч. Тогда Нина и увидит, как он на нее смотрел. И как она на него смотрела!

С мая по август они звонят друг другу — по очереди и ежедневно. Внешне у Александра все как обычно. С утра он геолог, обходит берег Оби. Вечером — поэт: «читано о рифме» и писано о любви. Сердце стучит иначе, и надо определяться — для кого. Александр не женат, но и не свободен вполне. О ком-то

тревожится он, полутора годами ранее записывая в дневник: «Сегодня — до боли — уходящая с цветами, спиной ко мне, чувств не видно... В темноту из светлого пятна...» [222, л. 36]. Отношения есть, но еще до отъезда в Ашхабад они дают трещину. В конце марта он заметит в дневнике: «Все не так и не то. Хотелось увидеть и не хотелось?» [222, л. 41]. Следующая запись появится 11 июня 1980 года: «В этот промежуток (стрелка направлена к 28 марта — Л. В.) вместились не так уж много, но главное — встреча в Ашхабаде — входит. Смогу ли я быть правильным, искренним? Пока нет. Пока я совершенно неправилен. Но я хочу быть правильным. И надо ждать. Борются мужик и муж, кто одолеет? От этого зависит вся ценность состояния. Если мужик, то все пойдет прахом...» [222, л. 41]

Помимо того, что Александр звонит в Ашхабад, он еще пишет Нине завораживающие письма. Жаль, не сохранились. Или же пока не выявились. Взаимная тяга непреодолима, Саша и Нина договариваются о встрече в августе. Он встречает ее в новосибирском аэропорту. Она с огромными — едва держит в руках — ашхабадскими авоськами: дыня, арбуз, виноград. Он забирает сумки и тут же зовет замуж. Нина молча кивает.

К приезду гостыя Александр готовится. Он украшает свое жилище новой самодельной мебелью. В ведомственной квартире появляется шкаф с овальным зеркалом, еще один шкафчик, на дверках которого выжжены узоры в зверином стиле, и подарок Нине — изящный тонконогий столик с откидной крышкой, обитый внутри бархатом. Необычная обстановка нравится девушке. Всё положительно рекомендует Александра. Два дня они живут в Барнауле. Александр у себя на оползневой станции, Нина в съемной квартире. «Я восточная девушка, — объясняет Нина Ваниковна. — Не представляла, как это можно поехать в гости к мужчине и жить у него дома. Это было просто невыносимо. Через знакомых сняла квартиру в Барнауле и ехала как будто не к нему, а в свою квартиру. Но мама все равно не находила себе места. Говорила: "Не ездите туда, что-нибудь случится"».

Саша торопит: «Поедем в Егорьевку. К маме». В деревне он сразу ведет Нину в ЗАГС. Там сообщает, что будущую жену-армянку он украл, за ним гонятся ее братья, и чтобы не допустить кровопролития, расписать их должны немедленно.

Свидетельство о бракосочетании они получают без промедления, 7 августа, но в документах проставят 13-е. В журнале регистрации гражданских актов оставались свободными графы только на это число. Саша предлагает трижды обойти едва угадываемый фундамент бывшей егорьевской церкви — будто бы повенчаться. По дороге к дому молодожены встречают Татьяну Леонтьевну, она едет в «газике» с полей. Новобрачные ставят мать в известность: вечером свадьба. Застолье вышло натянутым. Родственники едят молча, чувствуя досаду Татьяны Леонтьевны. Только Николай Родионов осмелится произнести: «Поздравляю, старик».

Свадебное путешествие Александр организует на Телецкое озеро. По пути в Горный Алтай семейная пара остановится в Бийске, и Саша познакомит Нину с Борисом Хатмиевичем Кадиковым. Мама и Кадиков — обязательные, необходимые люди в жизни Родионова. Татьяна Леонтьевна, не прерывавшая общения с Елизаветой Ковтун и внуками, Нину не одобрит. Втайне мать надеется, что все как-нибудь наладится и сын вернется к детям. Присматривается к девушке и Кадиков, знающий о прежнем сердечном увлечении Александра. Скромность ли, явная ли безоговорочная влюбленность, озаряющая весь девичий облик, повлияли на восприятие Бориса Хатмиевича — он принимает жену своего младшего товарища и коллеги.

На Телецком — сказочно. Вечные горы. Прозрачная ледяная вода. Море ромашек в логах. На фотографиях Нина запечатлена в ромашковом венке среди ромашкового поля. «Вышла замуж», — телеграфирует она родителям. Через несколько дней наосмелится и позвонит. «Приезжайте. Свадьбу будем играть», — зовет армянская мама. Ашхабадская свадьба была по-восточному пышной, приветливой, многолюдной. «Как у вас все дружно», — восхищается Александр.

Потекли будни. В качестве свадебного подарка начальство выделяет Александру под жилье еще один кабинет. Он прорубает дверь между помещениями. Теперь в распоряжении супругов две небольшие комнаты. После просторного ашхабадского дома Нине непривычно. Но она упорная. Уверена, эти клетушки

не навсегда. Сашины друзья сочувствуют ей: «Тяжело вам тут будет. Зимы у нас холодные». «Каракулева шуба меня спасет», — парирует молодая жена. Участливость выражается, возможно, потому, что для друзей очевидно: влюбленная в Родионова Нина совсем не знает характера своего мужа. Знакомство впереди. Впрочем, почти сразу ей стало понятно, что жизнь не будет сладкой. Оказывается, к мужу нельзя подходить, когда он сидит за письменным столом. Он гневается. Нина не сразу осознает, что настроение мужа зависит от его литературных успехов. Это «сюрприз». Она знакомилась с геологом.

В мировосприятии супругов есть некий диссонанс. Нина полностью во власти романтических чувств. Александр тоже любит. Но: «рукопись в крестах — надо работать. Работал. До 3 ночи» [222, л. 43]. Любовь и литература соседствуют в дневнике. И в случае с Родионовым это лучшее доказательство сильного чувства. «30.12.80. Джана дома. Хорошо. Надо выбрать время и сесть за рукопись до кондиций. Год кончается» [222, л. 43].

«Саша, сменив статус жениха на мужа, изменился. Это произошло сразу после свадьбы, по возвращении из Ашхабада», — рассказывает Нина Ваниковна. Ей пришлось вспомнить предсказание своей бабушки, тоже Нины, обладавшей даром предвидения. Когда Нине-младшей исполнилось шестнадцать лет, Нина-старшая пришла к матери девочки и сказала: «Отдай ей все золотые вещи, какие есть в доме. Она выйдет замуж за русского. Жизнь у нее будет тяжелой».

Конечно, материальная сторона дела для Родионова далеко не первична. И конечно, Александр Михайлович — нелегкий человек. Вместе с тем семья, дом имеют для него огромное значение, и он старается для своих близких. Он все умеет сделать своими руками: и стены возвести, и мебель изладить, и урожай в саду вырастить, и разносолы заготовить в зиму, и обед приготовить — пальчики оближешь. Крестьянская закуска, одним словом. Другое дело, что с женитьбой на Нине совпадает новый этап в творческой жизни Родионова. Подготовленный предыдущим десятилетием, этот период успешен, результативен. Родионов становится известен как писатель, и писательским трудам он отдает большую часть времени. В советский период ему удастся зарабатывать своими книгами,

редактированием, а в девяностые годы он содержит семью за счет общественной деятельности, литературных премий и подработок. Барнаульские стандарты, разумеется, несравнимы с шахабадскими, но тем не менее Родионовы устроены в быту безбедно, благополучно. Трудности в семье будут другие — непреодолимая русская болезнь отца и мужа. Однако о них говорить рано. Пока во всем главенствует любовь.

Но и не любовью единой — литературное поприще Родионов по-прежнему считает определяющим, и тут всегда есть движение. Осенний выпуск альманаха «Поэзия» под номером 27 за 1980 год дает стихи участников Всесоюзного совещания молодых писателей. Родионов представлен в нем двумя небольшими текстами. Можно похвалиться жене.

У советских поэтов дебют в «Поэзии» считался чем-то вроде пропуска в профессиональный цех. И вот Родионову тоже как бы выдали подтверждение, поставили печать: поэт. Однако его результат сродни рекорду, на котором завершает карьеру опытный спортсмен. У него еще выйдут две поэтические книжки: в 1982 и 1983-м, в Барнауле и Москве, в серии «Первая книга в столице». Первое в столице одновременно становится и последним на поэтической стезе. После московского сборника «Из биографии ручья» Родионов больше не будет издавать книги стихов. Автор меняется: он дрейфует от поэзии к прозе.

К слову сказать, с 1979 года Александр Родионов руководит литобъединением «Алый парус» в политехническом институте. В декабре этого же года при вузовской библиотеке появляется клуб «Книголюб». Читательский кружок, состоящий из преподавателей и библиотекарей, первым зазывает на свои посиделки писателя Родионова. Александр Михайлович удачно открывает традицию: клуб существует до сих пор. А первый гость бывал приглашен на встречи с книголюбями еще не раз.

В декабре 1980-го Родионов инициирует в барнаульском политехе литературный праздник, посвященный Александру Блоку. Юбилей любимого поэта. Готовясь к чтениям, накануне, 3 декабря, Александр записывает в дневник: «Прочитан "Гамаюн" Орлова. Страшнее всего смерть Блоку. Ускорила эту смерть революция. И еще ощущение, что Блоку не успели поверить. Какой-то государственный цинизм в словах вдогонку

смерти — «не пригрели». Может быть, это и было возмездие за открытость и правду, подслеповатое государство не увидело поэта и дела. Тут и поверишь в судьбу как неизбежную трагедию Блока» [222, л. 42 об].

ЧИСТОДЕРЕВЩИКИ

«Чистодеревщиков дождался, а камнерезов пока нет», — сообщает Родионов дневнику в декабре 1981-го. «Чистодеревщики» в основе своей готовы давно, но к печати идут долго. Выход книги Родионову обещают сначала в 1979-м, потом в 1980-м, но счастливым станет 1981-й. Между тем для издательства давно написаны внутренние рецензии. Архитектор Николай Первушин и искусствовед Элеонора Медникова одобрили родионовских «Чистодеревщиков» еще в июне 1978 года.

Николай Николаевич Первушин, главный архитектор Алтайского края, придирчив и строг. Его тезисы пестрят оборотами с «не»: «позволю себе не согласиться с автором», «несколько критических замечаний по существу», «неумеренны восторги автора по поводу архитектуры дома № 24 по ул. Чехова в Барнауле», «автор почему-то не отмечает, что д. 8 по проспекту Красноармейскому и д. 56 по ул. Ползунова являются произведениями не народной, а профессиональной архитектуры...»

То, что Родионов позиционирует как прекрасное и выдающееся, Первушину кажется недостаточно гармоничным. Изобильная резьба в понимании архитектора вовсе не достоинство, поскольку настоящим русским мастерам «свойственно чувство меры, благородная сдержанность». Справедливости ради замечу, Родионов рассматривает в книге те объекты деревянного зодчества, что сохранились в Барнауле, Бийске, Камне-на-Оби, алтайских селах до середины 1970 годов. Возможно, до «развитого социализма» дотянули не самые лучшие образцы, но и они на фоне серого крупнопанельного домостроения кажутся сказочными ларцами, потому и восхищается ими Родионов. И не он один заглядывается на деревянные узорчатые строения. Многие алтайские художники спешат запечатлеть

уходящую красоту. Живописец Геннадий Борунов, очарованный роскошными резными завитушками на доме по улице Чехова (как раз по поводу которого Николай Первушин просит умерить восторги), пишет его в праздничном зимнем одеянии. Дивный холст не раздумывая покупает краевой художественный музей.

Знакомясь с рецензией Первушина, Родионов в свойственной ему манере ставит на полях плюсы (их немного), что значит «согласен», и знаки вопроса — «не согласен, претензия непонятна». По поводу домов на проспекте Красноармейском автор «Чистодеревщиков» вынесет спор в «Примечания». К высказыванию Первушина Родионов присоединит свою точку зрения: «Автор считает, что при осуществлении проекта барнаульские плотники могли творчески переработать отдельные элементы стиля модерн. Переработке подвергся в первую очередь орнамент деревянной резьбы».

Высказав сомнения по поводу некоторых фактов, Николай Первушин тем не менее дает блестящее заключение: «Изложенные замечания ни в коем случае не влекут за собой отрицательной оценки книги. Напротив, не избитая, но достаточно популярная сейчас тема, умелое изложение, хороший подбор иллюстраций позволяют надеяться на повышенный интерес к этому изданию, если оно состоится. Полагаю, что рукопись заслуживает издания, желательно на хорошей бумаге, с хорошей полиграфией и высококачественным художественным оформлением» [240, л. 4].

Весьма благосклонна к родионовским «заметкам о деревянной резьбе» старший научный сотрудник Алтайского краеведческого музея Элеонора Медникова. Она дает единственную рекомендацию: «...пояснения к малоупотребительным словам и терминам, особенно из области архитектуры и археологии должны органически вплестаться в ткань рассказа». А в общем и главном Элеонора Михайловна, можно сказать, поет дифирамбы «Чистодеревщикам». Медникова заостряет внимание на достижениях и открытиях Родионова: руководствуясь тезисом «народное не значит безымянное», автор находит и впервые называет имена барнаульских, бийских, тальменских резчиков. Прослеживает связь алтайской

резьбы с общерусскими традициями. «В рукописи сделан небезосновательный акцент на том, что волжская резьба занесена на Алтай в начале XX века именно волжскими мастерами, занимавшимися отхожим промыслом», — отмечает искусствовед [240, л. 2]. Медникова выделяет как достоинство рукописи «совокупное рассмотрение устного народного творчества, вышивки и собственно резьбы». Наконец, рецензент подчеркивает: «Подобная попытка комплексного подхода к деревянной резьбе Алтая как к проявлению духовной жизни народа предпринята впервые» [240, л. 2].

Родионова и Медникова связывают дружеские отношения. Он — начинающий писатель, частый гость краеведческого музея, где появляется неизменно с вопросами, идеями, предложениями. Она — грамотный специалист, всегда готова помочь и поддержать. Ровесники, единомышленники, исследователи, они легко сошлись. Родионов преподнесет Элеоноре Михайловне подарок в стихотворном сборнике «Портрет реки» (1982).

Э. М. Медниковой

Дёрн откинут, как тяжелый полог.
Корни неподатливо крепки.
Щёткой ворсистой археолог
Обметает чудо-черепки.
Обнажились в русле старой балки
Вороха античного добра.
То, что было достояньем свалки,
Археолог встретил на «ура».
Черепки — один другого краше.
Их возьмут в музее на учёт.
В лоно реставрируемой чаши
Современный воздух потечёт.
Ничего в той чаше не изменим,
Восстановим росписи, мазки...
...Странные мы — люди —
Больше ценим,
То, что разбиваем на куски.

Родионов хранит благодарность в душе и к Николаю Первушину. Через четырнадцать лет после выхода в свет «Чистодеревщиков», Александр Михайлович на микрофон и камеру рубцовских музейщиков скажет: «Мне пришлось долго доказывать, что геолог имеет право написать книгу о народном искусстве. Здесь нужно добрым словом помянуть Николая Николаевича Первушина, архитектора края, который написал блестящий отзыв. И это сделало судьбу книжки «Чистодеревщики». Помогло мне утвердиться как автору этой темы. Без его рецензии книга бы не вышла. Что это такое, какой-то геолог в какой-то партии пишет о декоративном прикладном искусстве. Нельзя. Этим специалисты должны заниматься. А нету. Специалистов нету. И сейчас я не вижу, кто бы занимался этой темой» [178].

На «Чистодеревщиков» активно откликается периодическая печать. Все рецензии выпадают на февраль 1982 года. Статья «"Ожившие" доски» за подписью А. Александровича существует в виде вырезки в архивном фонде Родионова без выходных данных. Судя по тому, что в тексте упоминаются рисунки и фотографии фрагментов «домовой резьбы из города Камня и села Новоярки», публикация, скорее всего, прошла в газете Камня-на-Оби. Рецензия положительная, но притом и довольно клишированная, сделанная по раз и навсегда определенному плану, оттого унылая. В ней отмечено все, что положено: познавательное значение, образное изложение, стремление передать любовь читателю, достойное место в любой библиотеке. Оживляет статью топонимическая конкретика. По прошествии десятилетий это и стало самым ценным в тексте, поскольку позволило определить адрес публикации.

Куда интереснее взгляд на книгу известного на Алтае журналиста Владимира Явинского. Его статья, опубликованная в газете «Молодежь Алтая», идет под привлекательным заголовком «Птицы, кони, самолеты». Рецензент отмечает поэтический язык «Чистодеревщиков» и удачно иллюстрирует их просветительское значение: «Я не знаток таких тонкостей, как силуэты русской избы, но благодаря книге теперь знаю, что такое

ее чело, крылья кровли, причелины, наличники с капельками и многое другое» [128]. Вместе с тем Явинский указывает и на недочеты: многословие и отяжеленность частыми ссылками на научные статьи главы «Алтайская резьба в четвертом измерении». Но в целом «Птицы, кони, самолеты» написаны с явной симпатией к автору и его произведению.

Отзывается на книгу Родионова писатель и редактор из Томска Сергей Заплавный. Он публикует две статьи. Одна из них — «К истокам» — размещена в томской газете «Красное знамя» 17 февраля 1982 года. Другую печатает литературный журнал «Сибирские огни», имеющий в ту пору тираж 120 тысяч экземпляров. Таким образом, весть о «Чистодеревщиках» расходитя по всей Сибири.

Заплавный и Родионов знакомы по Томску — ученическому и поэтическому. Сергей Алексеевич пишет о давнем знакомце: «А. Родионов окончил Томский политехнический институт и одновременно литературное объединение «Молодые голоса» при этом институте, работал в геологических партиях, выпустил два интересных поэтических сборника. Душевная потребность размотать запутанный клубок времени, ведущий к истокам народного зодчества, овладела им еще в студенческие годы. Она заставила его обратиться к книгам известных советских историков, археологов, археографов, топонимистов, искусствоведов — таких как Б. А. Рыбаков, А. П. Окладников, В. А. Никонов...»

Заплавный говорит о многолетних поездках Родионова по алтайским городам и селам, о долгих дорогах, о придирчивом поиске, об умении собирать, систематизировать материал и видеть проблемы — безликость современной городской постройки одна из них. «Неужели сокровищница древнерусского орнаментального искусства так скудна, что нынешние архитекторы и художники-монументалисты не находят в ней достойного для творческой обработки материала?» — цитирует рецензент автора.

Добавляет аудитории «Чистодеревщикам» журнал «Книжное обозрение». В этом издании 19 февраля 1982 года выходит заметка и две фотографии из книги. На одной — похожий на резную шкатулку дом купца Шадрина, известный барнаульцам

последующих поколений как ресторан «Русский чай», на другой — ажурный оконный наличник из Бийска. «Чистодеревщики» довольно быстро исчезли с магазинных прилавков и заняли свое место на книжных полках художников, учителей, музейщиков, архитекторов и обычных домовладельцев, радеющих о красоте своих усадеб и пробующих себя в резьбе по дереву.

Свои воспоминания о «Чистодеревщиках» есть у бывшего главного архитектора Барнаула Сергея Боженко: «Впервые я услышал о Родионове из уст Шуры Долнакова, который сказал, что сегодня в Алтайгражданпроекте в клубе «Новые зодчие» будет выступать местный поэт Саша Родионов. Тогда я не смог пойти, был занят. Но фамилию запомнил, тем более что Долнаков добавил примету — рыжий. Родионов стал одним из первых поэтов в Барнауле, о ком я услышал. Прочитав его книги, захотел познакомиться. Прошло совсем немного времени. Это был год, когда вышли «Чистодеревщики». Я работал главным художником Барнаула. На Строителей, 8 у меня был кабинет. Стук в дверь, заходит рыжий мужичонка, не старый, но вижу — старше меня. Представляется:

— Я Родионов Александр, поэт.

И подает свои книги.

— Александр, я все это читал, — говорю ему.

У меня уже были тогда «Чистодеревщики». Эта книга была и у всех архитекторов из Алтайгражданпроекта. Техническая интеллигенция в восьмидесятые годы следила за литературным процессом, знакомилась с литераторами. Было время, архитектурная служба делила одно здание с писательской организацией на проспекте Строителей, 11».

Все в том же феврале пишет автору заметок о домовой резьбе писатель Владимир Чивилихин, которому в 1982 году предстоит стать лауреатом Госпремии и который в это время невероятно популярен:

«Уважаемый Александр Михайлович!

Хорошую книгу Вы написали. И хорошо написали, и хорошо проиллюстрировали. Алтайская русская старина заговорила, да так предметно, что снова захотелось походить, например, по Бийску с Вашей книгой-путеводительницей.

А ведь тему можно развить — утварь, вышивка, сани, коромысла и прочее. Только все это, очевидно, надо искать, пока не уничтожилось совершенно.

Желаю Вам доброго здоровья и всяческих успехов. 26.02.82» [215, л. 48].

Родионов и развивает. Он собирает материал для новой книги с тех самых пор, как озарило его в «майстерне». Тогда и записал он в блокнот цепочку: дерево — камень — металл — керамика — вышивка, ткачество.

В начале сентября приходит еще одно хорошее письмо, на сей раз от Семена Ивановича Шуртакова, преподавателя Литературного института. Его разбор «Чистодеревщиков» содержит и похвалу, и критику.

«с. Кузьминка 3 сент. 1982 года

Александр Михайлович, добрый день!

Аж вон только когда дошли у меня руки до Ваших «Чистодеревщиков», до ответа на Вашу просьбу. <...> «Чистодеревщики» — прекрасная, очень серьезная книга. Читать ее мне было не только интересно, но и радостно: еще один русский человек осознал себя русским и хочет другим сказать, что начались мы не 50 или 100 лет назад, а гораздо раньше, что истоки наши из глубины веков. Осмысление истоков народной культуры, прославление талантливости русского народа — это ли не благороднейшая задача?! Считаю, что с этой задачей Вы в своей книге справились. Наиболее ценным в Вашем исследовании мне представляется соединение двух линий: контрастность материала (встречи, разговоры с конкретными людьми, фотографии домов, имеющих точные адреса) и Ваше поэтическое описание увиденного на том или другом доме, Ваше упорное стремление отыскать корни прекрасного, Ваша широта взгляда — не просто описать наличник дома в Бийске или Барнауле, а проследить его путь и высказать предположение: не с Волги ли «залетела» берегиня в этот наличник. Экскурсы в историю России, привлечение материала из других краев нашей Родины — все это делает книгу весомой, «широкой», значительной.

Идя навстречу Вашим пожеланиям, скажу и о том, чего, по моему разумению, книге не хватает.

Первое. Более точного адреса. Вы должны и для себя сразу же решить: для кого пишете? К кому адресуетесь? Не для специалистов же? А если для широкого читателя — то надо как-то не то что попроще, а поинтереснее строить книгу и материал излагать тоже позанимательнее. Пример. Вы вспоминаете, что М. П. Званцев в 30-е годы «ругал» пропиловочную резьбу. Надо ли о таких тонкостях? Тем более что тот же Званцев выпустил через 30 лет прекрасный альбом «Нижегородская резьба», и там, насколько помнится, никакого охаивания пропиловочной резьбы нет, а есть ее образцы.

Второе. Вы к середине книги расписались, и дело пошло у Вас хорошо. А начата книга значительно слабее, местами сумбурно. Зачем поминать Усть-Коксу, если о ней потом ни слова. А Вы именно с Усть-Коксы начинаете книгу.

На 15 стр. Вы сообщаете читателю, что «времени у меня было не так уж много», этот «мотив» повторяется. Нельзя это делать: читателю нет дела до вашей занятости.

Званцева, о ком я уже говорил, зря обругал, а вот Ащепкову дал по морде — это дело. Это нужно (стр. 26).

66 — «о бийчанах», «бийчане» — неужто не слышите, что это ужасно? Пусть газетчики уродуют язык, а Вам-то зачем?

86 — опять газета. Как у вас поднялась рука сказать о мастере нынешним, «хитро» придуманным словом «выпивоха»? О мастере вообще нельзя говорить, что он пьяница, даже если он и запивал.

...Наверное, хватит. Вы прекрасно понимаете, что я говорю уже о мелочах, но мелочи эти в плохой бы книге были незаметны, в Вашей же торчат, как сучки.

Итак, мое пожелание (если будете возвращаться к работе над книгой): поменьше мельтешения с поездками (поездки пусть остаются, но поменьше о том, как доехал, на каком автобусе собирался уезжать). Поболе — своих рассуждений, лирических отступлений о народной культуре, которая пронизывала крестьянский быт, о народных по(за)мыслах и т. д.

Думать надо о том, чтобы Вас прочитал человек, заинтересованный своей историей и культурой, и тот, что оглушен ВИА и Аллой Пугачевой ...» [215, л. 52]

Действительно, местами перо молодого Родионова спотыкается, буксует, и причиной тому, как ни странно, огромное прилежание. Молодой автор, желая выглядеть изысканным и в полной мере владеющим и материалом, и ритмом сложной фразы, нагружает предложение подчинительными конструкциями. Разветвленный русский синтаксис — это круто, ценно, это показатель мастерства. Но насыщенная и одновременно красиво интонированная письменная речь дается не сразу и не всем. Сложноподчиненные конструкции стоят и Родионову, и его читателю некоторого напряжения. Работая над вторым изданием «Чистодеревщиков», которые войдут в «Книгу красных ремесел» (1990), Родионов устранил затруднительные места, благо их совсем немного в тексте. Его поднаторевшее стило приобретет легкость и свободу.

Что касается замечаний по поводу сюжетообразования и лексики, то Родионов и не подумает их переработать: здесь он считает себя правым. Шуртакову кажется неблагозвучным слово «бийчане». Может быть, и так. Вероятно, не привыкшему к алтайским топонимам уху что-то слышится свое в этом слове. Конечно, можно разок-другой сказать «жители города Бийска». Но на Алтае слово «бийчане» в активном обиходе, оно привычно. До революции, кстати, в употреблении было словосочетание «купцы-бийцы», но слово не закрепилось в языке.

Шуртаков советует: «Поменьше мельтешения с поездками». И тут Родионов не уступит. Не поездки это вовсе, а дорога. Две большие разницы, как говорится. Дорога у Родионова — опорное понятие в жизни и элемент поэтики в творчестве. Сначала она проявилась в книгах Житкова и Дефо, слилась с мечтой о дальних странах. Затем открылась в еженедельных «хождениях» в школу из Ивановки в Сросты. Потом появились юношеские геологические тропы. И так до самого конца. Не было ни одного месяца в жизни Родионова, чтобы он не отправился в путь. Дорога для него стала потребностью: способом познания России, исцелением физическим и душевным, отдыхом и работой. С дорогой связаны простор и воля — любимые образы Александра Михайловича.

«Чистодеревщики» — это книга-поиск и книга-дорога. Книга путевых заметок. Автор постоянно движется, перемещается из одного населенного пункта в другой, и условия, сопутствующие обретению, «добыче» узоров, иллюстрируют градус интереса к теме. Он пробирается к резьбе по пояс в снегу, трясется на попутках и в жару, и в дождь; покорно дожидается вечера, чтобы сфотографировать фронтон в мягком ровном освещении; а выполнив все уроки, заданные самому себе, спешит на последний автобус, следующий по маршруту Бийск — Барнаул. Спустя несколько лет, делая «Чистодеревщиков» одной из частей «Книги красных ремесел», Родионов расширит, уточнит некоторые мотивы и темы, более развернуто пропишет портреты исследователей и мастеров, изрядно дополнит второе издание критикой в адрес официальных лиц, но дорога так и будет виться вольной красивой лентой, организуя книгу композиционно.

Образ дороги присутствует во всех произведениях Александра Михайловича, начиная с ранних стихов о детстве и заканчивая его последним крупным художественным произведением. «Эх, золотко мое, дорога!» — восклицает герой родионовского романа «Князь-раб».

Родионов не спешит следовать замечаниям Шуртакова, может быть, еще и потому, что весь год, начиная с приятного февраля, поют славу «Чистодеревщикам» друзья и знакомые в письмах. Послания хранятся в архивном фонде Родионова. Из контекста ясно, что пишут однокурсники, друзья, коллеги по литературному цеху. Однако определить личность адресата часто не представляется возможным, поскольку письма завершаются, как правило, подписью, росчерком, инициалами.

Вот письмо от однокашника-геолога из Забайкалья:

«Здравствуй, Саня!

Получил от тебя книжку и очень рад твоему успеху. Это хорошо, что удача хоть иногда заглядывает к нам. Ясное дело, что все, кто тебя знает и кто видел твою книжку, жаждут выразить свое мнение. И я тоже. У тебя хороший слог — пишешь ты легко, читать тебя приятно. Я не знаю, сколько это тебе стоило мук, но если мало — пробуй дальше в прозе. И еще, что меня поразило — где это ты нахватался всего этого. Завидую

твоему стремлению, что поделаешь. В общем, считаю, что выход этой книжки — шаг вперед, и ты знаешь, когда я носил на работу и показывал ее всем, и тем, кто помнит тебя по институту, и кто не знает, мне льстило, что имею дело с человеком, который делает и двигает вперед искусство. Саня, а нельзя ее протолкнуть куда-нибудь в центр и переиздать? Я в этом мало смыслю, но мне кажется, что в наше время различных увлечений и хобби, она имела бы определенный спрос. Сужу по здешним местам — в наш магазин завезли несколько книжек по деревянной архитектуре Западной Сибири, по-моему, нашего Томска. Я точно не знаю, потому что сам не видел, ибо она разошлась по благу. Из твоей книжки у меня парень один срисовал два фрагмента наличников, хочет заняться этим делом. В общем, я хочу сказать, что спросом она пользовалась бы большим» [213, л. 50].

Из Свердловска письмо:

«Здравствуй, Саша!

Мне кажется, что с В.Б. Семеновым тебе полезно установить связь. Присылай для него «Чистодеревщиков» и статью «Колывань камнерезная». Дарственную надпись его на «Уральских самоцветах» для тебя получил через своего коллегу, знакомого с ним. Не так давно вышла его книга «Агат», после «Яшмы». А сейчас он готовит «Малахит». Н. Моргунову «Чистодеревщиков» твоих передал на днях. Он был очень рад, благодарен. Средне-уральское книжное издательство (СУКИ) заключает с ним договор на книгу «Художественный металл Урала». Он собирается прислать тебе фотографии наконечников копий оград на Урале и спросить, есть ли подобное на Алтае. Может быть, ты заглянешь в Свердловск (по пути, скажем, в Ленинград)?

Статью твою («Колывань камнерезная» в журнале «Алтай» № 4, 1982 — Л. В.) прочел с удовольствием. Интересная, нужная, своевременная статья. Не направить ли ее тебе в министерство культуры?»

Из Красноярска:

«Саша!

Спасибо за книжку. Неплохо получилось. Приятно держать в руках. Фотографии, текст — все хорошо. Я показал ее нескольким знакомым и на работе. Всем понравилось. Меня

просили заказать у тебя 2 экз. Если можешь, пошли. В магазинах уже, наверное, разобрали?»

Еще из Красноярска:

«Саша!

Из Томска нам переслали вырезку из «Красного знамени» — С. Заплавный о твоих «Чистодеревщиках». Хороший отклик.

Как настроение у «верстака?»»

У «Чистодеревщиков» счастливая судьба. Первая прозаическая книга Родионова принесла известность ему. В 1981 году — в Барнауле, а несколькими годами позже автора догонит всеобщая слава.

ДЕТСКИЙ ЦИКЛ

Отклики на «Чистодеревщиков» радуют, утверждают в работе. Иначе встречают рецензенты поэму «Портрет реки», опубликованную в четвертом номере журнала «Алтай» за 1981 год. В счастливом феврале 1982-го упоминание о «Портрете» в статье «И проза, и поэзия» П. Забелина — ложка дегтя. Литературовед, заведующий кафедрой русской и советской литературы Алтайского госуниверситета пишет: «"Портрет реки" благороден по теме: судьба Оби, ее берегов. Близка нам вселенская экологическая боль автора, близка судьба ветерана, связавшего свою жизнь с судьбою великой реки, но именно тут и хочется вопрошить от всей души: "А где же здесь поэзия?" Если есть все: и образы, и мысли, и переживания, но нет звукописи, музыкальности размера — остается остов прозы. Послушаем:

С болью старика
я соглашался
И досады не пытался
скрыть.
Человек о жизни
сокрушался.
Слушал я.
И нечем было крыть.

Строки из докладной записки не могут претендовать на музыкальность. Документальная определенность заправляется узами есенинского хорея. Вдобавок — та "тщательность", которая позволяет "жечь сердца людей" глагольной рифмой» [127].

Правоту Забелина придется признать, хотя он и выбрал самые неудачные строки. Но хочется и защитить своего героя. Есть в поэме интересные места, есть и небанальные краегласия. Очевидно: автор «Портрета реки» старается избегать глагольной рифмы. Об умении Родионова нарисовать несколькими штрихами-словами портрет, встроить в стихотворный размер колоритную разговорную речь — ни слова у Забелина.

Тонконогий, слабый, как опёнок,
Дед качнулся, выдохнул сипя:
«Город — что?
Он — титешный ребёнок,
Чтобы делать прямо под себя?..»
Жив ещё такой герой в народе —
Во хмелю решителен, жесток.
Погудит по пьянке в огороде,
Спустит пар
и снова на шесток [4, с. 57].

И другой фрагмент:

Ты ещё не знаешь. Я рисковый.
Я письмо составлю Терешковой.
Напишу понятно и толково:
«Здравствуйте, товарищ Терешкова.
Вот вы заседаете в Кремле.
Над землей летали... Что ж такого
Разглядели сверху на земле?»
Пусть рассеет деду мысли-тучки.
Для того ли призваны мы жить,
Чтобы Землю доведя до ручки,
Мы с Земли в галактику —
фьюить! [4, с. 58]

Вот и фьюить. Поэма у Родионова шла вроде и быстро, но без ощущения полета. Дневник, как обычно, следит:

«3.01.81. «Портрет реки» начат. А если назвать книгу «Птица взгляда»?

18.01. 81 Есть начало «Портрета». Вчера «Декамерон» в Куллах. Неделя выпала на потраву бильярду, водке, суете военкомата.

12.02.81. В институт Лисавенко не поехал — обойдется. Рано, не с чем мне туда ехать, поскольку «Портрета» еще нет.

14.02.81 в ночь. Закончил «Портрет реки». Но почему-то радости нет. Может быть, потому, что это пятая поэма, а нет в ней широты, простора? Подождать» [221, л. 43, 44].

Готовый текст Родионов читает друзьям, литературному вкусу которых он доверяет. Но не той реакции, видимо, ждет в ответ. «22.02.81. Вчера разговор о поэме такой комканый, «на слух». Сегодня упреки Горна, (замечания Вики), молчание Башунова. Надо подумать о хорошем честном писателе уровня Астафьева...» [221, л. 44] Обида говорит в Родионове. Что ж, и самым последовательным самоедам случается пожалеть себя.

В феврале 1982-го выходит из печати третий стихотворный сборник Александра Родионова, названный одноименно с незадавшейся поэмой. Книга складывалась непросто. Между «Красноталом» и «Портретом» пять лет. В промежутке — забракованный, но все же давший фундамент третьей книге стихов сборник «Ожидание дня». Тот самый, что не состоялся три года назад, разгромленный рецензентами Викторией Дубровской, Владимиром Башуновым, Марком Юдалевичем. Теперь проведена работа над ошибками, написаны новые стихи и две поэмы — кроме «Портрета», еще «Сосед». Простенькая, размером с ладонь, брошюрка на 60 страничек выходит под рецензией поэта Николая Михайловича Черкасова, который, помнится, и в первом заходе был благожелателен к стихам Родионова и особенно хвалил его Кулундинский цикл.

В «Портрете» все стихи — новые. В книгу входят переводы стихов туркменского поэта Нобаткули Реджепова, по-прежнему присутствует геологическая тематика, появляется любовная лирика, написанная большей частью в 1980-м. Любовь помогает довести книгу до финала, и даже в оформлении издания

проглядывают горячие чувства. На обложку вынесен рисунок, изображающий девушку в венке из ромашек. Иллюстрация выполнена по мотивам фотографии, запечатлевшей Нину на Телецком озере в кратком свадебном путешествии Родионовых. Знак на корочке понятен лишь им двоим.

«Портрет реки» есть за что критиковать. Правда, никто в Барнауле, кроме Забелина, не возьмется за это дело. Молчание друзей — тоже, конечно, оценка и позиция. Однако третью стихотворную книгу Родионова сопровождают интересные письма и воспоминания современников. Приходит письмо от Сергея Заплавного из Томска. Он предельно деликатно указывает на недостатки книги, не обходя стороной и ее достоинства.

«Саша!

«Портрет реки» давно прочитал. Стихи читал с интересом, видел, слышал тебя при этом, радовался, читая хорошие стихи, хмурился, натываясь на словесные неточности, недоработанности, повторы. К сожалению и того и того примерно поровну. Это мое личное мнение, я его не навязываю, я пишу тебе по-дружески, в надежде, что ты правильно поймешь и воспримешь. Те недоработки, те языковые неточности, которые были в «Чистодеревщиках» свойственны и «Портрету реки». Так что это не случайность, как я теперь понимаю, а недостаточная языковая подготовленность или недостаточная работа над словом. Учеба тебе необходима. Внешне вроде бы все правильно, можно объяснить, но чувствуется тяжеловесность многих строк, их громоздкость, перебор согласных, неудачные стыки, образующие новое неблагозвучное слово, мало гласных. По темам и вовсе часто перепевы, перелопачивание того, что уже было.

«Портрет реки» не следовало повторять в «Чистодеревщиках» — я имею в виду сам образ, данный во вступлении к «заметкам», а потом перекочевавший в стихи. Сама поэма мне в целом понравилась. И в то же время осталась неудовлетворенность каким-то скорее внешним, чем внутренним подходом к теме большой, важной, трудной. Назвать беду легче, чем с ней бороться. В поэме именно название. Нет даже какой-то минимальной попытки от общих рассуждений и призывов — их сейчас пруд пруди! — замкнуться на деле. Я не знаю, каким

оно должно быть, дело. Но ведь ты не просто созерцатель. Ты жил, ты что-то делал на реке как геолог, с чем-то не соглашался, встречал людей-единомышленников, которые как-то боролись, не только старика, описанного хорошо, с любовью, но по году не делающего. Словом, я ожидал позиции более четкой, активной. Думаю, это от уважения к тебе как автору, от жажды прочитать что-нибудь яркое.

Когда я пишу тебе свои критические соображения, это не значит, что в моем творчестве все хорошо, одни Эльбрусы и Эвересты. Отнюдь. Но мои ошибки заметны другим, они могут оценить их объективно. А мне легче подметить и откровенно высказать свое читательское мнение по поводу написанного другими. Вот так.

Я подготовил для «За кадров» твою подборку из «Портрета реки». Может, пришьешь что-то новое для многотиражки, слова и портрет (фото). А Ренате свою книгу — ту или другую обязательно. Ну все. Держи хвост пистолетом. Привет Барнаулу. Сергей Заплавный» [213, л. 66, 67, 68].

По-своему запомнилась первая встреча с «Портретом реки» архитектору, художнику, прозаику Сергею Боженко: «Зашел однажды в книжный магазин, что на Октябрьской площади в Барнауле, самый популярный, наверное, по тем временам. Увидел фамилию на обложке — Родионов. Сразу вспомнил о словах Долнакова. «Портрет реки», — было написано на маленькой белой книжечке с наивным оформлением, девочка какая-то на обложке нарисована. Оформление не очень, а содержание понравилось. Книжицу прочитал от начала до конца. Понравился и запомнился художественный образ, созданный им в поэме. На реку он смотрел как геолог, рассказывая о проблемах Оби в стихотворной форме, и видел ее сверху, из космоса. С такого высока Обь виделась огромным деревом, у которого есть корни, ствол, ветви».

Откликается на «Портрет» и «Чистодеревщиков» известный советский поэт Василий Федоров. Очень важное для Александра мнение:

«Уважаемый Александр Михайлович!

Прошу простить меня за некоторую задержку с ответом. Не было в Москве, а появился — ожесточил свою старую язву.

Спасибо за книги. Со стихами вашими я все же знаком, а вот Ваш интерес к резьбе был для меня новым. Эта книга меня заинтересовала сама по себе, безотносительно моей принадлежности к литературе.

Отвечаю на главный Ваш вопрос — не пора ли стучаться в двери Союза? Мне кажется, что пора. А что касается рекомендации, то к собственному огорчению должен сообщить, что мне как одному из Секретарей СП РСФСР давать рекомендации не полагается. Секретариат — последняя инстанция в приеме. Могу обещать поддержку, когда Вы дойдете до этого рубежа.

В книгах искал тот Кулундинский цикл, который был встречен на нашем семинаре с одобрением и, к сожалению, заметил, что Вы заставили, загородили его другими стихами. А это жаль! Не у всех «приемщиков» есть терпение непременно доискиваться до хорошего.

Вот коротко о сути дела.

Василий Федоров.

29. III. 82» [215, л. 45].

Большой советский писатель, тот самый, что выделил рыжего парня с Алтая на VII Всесоюзном совещании молодых литераторов, одобряет вступление в писательский Союз — и Александр Родионов собирает документы. Кто в итоге выступает его поручителями, не вполне ясно. В папках Родионова сохранились три рекомендации за подписями Василия Казанцева, Ильи Фоякова, Леонида Мерзликина. Однако эти документы созданы несколькими годами ранее. Помнится, Александр Михайлович называл «крестным отцом» Леонида Агеева.

Некоторая детскость в оформлении «Портрета реки» соотносится со стихами о детстве, которые видятся мне в сборнике самыми удачными. В третьей стихотворной книге Родионова окончательно оформляется детский цикл. Тексты: «Баллада о мельнице», «Тишина еще над поселком», «Жил возле речки дядя Митя...», «Выходя на крыльцо...», «Воспоминание» — из первой книги; «Снегири» — из второй — дополняются новыми: «На зимние каникулы», «Триптих», «Деревенский пацан, непоседа». Из этих стихов можно составить книжку-малышку с чудесными иллюстрациями и раскрасками.

Со временем «детские стихи» Родионова приобрели новое качество, они стали художественным биографическим документом. Автор сохраняет в поэтических строках точный календарь: «Родился до Победы за три дня»; «Я еще и не был в школе, я, конечно, уступил»; «Декабрь. Я на каникулы отпущен. Наполовину пройден пятый класс». В стихах Родионова живут его близкие люди, и вся деревня разговаривает в них: «Ребятишки, завтра Троица, — нам бабуся говорит»; «А коваль подмигнет — пересмешник: / «Что ж ты мелко пахал, подлемешник?»; «И мама у порога / Его за жизнь мою благодарит» и т. д. Автор, степная душа, со всей любовью рисует родную даль: «Вечерело. Вышли в поле. / Там, где ширь, безлесье, голь...»; «нет сподручнее задания, / Когда знаешь, где полна, / Чабрецом поляна дальняя...». О детских годах Родионов отныне будет вспоминать только в прозе.

И еще один текст — на странице 26, — написанный бесстрашно и со смешком, останавливает меня своим провидческим настроением.

Когда придёт ко мне костлявая,
Суставами стуча и хлябая,
С литовкой ржавой на плече,
Я не спрошу:
«Пришла зачем?»
Не подивлюсь скелету-стану,
Не стану плакать,
Жизнь просить.
Свою литовочку достану,
Скажу:
«Айда траву косить».

КРЕН В СТОРОНУ ПРОЗЫ

В феврале 1982-го, когда одно за одним летят к Родионову письма во славу «Чистодеревщиков», а читатели уже держат в руках стихотворный сборник «Портрет реки», у автора

в самом разгаре новая работа. Близятся к завершению «Камнерезы» (первое «имя» «Колывани камнерезной»), копят материалы в «Книгу красных ремесел», пишутся тексты в брошюру-альбомчик с рабочим названием «Искусство колыванских мастеров», которую Александр делает вместе с директором Алтайского музея изобразительного искусства Любовью Шаминой. Буклет, обретший в итоге заголовок «Колывань», Любовь Николаевна пробивает в Министерстве культуры РСФСР. К концу года презентационная брошюра полностью подготовлена к печати и с помощью министра культуры Юрия Серафимовича Мелентьева, который, к счастью, оказался любителем и знатоком драгоценных и полудрагоценных камней (потому и помог алтайским энтузиастам), переправляется в Югославию. Полиграфическая база Советского Союза все еще не печатает хороший цвет на хорошей бумаге.

Притом что литературной работы неоглядно много, и обязанности геолога на оползневой станции никто не отменял, в августе Родионов вынужден лечь в больницу. Его определяют в общую терапию Горки (городской больницы). Госпитализацию инициирует жена, ее тревожит состояние Александра. Алкоголь из разряда допинга, распаляющего творческое воображение и помогающего бдеть за письменным столом ночью (а Родионов пишет без пропусков), давно перешел в неотвязную привычку. К тому же он беспрерывно смолит папиросы, частенько прикуривая одну от другой. За день улетают две пачки. Нина, обеспокоенная крайне нездоровым образом жизни мужа, делится опасениями с другом семьи психиатром Аркадием Голиком, и тот, разумеется, понимает, что Родионову нужна медицинская помощь. Прописывая Александру специальные процедуры, врач, помимо этого, оформляет его в палату, где умирает от рака легких старик, тем самым рассчитывая на поэтическую впечатлительность пациента. Психологический ход срабатывает лишь наполовину — заядлый курильщик Родионов переходит с двух пачек в сутки на одну.

Едва выписавшись, Александр сбегает в поле. Несколько дней в сентябре он курсирует между Колыванью и Коргонским ущельем. По выработанной годами привычке все, что преподносит дорога — резьбу, безгвоздевые дома, полотенца,

расшитые ромбами с крючками, то есть свастикой, и многое другое, — он заносит в путевой дневник. «В Тулате, Чинете, Сентелеке остатки деревянной резьбы — пропиловка на карнизах, наличники. В Коргоне покрашены наличники. Есть амбары с безвозводной кровлей. Хороших домов не видел. Деревя интересного нет, кроме:

1. Церковь в Сентелеке
2. Мост в той же деревне.

О Сентелеке и вообще о селах — есть такие, что постарше Америки, еще ее не открыли, а здешние села уже были» [227, л. 90].

Первозданной неукротимостью поразит видавшего виды геолога Коргонская каменоломня. «Что там творилось при спуске — трудно представить! Тело порфира обрывается крутым уступом к северо-востоку, на юго-запад тоже. По реке сплошные глыбы, понятно, почему Шангину не удалось сплавить новые заготовки на плотках» [227, л. 12]. Вернувшись вместе с камеломцами в Колывань, он зайдет на сельский погост, чтобы занести в блокнот фамилии покоящихся горных офицеров: обербергмейстер Михаил Сергеевич Лаулин, Василий Васильевич Черемнов, титулярный советник Павел Епифанович Хребтов, Антон Филиппович Готовкин. Бродя по кладбищу, очищая старые плиты от затянувшего их моха, он надеется найти могилу Филиппа Стрижкова, основателя Колыванской шлифовальной мельницы. Безуспешно. Могила и до сих пор не найдена.

По возвращении в Барнаул Родионов провожает в роддом Нину. До выписки жены и сына он успевает достать по благу кроватку и коляску. Отец называет мальчика Колей в честь своего дядьки-брата Николая Родионова, в тайне надеясь, что этот шаг сблизит его новую семью и егорьевских родственников. Но настоящего родства так и не случится. «Смычки не будет», — запишет Родионов в тетрадь.

В первой декаде декабря Родионов получает конверт из Москвы. На официальном бланке с шапкой «Союз писателей СССР. Правление», датированном 2 декабря 1982 года, написано:

«Члену Союза писателей тов. А. М. Родионову.

Уважаемый Александр Михайлович!

Направляем Вам выписку из постановления секретариата о Вашем приеме в члены Союза писателей СССР, а также бланки для творческого учета и выдачи членского билета.

Поздравляем Вас с вступлением в Союз писателей и желаем новых творческих успехов».

Вдохновленный Александр берется за письмо Шуртакову.

«Здравствуйте, Семен Иванович!

Вам пишет грешник и должник Александр Родионов. Должник на Ваше летнее ко мне письмо из Кузьминок, а грешник — это на всякий случай, авансом. Спасибо Вам за внимательное чтение моих заметок о дереве. Попытаюсь объяснить молчание не тем, что все это время изучал Ваши замечания, а тем, что писать хотел после окончания рукописи новой книги. Теперь вот закончил «Кольвань камнерезную» и хочу надеяться — это повод для разговора.

Пожалуй, я не учел одного Вашего замечания, кому должна быть адресована книга. Получается, всем, кому интересна двухсотпятидесятилетняя история Кольвани. Отрезок времени приличный и интересный взлетами прошлого века. Почихал я архивной пылью, вороша документы, зато судьбы камнерезов стали понятнее и ближе. Не скрою, что принимался за дело ради возрождения культуры камня на Алтае, поскольку крест на ней поставить поставили, а раскрестить не собираются. Инертны, в первую очередь, местные власти, широкозадо прячущие от людей самоцветный камень. Воевать против этого можно только книгой и обязательно иллюстрированной. Буду предлагать в книгу цветные снимки наших алтайских вещей из Эрмитажа, Павловска, Дома ученых на Неве, Ленинградского горного института, кое-что из вещей, недавно найденных в Москве. На это дело 3 печатных листа, а сама рукопись вышла на 350 страниц.

Теперь о том, почему грешник. Прислали мне документы о приеме в Союз писателей. И я затаил надежду попасть на Высшие литературные курсы. Затаил не шибко, попросил рекомендацию, и наша писательская организация «добро» мне дает. Кстати, ответсекретарем у нас Игорь Пантюхов, и он Вам шлет привет.

Для конкурса на ВЛК я предложил первый и третий сборники стихов и «Чистодеревщиков». Но внутренняя загвоздка вот в чем: появился крен в сторону прозы. Пока читал архивные документы XVIII века, наклюнулась одна личность примечательная — медик и, как ни странно, геолог Петр Шангин. На Алтае он работал активно с 1775 по 1816 год. О нем ничего хорошего пока не написано. Чувствую, эта судьба не для стихов. Тут возможности прозы шире, есть хороший фон развития горного дела, техническое творчество и т. д.

Отсюда у меня вопрос. Если меня примут на ВЛК, то могу ли я попасть в семинар прозаиков? Спрашиваю у Вас, помня, что Вы на курсах такой семинар ведете.

Пишу накануне Нового года. Поздравляю вас, Семен Иванович! Желаю Вам добра и неутомимости! С надеждой на встречу в Новом году и искренним уважением! С. Р.» [215, л. 63]

Родионов определяется со своей будущей литературной работой и связывает ее с прозой. И, кажется, делает он это без усилий, интонация легкая, уверенная. Эмоции вроде прежних: «стихи преданы, как и геология», «ненавистно, как мысль о прозе» — справедливо отодвинуты. Родионов, разумеется, не может не замечать, что его первая прозаическая книга приносит успех, какого он не знает со стихами. И, конечно, Александр в состоянии дать самому себе прямой ответ на вопрос: стала ли книга литературным событием? «Краснотала», стало быть, он стесняется. Хотя и тут все неоднозначно. Каким бы плохим ни казался ему сборник 1977 года, а именно отсюда спустя 35 лет извлекают университетские филологи поэму «Агашевна» для антологии «Образ Алтая в русской литературе». Время! Оно отвечает на многие вопросы и сомнения.

А разворот в сторону прозы — верный и сделан в нужный момент. Родионов не отказывается от своих стихов, однако отдает себе отчет: обрести оригинальный, узнаваемый голос в поэзии у него не получилось. Он поет в большом общем хоре советских поэтов. Условно выражаясь, где-то во втором ряду третий с краю. Ни с краю, ни одним среди многих Родионов быть не хочет. «Никто, кроме меня» — вот его стезя. И он уходит к чистодеревщикам и камнерезам в русский XVIII век. Архив подбрасывает темы одну интереснее другой. Первым

удивляет Шангин. Но сколько еще блестящих горных офицеров выйдет навстречу! Родионов впечатлен значительностью событий, происходивших два с половиной столетия назад в Барнауле и Сибири. Он открывает эту жилу, и здесь равных ему не будет.

В декабре 1982-го в четвертом номере журнала «Алтай» Родионов публикует очерк «Колывань камнерезная», и тем самым впервые обозначает тему, которой занимается уже десять лет и которая, как ясно теперь, станет основной в его жизни и творчестве.

Статья проблемная, острая. Для Минместпрома, в ведомстве которого находится Колыванский завод, и вовсе разгромная. Автор выстраивает свое выступление, противопоставляя факты великого прошлого Колыванской шлифовальной фабрики и современного головоуятия, повсеместной неумелости и равнодушия. «С 1952 по 1980 г. завод не выпустил ни одной крупной художественной вещи», — говорится в статье [97, с. 95]. Родионов просчитывает всю экономику предприятия: план, выполнение, реализация, организация производственного процесса. Тысячи рублей, кубометры каменных запасов, километры дорог, выраженные в конкретных числах, призваны убедить читателей и специалистов: списывать со счетов уникальную Колывань, живущую «на перекрестке науки, техники и искусства», нельзя. Не по нутру Родионову, что фабрике, давшей миру «Царицу ваз», предписывается делать план на ювелирных изделиях. «Зачем выпускать то, что не пользуется спросом?» — спрашивает Родионов. Возмущается: «Фабрику колоссальных вещей» стали называть «Запсибзапонка». Эта фраза характеризует писательскую запасливость Родионова. Обзывка попала ему десятилетие назад в геологической партии на Чарышском листе. Приберег, пустил в работу.

Родионов отстаивает Колывань, которая «как известно, развивалась в теснейшем общении с выдающимися мастерами декоративно-прикладного искусства. И если уж Воронихин, Камерон, Кваренги, Росси и Мельников не гнушались выполнять проекты для колыванских камнерезов, то сегодняшним

художникам-прикладникам, художникам-монументалистам сам бог велел повернуться к Колывани лицом» [97, с. 99].

Советское настоящее Колывани сильно проигрывает в сравнении с достижениями XVIII века. «Все, чем располагают сейчас колыванцы, стало известно благодаря давним исследованиям Чулкова, Шангина, Риддера, Кузинского еще в начале активного горнопромышленного освоения Алтая — с 1786 года». А современники не сумели грамотно подступить к Белорецкому месторождению, они решили добраться до каменного тела с помощью взрыва, что обернулось трагедией для камня. «Сила взрывного удара направилась не на выброс, а вглубь. Толщу кварцитов пронизала густая сеть мельчайших трещин. В одно мгновение камень утратил ценнейшее техническое качество — монолитность» [97, с. 97].

Обращаясь к истории камнерезной фабрики, Родионов с глубоким почтением говорит о неугомонном Савельеве, архивисте, краеведе, знатоке истории отечественной техники. Николай Яковлевич первым на Алтае написал биографии Ползунова, Фролова, издал книгу «Алтайские камнерезы» и выловил в архивном море крайне важную рукописную «Книгу обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Кабинет Его Императорского Величества с 1786 года». Личность фронтовика Савельева, в мирное время посвятившего себя исследованию истории Алтая, даже и в отпуск не уходившего и умершего за своим рабочим столом в архиве, близка по духу Родионову. Во всех своих статьях Родионов пишет о Савельеве в самом «высоком штиле».

А вот с Марком Иосифовичем Юдалевичем установится режим постоянных пикировок. Педантичный в отношении фактов Родионов критикует Юдалевича за вольное обращение с алтайской историей. Автор очерка «Колывань камнерезная» замечает: «Камнерезу Протопопову повезло и в Париже побывать. Правда не с «Царицей ваз» как об этом сообщает устами забывчивой легендарно голубой дамы Марк Юдалевич. «Царица ваз» закончена и доставлена в Петербург в 1843 году. А в Париж увезли чашу куда поскромнее в 1807 году — после Тильзитского мира. На то есть архивные документы» [97, с. 99].

План Родионова по выводу Колыванского завода из кризиса содержит три задачи. Первое, требуется уточнить запасы известных месторождений на перспективу. Во-вторых, для решения проблемы по добыче необходимо создать в крае специализированное карьерное хозяйство. «Поскольку в получении камня заинтересовано множество строительных предприятий и организаций, то карьерная служба может создаваться на кооперативных началах. Третья составляющая — инженерно-художественная» [97, с. 100]. Выписывая антикризисный рецепт заводу, автор и себе буквально одним вопросом ставит цель на всю оставшуюся жизнь: «Куда разошлись те 247 ваз, 74 колонны, 33 камина и множество торшеров, что вышли из камнерезного цеха Колывани? Ведь то, что сейчас хранится в музеях Ленинграда и пригородов, — лишь малая часть образцов алтайского камнерезного искусства XIX — начала XX века» [97, с. 94]. Будет искать! И «щастие ему послужит» [6, с. 110].

Статья жалит, но и противоядие дает. Фактурность, живость, неуязвимость авторской позиции — все это приметы зрелой публицистики. Текст написан страстно. Не в правилах Родионова экономить запал.

ДВИНУСЬ НА МОСКВУ

В начале марта 1983-го, проведив жену и полугодовалого сына в Ашхабад, Родионов возвращается в Барнаул, чтобы решать квартирный вопрос, ждать приглашения на высшие литературные курсы и отсылать письма Джане-Нине через каждые три-четыре дня.

«27.03. 83

Здравствуйте, моя Нина и мой Колюган
Коляджан!

Прибил я фотографию сына моего ниже бабушки Марфы — смотрят за мной, на меня старый и малый. Неделя всего как вернул, а ощущение, что прошла бездна времени. Заполнилась неделя столяркой — сегодня закончил кресло, пишу сидя в нем.

Ткань мне дали в Повалихе, на фабрике, зеленую. Заказ на полки сделают в апреле. Туда я поеду, чтобы уточнить детали, но раньше двинусь на Москву — это будет 1 апреля — на 4 дня. Попытаюсь попасть к Михалкову, а заодно условиться с Чивилихиным о предисловии. Плюс — документы на ВЛК. Вот три задачи. Думаю, что успею. Поездку дали туристы. Я должен это отработать, чем и займусь после письма — буду делать коротышку для их многотиражки по истории освоения Чарыша. Странное дело — пишу, а не отделяюсь от мысли одной — не потонет ли в бытовизмах и мелочах то, о чем надо бы писать в первую голову — разлука. Поглядываю днем и ночью на фотографии. Думаю о том, как надолго это затянется — разъезд. Теперь моя очередь смотреть на Ашхабад в конце программы, где про погоду. Но не следует в начале длинной дороги останавливать. Обо мне: кухня, баня и проч. — не беспокойтесь — это нетрудно вогнать в режим. Я пока еще не брался за настоящее дело — за новую книжку, да и вряд ли возьмусь до возвращения из Москвы. Подошло время записи передачи на телевидении — с меня теребят сценарий. Завтра сяду, чтобы быть готовым — запись 31 марта.

Нина! Что уже научился — новое! — сын мой делать? Я думаю, надо отправлять манеж. А то будет не нужен. Ему. Старшему. Хорошо, что будет у него брат-сестра Маня! А у нас младший. Я все же думаю о дочери.

Дело к ночи — пора за верстак.

До позвонения из Москвы. Целую тебя, Нина моя.

Ваш муж-отец Саша».

Часть 1982-го и первое полугодие 1983-го проходят в хлопотах о новой квартире. Одно дело — жизнь на оползневой станции влюбленных молодых супругов, другое — существование на тех же ведомственных метрах с младенцем. Нина настаивает — Александр рассылает письма повсюду. Жена советует написать Сергею Михалкову — муж слушается и повинуется. Затем и хочет Родионов отыскать классика в Москве, чтобы поговорить лично: так, мол, и так, нуждаюсь в собственном жилье, ребенок ползает по общественным полам. Вряд ли удастся прорваться Александру к начальнику всех советских писателей, однако ровно через месяц после поездки в столицу,

4 мая, Правление Союза писателей России направляет Родионову на адрес Барнаульской оползневой станции ответ:

«Уважаемый Александр Михайлович!

Ваше письмо, посланное С. В. Михалкову, получено. Мы знаем о Ваших семейных заботах, связанных с проблемой обеспечения нормальных жилищных условий. Знаем, что Вы лишены возможности творчески работать в обстановке тесноты и бытовых неудобств. Поэтому делаем все, чтобы Вам помочь. В декабре прошлого года С. В. Михалков обратился в барнаульский городской совет с письмом, в котором убедительно просил председателя горисполкома тов. Мельникова А. И. включить Вас в список остро нуждающихся на получение отдельной двух-трехкомнатной квартиры. Теперь многое зависит от активности руководства Алтайской писательской организации и поддержки местных партийных и советских органов.

С уважением консультант правления СП РСФСР В. Гузанов».

На следующем этапе за геолога и писателя Родионова хлопочет перед председателем Барнаульского горисполкома Анатолием Мельниковым головное предприятие «Запсибгеология», и уже 10 апреля в письме к Нине воспроизводит Александр чертеж будущего жилья. Рисует, подписывает: «комната самая большая», «спальня страшно узкая — пенал», «комната почти квадрат», «кухня очень тесная», «общая площадь 63 квадратных метра», а район, «как мы с тобой, Нина, и опасались — дальние Черемушки». «Дом частично сдан, — сообщает он жене. — Наш подъезд только начат отделкой, но батареи уже горячие, тепло дали. Это самый ближайший по срокам сдачи дом. Вероятное время вселения — июль. О центре пока заикаться рано. Надо заякориться хотя бы в этом».

Весной 1983-го приходят Родионову два неприятных отказа из союзных газет, куда он направлял статью о Колыванской фабрике. В редакцию «Советской России» Родионов толкнулся, будучи в Москве. «... Снова отлуп, — сообщает он жене. — Тот же дядя ответил, что не представляет интереса моя узкая тема для российского читателя. Я думаю, что он настолько ленив — даже оглянуться вокруг не хочет — камень кругом и всюду, но нет! Узко. Надо ехать в Москву, жить там некоторое время (курсы) и пробивать дорогу. Иначе ничего не издать».

Догоняет с отповедью и «Литературка».

Майские литературно-фестивальные поездки приводят Александра в Юргу, Томск и Кемерово, где удастся повидаться с давними знакомыми. «У мужиков дела идут на лад — вышли у большинства новые книжки, а у меня худое переиздание», — замечает он в письме в Туркмению. В каждое послание он ввинчивает недовольство собой: «надо рыскать волком по краю, собирать и собирать», «сегодня перетряхивал архивы свои — надо половину сжечь, потому что вижу застойное перелопачивание», «я взял отпуск, надо не упустить летнее время, как только вселюсь — поеду в командировку».

В июне появляется предварительная информация по ВЛК. «Кажется, поеду учиться, — пишет Нине. — Странно, чем ближе эта учеба, тем больше до меня доходит — ведь это на два года... А Колюган? Я тебе стал завидовать после Ашхабада — ты все время рядом с ним, вместе».

Наконец, в июле полную ясность вносит письмо из Литинститута.

«Уважаемый тов. Родионов А. М!

Решением Секретариата Правления СП СССР Вы зачислены слушателем Высших литературных курсов. Вам надлежит прибыть в Москву (ул. Добролюбова, 9/11, общежитие Литинститута) не позднее 31 августа с. г.

С 1 сентября с. г. Вы будете зачислены на стипендию: семейные 150 рублей (по представлении справки), одинокие — 100 рублей. Вам будет предоставлена комната в общежитии Литинститута им. А. М. Горького».

Первого сентября в трудовой книжке Александра Родионова появляется запись: «Зачислен слушателем Высших литературных курсов». В тридцать восемь лет он вновь садится за парту. Поздняя учеба не смущает. Мама тоже окончила вуз в сорок лет, получила диплом почти одновременно с его геологическим, так что не о чем переживать — семейное.

Александр рад Москве, институту, новым товарищам. Огорчает лишь то, что Джана и маленький сын далеко. Едва успел осмотреться, шлет жене весточку. Первое письмо из Москвы в Ашхабад улетает 3 сентября.

«Здравствуй, моя Джана-Нина! Сын мой, привет тебе!

Все утряслось для первых дней, теперь я кое-что знаю об окружении и наперед. Из окошка видна Останкинская телебашня, а напротив, над столом, ваши фотографии. Комната, пожалуй, не лучшая, но пока она мне нравится, работать есть где. Есть письменный, обеденный столы, кресло, диван, полки. Кухня рядом. Это быт. Сейчас пойду запастись минимум посуды и т. д. Хочу купить еще пишущую машинку за 230 руб. («Unus» – югославская), а старую можно сдать в комиссионку, авось кто-то купит.

Занимались мы уже два дня, слушали разных ученых мужиков — уровень профессорский — выделили единодушно одного, самого интересного — Максимова. Его предмет — стилистика художественной речи».

В 1983 году Леонарду Юрьевичу Максимову 59 лет, он профессор, известный лингвист, автор учебников и сотен научных статей, редактор журнала «Русский язык в школе» и притягательный человек. В аудиторию к взэлковцам он входит со словами «я по вам соскрючился». Родионов не раз упомянет о нем в письмах и применит на практике словечки Леонарда. На первом же семинарском занятии Леонард Юрьевич в качестве иллюстрации к теме хорошо «выделанного» художественного текста приводит рассказ Евгения Гущина «Тень стрекозы». «Гущин давно не учится на ВЛК, живет и трудится в Барнауле, а преподаватели берут за образец его творчество», — ликует Родионов. Похвала преподавателя тем ценнее, что Гущина и Родионова связывает один круг общения.

И мысли не возникает, чтобы пропустить семинары Максимова. Выполнение заданий профессора отвлекает даже от писем к жене. Александр объясняет пропуск корреспонденции: «Вчера я готовился к семинару — был оппонентом у прозаика В. Кожевникова (Ставрополье) и хотелось выступить доказательно. Вот я и сидел допоздна, вычерчивал свою схему анализа, а сегодня сообщил ее семинару. Максимов отозвался положительно, ребята меня также поддержали. Словом, вчитывался в рассказ не напрасно».

«Фотографии кое-какие уже печатал, но что-то они не очень по качеству.

Эта послеполевая этого года. Елань, ноябрь 71 г.»

ГААК. Здесь и далее подписи в кавычках принадлежат Александру Родионову

Полевой сезон в геологической партии.
Тисуль. 1969 – 1970 гг. Фото из семейного архива

«Кузнецкий Ала-Тау. Река Саянзас – 72.
Таскальская ГРП. Оценка рудопро-
явлений урана. Таян. С проводником
Васей». Рубцовский краеведческий музей

«Чарышская партия. 70-я».
Рубцовский краеведческий музей

Александр Родионов. 1970-е гг.
Фото из семейного архива

«Эта бабуля жила в с. Пролетарии
всех стран под Кольванью. Дом был
один, последний год. 1971 (лето).
Чарышская партия». ГААК

С дочерью Вероникой.
1972 г. Поселок Елань.
Рубцовский краеведческий музей

Александр Родионов (слева) в геологи-
ческой партии. Тисуль. 1969–1970 гг.
Рубцовский краеведческий музей

«Возле атлантов. Эрмитаж. 1972. Фото Олега Полещука».
ГААК

Александр Родионов и Борис Хатмиевич Кадиков.
1970-е гг. ГААК

«Эрмитаж. 1981. У Царицы. Фото Олега Полещука». ГААК

«Поездка с директором Бийского музея Б.Х. Кадиковым в с. Красногорское (сельский музей). 1985. Фото Н. Пономарёва». ГААК

«1977. На ул. Советской, 10 во дворе. Ставень из Камня-на-Оби с ул. Громова». ГААК

Из фотографий, подготовленных для книг «Чистодеревщики» и «Красная книга ремесел». ГААК

«У библиотеки Шишкова. Конференция музея ИЗО по искусству Алтая.
 Сидят мужчины: Цесюлевич Л.Я., Позняков А., Пчелинцев Б.Г., Родионов,
 Квасов Володя, художник. Над Родионовым — Русакова Л.М. (СО АН, Новоси-
 бирск), оппонент». Наталья Мавродина, хранитель коллекции цветного камня
 в Эрмитаже — *третья слева, второй ряд*. Искусствовед Любовь Шамина —
четвертая справа, третий ряд. 1978 г. ГААК

«Лето 1979. Агитпоезд «Комсомольская правда». Хабаровск.
 Перед выездом домой». ГААК

«1981 (зима). Оползневая станция,
служебная квартира, ул. Короленко, 48.
Фото Альфреда Позняка». ГААК

«С Васей Козловым в Иркутске. 1984.
У памятника Александру III». ГААК

Всероссийские литературные курсы. Поездка в с. Константиново.
Родионов — второй справа. ГААК

«1984. У церкви в с. Захарово. Владимир Павлович Смирнов,
Мзия Хотатури (Грузия), Нина Аверьяновна (ВЛК)».
В белой кепке — Александр Родионов. ГААК

«Барнаул. 1982. Период работы над очерком «Танцующая глина». Дед на Горе — от него сюжет о гончарах в Барнауле». ГААК

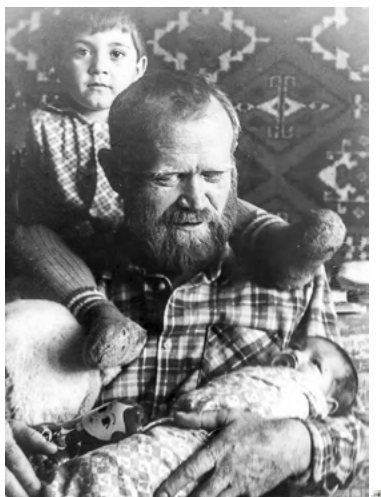
«Кольвань, 200 лет камнерезного дела на Алтае. 18.10. 86. Книга для заводской библиотеки Б.Г. Пчелинцеву». ГААК

«18.10.86. Колывань. На месте первого завода А. Демидова, 1825 г., где стоит пирамидальный знак. Валентина Смирнова (Змеиногорск), Любовь Шамина (Барнаул), Юлия Коган (из Эрмитажа)». ГААК

«Змеиногорск, встреча в клубе геологоразведки». 1986–1987 гг.
ГААК

Александр Родионов
с сыном Колей и дочерью Машей.
Апрель 1986 г. ГААК

Афиша Дней славянской письменности 1988 г. ГААК

«1988. Открытие бюста С.И. Гуляева в сквере АГУ на Димитрова в День славянской письменности. За памятником ансамбль болгарской песни из г. Кемерово». ГААК

«После Славянских дней на Алтае. Гора Пикет. 1989. Виктор Калугин, журнал "Слово". Борис Кадиков, Бийский музей. Геннадий Касмынин, журнал "Современник". В центре — Александр Родионов. ГААК

«На мосту через Катунь у Аи. Надежда (Сыктывкар), Виктор Калугин (Москва),
дама из новосибирского бюро по охране авторских прав, Родионов,
Михаил Федорович Антонов (Москва). 1989». ГААК

В верхнем левом углу рукой А.М. Родионова написано: «Лито «Родник»,
зима 88 года». Рисунки Виолетты Метелицы. ГААК

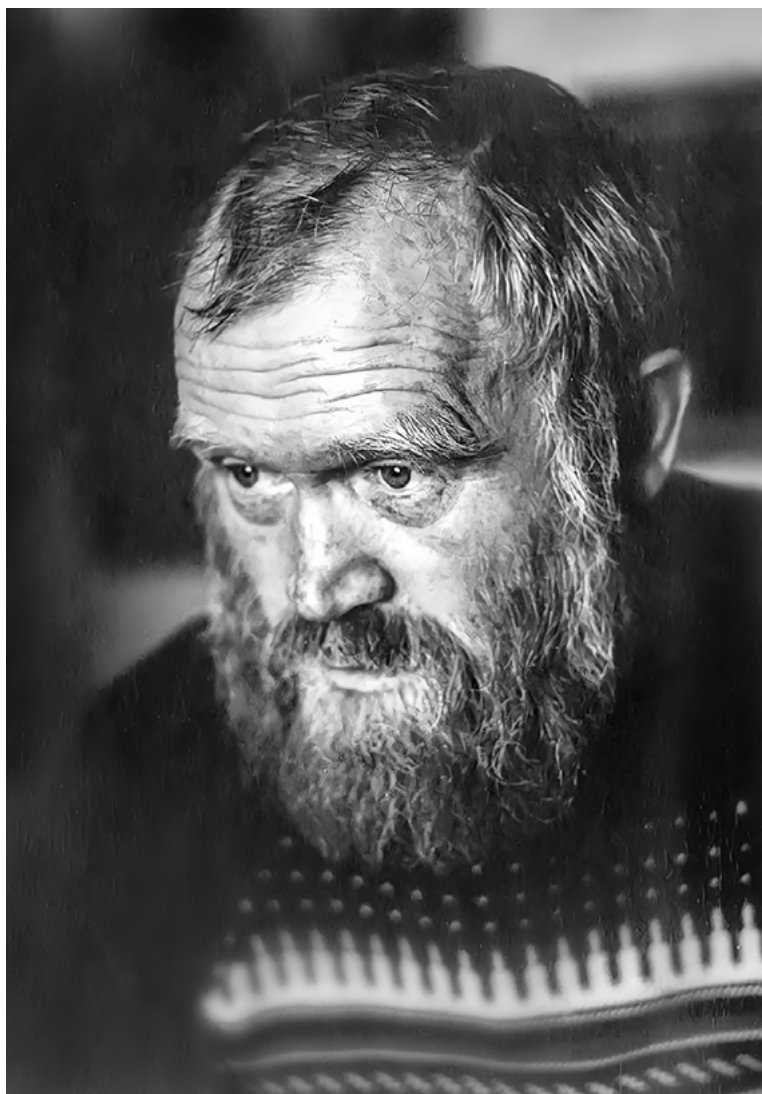
«С инженером Владимиром Пахомовичем Брякотниным в квартире на ул. Чкалова, 56. 1989 г. Кованый металл на стене с ворот на ул. Толстого, 2», г. Барнаул. Фото *Сергея Семёнова*. ГААК

«Галерея горных деятелей. Во дворе фирмы Импульс. 1994».
ГИАК

«Первое вручение Демидовских премий. 1994, 26 февраля. Дом архитектора.
Шампань пьют: А.Д. Сергеев, Анисифоров рядом. Кубок — ревнёвская яшма».
ГИАК

*Штамп на обороте фото:
«К/с Мосфильм фото Кочеткова Евгения Николаевича».
Из коллекции краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова*

СПЕЦКОР ТУРКМЕНСКОЙ ССР

В целом учеба в Литинституте не напрягает, «занятия четыре дня в неделю. Три — моих». Помимо подготовки к семинарам, стоят перед Родионовым еще две задачи: работа над «Книгой красных ремесел» и работа для денег. В первый же день пребывания в столице получает Александр посылку из Ашхабада. Боже! Какие деликатесы извлекает он из почтовой коробки: варенье из грецких орехов, персики, абрикосы, алыча! Отдельно упакованы дыни. «Дыни раздал по адресам. Все кстати», — отчитывается жене в письме.

На следующий день после получения райских даров Александр договаривается о сотрудничестве с «Литературной Россией». Второй туркменский транш заставляет Александра написать жене: «На такие твои поступки накладываю табу — это что же выходит, жеребец себя прокормить не может. Мне эта твоя забота очень радостна, но и совестно одновременно. Ты не ругайся на меня за «табу», а влезь в мою шкуру».

Обдумывая московское житье-бытье и прикидывая свои обязанности мужа и отца троих детей, Родионов понимает, что 150 рублей литовской стипендии — это совсем не густо, а потому ищет новые и новые подработки. В начале октября с помощью секретаря ВЛК Нины Аверьяновны Малюковой он сводит знакомство с издательством «Знание». «Пока взяли кусочек из «Чистодеревщиков» для журнала. Но это капля. Я настраиваюсь на небольшие статьи о железе, может быть, о камнерезах». Постепенно Родионов обрастает редакционными связями, крепнет его сотрудничество с «Комсомольской правдой», «Сельской жизнью», журналом «Советская женщина» и с ЦК комсомола. В Туркмению на свидание с семьей он, как правило, отправляется в качестве спецкора, что предполагает оплаченную дорогу, командировочные, а после публикации — гонорар. Ашхабадские очерки выходят в прессе за подписью «А. Родионов, Туркменская ССР». В «Сельской жизни» Александр публикует статью «Такая разная пустыня». Он по-прежнему равнодушен к экстремальной природной зоне. В Туркмении, где почти 80 процентов

территории покрывают Каракумы, ведет исследовательскую работу институт пустынь Академии наук Туркменской ССР. Главными героями публикации становятся молодые ученые, русские и туркмены, которые занимаются комплексным изучением пустынных территорий Средней Азии. Они понимают пустыню как тонко организованную экологическую систему. Статья — без воды в прямом и переносном смысле, читается залпом. Родионов строит текст на интересных фактах. Он сообщает, что туркменские ученые с помощью фотометрии отслеживают продуктивность пастбищ (прогноз важен для чабанов), занимаются изучением дождевания и внесения удобрений на бросовых, безнадежно засоленных землях. «Эта работа поможет вернуть к жизни приоазисные пески Марыйской и Чарджоуской областей.< ...> Ради того, чтобы над песками приподнялся полутораметровый кустик, его корни пронизывают грунт объемом почти в сотню кубических метров!»

В апреле 1984-го Родионов едет в Туркмению от журнала «Советская женщина». В редакцию он сдаст прекрасную, в чем-то даже нежную, статью «Здравствуй, учитель Гунча» о русоведе, как принято среди туркменских педагогов называть учителей русского языка и литературы. Он пишет о Гунчагуль Курбанмурадовой. Сидит на ее уроках, слушает. Записывает за учительницей: «О родине нельзя писать легко». Дети постигают «Судьбу человека» Шолохова. Ему нравится, как Гунчагуль ведет за собой ребятню.

«— На минутку останись, Джерен. Теперь давай назовем незнакомые слова и выражения. Для тебя ясны «непроездные дороги»? Или такое словосочетание «черствая рука»? Или «хлебнуть горюшка»?

— Мурад, зачем мы учим русский язык, ведь у нас есть свой, туркменский?

— Когда я поеду в пионерский лагерь, я буду со всеми говорить на русском.

— А когда закончишь школу, тебе пригодится русский?

Пятиклашка еще не успел подумать о таком далеком будущем, сомневается. Гунчагуль, обращаясь уже не только к нему, а ко всему классу, говорит:

— Конечно, пригодится. Может быть, вы поедете работать на большую стройку. На днях Каракумский канал дошел до Красноводска. А строили его люди тридцати четырех национальностей».

Родионов, следуя законам Востока, встретится с аксакалами, поговорит с ними об учителе и только потом завершит статью: «И все же — как почувствовать реальность труда русоведа? Оказывается, и это можно. Просто нужно однажды пройти по улицам аула вместе с Гунчагуль и услышать, как все встречаемые — от мала до велика — произносят с поклоном:

— Здравствуйте, мугалым!

— Здравствуй, Учитель!

А седобородые старики, если с ними хорошенько разговориться, на вопрос о Гунчагуль прямо не ответят, но, глядя на заснеженные вершины Копетдага, расскажут притчу о полноводной реке, бегущей с гор, о том, как она, вливаясь в поля, делится на тысячи ручейков, чтобы дать жизнь всему, что способно тянуться к солнцу».

«Адрес древнего мастерства» — еще один красивый материал. В нем сплелись древняя туркменская легенда, рассказы заслуженного деятеля искусств Туркменской ССР, автора книги «Ковры Туркменистана» Ниязмурада Доводова и современное ковровое производство. Любимую тему, а таковым является все, что связано с народным искусством, Александр Родионов выписывает тщательно, не уступая в работе мастерам коврового искусства.

Александр начинает охоту на альбом Доводова еще до ВЛК, из Барнаула. Он пишет в Ашхабад: «Нина! Я так пока и не выслал книги Доводову, боюсь, как бы не ушла мимо книжка о коврах. Спроси, пожалуйста, в издательстве у бывших коллег». Автор «Ковров Туркменистана» упоминается еще в двух письмах. «10.09.83. Вчера ходил с рецензией на Доводова в «Советскую культуру», получился прокол — не печатают они рецензий на альбомы». «12.09.83. Сегодня творческий день, и мы его угробили на книжную выставку-ярмарку. Пришли к шапочному разбору, павильон капстран был уже закрыт. В туркменском отсеке видел «Ковры» Доводова. Эту книгу купили: США — 200 экз., Мадагаскар — 5 экз. и, кажется, венгры, а больше никаких подробностей. Убили меня азербайджанцы —

издали трехтомник о своих коврах + капитальную монографию о ковровом орнаменте + миниатюрное издание и опять о коврах».

В 1985-м Родионов встречается с Доводовым в Туркмении. Ниязмурад, занимающийся народным туркменским искусством сорок лет, рассказывает русскому коллеге дивную легенду. Предание гласит: из одной семьи выкрали девушку, красавицу и мастерицу. Спрятанная за горами и долами пленница находила утешение лишь за работой, и выткала она ковер невиданной красоты. Похитители решили, что за столь редкую вещь можно выручить немалые деньги, и поехали продавать изделие. Очень скоро в ущелье, где прятали ткачиху, примчались ее братья, смелые джигиты, и освободили сестру. На ковре мастерица записала узорами свое местонахождение.

От Ниязмурада Доводова читатель узнает: «До сих пор во многих странах туркменские ковры известны под названием «бухарских». Это неверно. В дореволюционный период ковры скупались перекупщиками на бухарском рынке».

Александр Родионов, поклонник устаревших, редких и специальных слов, приводит в статье множество оригинальных туркменских лексем. Знаете ли вы что такое «гёль»? Это основной элемент туркменского ковра. К тому же гёль марыйских мастериц отличается от гёлей ткачих Ташауза. Асмальками украшают верблюдов во время свадебного обряда. Ичирга — накидка на спину коней, а намазлык — молитвенный коврик. «В орнаменте намазлыка, — отмечает знаток народных узоров Родионов, — есть изображение древнего — доисламского — языческого божества, чем-то напоминающего фигуру славянской Матери-Сырой Земли».

В «Адресе мастерства» Родионов дает представление о размахе коврового производства в Туркмении. В разных регионах республики работают 11 фабрик. Их география определяется по цвету: сдержанно-красные ковры — текинские, неисто-во-пламенные — беширские. Ковер-гигант соткан в Ашхабаде в годы войны, его площадь 193 квадратных метра. В статье есть любопытный, чисто советского кроя, абзац, лет через пять-шесть таких пассажей в газетах уже не будет: «И очень знаменательно, что первым героем ковра-портрета, созданного в 1924 году на Челекене, был В. И. Ленин».

Очерк завершается «говорящим» фактом: «В одном из цехов объединения «Туркменковер» рождалось новое необыкновенное полотно. Осуществить в материале эскиз заслуженного деятеля искусств ТССР Дмужи Реджепова было поручено шести лучшим ковровщицам. Двенадцать проворных рук, перебирая нитки основы, словно струны большой арфы, находили единственно точное место для каждого из 3200000 узлов, которые соединившись, слившись воедино, превратятся в симфонию классики туркменской литературы Фраги Махтумкули».

К сорокалетию Победы «Комсомольская правда» публикует в номере за 6 мая статью Родионова «Побратимы». Это его лепта к великой дате и лучший подарок к своему сорокалетию. Материал посвящен ветеранам Великой Отечественной войны, гарибальдийцам Аиму Ибрагимову и Оразмухаммеду Курбанниязову. Они попали в плен, отказались идти в фашистский легион «Большой Туркестан», бежали и закончили войну в итальянском «Сопротивлении».

В центральной прессе появляются и родные темы Александра Родионова: чистодеревщики и камнерезы. Еще до ВЛК он публикует статью «Окна в кружевах» в газете «Сельская жизнь» (28 марта 1983 г.). «Литературная Россия» ставит материал «Кольванские камнерезы» (21 декабря 1984 г.). В «Советской культуре» выходят фрагменты из книги «Чистодеревщики». «Статья о резьбе на Алтае, — пишет Александр в письме к матери, — прошла 13 марта — в похоронном номере — мы с тобой ее прозевали» [318].

Довелось Александру Родионову быть не только автором, но и героем «Комсомольской правды». В статье «Резных наличников узор» (24 октября 1984 г.) журналист Эдуард Звоницкий рассказывает о Родионове как о коллекционере деревянных узоров и авторе книги «Чистодеревщики». Текст дополняют фотографии Альфреда Познякова из Барнаула. На одной из них Александр стоит рядом со шкафом, сделанным «своеручно», которому с годами предстоит стать самым знаменитым предметом обстановки родионовкой квартиры. Все фотографии любили снимать Родионова, помещая в кадр большое овальное

зеркало на дверке шкафа. Эдуард Звоницкий вводит в статью описание интерьера в качестве характеристики внутреннего мира своего героя. Благодаря использованию журналистом этого классического приема, у нас есть возможность заглянуть в дом Родионова при оползневой станции на улице Короленко, в котором прожил он почти пять лет. «В его квартире висит схема Барнаула, где условными значками помечено местоположение старинных домов и виды резьбы: пропиловочная, глухая, плоскорельефная. Здесь же собрана большая коллекция наличников, оставшихся после сноса ветхих деревянных строений в краевом центре».

«Комсомолка» и другие газеты союзного распространения с их огромными тиражами доносят весть о «Чистодеревщиках» во все концы страны. «Зрил тебя в Комсомолке», — напишет Сане Леонид Рихванов. И миллионы читателей Советского Союза «зрили». Газетные публикации обернутся потоком писем к Александру. Послания к автору «Чистодеревщиков» однотипны по большей части: «Вышлите, пожалуйста, книгу наложенным платежом», — просят читатели. «А если вдруг книги не осталось, — спохватывается Анатолий Колесник из Полтавы, — то какие-нибудь черновики или трафареты ненужные» [233, л. 11]. Пишут люди из городов и поселков, и Родионов радуется обратным адресам — вся карта СССР: Ростов-на-Дону, Ленинанкан, Львов, Киев, Люберцы, Свердловск, Томск, Братск, Белгород, Волгоград, Казань, Могилев, Калинин, Москва. Сельские отклики еще больше трогают душу: поселок Межевой Челябинской области, Щелково Московской области, станция Калманка, Лянгасово Кировской области, Бельтырский и Пойлово Красноярского края, Верхош Чувашской АССР [233].

«Вы сделали очень хорошую, добрую и нужную работу для народа», — пишет Анатолий Андреевич Бушуев из Москвы. Такие письма лучше всяких рецензий.

Письмо инженера, преподавателя, заведующего кабинетом деревообработки И.И. Забенко из Киева, написанное 25 мая 1984 года, приведу целиком.

«Уважаемый тов. Родионов!

Мы готовим столяров-строителей, столяров-мебельщиков и столяров-станочников для строительных организаций

г. Киева. В 1983 году по многочисленным просьбам учащихся мы начали подготовку к освоению специальности резчика по дереву, мы чувствуем, что скоро настанет время и этой специальности в строительстве, но кроме желания, энтузиазма, ни я, ни учащиеся ничего не имеем, а в книжных магазинах, библиотеках, ГПТУ города Киева ни пособий, ни учебников нет.

Мы обращаемся к Вам. Помогите приобрести Ваши книги (по 1 экз. старого и нового издания), нам необходимы также всевозможные эскизы, фото, пособия, учебники по этой специальности. Если есть у Вас поделки, изделия ненужные Вам, отправьте нам. Мы создаем музей (помещение имеем) русской резьбы по дереву — они и станут его основой. Оплату книг, пособий гарантируем. Главное — не должно пропасть это творчество народное. Важно привить любовь к нему, передать опыт поколений, воспитать у молодежи любовь к этой благородной профессии».

Письма ободряют Родионова и попутно дают зримое понимание выгод столичного житья и публикаций в центральной прессе. Все-то здесь быстрее, все-то способнее для писательского дела. Московскую прописку — хорошо, не сразу в столицу, но что-нибудь поближе к ней — Родионовы обсуждают в письмах. Во время приезда Нины в Москву в ноябре 1983-го рассматривается вариант Калуги, где живет Вячеслав Бучарский, соученик Александра по ВЛК.

— А что, хорошо, — супруги идут по улицам города после посещения музея Циолковского. — Москва рядом, будем в Большой театр ездить, — мечтает Саша.

— На чем? — интересуется жена.

— На электричке.

В переполненной электричке им пришлось ехать в тот же день, всю дорогу стоя (Нина на высоких каблуках), в тесном единении с попутными телами и при грозных взглядах Родионова, бросаемых на ближайших соседей жены. Вопрос поездок в Большой театр из Калуги был снят. Но театральный ноябрь, который Родионов старательно готовил для жены, удался. Зазывая Нину на свидание в столицу, он пишет ей: «Еще нет афиш на ноябрь — театральных, но в ближайшее время позвоню Ванину (были мы у него с Усти-

новым) и отыщу через него Золотухина. Мне хочется, чтобы мы с тобой побывали на Таганке».

ПИСЬМА К ДЖАНЕ

За учением и работой спецкора невидимо и трудно зреет «Книга красных ремесел», о которой Родионов пишет жене, вернувшись из Ашхабада в Барнаул в марте 1983 года: «Я же надеюсь за время разлуки сделать еще одну книжечку». Еще до ВЛК главы из книги получают обкатку в виде выступлений на алтайском телевидении в программе Галины Кашляк. «Завтра пойдет по телику первая передача из «Красной книги ремесел», приезжайте взглянуть», — пишет Родионов Нине и Коле в Ашхабад.

В Москве «курсач» садится за книгу вплотную. Этапы работы над нею, как, впрочем, вся московская жизнь Родионова, легко прослеживаются по письмам к Джане, так Родионов называет жену. С армянского языка «джан» можно перевести как «душа», «родная», «милая», «дорогая». Уже после десяти дней занятий в Литинституте, 11 сентября, он едет в Коломенское. «Это как раз то, что мне нужно по металлу. Просматривал железо, а потом дело дошло до церковной резьбы по дереву. Чудеса тут есть — они вывезены из Соловецкого монастыря в 1939 году, отреставрированы к 1981 году, сейчас на них глазают. Мастерства такого я еще не видел. Музей маленький, но так много в нем нужного мне! Поеду еще, хочу поговорить с сотрудниками».

Весь октябрь он сидит «над железом, и куется оно туго, надо разогревать». За «верстаком» можно работать в свободные от лекций дни, но это оказывается неожиданно непривычным для Родионова. «Что-то не могу я привести в порядок свой режим. Наверно, потому, что всю жизнь приходилось работать ночью, а тут вдруг появилась возможность делать это днем, но я не готов». В привычном — ночном и странническом — ритме жизни дела идут гораздо лучше. «На ходу хватил тетраэдр сливок, а потом сварил дома кусок барана, поужинал и сел доделывать-передельвать статью о Колывани. Вот сейчас уже пятый, а я только закончил. Завтра снесу в «Лит. Россию»,

а если успею, то и зайду в ЦК комсомола за командировкой. Дают на январь. 7-8.12.83».

Желая справиться с валом работы, нахлынувшей одновременно (учеба, пополнение семейного бюджета, и книга пошла, записалось за верстаком), Родионов в декабре 1983-го объявляет сухой закон. «Ощущаю прелести трезвой жизни — последнюю бутылку пива выпил 6 декабря. Это любопытно. Через неделю достигну стерильной трезвости. Каково? Со мной всем теперь неинтересно, но есть и болельщики — выпью или нет. Конечно, выпью. На новый год. Но до него еще надо долететь».

За месяц он проворачивает огромное количество дел. Двенадцатого декабря готов «черновой вариант железа», «на горизонте керамика». Через шесть дней есть задел. «У меня тут ночь — 4 часа. Я сегодня сел за верстак, отмолотил начало глины. Это наши с тобой раскопки, Нина, мы так громко их называли. Получилось страниц семь. Изголодался я по верстаку, но сейчас главное не спугнуть птичку. Тьфу трижды через левое плечо». Пятого декабря он подает развернутую заявку в издательство «Современник», а седьмого сообщает жене о положительном результате: «Заявку взяли, будут читать и прикидывать — в какую редакцию определить рукопись». Родионов предлагает московскому издательству дополненных «Камнерезов», для которых пока нет названия в «Современнике», при этом книга, которая появится на свет в алтайском издательстве, переименовывается и становится «Колыванью камнерезной».

Ради работы над «Красной книгой ремесел» он откладывает долгожданную встречу с женой и сыном, отказывается от Нового года в кругу семьи и 28 декабря вылетает в Иркутск, предварительно написав Джане: «Все экзамены я сдал, заработал на поездку в метро два пятака. Чувствую себя обманщиком — лечу сперва не к вам. Потерпи маленько, жена моя. Ты так хорошо понимаешь, что мне без живых встреч не написать что-то дельное. Душа, я знаю, берет верх, но потерпи. Тебе не захочется меня видеть, если я буду злиться и досадовать, что не сделал задуманного».

В город на Ангаре Родионов прилетает с тридцатью килограммами книг в чемодане, перевязанном проволокой, — по дороге ручка оборвалась. Почему-то не находится способа

проще для доставки в Барнаул накопленной в Москве литературы. Дорожное происшествие не мешает Александру с удовольствием оглядеться по сторонам. «Пока ехал из аэропорта, видел много резьбы, немного кованых штучек». Через два часа после приезда за ним в гостиницу «Ангара» «зайдет Вася Козлов, иркутский поэт», и они пойдут посмотреть город. И так два с половиной года: книги — килограммами, дороги — тысячами километров. Да что два года! всю жизнь.

Литинститутская программа включает в качестве практика знакомство с лучшими литературными праздниками страны, образцовыми музеями. В самом начале учебы, в начале октября, первокурсникам ВЛК в «отместку за подвиги на разгрузке картошки и проч. устроили экскурсию в Бородино». «Такие штуки мне по душе, почаше бы, — делится Родионов с женой. — Правда, я вернулся несколько оглушенный увиденным и услышанным. Одно дело читать об этой мясорубке, другое слушать и не напрячься — не получается — вообразить, как всё это было. Самое грустное, что рядом с памятниками русским полкам сейчас стоят сараи и скотские загоны — земля колхозная. Не хватает земли на святое».

Литературных дорог будет много, они будто заменяют геологические тропы. К организованным путешествиям Родионов добавляет свои. Музеи для него спасение, он прячется в них от осенней депрессии. «11.09.83. Начинает давить на меня здешняя мокрая осень, не в смысле физическом, а душевно. Пока буду спасаться в музеях, надо посмотреть керамику в Кусково, ремесло крепостных в Останкино, доберусь до музея Ферсмана — камни, потом будет музей народного искусства, декоративно-прикладной и еще не трогал Третьяковку».

Богатым на поездки выдается 1985 год: Калуга, Пушкино, Усть-Каменогорск, Константиново, Шахматово... На фотографии, сделанной в селе Захарово, запечатлены вместе с Александром Владимир Павлович Смирнов, Мзия Хетагури, Нина Аверьяновна.

Преподаватель ВЛК Владимир Смирнов читает курс новейшей русской литературы, рассказывает о серебряниковцах:

Цветаева, Гумилев, Бунин, Анненский, Бальмонт, Волошин, Мандельштам, Пастернак, Хлебников, Заболоцкий, другие. В 1983–1985-м темы Серебряного века для кого-то из слушателей внове, а Родионов читал этих поэтов в начале-середине 1970-х, будучи геологом. Но что-то на лекциях по русской литературе начала XX века открывается и ему. Смирнова, как и Максимова, слушатели выделяют и чаще других приглашают на посиделки в общежитие литинститута.

На одной из таких встреч Родионов скажет о себе:

— Я — огнёвка.

После паузы:

— Змея такая есть — огнёвка. Красивая, огненно-рыжая с красными ромбами. Не самая большая по размеру, метра может достигать, но опасная и ядовитая. После укуса без противоядия можно умереть. Чем интересна огнёвка – она не терпит, не выжидает, не прячется, а сразу действует — нападает первой.

Самохарактеристика, хотя и чуть эпатажная, но неплохо рифмуется с публицистическим даром Родионова. И напал, и кусал, невзирая на дружеские отношения. Впрыскивал яд всем, кого считал виновными в подрыве традиций русской культуры, разрушении наследия. Противоядие приходилось искать и архитекторам, и директорам предприятий, допустившим сползание берега Оби, и партийным работникам, и чиновникам от культуры. «Огнёвка» станет чем-то вроде пароля, позывного. Каждый раз во время своих приездов в Москву Родионов без лишних слов объявлял Смирнову в телефонную трубку: «Это Огнёвка». Встречи были случайными, недолгими. Последняя — в 2009-м на Шукшинских чтениях.

«Но все же это были случайности, которые обернулись для нас глубинной неслучайностью, — отмечает профессор Смирнов. Летом 2016-го он делится со мной своим пониманием Огнёвки-Родионова. — Мы душами зацепились. Родионов выделялся среди других, даже на ВЛК, где собирались люди уже не юные, а повидавшие жизнь, матерые мужики. Несмотря на обилие ярких натур вокруг, он не затерялся, остался в памяти. Мне его яркость была интересна. Родионов не был полированным средней руки литератором. По виду явно

странник, бродяга, искатель, он и рассказывал о краях небывалых и рассказывал интересно, художественно, поскольку обладал ярким чутьем к слову и пережитому. Он воспринимался человеком с огромным запасом впечатлений, который пожил, много видел, многое передумал. У него был лукавый, умный, острый, смеющийся глаз. Обаяние и загадочная оригинальность. Артистичный человек. Человек с калибром, с внутренним масштабом, замысловатый. Он вываливался из общего ряда, в нем сочетались бродяжность и психологическая тонкость, загульность и ум. Очень русский человек, а русский человек сжигает себя с двух сторон. Он — пример русской типажности, присутствующей в русской большой литературе. С людьми такого типа сложно близким людям, но они и сами с собой сложны, исковерканы даже каким-то образом. По отношению к нему осталось у меня впечатление недоговоренности».

Два с половиной года, проведенных на ВЛК, Родионов позже назовет одним из лучших периодов в жизни. Это были годы беспрестанного насыщения знаниями, дорогами, знакомствами. Родионов преданно любит такую жизнь.

Случались, правда, в период обучения неприглядные эпизоды. В пору пренебрежения сухим законом Александр бушует и артачится. Однажды соседи по общежитию, не выдержав незаурядных выступлений рыжего собрата, привязывают его к кровати простынями. Как он перенес такое унижение — Бог весть. Видимо, и перенес с Божьей помощью. Инцидент грозит отчислением. Покаялся, конечно, на трезвую голову, как случалось это обычно. Написал Нине: «Соскучился. Приезжай». Жена прилетела, и буря улеглась. Сочувствие ли Нины Аверьяновны к младшей теще, ашхабадские ли подарки или все вместе взятое помогло, но Александра на курсах оставили. День примирения совпал с выступлением в литинституте Евгения Евтушенко. В аудитории, где поэт читает слушателям ВЛК поэму «Мама и нейтронная бомба», супруги Родионовы, только что сбросившие гору с плеч, сидят рядом, время от времени обращая друг на друга нежные взгляды. Сокурсники удивляются: «Вы сколько лет женаты? Воркуют, будто молодожены».

Известен еще один эксцентричный случай. Выражая протест против агрессивной внешней политики США, Родионов устроил сидячую забастовку на ступенях американского посольства в Москве. Одиночный пикет, невзирая на благие цели, прервали советские милиционеры. Писателю-миротворцу выписали штраф.

Но выше всех московских удач и поражений — любовь, письма к жене и сыну. Саша и Нина не могут прожить без строчек друг к другу больше недели, и если письмо из Ашхабада по каким-то причинам задерживается, то послания из Москвы становятся ежедневными: «9-10.09.83. Здравствуй, Нина моя. Любимая моя! Коля, сынок мой. Как ты? Жду-жду — нет письмеца. <...> написал вам почти неделю назад, пожалуй, завтра получу ответ», «11.09.83. Нина! Что-нибудь случилось? Одиннадцатое — нет письма. Завтра не будет — пойду звонить».

Волшебные московские письма. В них — все лучшее в Родионове. Учеба на ВЛК подходит к финалу, а вместе с ней и возвышенный эпистолярный Родионовых. Одно из последних московских писем написано Александром 12 мая 1985 года.

«Итак, мои родные! Джана и Коля! Привет!

Пишет вам ваш муж и батька, который распочал пятый десяток. Спасибо за телеграммы и письма — я немножко ожил после ленинградской хандры. Приходил Валя Устинов, и были еще наши ребята. Отметили, похмелились, и я сел за работу. Правда, вклинилось 9 мая, и я пошел к Большому театру. Заранее знал, что заплачу там. Так и вышло. Слишком необыкновенно там, хотя никто не говорил речей — люди радовались в печали, в том, что они просты и открыты, а не парадны в чувствах. Пожалуй, самый искренний день для большинства.

Нина! В ближайшую неделю мне будет известно, дает ли мне газета командировку, постараюсь сразу же позвонить. Индийское платье поищу на просп. Мичурина — есть там колониальные товары. Не найду, попрошу в Ташкенте жену Федора. Она в конце мая приедет сюда. У меня было такое же желание — привезти тебе индийский сарафан, но ты все угадала и поправила — платье. А значит ты у нас с Колей умница и вся интуитивистка, а мы с Колюганом — ниноходцы, поскольку вместе все пойдем к софоре!

А теперь я вас обнимаю, целоваться хочется — до смерти!
Ваш Саша — сорокалетний».

Получив 14 июня 1985 года свидетельство об окончании ВЛК, Александр спешит к Джане с подарком. Супруги отправляются в путешествие на историческую родину Нины, в Армению.

КОЛЫВАНЬ КАМНЕРЕЗНАЯ

Через месяц после окончания ВЛК Родионов получает должность редактора в отделе детской и художественной литературы Алтайского книжного издательства.

В редакторском деле имеется у него личный интерес. «Колывань камнерезная», рукопись которой была сдана в издательство еще до начала учебы на литературных курсах (архив сохраняет конкретную дату: 15 декабря 1982 года), так и не вышла в свет. Книга из плана одного года переносится в другой, затем кочует в третий и таким образом удачно поспекает к 200-летию камнерезного дела на Алтае. В конце июня 1986-го с автором «Колывани камнерезной» подписывают новый издательский договор.

Июнь 86-го выдается на редкость урожайным. Родионов заряжает обоймы публикаций сразу в две краевые газеты. Дерзкая, нещадно крушащая чиновное безразличие статья «Память слова и дело памяти» идет двумя частями в номерах «Алтайской правды» в рубрике «Мнение писателя». В первой части автор рассказывает об исследовательском подвиге краеведа Николая Яковлевича Савельева. Вторая часть состоит из несколько острых эпизодов. Один из них о том, как в 1953 году бывший главный художник театра драмы восстанавливал бюст исследователя Сибири, русского публициста Николая Ядринцева по единственной детали, оставшейся от него, — уху. Еще одна история о насквозь пропитанном равнодушием чиновничестве: «Я спросил В. М. Шелудченко, возобновлялся ли разговор на краевом уровне о памятниках деятелям горного производства на Алтае? «Да я здесь, т. е. в Обществе охраны памятников, всего десять

лет как работаю...» — ответил мне ответственный секретарь. При этом он держал в одной руке копию постановления крайисполкома, в другой — решение почти тридцатилетней давности. Когда Шелудченко разводил руками, между ними струился казенный воздух, зияла пустота бездействия» [14, с. 104].

В статье Родионов перечисляет имена великих соотечественников, похороненных на барнаульской Горе: изобретатель и горный инженер Козьма Дмитриевич Фролов, механики и теплотехники Ваганов, отец и сын Залесовы, первооткрыватель цветного камня на Алтае и первый наш академик Петр Шангин, основатель общества любителей исследования Алтая и начальник Алтайского горного округа Николай Журин, исследователь Средней Азии Тимофей Бурнашев, барнаульский просветитель Василий Штильке, французский археолог, академик Менье, фольклорист и многогранный алтайский исследователь Степан Иванович Гуляев. В советские годы красивейший некрополь Ивановского кладбища (так оно называлось в XIX веке) был снесен. Восстановить невозможно, но автор статьи «Память слова и дело памяти» предлагает создать аллею памяти, посвященную деятелям горнозаводского производства на Алтае.

Родионов умеет делать взрывную публицистику. «Память слова...» обсуждается на страницах местной прессы полгода. Свои мнения высказывают барнаульцы и историки-краеведы Петр Бородин, Алексей Сергеев, Валерий Скубневский, Вадим Бородаев, Иван Саблин. Вынуждены дать официальные ответы барнаульский горисполком и, поскольку в статье речь шла и о деревянном элеваторе Мастодонте, каменский райком партии.

В это же время газета «Молодежь Алтая» в шести выпусках подряд печатает плотно упакованные сенсационной исторической информацией главы из книги «Колывань камнерезная». Цикл открывает «Колыванский «парижанин» Протопопов, или Подарок Наполеону», его сменяет «Родомысл, Демидовский статуи и Царица ваз», далее следуют «Пути в Петербург». Колыванская серия стартует 23 мая, а финиширует в день заключения договора на книгу — 27 июня.

Еще лет пять назад Родионов занес бы счастливый двойной итог — два белых камешка — в дневник, оставил бы на

страничке пару строчек: подробности, эмоции. В середине восьмидесятых, увы, не пишет он душевных дневников. Или пишет? И не посчитал нужным оставить? Так или иначе, личных тетрадей, датированных 1980 – 2000 годами, в архиве нет.

Читательский интерес, подогретый анонсами не только в «Молодежке», но и в литературных «толстяках», и в «Книжном обозрении», сформирован задолго до появления «Колывани камнерезной» на магазинных прилавках. Книга еще только подписана в печать, а Родионов уже получает заказы на нее. «Просьба к тебе, — пишет Александру товарищ по ВЛК Михаил Базанков, — если сможешь, вышли свою книгу о камнерезах (выглядел в «Сибирских огнях», что она выходит). Интерес к твоей работе у меня укрепился более. Пожалуй, мог бы я написать рецензию, если почувствую себя достаточно подготовленным для этого» [212, л. 19].

Славу «Колывани камнерезной», едва книга появляется на свет, умножают две осенние презентации. Первая проходит в краевой библиотеке, Шишковке, где Александр Родионов наряду с Евгением Гуциным, Владимиром Сергеевым, Виктором Горном выступает на фестивале «Алтай литературный — 1986». Вторая выпадает на 18 октября в селе Колывань, где при большом стечении столичного и местного народа проходят праздничные мероприятия, посвященные 200-летию камнерезного дела на Алтае. На торжественном заседании Родионов передает увесистый зеленоволнистый, выполненный под ревневскую яшму «кирпичик» директору камнерезного предприятия Борису Пчелинцеву — для заводской библиотеки. В тот же день режиссер документального кино Юрий Малашин записывает речь автора «Колывани камнерезной» для телефильма «Сказ про царицу ваз». Камера работает на улице, на заводском дворе. «Осенний промозглый денек светом и теплом не радовал» [11, с. 237]. Летели крупные хлопья снега. Родионов снимает шапку и горячо экспрессивно, в свойственной ему артистической манере, возвышая голос на важном и чуточку «подвывая», будто читает стихи, говорит в камеру:

— Только что я говорил со школьниками, самым молодым поколением Колывани. Что для них Колывань сегодня? Знают ли они подробности биографии своей родины? Колывань — мать

алтайских городов. Колывань — это окно не только в историю Алтая, а окно в русскую историю. И все дело в том, как мы относимся к своему русскому дому. Выходит ли свет из этого дома?.. По каким образцам будет работать Колывань? Где тот художник? Целый институт работает, научно исследовательский институт художественной промышленности. Чем он занимается? Он на протяжении десятков лет может разрабатывать форму одной вазочки. Производительность поразительная. Алтайский камень, который имел сбыт в Западной Европе и других местах, почему же этот камень повис на шее у многострадальной женщины? «Государство» называется эта женщина. Почему же, в конце концов, должно проигрывать государство, а не выигрывать от того, что у нас в горах есть богатство? Читая письма в архиве, я очень часто читал такие слова: «Прошу дать камню лицо». Пишут из кабинета Его Императорского Величества: «Прошу дать камню лицо». На какую высоту это ставит камнереза! В Колывани началось оттачивание русского характера на прочном камне — на яшме, на порфире, на белоречите. Сегодня народ вправе сказать: «Прошу разрешить дать камню лицо!» Ибо колыванский народ способен это сделать.

Картина выйдет на экраны страны в 1987 году. И вновь полетят к Родионову письма со всего света: от геологов-одноклассников, работающих в самых разных концах Родины и за ее рубежами, от товарищей по Литинституту, рассеянных по всему СССР.

А пока — 4 ноября 1986 года — Александр Родионов читает в газете «Алтайская правда» рецензию на свою книгу. Статья написана известным барнаульским архивистом и краеведом Василием Гришаевым. Первым делом Василий Федорович делает в статье интересное заявление: «Я пишу не рецензию. Это сделают, причем более профессионально, критики и искусствоведы». Мне не встретились отклики местных критиков и искусствоведов, а вот статья Гришаева «Оживет ли слава Колывани?» очень понравилась. Гришаев дает прекрасные в своем неравнодушии строки: «Мне же хотелось остановиться лишь на одном, но, на мой взгляд, главном достоинстве книги. Она очень злободневна. Ее нельзя читать спокойно. Это не только «повествование о рудознатцах, горных инженерах, мастерах и под-

мастерьях», как сказано в подзаголовке, а взволнованный, полный драматизма рассказ о зарождении, расцвете и умирании камнерезного дела на Алтае».

Приведу большую часть отзыва Гришаева, тем паче, что возвышенность и хлесткость текста и в наши дни не утратили значения.

«Невольно проникаешься чувством гордости за безвестных (в большинстве своем) алтайских камнерезов, сумевших достичь таких высот мастерства, за их титанический труд, — пишет Василий Федорович. — Ведь каждая ваза делалась годами. Труд был каторжный. И подневольный. <...> Но послушайте, что пишет в своих воспоминаниях старейший мастер шлифовальной фабрики Александр Воротников (выдержка из них приводится в книге): «И какая любовь была к работе! Плакали, как приходило время с готовой вазой расставаться».

О них, о влюбленных в свое дело подневольных мастерах, эта книга. <...> Получается так, что судьбу старинного искусства на протяжении многих лет решают экономисты, а у них один подход, что к сапожникам, что к камнерезам: выгодно — не выгодно. При этом они убеждены, что защищают интересы государства, то есть народа. Но все ли можно измерить и оценить рублем? Почему мы не можем украшать наши дворцы, театры, городские площади настоящими произведениями искусства, в том числе и камнерезного, а не тем, что подешевле?

Конечно, во времена разрухи, Великой Отечественной войны и сразу после нее ставить так вопрос было бы, пожалуй, нельзя. Но теперь-то мы уже далеко не бедны, а вот мыслить продолжаем по-старому. Экономим там, где экономить бы не следовало (в разумных, конечно, пределах). Оттого целые городские микрорайоны застроены у нас унылыми серыми коробками, архитектурный облик наших городов не имеет своего лица, музеи (говорю лишь об Алтае) уютятся в тесноте и обиде; оттого умирают старые ремесла, составлявшие нашу славу и гордость, переводятся умельцы. <...>

Перестройка у нас на Алтае нужна и в отношении к наследию прошлого. Можно ли без стыда и гнева читать о том, например, как в годы минувшей войны был расплавлен на вкладыши к подшипникам бронзовый бюст Н.М. Ядринцева?

Или как хлебные карточки печатались на рисунках Росси и Вороникина? Скажут: «Война шла...» Но в Ленинграде тоже шла война, однако ленинградцы не пустили в расплавку ни одного бюста; замерзая в блокадные зимы, они не тронули ни одного дерева в Летнем саду...

«Колывань камнерезная» — страстный призыв к возрождению прекрасного, но незаслуженно оказавшегося в пренебрежении камнерезного искусства на Алтае. Это сокровенная мечта автора, мечта многих и многих из нас. Сбудется ли она? Оживет ли слава Колывани?» [132]

Кроме Василия Федоровича Гришаева, размышляет над книгой «Колывань камнерезная» журналист из Горно-Алтайска Николай Витовцев, его материал «Беспокойная память» опубликован в газете «Заря Востока». Вслед за Родионовым Витовцев заостряет проблемы: «Не знаю, как у кого, но у меня при чтении книги А. Родионова не раз возникало чувство стыда. Новые дома и здания в городах края любят одевать в дорогие одежды, но откуда они? С Южного Урала, с Украины, из Восточной Сибири и даже из Карелии везут к нам облицовочный камень. А откуда привезли камень для пьедестала Вячеславу Шишкову на Чуйском тракте? Из Киева...»

Николай Витовцев подает отличную идею: «Новая книга теперь — как путеводитель по залам Зимнего Дворца». Действительно, как раньше в голову не приходило? Конечно же, нужно обязательно пройти по Эрмитажу с книгой Родионова: «В зале «малых голландцев» ваза из пепельно-голубого коргонского порфира — работа Филиппа Васильевича Стрижкова 1808 года. А проект посылал в Колывань сам А. Н. Воронихин — архитектор с мировым именем».

И так — с познавательным прицелом — по галереям, залам, переходам: 65 колыванских ваз установлены в 22 залах Зимнего дворца. Среди них гости и призерши Всемирных выставок в Лондоне, Колумбии, Париже.

«Колывань камнерезная» идет в народ, и Родионов вслед за ней. Он беспрестанно выступает: красные уголки, школьные классы, актовые залы. На обороте одной из фотографий

написано: «Змеиногорск, встреча в клубе геологоразведки». Родионов — непринужденная поза, воодушевленное лицо — стоит на краю авансены, максимально близко к залу. Оставив кафедру, он слегка опирается на ее бортик рукой. За его спиной на стене — самодельные плакаты. По центру на листе ватмана обозначены абрис вазы и тема встречи: «Александр Родионов. Колывань камнерезная». На другом листе, справа: «Мастерство есть способ увидеть белый свет. А. Родионов».

Трибуна, стул и журнальный столик, предусмотрительно приготовленные для писателя организаторами, не пригодятся. Гробоподобные лекторские коробки мешают привычной широкой жестикуляции Родионова и, кажется, стискивают вольное течение мысли. Он любит живое, без шпаргалок (все даты-имена — как Отче наш), увлеченное общение — с вопросами, дополнениями и сомнениями, наводящими на дальнейший поиск.

Под конец везучего 1986-го, в предновогодних письмах и открытках, вперемишку с поздравлениями читает Александр отклики на «Колывань камнерезную». «Спасибо за книгу. Она прелесть. С чем поздравляю и обнимаю», — отзывается товарищ по ВЛК Николас Русу из Кишинева и шлет в ответ свое достижение: книгу повестей и рассказов «Шляпа для дедушки». Прилетает письмецо от Натальи Михайловны Мавродиной, хранительницы коллекции цветного камня в Эрмитаже: «Огромное спасибо за Вашу книгу — ее прочла запоем, интересно». Пишет поэт Александр Казанцев из Томска, однокашник по студенческой литстудии «Молодые голоса»: «Саша! Будь таким же бородатым и еще более плодовитым в Новом году. С радостью и гордостью держал в руках «Колывань камнерезную». Здорово!» Приходит открытка из села Майма от композитора, этнографа, учителя музыки Владимира Хохолкова, сдружившегося с Александром на БАМе в 1979 году. Он пишет: «От всей души поздравляю тебя с прекрасной книгой «Колывань камнерезная»! С большим интересом читаю и, находясь в магазине «Книги», рекомендую многим покупателям».

Подробный разбор колыванского фолианта присылает из Ленинграда потомок мастера-камнереза Андрея Ивачёва: «Уважаемый Александр Михайлович, здравствуйте!

Вам пишет читатель, К. В. Лашков, только что ознакомившийся с книгой «Колывань камнерезная». Для меня эта книга представляет особый интерес, так как я по происхождению сибириак, и один из корней моих предков тесно связан с Алтаем и алтайскими заводами, в частности Колыванским».

Кирилл Владимирович Лашков хвалит автора за «оригинальный прием: сопровождение текста данными о наиболее важных изделиях фабрики», говорит, что «книга произвела большое впечатление». Но ленинградцу Лашкову и посетовать есть на что: «Жаль, что Вы, подробно изучив хронологию династии Стрижковых, не смогли уделить больше внимания нескольким поколениям камнерезов Ивачёвых. Не располагаете ли Вы какими-либо дополнительными материалами об этой фамилии, а также мастеровых Акимовых? Не только я, но и представители других ответвлений старых алтайских фамилий были бы Вам благодарны за такие сведения».

Лашков вступает за предка: «Некоторое удивление вызывает Ваше иронически-негативное отношение к управляющему Колыванской фабрикой Павлу Андреевичу Ивачёву. Думается, нет достаточных оснований связывать с его деятельностью упадок, в который постепенно приходила фабрика».

Кирилл Владимирович отстаивает репутацию пращура: «П. А. Ивачёв являлся личностью довольно примечательной. <...> Учился в Академии [художеств] одновременно с В. И. Суриковым, с которым был дружен. Окончил учение в 1873 году со званием классного художника II степени. По окончании работал на Колыванской фабрике, некоторое время преподавал в педагогических классах Академии. В 1882–1885 гг. был членом Товарищества художников-передвижников и сопровождал передвижные выставки в провинции (см. Василий Иванович Суриков. Письма. Воспоминания о художнике. Ленинград, 1977. с. 304). Он был не худшим управляющим среди многих его последователей... Во всяком случае ни один из них не оставил после себя книги, посвященной истории предприятия» [213, л. 56].

Родионов рад письму. Лашков отчасти критикует его работу, однако, что важнее, открывает неизвестные ранее исторические факты, длит сюжетные линии. Александр Михайлович

вступает в переписку с Лашковым и при первой возможности встречается с ним в Ленинграде. Тема мастеров Ивачёвых получит развитие в последующих переизданиях книги.

Одновременно с выходом в Барнауле «Колывани камнерезной» «сдвинулось дело с книгой в московском "Современнике"», с чем поздравляет автора в письме Наталья Мавродина.

«Современник» выпустит книгу Александра Родионова «На крыльях ремесла» в 1988 году. Все здорово: Москва, «Современник», пятидесятитысячный тираж — ни одной его книге больше так не везло. Однако с «Крыльями ремесла» вышла неприятная история. «Книжная палата» усматривает в «Крыльях» полный повтор «Колывани камнерезной», и Родионов долго доказывает, что это не так. Переписку с издательством и Всероссийским агентством по авторским правам о выплате гонорара он будет вести до февраля 1990 года. «Современник» согласится с выкладками Родионова и признает новопроизведенной треть книги. Деньги заплатят, но лишь часть от первоначально обозначенной в договоре суммы.

Действительно, сравнивая содержание «Колывани» и «Крыльев», можно подумать, что перед нами одна книга под разными заголовками. Споры нет, в изданиях много общего, но они не тождественны. Главы «Крыльев ремесла», сохраняя те же названия, что и в «Колывани», приращены изнутри. Как раз в новых абзацах есть у меня любимое место. Выбранный фрагмент внятно объясняет горькую воительную историю России и легко проецируется на современные политические реалии: «Петру-преобразователю необходимы были не кустари, а промышленники с государственным размахом. Увеличение выпуска железа и меди было необходимо царю не только потому, что готовился Азовский поход и назревала Северная война. Само экономическое состояние России требовало резкого подъема, поскольку на восточную соседку западные государства поглядывали свысока. Незадолго до рождения Петра светило европейской научной мысли Готфрид Вильгельм Лейбниц предложил правителям больших и малых королевств свой проект создания Европейского союза, способного обеспечить всеобщее

благоденствие. Лейбниц призывал «естественную завоевательную энергию» направить за пределы цивилизованного мира. Колониальные устремления каждой страны определялись вполне конкретно: Англии и Дании знаменитый математик выделил Северную Америку, Франции — Африку и Египет, Испании — Южную Америку, Голландии — Восточную Индию, Швеции — Россию. Даже по такому, сугубо не математическому расчету можно судить о том, как воспринимали Россию за рубежом накануне воцарения Петра. По сути дела, Петр получил в наследство трон государства, которому угрожала экономическая колонизация» [7, с. 36]. Пожалуй, стоит обратить внимание на то, что план Лейбница оказался почти полностью осуществлен. Подкачал лишь последний пункт: Россия не досталась Швеции.

Специально для издательства «Современник» московские писатели Владимир Пелихов и Виктор Калугин выполняют рецензии на «Крылья ремесла». Критический разбор, сделанный членом Союза писателей СССР Виктором Калугиным, датирован 26 января 1985 года. Виктор Ильич, известный исследователь русского фольклора, автор книги «Герои русского эпоса», пишет: «Писатели обладают способностью быть первопроходчиками, открывать целые неведомые материи народной культуры, истории. Так было в XIX и XX веках, когда вышли книги С. В. Максимова «Год на Севере», М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц», а в 70-е годы «Северный дневник» Юрия Казакова. ... И ныне, уверен, целые поколения будут постигать народную эстетику с «Лада» Василия Белова. Такие книги имеют историческое значение.

Книга Александра Родионова тоже, уверен, для многих открывает не просто историю алтайских рудознатцев и камнерезов (хотя и этого уже немало), а целый край России, самобытную культуру и самобытные характеры алтайских первопроходцев» [241, л. 1-2].

Впечатляет писательский ряд, к которому Калугин относит Родионова: Максимов — Пришвин — Казаков — Белов. Первый ряд русской литературы. Классики.

Рецензия Владимира Пелихова, выпускника Литинститута 1976 года, известного редактора-составителя прозаических

сборников, написана ровно год спустя — 26 января 1986. Владимир Анатольевич Пелихов присоединяет Родионова к иному, но не менее именитому содружеству писателей и исследователей, внесшему «весомый вклад в дело возрождения, развития и популяризации народного творчества. Эта благородная целенаправленная работа, в советское время начатая С. Есениным («Ключи Марии») и продолженная Н. Рерихом, И. Голиковым, Б. Рыбаковым, Г. Вагнером, М. Чижовым, В. Солоухиным, Ф. Абрамовым, В. Беловым, Е. Осетровым, Ю. Мелентьевым, находит все больше и больше приверженцев, и можно только радоваться появлению в этом деле нового имени, нового труда и не только радоваться, но и всемерно поддерживать нового автора и его работу» [241, л. 8].

Рецензию Пелихова нельзя назвать исключительно похвальной, она содержит и критику, и дельные вопросы. Так, Владимир Анатольевич предлагает автору обосновать: почему именно алтайской камнерезной традиции выпадает честь быть во внимании российского читателя, ведь в стране их не меньше десятка? Объяснить: почему именно в XVIII веке получают бурное развитие металлургия и горное дело, и подсказывает: «...в начале того века Россия впервые оказалась лицом к лицу с Западом, со всеми вытекающими...» [241, л. 9].

Пелихов высказывает ценные суждения о манере повествования, объясняя, как избежать стилистической сухости и добавить в прозу поэзии. «Скудость приемов рождает монотонность», — говорит Владимир Анатольевич, и Александр ставит на полях, напротив этой аксиомы, восклицательный знак.

Хороший рецензент достался Родионову — с широким кругозором, опытный, требовательный и деликатный. Все замечания, на исполнении которых, к слову, Пелихов не настаивает, Александр Михайлович принимает и, следуя рекомендации, приступает к «еще одной стадии работы над книгой».

Завершая анализ рукописи, редактор и критик Пелихов не жалеет похвальных слов для «повествовательной хроники камнерезного дела на Алтае» и ее автора. Владимир Анатольевич резюмирует: «Александр Родионов из когорты энтузиастов и романтиков. Могу смело сказать — и патриотов. Труд вложен колоссальный, соответственно будет и польза от такой

книги, ибо автор стоит на четкой государственной позиции, его книга — вклад в общегосударственное дело» [241, л. 8,15].

ПРАВИЛО ПЕРВЫХ

Есть правило первых. Родионов знает о нем и почитает со времен студенческой литстудии Василия Казанцева. К слову, в рецензиях, критических статьях 1970-1980 годов о «первичности — вторичности» произведения принято говорить в обязательном порядке. Таковы традиции русской литературной школы, нацеливающей своих питомцев на открытие, на новое, доселе никем не сделанное. Статья первым — в теме, методе, образе, ритме, стилистике, выборе героя и исторической эпохи — значит войти в историю литературы. Правила никто не отменял, но в наши дни о нем неохотно вспоминают.

В статье «Оживет ли слава Кольвани?» Василий Гришаев отмечает: «Надо сказать, что автор начинал свое исследование не с нуля. В 1954–1956 годах известный краевед Н. Я. Савельев издал две работы: «Филипп Васильевич Стрижков» и «Алтайские камнерезы». Еще раньше, в 1902 году, в Барнауле вышла в свет книга Н. С. Гуляева и П. А. Ивачёва «Кольванская шлифовальная фабрика на Алтае».

Так выполнена ли «Кольвань камнерезная» по первому разряду? Или поставим вопрос иначе: стал бы Родионов, природный лидер, делать работу, не рассчитывая быть первым, не предполагая открытия?

Действительно, у Родионова есть предшественники в кольванской теме. Более того, о камнерезном заводе пишут одновременно с ним многие журналисты. В середине 1980 годов в главной краевой газете даже вводится рубрика «Пост АП на Кольвани». Александр Михайлович прочитывает все газетные публикации с кольванскими заголовками, поскольку справедливо полагает: писатель исторического толка, писатель-поисковик обязан досконально изучить тему, знать труды предтеч и современников. Родионов учитывает журналистский фон, но по большому счету не особенно важен он для него.

Современное экономическое состояние Колыванского камнерезного завода он знает лучше любого газетчика. Что для журналиста *terra incognita*: месторождения, запасы, физические свойства и классификация цветного камня, то для геолога Родионова — азы. К тому же никто из корреспондентов не погружается «во глубину» архивных «руд», не протискивается в узкие исторические горизонты, как это делает Родионов.

А вот Савельев и Гуляев — не только предшественники Родионова, но единомышленники, правда, из другого времени. Родионов опирается на их изыскания, случается и спорит с ними по факту. И он любит этих людей как своих самых близких друзей-соратников, восхищается ими, почитает как подвижников, потому и пишет о них неоднократно. Два Николая, Савельев и Гуляев, — в его мысленном круге общения.

Среди предтеч и академик Ферсман, чьи труды Родионов знает на зубок, до невероятных тонкостей, настолько, что поправляет кое в чем знаменитого ученого. В частности, в «Колывани камнерезной», Александр Михайлович уточняет атрибуцию академика: ваза «не Колыванской, а Локтевской работы» [6, с. 129]. Камнедельные нюансы, безусловно, имеют значение лишь для специалистов. А Родионов и есть тот редкий эксперт.

Прежде всего, автор четко и красиво формулирует цель своего исследования. Он пишет, вспоминая школьные годы: «В странном состоянии пребывали мы... В школе узнали длину Миссисипи, знали, где живут кенгуру и колибри, знали, какого роста пигмеи и сколько народу в Гренландии, знали, когда родился Рим и когда исчезла Помпея, но вот сколько лет родной деревне, что за люди обитали на берегах нашего озера, какая живность бродила по нашему бору задолго до нашей эры, — этого мы не знали. <...> Оказавшись шесть лет спустя возле Колывани, я почти ничего о ней не знал. Эти заметки о рудознатцах и горных офицерах, о камне и камнерезах я только потому и пытаюсь привести в порядок, только потому и пишу, что родное должно становиться родным, нет, родное должно становиться роднее в пятнадцать-семнадцать лет, а не после тридцати, когда человек вдруг обнаруживает прорехи в своем образовании». [6, с. 75-76].

Родионов предлагает современникам хронику камнерезного дела на Алтае с 1787 года и до середины 1980 годов, а в последующих переизданиях книги — до нулевого десятилетия XXI века. Полнее ресурса не было и нет. Родионов — колыванский Нестор.

Сегодня понятно, что наряду с архивной информацией, добытой Александром Михайловичем, особую ценность имеют те фрагменты «Колывани камнерезной», в основу которых легли встречи со старожилками, старшими коллегами, сотрудником краеведческого музея Николаем Александровичем Камбаловым, например, — свидетелем целого и сохранного Нагорного кладбища, достоверно передавшим Александру Родионову, кто где лежит на «барнаульском Олимпе».

Сетуя на существенный изъян в ведомостях каменных вещей — «что стоило добавить одну графу и вписывать имена шлифовальщиков, отдельщиков», — Родионов как никто кропотлив в поиске имен камнерезов. «А шлифовальные ученики? А камнеломцы? А те, кто доставил заготовку с Коргона? Разве они не прямые участники создания редких, неповторимых каменных чудес?» К знаменитым фамилиям мастеров — Бакланов, Стрижков, Ивачёв, Лаулин, Воротников, — выхватывая нити судеб из небытия, добавляет Родионов новые имена: Петр и Григорий Мурзинцевы, Иван Толстов, отдельщики Алексей Осколков, Иван Акулов, Никифор Дупленсков, Никита Трапезников и многие, многие другие.

Ради «крупниц судьбы» писатель лопатит килограммы архивных бумаг в разных городах — Барнауле, Ленинграде, Москве, Тобольске, Иркутске, Бийске. Он перечитывает на несколько раз страницы отчетов, рапортов и деловых писем, «чтобы найти среди эпистолярных расшаркиваний и служебной сухомятки хотя бы малые подробности одной судьбы...» [6, с. 112] Работа длится десятилетиями. Во втором и третьем изданиях «Колывани» 2002 и 2007 годов автор ставит отдельными приложениями «Словарь мастеров-камнерезов Колыванской шлифовальной фабрики XVIII — середины XIX веков» — 196 имен, «Словарь мастеров-камнерезов Колыванского камнерезного завода XX века» — 91 человек, список директоров завода с 1911 года

и по 2000-й — 29 руководителей. «Колывань камнерезная» — это, помимо прочего, книга почета мастеров.

«Много неясного в судьбе колыванских изделий!» [6, с. 223]

И Александр Родионов становится поисковиком, разведчиком, детективом. По рассказам одного из камнерезов колыванского завода, Родионов подрался с руководителем предприятия, когда узнал, что изделия, которым «дано лицо» в 1990 годы, не зафиксированы на бумаге. То есть «Книга каменных вещей», начатая в XVIII веке, со тщанием ведшаяся в XIX, не имеет продолжения в XX. Говорят, вазу работы Стельяна Страйстару купил Чубайс. Мастеру за нее предложили 100 долларов. Усмехнулся камнерез Стельян, отказался от подачки. Александр Михайлович опрашивает заводских мастеров и составляет «Список изделий Колыванского камнерезного завода. Век XX».

В «колыванский синодик» включает он вещи, выполненные с 1924 года по 2002-й. Кстати, в нем зафиксированы две вещи Страйстару. Летописец Колывани берется за поиск 12 колонн из ревневской яшмы, заказанных Кабинетом для храма Христа Спасителя в Москве. Храм взорвали, но Родионов «почему-то был уверен, что колонны целы и невредимы» [6, с. 239]. Он ищет их в Донском монастыре, музеях московского метро, а находит на девятом этаже нового здания МГУ, правда, всего четыре вместо двенадцати.

Родионов ставит вопрос: «А куда подевались семь десятков яшмовых и порфировых колонн? Ведь не коробка с карандашами!» После многолетних разысканий он может сказать определенно лишь о 18 колоннах: четыре из храма Христа Спасителя — в МГУ; четыре в храме Спаса на Крови в Санкт-Петербурге; десять — в Эрмитаже: две — в Петровском зале и восемь в зале Итальянского Возрождения. Местонахождение других неизвестно.

В московском литературном музее им. А.С. Пушкина «встречает» Александр Михайлович вазу — ровесницу восстания декабристов, с фамилией мастера Лаулина. Это открытие. Ранее считалось, что сын солдата, выпускник Барнаульского горного училища Михаил Сергеевич Лаулин не подписывал свои изделия. находка влечет за собой интересный рассказ,

где действующим лицом выступает начальник Кольвано-Воскресенских заводов Петр Козьмич Фролов. Найдите в книге «Кольвань камнерезная» эту историю.

Родионов устанавливает, что квадратная чаша из коргонского порфира, подаренная Александром I в честь Тильзитского мира Наполеону, не хранится в Лувре, как думалось всем и как, вероятно, хотелось бы и самому писателю. Но с ответом меье Губерта Ландейса, директора национального объединения музеев Франции, которому Александр Михайлович отправляет запрос о вазе, не поспоришь: в Лувре вазы нет. Считается, что царский подарок погиб во время Второй мировой войны. В результате переписки с Францией писателю удастся получить фотографию другого царского подарка, сделанного Александром III городу Парижу, и по сей день «живущего» в Отель-де-Виль, городской ратуше. Родионов первым подступает к теме «Кольвань дипломатическая». Друзья и знакомые привозят ему фотографии ваз, встреченных в заморских землях. Так, барнаульский банкир Владимир Филимонович Песоцкий показывает Александру Михайловичу интересный снимок: в интерьере Нью-Йоркской фондовой биржи «как божий день, ясная наша ревневская яшма, а на ней возвышается вишневый порфир в форме классической вазы конца XIX века». О другой кольванской вазе, стоящей во Дворце Мира в Гааге, сообщает писателю уроженец села Кольвань Алексей Филиппович Порядин, который «в ранге заместителя министра экологии Российской Федерации объехал весь белый свет».

В «Кольвани камнерезной» 2002 года выпуска Родионов опишет заграничные находки. До конца жизни нянчится он с «землячками»: в какие земли раздарены и живы ли через века, ухожены ли, верно ли именуются? Совестит, бывает, столичных обладателей кольванских красавиц, как это случилось с Ленинской библиотекой, где он обнаруживает вазы заляпанными краской, в трещинах.

Знаково и то, что Александр Михайлович предлагает необычный, в некоторой степени авангардный, дизайн книги. С подробностями оформления работает Александр Кальмуцкий, однако Родионов, небезразличный к внешнему виду своих изданий, всегда обрисовывает, какой именно он хотел бы

видеть будущую книгу. «Современник», издающий «На крыльях ремесла», явно не интересуется мнением автора на этот счет. Облик книги рядовой. А вот на Алтае получился славный увесистый том. Обложка выполнена под узорчатую ревенёвку «Царицы ваз», альбомный формат, цветной фотоблок; страницы с широкими полями — они приглашают делать пометки, ставить вопросы, вписывать новую информацию. На просторные отступы вынесены абрисы ваз и выдержки из «Книги каменных вещей», открытой («отрытой» в архиве) Николаем Савельевым.

До родионовской «Колывани камнерезной» Алтайский край не знает столь роскошных изданий. Даже если ограничиться просмотром цветного фотокладыша с изображениями ваз, колонн, каминов, камей в начале книги, то и в этом случае есть повод восхититься замыслом автора. Родионов собрал под одну обложку всю красоту и мощь Колывани. А многие ли подозревали о ней? Многие ли знали, что затерянная в алтайских предгорьях деревушка, не особо благоустроенная, с разбитыми в распутицу дорогами, украшала Эрмитаж и другие царские дворцы? «От великолепного цветного изображения знаменитых колыванских ваз, светильников, чаш трудно оторвать взгляд, — подчеркивает в своей статье Василий Федорович Гришаев. — За последнее время на Алтае вышло немало хороших книг по истории края. Но «Колывань камнерезная», на мой взгляд, выделяется среди них не только содержанием, но и качеством».

«Колывань камнерезная» — книга, каковую нестыдно преподнести в подарок и спустя 30 лет после ее выхода. Родионов делает основательный фолиант так, что на многие годы (и до сих пор) он остается лучшим в теме и переиздается к юбилеям Колыванского камнерезного завода в 2002, 2007 годах, всякий раз с дополнениями. Подчеркну, переиздается не за счет кровных авторских, а с подачи краевых властей за бюджетный счет.

И что же это иное, если не первенство? Поэтому и фраза Василия Федоровича Гришаева «автор начинал свое исследование не с нуля» имеет продолжение: «Но «Колывань камнерезная» отнюдь не является повторением пройденного. Идя тропой, проложенной прежними исследователями, автор кропотливо

проверил добытые ими данные, ряд их уточнил и поправил: он ввел в оборот немало новых архивных документов, побывал в центральных музеях, старинных каменоломнях, тщательно проследил путь каждого изделия. «Колывань камнерезная» подкупает увлеченностью поиска, широтой взгляда, образным эмоциональным языком. Хочется сказать: книгу написал поэт. «Колывань камнерезная» — безусловная удача автора, заметное событие в культурной жизни не только Алтая.

Параллельно с Александром Родионовым камнерезами Колывани занимается Наталья Михайловна Мавродина, смотритель цветного камня в Эрмитаже. Исследователи знакомятся в 1978 году на научной конференции в Барнауле и поначалу общаются исключительно в академической манере — на вы и по имени-отчеству, но с годами профессиональное общение перерастает в дружбу. Встречаясь, как правило, в Эрмитаже, два редкача, в совершенстве владеющие «колыванским» языком (никто в мире не может говорить с ними на равных), спешат навстречу один к другой с радостными возгласами:

— Наташа!

— Саша!

Осенью 2018-го Наталья Михайловна ведет меня «родионовским маршрутом» по залам Зимнего дворца. «Саша, — говорит она, — писал увлеченно и увлекательно, с азартом, у него настоящий дар слова».

Наталья Мавродина ссылается на исследования Родионова в своих книгах: «Работы камнерезов Колывани» (1990) и в массивном, пятисотстраничном шикарном фолианте «Искусство русских камнерезов XVIII-XIX веков» (2007), изданных Государственным Эрмитажем.

В архивном фонде Александра Михайловича хранятся письма, какие мечтает получить каждый писатель. Пишет Эрнст Иванович Сафонов, в 1986-м литературный консультант «Сельской жизни», а позже, с 1989 по 1994, главный редактор «Литературной России»: «Дорогой Саша, поздравляю Вас с новым годом, поздравляю и с тем прекрасным, что состоялось в Вашей судьбе в 86-м: с выходом «Колывани камнерезной».

Лукаво-мудры Вы на ее обложке, «защищенные» вазой, и книга мудра и по-своему лукава — для гордости и устыжения (за потери) русскому сердцу, и для зависти всякому холодному иноземному... Эта книга не краеведческого, а общенационального толка, она в одном ряду (и ладу!) с беловским «Ладом». И чем дальше будет утекать наше личное время, то есть когда насовсем «утечем» сами, — тем выше будет значение Вашей «Колывани...», ибо в ней пытливые сыны Отечества будут искать для себя и нужные советы, и свидетельства, и руководство к действию... Спасибо Вам, Саша, за эту книгу.

Э. Сафонов. 29.12.86. Москва» [214, л. 32].

Присылает записочку из Пскова Валентин Яковлевич Курбатов: «Поздравляю с «Колыванью камнерезной». Счастливую чистую нашел ты работу, или она нашла тебя — тут дело любовное и односторонним желанием ничего не делается» [213, л. 18].

В другом письме известный критик говорит: «3.12.86. Экие чудеса умеет выпускать Барнаул! Я уж подумал: не ошибся ли бандеролью, свою ли взял, свою ли ты прислал. «И лицо, и мысли, и одежда» — все замечательно! Не терпится, как гамлетовским сокольничьим, хватить на выбор любую страницу, и только боязнь увязнуть удерживает. Надо уж потерпеть до первых свободных дней, чтобы пойти «по камни» без суеты, руками чтобы каждую страницу и каждый рисунок ощущать. Вот и цветные листы пока не все доглядел. Сяду над одним да и смотрю час-другой, будто впервые камень стал в лицо разбирать, хотя вообще камни давно люблю и при случае обломки домой тащу. <...> Спасибо, Саша! «Колывань» действительно праздник! Дай Бог тебе за нее здоровья! Обнимаю» [213, л. 15-16].

Письмо-извинение шлет Родионову Геннадий Карпунин из Новосибирска:

«Дорогой Александр Михайлович!

Во-первых, спасибо тебе за великолепную истинно патристическую книгу. Ее непременно надо распропагандировать. Может быть, напишу о ней сам, может быть, попрошу кого-либо из толковых мужиков.

Во-вторых. Кто-то мне говорил — то ли А. Плитченко, то ли В. Башунов, — что в книгу вошел не весь материал, что у тебя есть одна или две главы, которые могли бы появиться в журнале в виде самостоятельного очерка. Так ли это? Если так, то дай журналу возможность заглянуть чувство вины перед автором, материал которого он так бессовестно в свое время отверг. Пришли мне эти главы с гневной филиппикой В. Башунова (как члена редколлегии) по поводу нашей работы. Впрочем, эта филиппика может быть кратким вступительным словом к публикации. Очень прошу тебя: сделай это непременно, такой материал крайне необходим «Сибирским огням».

И вообще, дорогой Саша, было бы хорошо, если бы со всякими идеями — а ты ими полон — ты обращался в журнал, во всяком случае, помнил бы, что журнал нуждается в идеях (это может быть статья, рецензия, рекомендация какого-то нового автора, материала и т. д.).

Желаю тебе всего наилучшего. Искренне твой Г. Карпунин.

1.07.87. Новосибирск» [213, л. 14]

Чудесно-вдохновенное послание приходит автору «Колывани камнерезной» от омского писателя и бывшего шахтера Александра Плетнёва (1933-2012):

«Дорогой Саша!

Прочитал твою книгу про колыванцев взхлеб, не отрываясь. Какой же ты молодец, паря! Так хорошо ты ее написал: по-родному, по-русски. Какую, до сего неизвестную мне, открыл я для себя страну Колывань. Вот с 83 года стоит у меня на столе отшлифованный с одной стороны кусок яшмы — подарок Толи Кирилина. Ну глядел, любовался вроде бы как на пейзажик, на некоторую площадь заштормившегося Японского моря. Знал, что Колывань, знал, что яшма. И только. А теперь гляжу на это чудо совсем иными глазами, кроме того, что имя-то какое: ревневская зеленоволнистая! Ее геологическая история и рудно-каменная история Алтая, а главное — какие люди жили-были. Я всё думаю: как, должно быть, сложно было тебе создавать лептопись, образы не столько самих предметов произведения искусства, сколько их создателей. И столько поэзии, столько печали...

Да, вот парадокс! Только рабовладельческое общество способно к оригинальному искусству (древняя Греция, древний

Рим и пр.). В свободном обществе возможна только массовая культура: штамп, поток, безликость. Оказывается, цепи в их буквальном смысле сковывают только плоть. Для духа цепей не существует. То есть — существуют. Эти цепи — массовая культура. Никогда так не был скован дух, как в наше время. Мы, т. е. современный человек, не цель, а средство для перестройки природы на индустриальный лад. Какая же тут свобода духа. Если уже доперестраивались так, что дрожмя дрожим, от страха сон потеряли? И воистину слова Бунина: «...отказались от нас наши древние заступники, разбежались рысчущие звери, разлетелись вещие птицы ... поруганы молитвы и заклания, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел божьему прощанию». Главное — мы потеряли навеки дом, а у бездомного, у бродяги какое же может быть чувство прекрасного, какой у него дух? Если в наше время еще создается что-то нужное, так создается духом тех, кто пытается отстоять дом или хотя бы не позволяет надругаться над его памятью.

Я тебя крепко обнимаю.

Мне, право, интересно, что ты теперь пишешь-делаешь? Видимо, опять что-либо связанное с историей. Хорошо бы.

09.03.87» [213, л. 102].

ДОМОВОЙ

Удивительные письма получает Родионов после выхода в свет «Колывани камнерезной» и статьи «Память слова и дело памяти». Прочтем их.

«Здравствуй, Саша!

Прости за беспокойство, но вот какое дело: ходят слухи, что наш музей, что у моста, хотят убрать и сделать трамвайное кольцо <...> вроде бы музей мешает движению транспорта и стоит на дороге. Мало того, что раздолбили два двухэтажных дома (вправо от музея по ул. Советской, если сесть лицом к мосту) архитектуры конца 19 — начала 20 века. Пожалуйста, узнай, ты поближе к верхам — бийчане любят и ценят этот

музей, как москвичи Кремль, и очень были бы благодарны, если что-то бы прояснилось».

Письмо датировано 21.12. 1986 года, но подпись в нем неразборчива. Послание завершается фразой: «Спасибо за публикацию в Молодежке, я не ожидала, старая уже. Сколько прошло лучших лет...» [214, л. 59]. Вероятнее всего, с просьбой к Александру Михайловичу обращается журналист Елена Егоркина, статья которой «У источника памяти» о бийском клубе шукшинистов опубликована в газете «Молодежь Алтая» 27 июля 1986 года.

Еще корреспонденция — от колыванского мастера-камнереза: «Уважаемый Александр Михайлович, здравствуйте!

Вопрос вот какой. Почему нашу Колыванскую фабрику переименовали в завод им. Ползунова, а не дали ей имя Ф.В. Стрижкова? Стрижков ее построил по собственным чертежам, оснастил механизмами, изобретенными им по обработке камней, первый в мире. Был художником, первым управляющим и т. д., а память о нем увековечена в одном названии улицы! Нам, колыванцам, просто обидно как-то! Мы об этом не раз говорили и в поселковом совете, но не знаем, как это сделать покультурней и надежней, куда обратиться по этому вопросу. Мы не против как заслуженного имени И.И. Ползунова, но он же ни разу не был в Колывани. Вот мы с Борисом Григоричем поговорили и решили обратиться к Вам за советом и, может, помощью. Вам колыванцы будут второй раз очень благодарны. С глубоким уважением Алексей Ефимович Поднебеснов. 13.12. 87. Колывань» [214, л. 15].

За что же первая благодарность Родионову от колыванцев причитается? Несомненно, за книгу «Колывань камнерезная», за любовь писателя к мастеру и мастерству. Прежде Александр Михайлович читал иные письма, в них, как правило, поздравляли его с новой книгой или просили выслать наложенным платежом «Чистодеревщиков». Все это — и здравицы, и заказы на книги — есть и теперь, однако восхитительно взрывное лето 1986-го знаменует новый этап в судьбе Родионова. Из начинающего литератора, в ранге которого пришлось походить ему немало, он обращается в признанного писателя, знатока истории Алтая и Сибири, а главное — отныне общественность

видит в нем защитника русской культуры. А коли заступник, то и тянется к нему неравнодушный народ с жалобами, предложениями и просьбами повлиять на «верхи».

И Родионов бескорыстно отстаивает русские рубежи в культуре и искусстве. Тут сама собою вспоминается сбереженная матерью, Татьяной Леонтьевной, детская тетрадка Саши Родионова. Двенадцатилетний отрок старательно переводит по клеточкам с открытки и раскрашивает цветными карандашами «Трех богатырей» Васнецова. Картинка — особенная, с историей, она срастается с экстремальным путешествием подростка через бурную степь, закрепляется в памяти тревожным и одновременно счастливым сигналом — знаком судьбы. Родионов обращается к эпизоду из детства и в стихах, и в публицистике:

Пересекая белую равнину,
Спешу к родным добраться побыстрей.
А у меня за пазухой картина —
Я начал рисовать богатырей.
Три пограничника. Лихие. Боевые [4, с. 7].

Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец — кого выбирает Санька в мальчишеских играх? Ответ в стихотворении:

Открыл Илья былинные уста:
«Вы тут вдвоём пока постерегите,
Буран парнишку во поле застал»,
И трогает коня, и выезжает
Во чисто поле к маленькой копне,
И в белый холмик руки погружает,
И жарко так в его объятьях мне.

Конечно же, Саша Родионов примеряет кольчужку Ильи Муромца, что кажется вовсе не случайным для мальчика, появившегося на свет 6 мая, в день памяти великомученика Георгия Победоносца. Два всадника с копьем наперевес — один из былинного эпоса, другой из житийной литературы, оба — народные любимцы, змееборцы, святые русской Церкви — незримо присутствуют в жизни Александра Родионова, покровитель-

ствуя его участливой душе, которая, быть может, еще до рождения, по судьбе, была посвящена заступничеству, сражению и победе. Кстати, и Пасха в 1945 году праздновалась 6 мая, в тот самый день, когда он родился. Какими добрыми смыслами подсвечена судьба его!

В 1986-м Родионову — сорок один. Пора, пора побеждать. Давно, в Тисульском 1969-м, получил Саня Родионов письмо от Валерия Жестова, собрата по вузовской газете «За кадры».

«Рыжий, здравствуй!

Понимаешь, старик, сроду не любил писать писем и вдруг с ужасом почувствовал, что нет ведь у меня друзей, кроме рыжего, а он черт знает какой массовой разведкой руководит и бог знает где. Зараза, ты почему не зашел, когда был в Томске? Ведь мы с тобой приехали одновременно. И грустная получилась история: в четверг уезжаю наконец в Ейск. Вырвись хоть на денек. Хотя бы на пару часов для кабака, чтобы sprysnutь книжонку, которая у меня уже «на лапе». Побазарим, посидим за чем-нибудь сорокаградусным. В конце концов еще не все глобальные проблемы решены. Давай, инженер, жму лапу и треплю за прекрасную бороду. Да здравствуют рыжики, свежие, хрустящие на зубах и несущие в себе и ароматы тайги, и лета» [212, л. 54].

Родионов вырвется из геологического поселка и получит на память от Валерки «книжонку». Лет через тридцать пять он определит жестовского «первенца» — книжку «Продолжение следует» на свою авторскую полку в отдел редких книг Алтайской краевой библиотеки. В тоненьком очерковом сборнике с мажорными, но банальными даже и по тем временам заголовками («Коммунары», «Если ты — партия») меня более всего притягивает дарственная надпись: «Первому парню в Тисуле, рыжему алкашу и рифмоплету, а также моему першему другу Саньке Родионову (Д. Ионову, Родионову)». Молодеческий шик, подкол, шарж и вызов адресует однокашнику представший с победой Валерий.

Родионов и Жестов по-юношески соперничают в институте. В необъявленном состязании Саша не отстает от друга, печатается в многотиражках, участвует в томских днях поэзии, лидерствует в молодежных компаниях. Оба — студийцы

Василия Ивановича Казанцева. Их стихи выходят под одной обложкой в сборнике «Молодые голоса» (1968). А с книжкой Жестов обогнал. Пытаюсь представить реакцию Родионова и на сборник, и на автограф. Родионов умеет радоваться успехам друзей, но на «рифмоплета», пожалуй, мог и обидеться — внутри себя, в душе, никак не проявляя досады внешне. «Алкаша» Родионову ничего не стоило изъять, вырвать с корнем, но для чего-то оставляет он авантитул нетронутым и заботится о надежной сохранности книги. Знает все про себя Родионов: и светлое и мрачное, и доброе и брыдлое. Понимает, что и люди не слепые — всё видят. Так есть ли смысл выдирать листы из книги? Прилизанности, елея Родионов не терпит, как говорится, «полюбите меня черненьким», таким, каков есть, — с лохматыми бровями, нависающими над глазами крутой волной. «Это характер из меня торчит», — объясняет он предлагающему укоротить бровастость Сергею Боженко.

К слову, книга Валерия Жестова попала мне в руки гораздо позже статьи «Чистодеревщики», подписанной «Д. Ионов». Догадка о псевдониме была самостоятельной. Автограф Жестова лишь подтверждает ее и открывает еще один «позывной» Родионова. На родионовской полке в редком фонде лежат десятки других книг с дарственными надписями. Любопытно проследить, как со середины 1980-х памятные рощерки меняют характер. Все меньше шуток, все реже «Санька», все чаще — «Александр Михайлович» да «с уважением», да «уважаемому». Автографы демонстрируют признание, дружеские чувства, обозначают изменившееся восприятие Родионова обществом.

Виктор Горн дарит Александру книгу «Наш сын и брат» с милым, намекающим на рыжину друга инскриптом: «Дорогому солнышку с чувством теплым. Свети, Саня!» — и, между прочим, ставит загадочную дату, в которой, видимо, выпущен месяц: «19.85». Валерий Ганичев пишет на титульном листе «Росса непобедимого»: «Александру Родионову в надежде на непобедимость россов! 25.07.88». А у Владимира Башунова — стихотворный сборник «Возвращение росы», и подарен он другу со словами: «Саше Родионову, заступнику Отечества, на удачу в будущих драках, коих несть числа. 20.10.86».

И дракам, истинная правда, конца-краю не видно. С 1986-го и до конца жизни Родионов ведет бесконечные бои за русскую старину, за историческое наследие, за колыванское искусство.

Ровно через год после празднования в Колывани 200-летия камнерезного дела на Алтае, день в день — 18 октября, в газете «Советская Россия» выходит статья Родионова «Замолчал «говорящий» камень». Колыванский хронист бьется за родной завод, за уникальное камнерезное мастерство. Он выводит проблему неумелого управления редким предприятием с местного уровня на республиканский и говорит о том, что Колывань, некогда украшавшая царские дворцы, в советские годы прозябает без заказов. Ее не видят в Министерствах, она остается неизвестной для архитекторов и строителей страны. В публикации упоминается о крупном заказе, над выполнением которого завод трудится как раз в 1987-м. Для одной из станций новосибирского метро колыванские мастера собирают 170 квадратных метров флорентийской мозаики по проекту художника Георгия Алексева. Плохо то, что «столь же масштабной работы на горизонте не видно». Родионов критикует министерские ведомства, а вместе с ними Эрмитаж и другие крупные музеи страны, которые, имея богатые собрания колыванских вещей, не откликнулись на 200-летие алтайских камнерезов хотя бы ретроспективными выставками. Итожа статью, автор рекомендует при строительстве общественных зданий — музеев, ДК, кинотеатров — принимать во внимание работу колыванских мастеров, а не экономить на дорогих материалах ради премии.

На протяжении многих лет покровительствует Александр Михайлович «мастодонту», крупнейшему в мире элеватору, возведенному в городе Камне-на-Оби. Это зернохранилище размером с семиэтажный дом было построено, подобно русским избам, без единого гвоздя по проекту теоретика космоса Юрия Васильевича Кондратюка (настоящее имя Александр Игнатьевич Шаргей).

Родионов взывает о спасении краснокнижного «циклопа»: в «Алтайской правде» — в 1986-м, в журнале «Огонек» — в 1987-м, в «Красной книге ремесел» — в 1990-м.

Писатель воспринимает камнеобского колосса живым существом. «Он пережил пожар, наводнение, даже землетрясение — устоял! — пишет Родионов в статье для журнала «Огонек». — И вот над ним новые враги — равнодушные... Со всем недавно в бывшем Министерстве заготовок, посчитав, что элеватор свое отслужил, решили просто-напросто его разобрать, чтоб не мозолил глаза. С «мастодонта» уже содрали «кожу» — тесовую обшивку. Вода получила доступ в замковые соединения — деревянные конструкции в таких условиях долго не протянут. Элеватору грозит разрушение! Но прежде чем снять «кожу», руководитель Каменского комбината хлебопродуктов распорядился сорвать мемориальную доску, свидетельствующую, что элеватор — памятник истории и охраняется государством».

В конце 1980-х перестроечный «Огонек», выходящий тиражом чуть ли не полтора миллиона экземпляров, — один из самых читаемых журналов в СССР. Но даже столь высокая трибуна не гарантирует жизни «мастодонту». Что ж, Родионов идет еще на один шаг: он организует в поддержку детища Кондратюка-Шаргея, «по расчетам которого американцы высадились на Луне» [8, с. 87], письмо советских космонавтов.

В сохранившемся черновике, на тетрадном листе в клетку, в самом верху написано от руки: «Почта летчиков-космонавтов СССР: 141160, Московская область, Звездный городок», ниже, с выключкой вправо — дата: «06. фев. 87». Рассказывая в «Красной книге ремесел» о космонавтах, вставших на защиту «мастодонта», Родионов не открывает своего участия в этом начинании, а говорит о нем как о деле, сложившемся волшебным образом, как в русских сказках: «Дошла молва о возможной гибели «мастодонта» аж до Звездного городка. Космонавты обратились с письмом к первому секретарю крайкома партии Ф.В. Попову: "... От имени советских космонавтов прошу Вас принять все возможные меры по сохранению уникального элеваторного комплекса, созданного крупным теоретиком космонавтики и Вашим земляком Юрием Васильевичем Кондратюком. С уважением! Тоже Ваш земляк дважды герой Советского Союза летчик-космонавт СССР А.А. Леонов"» [8, с. 87]. И еще подписи: А.В. Филипченко, П.Р. Попович,

В. Рождественский, В. Н. Джанибеков, Ю. Н. Глазков. Почему именно эти космические фамилии (в черновике и книге одинаковые)? Почему (что кажется более логичным) не уроженцы Алтайского края Герман Титов и Василий Лазарев подписывают письмо? Загадка. Но как бы то ни было, после письма космонавтов «разрушительная машина приостановила ход».

Писатель не устает предостерегать: «Сооружение удивительное, и потерять его будет стыдно и непростительно». «Мастодонт» пал в начале 1990-х. Кому стыдно?!

Дом барнаульского купца Астафьева — тоже Родионовская забота. Поначалу для кружевной шкатулочки с улицы Чехова все складывается удачно: по обмерным чертежам собираются восстановить ее на Анатолия, 102, рядом с Домом архитектора, открытым в 1985-м. Но возведение здания, обещанного Художественному музею под филиал народного искусства, затягивается на шесть зим и лет. Промокшие под дождем и снегом бревна поражает плесень. Директор музея Любовь Николаевна Шамина поднимает «тарарам», объясняя начальникам на телекамеру, что «ни при какой погоде в такой дом музей перевозить не будет». Историю о привычной безалаберности и равнодушии Родионов рассказывает наряду с другими похожими эпизодами в объемной статье «Разбудить человека в человеке» на страницах «Молодежи Алтая» 27 февраля и 6 марта 1987 года.

В 1986-м Родионов вступает за усадьбу академика Лисавенко. В его просторном дворе «пустили корни ореховые деревья, яблони, абрикосы и сливы, дуб и шелковица, а по восточной грани усадьбы встали лиственницы и ели» [8, с. 85]. Доказывая, что «усадьба академика Лисавенко должна быть сохранена для истории края, для истории садоводства Сибири», вместе с писателем обивает пороги разных инстанций инженер Владимир Пахомович Брякотнин, семья которого последней живет в доме, подаренном знаменитым садоводом городу. Но у архитекторов козырь на руках — они обещают на месте усадьбы Дом знаний и телескоп. И «председатель горисполкома А. И. Мельников согласно кивнул им: "Да, будет телескоп"» [8, с. 85]. Но где же дом знаний? Где телескоп? На месте усадьбы академика винный магазин и бар-ресторан.

Грандиозную прю ведет Родионов в 1987-1988 годах, отстаивая архитектурное чудо Носовича — дом, «каких и в Сибири-то мало, что до Барнаула — то он единственный». На защиту уникального особняка поднялась вся городская общественность. По выражению Александра Михайловича, люди ударили «в газетный набат». «Да, видать, слабозвучна медь колоколов нашей краевой прессы, или обивка на дверях кабинетов толста, что не достиг ее звон ушей председателя горисполкома В. Н. Баварина» [8, с. 86]. За дом Носовича просят художники-неформалы «Тихой мансарды», библиотекари, Союз журналистов; «аз грешный, — говорит Родионов о себе, — предлагал отдать его детскому саду», и тут же восклицает: «И уж кому был под стать этот дом, так краевому совету ВООПиК⁴. И по форме и по содержанию — памятник!» [8, с. 86].

Вступаясь за дом Носовича, Родионов понимает: одних статей, сколько бы их ни было, мало, необходимо влияние и помощь известных людей. Он звонит в Москву известному историку, знатоку администрирования и культуры Сибири, автору книг о горных офицерах Людмиле Рафиенко. На телефонный звонок Людмила Сергеевна откликается письмом:

«Уважаемый Александр Михайлович!

<...> я слышала, что Вы первым подняли вопрос о сохранении дома И.Ф. Носовича. Я, вернувшись в Москву, написала докладную записку в Министерство культуры РСФСР В.В. Кучерову. Но все потонуло в бумагах. На днях я узнала, что по письмам с мест об угрозе исчезновения памятников выезжают представители из фонда культуры СССР. Если дом Носовича еще не снесли, напишите в фонд культуры. Его возглавляет Мясников Георг Васильевич. Если только в Барнаул приедет представитель фонда, дом будет спасен.

И последний вопрос: как достать Вашу книгу по Колывани?»

Книга не проблема. Думается, выслал ее Родионов. А вот дом Носовича...

По просьбе Родионова корреспондент ТАСС по Алтайскому краю Валентин Павлов отправляет 27 января 1989 года в Телеграфное агентство Советского Союза «острый сигнал»: «гибнут

⁴ Всероссийское общество охраны памятников и культуры.

в Барнауле памятники старины». Материал идет под заголовком «Памятник ... под курятник». В нем говорится: «Руководители местных органов здравоохранения, на балансе которых находился дом, продали архитектурный памятник под ... кооперативный курятник» [206].

Сообща барнаульцы добились обещания городских властей: дом архитектора Носовича возведут в охранной зоне все на той же улице Анатолия. И он есть там, выделяется, радуется своей красотой, но стопроцентно оригиналу все же не соответствует.

«Кому закон не писан? — снова негодует Родионов. — Памятник будет утрачен. Далеко за примерами ходить не надо». И публикует на страницах «Молодежки» (15 апреля 1988 г.) две фотографии многострадального особняка купца Астафьева — 1976 и 1988 годов, — показывая, как искажен облик воссоздаваемого исторического объекта.

До чего неудобный человек этот Родионов! «"Не диван, удобным быть", — говаривал он» [172]. Невзирая ни на какие дружбы (и приятельские отношения часто трещат по швам), гневно и поименно крушит Родионов неизбывный «город Глупов».

Разобраться — он попросту называет вещи своими именами, говорит правду, и этого достаточно для того, чтобы одни его безмерно уважали, а другие — ненавидели.

В обширном родионовском архиве хранятся машинописные листы со стихотворением «Домик в Михайловском». Текст, датированный точно: «16-21-22 сентября 1977 год», никогда не публиковался. Ему предпослан эпитафия из пушкинского «Домового»:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой,
И скромную семьи моей обитель!

В «Домике» Родионов пишет о легендарном директоре музейного комплекса «Михайловское» Семёне Степановиче Гейченко, фронтовике, потерявшем на поле брани Великой

Отечественной руку и поднявшем из послевоенных руин родовую усадьбу Пушкина. Гейченко служит верой и правдой пушкинской обители сорок пять лет. Он поселится на территории заповедника (сразу после назначения в апреле 1945-го сначала в землянке), дабы лично днем и ночью приглядывать за святыми для русской литературы местами. Все писатели СССР, когда-либо гостевавшие на празднике в Пушкиногорье, знают, что Семён Степанович с легкой подачи поэта Михаила Дудина носит прозвище Домовой. Спустя годы, в 1996-м, о директоре «Михайловского», добром друге и соратнике, выпустит книгу под названием «Домовой» Валентин Яковлевич Курбатов. Родионову тоже повезло быть в Михайловском и общаться с Гейченко. Под впечатлением от личности главного музейщика страны он напишет:

Давно желанная дорога
От Сороти к горе ведёт.
И домовой походкой строгой,
Совсем как Гейченко, идёт.

В середине восьмидесятых Родионов и сам становится Домовым со стажем — покровителем и хранителем старого Барнаула, создателем новых традиций на опекаемой территории. Значится он «Домовым» и у знакомой детворы. У них — за внешность: рыжий, бородатый, часто заросший по брови в заросле не стричься до окончания рукописи, коренастый, сильный, легкий на ноги. Барнаульцы стекаются к своему Домовому запросто. Приходят побеседовать с глазу на глаз старожилы, шлют письма с вопросами-советами неравнодушные горожане. «Писателю — для размышления», — пишет Ювеналий Веронский, житель поселка Южный. «Мне кажется, именно музей изобразительных искусств может разбудить человека в человеке, — рассуждает автор письма, обеспокоенный судьбой деревянного особняка на улице Анатолия. — Так когда же откроются двери этого долгостроя?» Послание Веронского послужит импульсом к статье Родионова «Разбудить человека в человеке».

Он же, Ювеналий Михайлович, заглянув осенью 1986-го в гости к Родионову, между делом сообщает о пропавших

наличниках на улице Партизанской. И Родионов бежит к своим сокровищам, мечется, ходит кругами на месте разора, выискивая уцелевшее. Подбирает брошенное, втоптанное, отмывает, отстирывает — и в этот раз найдет на Партизанской половинку полотенца с прекрасной вышивкой и сохранит, конечно. Так случается всегда, едва поступает «тревожный сигнал» о пропаже в его городском хозяйстве.

«На следующий день я заспешил к перекрестку Партизанской и Красноармейского. Дом, когда-то имевший номер 126, стоял еще на месте, но был уже без крыши. Оконные проемы зияли пустотой, а на том месте, где когда-то красовались наличники, на чистых крепких бревнах были видны только их следы. <...> Ну ладно, подумал я. Пусть резьба здесь нарушена, украдена, снята! Исчезла резьба. Но ведь точно такая же была совсем рядом — чуть-чуть наискосок. Посмотрел в сторону дома № 135. Издали казалось, он вполне еще цел. Приближаюсь — резьбы нет. Я бросился едва ли не бегом к дому № 113 — может быть, на нем сохранились деревянные узоры, выполненные по пятковским рисункам?.. Увы! И этот дом был уже обезглавлен, о резьбе не было и речи. Темный сруб стоял пустой, нелюдимый» [8, с. 82].

Корит себя Родионов за наличники с Партизанской: не сберег домовую красоту для музея. И как не переживать, если несколько лет назад, собирая книгу «Чистодеревщики», он открыл имя мастера, украшавшего барнаульские дома, и по «почерку» опознал оконные очелья, созданные им! Алексей Степанович Пятков держал иконостасную мастерскую в Барнауле, являлся дипломантом и обладателем золотой медали промышленных выставок. Родионов «выследил» его судьбу с отроческих лет, когда Алешку за 50 рублей выкупил у отца-выпивохи чиновник из Бийска, проезжавший Ирбит, и до 1914-го, в котором Пятков закрыл дело и ушел на фронт. Уже после «Чистодеревщиков» Родионов найдет потомков Пяткова, а в их семейном альбоме увидит фотографию Алексея Степановича. Карточку обнаруживает в «Красной книге ремесел». В этом же издании Родионов называет и других барнаульских резчиков: «Иван и Ефим Паюсовы, Домашников, подмастерье Лолий Решетников — вот те немногие из имен, которым, пусть даже частично, был обязан

старый Барнаул разнообразием оконных наличников и вообще домово́й резьбы» [8, с. 82].

В «Славянских мифах» пишут о домовом: «Хозяинушко все видел, все знал заранее. Он мог предупредить о грядущей беде плачем, оханьем...» Вот и охает Родионов по домово́й резьбе, вот и плачет по душе, уходящей из народа. Человек чисто крестьянского замеса, он всем своим горячим и нежным сердцем любит народную культуру, отстаивает ее в статьях, книгах и высоких кабинетах. Случается, дерется за нее. А что делать, если слов не понимают?!

В алтайской округе домового Родионова любят и побаиваются. Почитатели, коих все же значительно больше, чем недругов, зазывают его в разные концы края, и если прежде он выступает в «солянках», то с лета 1986 года дает исключительно «сольники». Манит в дорогу записочка из Рубцовска: «Географическое общество АН СССР, 15 человек, существует 15 лет, средний возраст 33 года. Мы все проявили интерес к Вашей книге «Колывань камнерезная». Есть что сказать и есть что спросить. Будучи днями в Уймоне, услышал Ваше имя в краеведческом музее. Связали его с «Агашихой». Кстати, есть у нас интерес и к «делу о Кондратюке». Наши точки зрения по отдельным проблемам по этому делу могут не совпадать, а это значит, что есть предмет для разговора. Словом, мы жаждем встречи. С искренним уважением к Вам К. Севастьянов — руководитель группы.

P.S. Отправлено письмо в Барнауле. Зайти к Вам домой счел неудобным. 25.11. 86» [214, л. 27].

Застенчивость рубцовского географа и краеведа Клим Романовича Севастьянова понять можно, но осмелся он переступить родионовский порог — встретил бы самый радушный прием. Дом Родионова, где бы ни жил он, всегда был открыт и хлебосолен, а путники в нем особо почитаемы.

ОСНОВАТЕЛЬ ПРАЗДНИКОВ И КЛУБА

В рассветные свои «домовые» годы Родионов несет на Алтай новые традиции. С его подачи 24 мая 1987 года в Барнауле

впервые проходят Дни славянской письменности. Идею славянских дней, приуроченных ко дню святых Кирилла и Мефодия, поддерживает Семен Иванович Шуртаков, в прозаическом семинаре которого Александр занимался на ВЛК. Наряду с десятками других писателей Родионов становится гостем первого в СССР праздника славянской азбуки, который состоялся в 1986 году в Мурманске.

Александр Михайлович берется перенести мурманский эксперимент на алтайскую почву. В преддверии праздника он публикует в «Молодежи Алтая» статью «Баллада о славянской азбуке», присоединяя к своему тексту славянофильские высказывания известных советских писателей Валентина Распутина, Владимира Личутина, Владимира Крупина, Нила Гилевича.

«У нас такого общества, которое бы охраняло русский язык от жаргонов, американизмов, скороговорчатости, нет. Но, думается, в какой-то степени эти проблемы нам помог бы решить праздник письменности. Он дал бы всем нам прекрасную возможность еще раз оценить значение языка в нашей жизни и встать на его защиту», — в наши дни эти слова Валентина Распутина еще более актуальны.

В Барнауле, как и в Мурманске, праздник явится воплощением энтузиазма нескольких писателей, вузовских филологов и библиотекарей. Родионова поддержат Виктор Горн, Владимир Башунов, преподаватели пединститута и университета, сотрудники отдела редкой книги краевой библиотеки.

Репортаж о первых Славянских днях, вынесенный на первую полосу «Молодежки» (27.05. 1987), «бальзамирует» для потомков писательскую печаль, вызванную равнодушием жителей города к славянской теме. Утренние доклады, выставка редких старопечатных книг из личной коллекции преподавателя университета Александры Ивановны Ивановой (известная в среде барнаульских филологов баба Саня) привлекли совсем не многих. «Будем надеяться, что в следующий раз нас будет больше», — растерянно говорит Виктор Федорович Горн, секретарь алтайской писательской организации». Ревнителей славянской культуры значительно прибавится, «когда праздник выйдет на улицу. Когда с песнями-перекатами пойдут по улице «Песнохорки», «Сказ», «Былина», а <...> в сказочном деревянном

городке оживет золотое «Слово о полку Игореве», — говорится в статье Марины Кочневой «Тайной манит наследство Бояна».

Второй, третий, четвертый праздники получатся, пожалуй, самыми яркими: «после каждого оставался какой-то знак, какая-то память» [14, с. 72].

Славянский день 1988 года отмечен книгой «Былины и песни Алтая» Степана Ивановича Гуляева в серии «Фольклорное наследие» и открытием бюстов — Гуляеву и выдающемуся географу Петру Семёнову-Тян-Шанскому на «пятаке» возле университетского корпуса «Д». И книжная серия, и значок на ее обложке — русская лилия, древнейший орнаментальный элемент — придуманы Родионовым в его редакторскую бытность в Алтайском книжном издательстве. Также и площадка под гермы знаменитых фольклориста и географа утверждена главным художником Барнаула Сергеем Боженко по подсказке Родионова. «Я заехал за Михалычем, и мы кружили по городу в поисках мест для установки бюстов известных людей, — вспоминает Сергей Алексеевич. — Гуляев рядом с университетом — это его предложение».

Третьи Славянские дни в 1989-м ознаменует небывалая публикация, она затронет запретную, лежавшую под спудом на протяжении всего советского периода тему. В молодежной газете выходит вкладыш «Архитектурный мартиролог Алтая», иллюстрированный фотографиями утраченных церквей, купеческих домов, общественных зданий Бийска и Барнаула, Курьи и Кольвани, Змеиногорска и Камня-на-Оби. «И выяснилось — по предварительному подсчету церквей на Алтае было около четырехсот, а уцелело не более двух десятков. Но в каком виде! Обезглавленные, поруганные», — пишет Родионов [14, с. 454].

Мартиролог — заслуга искусствоведа Тамары Степанской. Шествие от краевой библиотеки к Никольской церкви, по тем временам еще клубу летного училища, — подвижничество Александра Родионова. Люди, идущие в колонне, несут макеты разрушенных церквей, фотографии памятников с Нагорного кладбища, лозунги «Где эти памятники?» и «Вернем городу память». Все это — Родионов, его идеи и его энергия. Как и мемориальная доска на Никольской

церкви, выполненная на куске картона архитектором Петром Анисифоровым. В шесть утра Родионов и Анисифоров прибили дощечку на дубеля к кирпичной стене. Позже Александр Михайлович опишет, как шла подготовка к празднику. Для него всегда было важным назвать участников, сохранить имена для истории: «И вот в Доме архитекторов, присматриваясь к старым фотографиям, под руководством Петра Анисифорова группа студентов-филологов и журналистов принялась за изготовление макетов. Группа — слово безликое. Это были Женя Михайлов, Игорь Копылов, Андрей Лушников, Жанна Рычкова. А собрал их всех в одну команду ныне известный журналист и поэт Володя Токмаков. <...> Пятиклашки — каждый со старославянской буквицей на шестике — двинулись по Ленинскому. Следом за ребятней на шестах повыше Токмаков, Михайлов, Копылов, Рычкова и Лушников несли макеты разрушенных: Петропавловского собора, обезглавленной Знаменской церкви, церкви Троицкой, Одигитриевской церкви и церкви полковой — Никольской» [14, с. 454-455].

К 1988 году относятся первые интервью с Родионовым в газетах, они появятся в «Молодежи Алтая» и пединститутском «Учителе». «Кульминационным моментом Дня будет митинг у Никольской церкви и открытие на ней, как историческом памятнике, мемориальной доски», — дает анонс празднику Александр Михайлович.

В третьих Днях славянской письменности впервые принимает участие священник Михаил Капранов, испрошенный Родионовым в епархии. Отец Михаил читает лекцию о Кирилле и Мефодии в краевой библиотеке. Кроме того, праздник 1988-го запомнится выставкой архитектурно-реставрационных проектов у Никольской церкви.

На рубеже десятилетий Александр Родионов и Сергей Боженко обсуждают возможность установки памятника солунским братьям, придумавшим славянскую азбуку, напротив Шишковки. «... Когда смотрю на раскорчеванный сквер у библиотеки, то мысленно приглашаю на этот пустырь алтайских скульпторов. Смотрите! Какая вольная площадка и какое светлое соседство — библиотека! Поставьте здесь памятник Кириллу и Мефодию, воздайте с благодарностью тем, кто одарил нас

неиссякаемым светом письменности!» — пишет Родионов в статье «Дань свету азбуки» [14, с. 72]. Не алтайские скульпторы и не рядом с Шишковой — но спустя двадцать лет мечта Александра Михайловича воплотилась в жизнь: в мае 2019-го памятник первоучителям, создателям славянского письма воздвигнут в районе барнаульского Речного вокзала на Ленинском проспекте, возле женского Знаменского монастыря.

Организатор Славянских дней на Алтае о празднике 1990 года напишет: «Алтай ближе знакомится с журнальной культурой страны. В Барнауле гостят журналы «Слово», «Сибирские огни», «Наш современник», альманахи «Сибирь», «Енисей», «Мангазея». День Кирилла и Мефодия в Барнауле завершился благотворительным концертом в филармонии с участием хора Покровской церкви и фольклорного театра «Ярманка». Собранные средства будут перечислены на восстановление Коробейниковской церкви.

Продолжим начатое, братья-славяне!» [14, с. 73].

И святое же дело после удавшегося действия рвануть в Сrostки, к Шукшину, на Пикет, и сбрызнуть славное начинание на вольном воздухе, за мраморным столом, заранее приготовленным матерью-природой. Фотография хранит сей счастливый момент.

С годами Дни славянской письменности обретают силу традиции во всероссийских масштабах. В 1991 году Ельцин подписывает указ об их обязательном праздновании. С тех пор праздник проходит и в стране, и в крае повсеместно — в школах, библиотеках, епархиях, правда, с некоторыми потерями: ему не хватает свежести, искренней погруженности в тему, сценарной изобретательности. Ни разу после 1988 года в Барнауле к Дням славянской письменности и культуры не издали книгу. Между тем в Алтайском крае и Сибири есть немало раритетов, достойных репринтного или обычного тиражирования. Александр Михайлович лелеял надежду издать «Травник» из фондов Алтайского краеведческого музея, «Историческое обозрение Сибири» Петра Словцова [14, с. 71].

Став плановыми, Славянские дни превращаются в мероприятие. Принятия мер Родионов не любит, слово «мероприятие» принципиально не употребляет, противопоставляя ему

«мироприятие». С 1991 года Александр Михайлович не участвует в организации официальных общегородских дней славянской письменности и культуры, но с удовольствием откликается на приглашения учителей литературы выступить перед школьниками.

Осенью 1989-го Родионову не дает покоя новый замысел, и, как обычно, за поддержкой он спешит в редкий фонд краевой библиотеки к Валентине Петровне Кладовой. Без долгих вступлений предлагает:

— Давай создадим клуб любителей алтайской старины. При твоём отделе.

— Давай, — легко соглашается Валентина Петровна. — Кто же еще создаст? Редкий фонд — штаб елки.

Кладова берет на карандаш всех краеведов, а 19 октября, на первом организационном собрании, Родионова выбирают президентом клуба «Краевед». «Еще не было краеведческого движения ни в крае, ни в Сибири, — вспоминает Валентина Петровна. — Но в конце 1989 года начал работу наш клуб. Мы очень громко заговорили о краеведении именно с подачи Родионова. В итоге он очень удивлялся, что его называли краеведом. Он не считал себя краеведом. Наверное, историком, историком Сибири. Он любил город, любил край. Ему было небезразлично, как называлась Демидовская площадь. Она была Пионерская, Комсомольская, и сегодня мы опять называем ее Демидовской. Почему? А потому, что Родионов этот вопрос поднял, и он добился, чтобы ей было возвращено ее историческое название».

«Краевед» немногим позже переименуют в «Клуб любителей алтайской старины», сокращенно — «КЛАС-С». Переход к иному названию, во-первых, имеет историческую основу: в 1891 году горный офицер, начальник Алтайского округа Николай Иванович Журин организовал Общество любителей исследования Алтая, а во-вторых, это связано, по всей видимости, с тем, что Родионов не любит слово «краевед», категорически не принимает его по отношению к себе, объясняя: «Краевед — это где-то с краю». В 2005-м в юбилейном интервью, заде-

тый «краеведом» за живое, почти взрывается, раздражается тирадой: «Я ненавижу это слово. Если я занимался историей деревянной резьбы на Алтае, то в первую очередь меня интересовало, откуда пришла технология, сама техника резьбы и символика узора. А не то, где какая изба стоит. Я считаю, что занимаюсь историей русского искусства — изучаю, как сообщается русский «деревянный материал» с другими культурами, как этот орнамент претерпевает влияние соседних культур. Если перевести слово «культура» на русский язык будет слово «возделывание», «почитание». Тогда другие оттенки возникают. Что мы возделываем? Поле. Дом. Но в первую очередь — себя, душу, а потом все остальное. Что душе потребно, то мы и провозглашаем, и превозносим, и ниспровергаем то, чему она противится. И вообще я занят литературным делом» [161].

Сотрудник отдела краеведения краевой библиотеки Вера Сергеевна Олейник, часто имевшая дело с Александром Михайловичем, свидетельствует, что в конце концов Родионов «реабилитировал» краеведение. И действительно, есть тому подтверждение в его статье «Универсальная и единственная». Александр Михайлович пишет: «Программа «Память Алтая» кардинально переориентировала восприятие всего написанного об Алтае и на Алтае, уходя от заниженного толкования понятия краеведения, как некоего второстепенного и вспомогательного предмета» [14, с. 236]. Но все же по старой памяти я не называю Родионова «краеведом», считая, что это определение для него узковато. Он писатель в первую очередь. Историк и русовед, в смысле знаток русского народного искусства.

«КЛАС-С» счастливо проживет четверть века, его последнее заседание состоится 25 марта 2015 года. Традиция прервется с уходом на пенсию заведующей отделом редкой книги, первого и бессменного секретаря клуба Валентины Петровны Кладовой. Но славные клубные страницы незабываемы. На встречи собирались лучшие исследователи. Не только барнаульцы. Приезжали Борис Хатмиевич Кадиков и Сергей Исупов — из Бийска, Валентина Христиановна Смирнова — из Змеиногорска, Владимир Максимович Комаров — из Волчихи. Бывало, клуб

совершал выездные заседания — на Спичку⁵, в Волчихинский район, в Змеиногорский музей горного дела. По окончании дебатов краеведы собирались вокруг огромного пирога с капустой, за угощением продолжалось общение, обмен мнениями, рождались темы будущих «летучек».

В 2015 году всегдашний «штаб елки», где Родионов никогда не знал отказа своим самым смелым предложениям, издает сборник «Избранные страницы: клубу любителей алтайской старины 25 лет». В качестве предисловия к нему помещена речь Александра Михайловича Родионова на пятидесятилетии клуба.

«Вокруг старых, а стало быть, редких книг и люди неординарные клубятся, как некое интеллектуальное облако, — обращается к соратникам Родионов. — Давайте окинем, пусть и не подробным взглядом, имена тех, кто выступал с докладами на заседаниях клуба: Константин Никифорович Метельницкий — в конце 80-х заведовал отделом досоветской истории краеведческого музея, знаток не только фондовых, но и частных коллекций старины. Яков Егорович Кривоносов — археограф Центра хранения архивного фонда Алтайского края, автор множества публикаций по истории Алтая. Алексей Дмитриевич Сергеев — кандидат исторических наук, большой знаток подробностей горного дела на Алтае. Василий Федорович Гришаев научно не титулованный, но обогащенный долголетней работой в архивах, исследователь судеб алтайского горного офицерства, автор нескольких книг. Вениамин Михайлович Чекалин — кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог России. Людмила Михайловна Остертаг — основатель и руководитель литературно-краеведческого музея школы № 27. Какую-то особенную уверенность и запас немимолетной любви к истории Барнаула придавал заседаниям клуба своим смиренным, обеспеченным судьбой присутствием Сергей Иванович Пирогов. Он не напрягаясь, не роясь в памяти, мог рассказать историю не только того или иного дома, но и назвать его жильцов 60-70-летней давности. А если заходил разговор о юных годах, то Сергей

⁵ Спичка — народный топоним, обозначающий Барнаульскую спичечную фабрику. В XVIII веке сереброплавильный завод.

Иванович мог вспомнить, в какую библиотеку и с кем ходил молодой барнаулец Сергей Залыгин, как вел уроки рисования Сергей Митрофанович Розе, в конце концов мог вспомнить, и сколько хлеба можно было получить на лесозаводе Козлова за бричку серебросодержащих шлаков Барнаульской плавильной фабрики — шлак для извлечения серебра переправляли в Новосибирск, а барнаульцы в 1930 годы кормились тем, что недоплавил XIX век. С участием фотографа Пирогова вышли почти все книги по искусству. Не было такого художника в Барнауле и на Алтае, которого бы не знал Сергей Иванович. Светлая ему память».

Родионов признается, что из полусотни заседаний запомнились ему сильнее прочих несколько, но более всего — грандиозная встреча, посвященная судьбе коменданта Бийской крепости Антона Скалона. «К этому имени, пожалуй, подталкивало то обстоятельство, что в Барнауле жил и работал Александр Васильевич Скалон, — вспоминает историю знаменитого заседания Александр Михайлович. — При встрече я спрашивал его, не родственник ли он тому Скалону, памятник которому мне довелось увидеть подле стены смоленского Кремля. Там покоится тело героя Великой войны 1812 года, которого великий враг Наполеон распорядился похоронить со всеми воинскими почестями. «Родственник, но не прямой, — отвечал мне наш барнаульский Скалон. — Это сын бийского Скалона». «А есть ли прямые потомки тех Скалонов?» — не унимался я. «Есть, — уверенно отвечал Александр Васильевич, — Николай Романович Скалон. Живет в Алма-Ате. Филолог». И вот представьте себе: идет заседание клуба. В кресле Скалон барнаульский, рядом в кресле Скалон алма-атинский».

Летопись от Валентины Петровны Кладовой фиксирует: 15 марта 1990 года на заседание «Фамилия Скалон в истории России и Алтая» собрались более 60 человек. Все участники встречи испытали потрясение, а заключается оно, в понимании Александра Родионова, в следующем: оба Скалона вспоминают родословную до 4-5 колена, «дальше — мрак истории. И тут в разговор вступает бийский историк Сергей Исупов... и история рода Скалонов продолжается, длится, погружается вглубь средневековья! Оба живых Скалона зачарованно слушают

Исупова. Они это слышат впервые! В зале — все участники заседания — тоже впервые это слышат. И на заседании том слушателей и участников было плотно, как семечек в подсолнухе. Это был настоящий пир памяти!»

РОДНИК

Родионов «обдетился». Как не вспомнить олонекское словечко, пущенное в ход им же самим в очерке «К. Д. Фролов: "Людям немало работы уменьшилось..."» В самой старой части Барнаула есть улицы Большая Олонская и Малая Олонская. Одними из первых на барнаульский медесереброплавильный завод прибыли работные люди из Олонецкой губернии, и именно от них штейгер Козьма Дмитриевич Фролов, вызванный на Колывано-Воскресенские заводы спасать положение, услышит: «Да тут, ваша милость, почитай вся улица и заулок — сплошь олонекские. Уже и молодые обдетились, а кто и внуками оброс» [28, с. 98].

В апреле 1986-го у Родионовых родилась долгожданная Маша. Теперь у Александра Михайловича четверо наследников: Веронике — 19, Вове — 12, Коле — 4, и младшая — в колыбели. В этой ситуации кажется естественным держаться за стабильный доход, который обеспечивает должность редактора в книжном издательстве. Но едва в сентябре 1986-го сходит с печатного станка «Колывань камнерезная», Александр Михайлович увольняется с работы. А между тем ему светит должность главного редактора отдела краеведческой литературы. Почему же он отказывается от продвижения по службе? Родионов не хочет переходить дорогу другому человеку, который в издательстве работает давно и ждет этого места. Это одна из причин. Но есть и другая, и, как многое, она открывается в письмах и интервью.

Юрий Михайлович Медведев, писатель-фантаст, заведующий отделом прозы журнала «Москва», пишет 3 августа 1986 года барнаульскому собрату:

«Дорогой Александр свет-Михайлович!

Прости, что подзадержал рецензию, сразу шли две сверки, но вот свобода долгожданная: и К. Э. Циолковский вышел уже

(27 авт. листов!), и «Русская дореволюционная фантастика» на матрицах (32 а. л.). Так что по возвращении с Волги 25 августа возьмусь за считывание машинописи Ф. И. Буслаева — во как развернулись мужики сибирские. Посмотри внимательно все мои пометы на полях, постарайся учесть максимум замечаний, ладно? «Памятники сибирской истории XVIII века» заказал, но книга редчайшая, брат, и Пастернаком не отделаешься. Ждать придется долго. «Мои досуги» Буслаева я ждал-пождал 4 годика. Мой тебе совет: засядь за «Красную книгу» всерьез, забудь мелкую рутинную работенку, даже друзей-товарищей подзабуди и осмысли книгу в ц е л о м. Как орел видит землю с высот. Постарайся отыскать новые книги: В. М. Мокиенко «Образы русской речи». ЛГУ, 1986 и Н. И. Цимбаев «Славянофильство». МГУ, 1986.

Привет всем нашим. Да хранят тебя славянские боги!

Дружески Юрий Медведев» [292, л. 1].

Другое письмо написано десятью годами раньше — в начале января 1976 года редактором Кемеровского книжного издательства Тамарой Ивановной Махаловой:

«Игорь (Киселёв — Л. В.) в «Огнях» работает, — пишет Саше крестная мать первой его книги. — И Юров у нас мается. Ведь творческий человек, а приходится заниматься порой очень сторонними бумагами. Не представляю, как он будет писать свое, если весь день занят чужими рукописями. Не умеем мы еще беречь свои таланты, обеспечивать им необходимый уровень для творчества».

Так же мается и Родионов: занимается «мелкой рутинной работенкой» и сторонними бумагами в издательстве. Работает хоть и с интересными рукописями, в частности, книгой Анатолия Кирилина «Чужая игра», но это ... чужая игра. Днем ему нужны архивы, библиотеки, встречи с людьми, ночью — сосредоточенное одиночество. Подобный график невозможен при нормированном рабочем дне с 8 до 17 часов. Было время, Александр работал в три смены, но молодость с ее беспредельными силами в прошлом. Впереди — отделка «Красной книги ремесел» и новое историческое полотно, которое потребует титанических усилий на протяжении не одного десятилетия. В 1986-м замысел уже тревожит, требуя воплощения.

Из книжного издательства Александр Михайлович переходит на должность руководителя литературного объединения «Родник», действующего при газете «Молодежь Алтай». Студия собирается раз в неделю, по четвергам. «Встречи с молодыми не мешали мне в работе, а я тогда изучал материалы Центрального государственного архива древних актов. Если точнее, то меня интересовала Сибирь в петровский период» [133], — объяснит он свой выбор спустя несколько лет, когда первая часть исторического романа будет воплощена в рукопись.

Но интересен ли Родионову «Родник»? А Родионов «родниковцам»? В ноябре 1993-го большое интервью с Родионовым записывает корреспондент газеты «Молодежь Алтай» и бывший студиец Валерий Тихонов. В наши дни эта беседа на правах документа многогранно характеризует барнаульский литпроцесс второй половины 1980 годов и, разумеется, на Родионова «свет проливает». Вот несколько вопросов и ответов:

— Александр Михайлович, я знаю, что все бывшие «родниковцы» тепло вспоминают то живое, демократичное и творческое общение, которое было в «Роднике». Злые же языки говорили, что это, мол, болото... А как Вы относитесь к этому литературному прошлому?

— Болото — это когда наплыв графоманов, когда они в лидерах. А «Родник» — это своеобразный литературный остров. И был он вполне обитаемым. Туда ходили талантливые и известные молодые, которые прошли уже через первые серьезные публикации в краевых изданиях. Те, кого не устраивал уровень «Родника», шли в «Спектр».

— Чем был примечателен «Родник»?

— Прежде всего высокой планкой, поднимаемой долгим, широким и требовательным обсуждением того, что выставлялось на всеобщее обозрение. От плевел отделялись зерна. Это была не цензура, а цеховое «добро» на публикацию, что не исключало, конечно, наличия противоречивых мнений.

— Зачем вы взяли весте «Родник», который к тому времени был брошен тремя поэтами?

— Ну, если пижонить, то у меня было желание сравнить литобъединение Томска, куда я ходил четверть века назад, с тем,

что было — тогда — в Барнауле. Хотя, конечно, это не пижонство, а естественное желание — сравнить.

— Я думал, Вы скажете: если пижонить, то не так уж трудно было открывать и закрывать помещение, где собирались «родниковцы»...

— Это действительно было нетрудно. Труднее было направить энергию молодых на обсуждение конкретной темы. Ну и другие трудности были. Главное, что мне было интересно.

— Что Вам как писателю дала работа с молодыми литераторами?

— Я видел, что наше поколение уходит, унося с собой свое, а на смену приходят новые силы. Я понимал, что это нормально, когда мое мнение не совпадает с мнением других. Однако наблюдал, что разрушались ценности, созданные русскими поэтами. Например, не все смогли воспринять разговор о «Погорельщине» Клюева, мы не коснулись творчества Клычкова, у которого мощный язык со славяно-мифологической высотой... Я думаю, что «Родник» вытекал не из-под тех глыб. Были разговоры о Пастернаке, Цветаевой, но горный хребет русской поэзии состоит не из тех глыб. Он из Тютчева, Фета, Заболоцкого, Есенина, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова. <...> У тогдашних «родниковцев» были слабы исторические знания. Можно быть тонким лириком — писать красивые пейзажи. Но Тютчев всегда знал предыдущее России. Оттуда и жар ощущения родной земли, т. е. не простое любование, а боль за скудное ее цветение.

— Следите ли Вы за ростом бывших «родниковцев»? Что бы Вы хотели увидеть в их творчестве?

— Слежу. С интересом. Кое-что предвидел. Например, то, что у некоторых, к сожалению, развитие идет не в сторону традиций русской поэзии. Но того, что я хотел бы увидеть, я, увы, не увижу. Есть, видимо, законы развития, которых я не знаю. Радует то, что те, кто в «Роднике» предьявлял к творчеству достаточно высокие требования, и сейчас не отступились от подлинно филологической основы. Тогда этим отличались Фарид Габдраупова, Виолетта Метелица, Слава Михайлов...» [133]

Высказывание Александра Михайловича о «горном хребте русской поэзии» удивляет. В юношеских дневниках Родионова

присутствуют и Пастернак, и Цветаева, и Мандельштам. Где-то же раздобудет он книгу Мандельштама, когда все наследие поэта находится в закрытых фондах. Значит, велика была охота увидеть, прочитать.

И как раз зимой 1988-го, в тот самый период, когда Родионов занимается «родниковцами» и ругается на них за любовь не к тем книжкам, о Мандельштаме пишет Александру давний ленинградский знакомец, поэт Григорий Кружков: «В Публичке вот уже несколько дней читаю Мандельштама: в свободный доступ перевели трехтомник, изданный в Нью-Йорке аж в 1967 году! С каким бы удовольствием набил морды тем сволочам, которые всех нас обокрали — ведь двадцать лет держали в жлобских этих спецхрановских закутках!» [212, л. 14]. Родионову ответить нечего. Александр тоже готов бить морды, но тем, кто Тютчева, Заболоцкого, Кузнецова не хочет знать. А книги Пастернака он теперь легко обменивает на редчайшие издания по истории Сибири.

Мировоззрение Родионова претерпевает довольно быстрые изменения. В середине 1970-х он определяется с главной темой творчества. Его интересует все русское — народные ремесла, техническая мысль, достижения, быт, литература, художественное искусство. После выхода «Чистодеревщиков» устремления молодого писателя поддерживает Владимир Чивилихин, властитель умов патриотически настроенной части общества. Еще более утверждает славянофильские позиции Родионова учеба на ВЛК. Писатель и преподаватель Семён Иванович Шуртаков вдохновляет своих учеников на первые в России Дни славянской письменности. Русским писателям исторически предначертано выбирать идеологический стан: национально-патриотический или вненациональный, космополитический. Такова традиция: славянофилы и западники.

Почвенник Родионов предстает в глазах двадцатилетних детей перестройки, эпатажных восьмидесятников, насквозь пропитанных либеральными идеями, слишком узким. Традиционалист. Консерватор. Противник новых ростков. Так им казалось. Барнаульский «Родник» бесконечно далек от томских «Молодых голосов». Того пиетета к руководителю, каковым бывал окружен Василий Казанцев, зубастые,

раскованные барнаульские студенты не испытывают. Вместе с тем эти молодые литераторы восьмидесятых, пожалуй, возводят в квадрат все характерные черты шестидесятников. Они суперначитанные. Время тому способствует. С жадностью поглощаются литературные толстяки, «Огонёк», книги русских эмигрантов, другая ранее запретная литература. Читают много, не всегда понимая, о чем речь.

«Как-то разбирали стишок Банникова «Я не читал учебник Камасутры», — вспоминает «родниковец» восьмидесятых, а теперь писатель, преподаватель и вообще известная на Алтае личность Михаил Гундарин. — Что это такое, не знал никто, ни Родионов, ни Банников. Полезли в Большую советскую энциклопедию, нашли бога Каму, а также Сутру. Составили представление, но совсем не то! А само слово Банников взял у Германа Гессе. Такой постмодернизм».

Бесперывное чтение существует на фоне расцвета русского рока, суперпопулярной музыки групп «Кино», «Крематорий», «Гражданская оборона», «ДДТ», «Ария», «Наутилус Помпилиус». Михаил Гундарин и Пауль Госсен в 1988 году пишут тексты для своей рок-группы «Обочина». Все эти рок-привязанности нисколько не интересны Родионову.

В чем-то студийцы и опережают руководителя. «Помню, рекомендовал я Родионову Андрея Платонова, которого он тогда еще не читал, — рассказывает Михаил Гундарин. — А еще мы часто бросали литературу и болтали все вместе обо всем на свете. О перестройке, об истории. Я из вредности говорил: «Вы, патриоты-заединщики», имея в виду то, что мы-то — другие, прогрессисты и космополиты». На молодых свободолобцев с понтовым лозунгом «секс — пиво — рок-н-ролл» Александру Михайловичу часто не хватает выдержки. Однажды дело дошло до настоящей кулачной стычки. Родионов двинулся на студийца Александра Брехова.

«Родионов вполне всех в «Роднике» устраивал, — говорит Михаил Гундарин. — Он был модератором и ничему не учил, оценивал лишь. Но оценивал вполне деликатно и не настаивал на своем. Но кого-то или какие-то суждения он терпел с трудом. И Брехов с его богемным видом, и авангардизм раздражали Родионова ужасно. Ну, вот он и не выдержал. На меня

несколько раз ругался за прогрессии и приверженность к Пастернаку — Мандельштаму. Но я принимал критику с иронией и не обижался. Подкалывал его, бывало, в ответ насчет почвенничества. Он злился, я был доволен. Но не всерьез. Да и вообще к Родионову относились неплохо, уважали его достижения, но творчески он не был близок никому. Учителем, наставником, эстетическим образцом в «Роднике» он не был. Все приходило пообщаться, Родионов был старшим товарищем, организатором встреч».

Все же, думается, руководитель «Родника» в памяти студийцев запечатлелся по-разному. Тот же Александр Брехов, испытывавший на себе родионовский гнев, отзывается неожиданно великодушно: «Александра Михайловича Родионова помню светло. Да, я приехал из Казани, и мы бодались с ним. Он вел себя максимально благородно».

Как ни чужды Родионову взгляды отдельных ребят, но он, привыкший к любой работе относиться добросовестно, пытается помочь своим подопечным. В течение двух с половиной лет (с сентября 1986 по апрель 1989-го) Александр Михайлович размещает в прессе публикации, связанные с литобъединением.

Новая запись в его трудовой книжке: «Алтайский крайком ВЛКСМ. Утвержден руководителем лит. объединения "Родник"» — появляется 29 сентября 1986 года, а уже 18 октября в «Молодежи Алтая» выходит стихотворная подборка «Мое лукоморье» студийца Валерия Тихонова. Ее сопровождает слово Родионова: «На одном из последних занятий члены литературного объединения «Родник» обсуждали творчество студента Барнаульского пединститута Валерия Тихонова. После летних каникул это было своеобразным отчетом Валерия перед «родниковцами», и надо отметить, что разговор о его стихах шел отнюдь не в комплиментарном тоне. Лабораторная работа над стихами в литобъединении тем и хороша, тем и интересна, что здесь друзья выскажут самые жесткие и справедливые оценки. Делается это не для того, чтобы пожуричь начинающего поэта, а единственно для его совершенствования».

В начале января 1988-го в «Молодежке» публикуется статья Родионова «О верховодке чувств и коренной воде», в которой пишет он о трех участниках семинара молодых литераторов,

«чьи рукописи говорят о возможностях творческого развития», — Владимире Кречетове, Николае Бажане, Сергее Филатове, и отдельно рассматривает опыты «родниковца» Станислава Михайлова, «несмотря на то что суждения о нем резко разошлись». Вовсе не сторонник «замудренных» стихов, Родионов в случае с Михайловым, которого знает давно, с политеховских «Алых парусов», проявляет широкий диапазон восприятия и встает на защиту молодого поэта. «Начинающий поэт достаточно нетрадиционен на фоне алтайской поэзии, и кому-то его творчество может показаться уж слишком современным. Что ж, опыт русской поэзии знает и такую линию развития. Мне как руководителю литературного объединения «Родник» известно, что Михайлов не одинок, подобными поисками заняты и другие начинающие. Находят ли отклик подобные стихи в аудитории? Ответом на вопрос был поэтический вечер молодых в Барнаульском педагогическом институте. Прошел он на волне единодушия, возникшего между залом и сценой».

В конце 1988-го, 9 декабря, газета «Молодежь Алтая» устраивает «Поэтический ринг» литобъединений «Родник» и «Старт» (Рубцовск), жертвуя на молодую литературу восьмиполосный вкладыш.

В этом же приложении отдельную полосу занимает статья Родионова, посвященная обзору поэтической почты. Наставник «Родника», разбивая в пух и прах (и поделом) присланные опусы, одного автора называет «небесталанным» и даже выносит в заголовок фразу из его письма — «Отвечу за каждую строчку». Так состоялось первое представление читателю Владимира Токмакова, известного сегодня в Барнауле писателя и журналиста. Надо полагать, Родионова зацепила за живое обаятельно-самоуверенная манера молодого сочинителя. Александр Михайлович приводит бойкое письмо в газете: «Я, военнотрудовой ПВ КГБ СССР, Токмаков Вл.Ник., являюсь внештатным корреспондентом окружной газеты «Пограничник на Тихом океане». С 8 класса пишу стихи. Правда, верлибром увлекся серьезно только два года назад. <...> И еще очень прошу вас — не меняйте схему рисунка стиха и его содержание. Если надо, я отвечу за каждую строчку».

«Пока воздержусь комментировать столь мужественное задержание», — отвечает Александр Родионов. Он цитирует стихи пограничника и вопрошает: «Понял ли ты, вдумчивый читатель, хоть что-нибудь?» Вместе с тем Александр Михайлович отмечает: «К счастью, в той подборке стихов, что прислал Вл. Токмаков, есть и другие поиски. Это стихотворение «Икар и эхо, выпавшее в осадок». Вот его-то, пусть и в сокращенном варианте, мне бы очень хотелось предложить читателю в сегодняшней подборке. Думаю, что образный строй токмаковских строк, особенно в начале стихотворения, не может быть незамеченным». И Родионов выводит Токмакова на поэтический ринг. В мае следующего года, в День славянской письменности, Владимир Токмаков среди других участников шествия несет макет разрушенной церкви.

Тихонов, Михайлов, Токмаков. Трое, о ком, так или иначе, заботится Родионов, кого замечает и «выводит в люди», способствует первой публикации, первому упоминанию в прессе. Все трое остаются в современном литпроцессе. Увы, не все с Родионовым. Это ни хорошо ни плохо — обычное дело в творческой среде.

Долгое сотрудничество Родионова и Тихонова, к сожалению, закончится непримиримой ссорой. Молодая проза Токмакова — «Детдом для престарелых убийц» — останется непонятой Родионовым. Кстати, так же, как и современная сексуальная метафора в романе Михаила Гундарина «Говорит Галилей». В родионовской системе координат это вывих, распад, эрозия — а значит, зачем? Однако несовпадение творческих установок не мешает общению Александра Михайловича с Владимиром и Михаилом.

Отношения «учитель-ученик» складываются в связке Александр Родионов-Станислав Михайлов. «Какой был Саша человек, — восхищается «родниковец». — Приковал цепями к поэзии. А сказал одну фразу, словно бы задал программу на всю жизнь: «Ты поэт, ты этого не знаешь, легко тебе. Дар тащить надо через всю жизнь. Работать, работать и терпеть поношения от дураков и уродов. Бог дал. Не понимаешь. Мне так не дал. Растратишь». Спасибо, не растратил. Ничему не учил, но Учитель. Пусто без него в Барнауле, и никого-то нет на Пушкина».

С годами приходят к деятельному сотрудничеству Родионов и Гундарин, два ярких представителя разных писательских поколений. Михаил, будучи редактором журнала «Барнаул литературный» в 2010-е годы, активно публикует Александра Михайловича. В самом деле, кто лучше Родионова сделает материал по истории Сибири?! Да и Гундарин давно не либеральный забияка. С 1992 года он примыкает к патриотическому самиздату «Ликбез» и его лидеру Вячеславу Корневу. Родионов — желанный гость на страницах «Ликбеза», ведомого «восьмидесятниками».

В архивном фонде Александра Родионова хранится большой лист ватмана. В его верхнем левом углу мелко, красными чернилами, написано: «Литобъединение «Родник», зима, 1988 год». А все пространство листа записано портретиками студийцев и руководителя. Александр Михайлович узнается сразу. С первого взгляда определяются Наталья Николенкова, Александр Пешков, Фарида Габдраупова, Владимир Бережинский. Понятно, что рисовальщик был среди студийцев. Но кто? В поисках портретиста «Родника» я запустила фотографию архивного ватмана в социальную сеть. Очень скоро выяснилось, что это талантливая рука Виолетты Метелицы. Увидев в ленте фейсбука пост со своими рисунками тридцатилетней давности, она рассказала: «В то время я училась в художественном училище и постоянно зарисовывала всё и всех подряд. Я была скромна, застенчива, сидела и тихо рисовала. Это еще и способ защиты. А люди иногда были проходящими, не постоянными родниковцами, приезжали гости из Новосибирска. «Родник» — это было святое, все мы там встретились, а меня лично он спас». Виолетта назвала и других студийцев, изображенных на листе: Сергей Ключников, Валерий Тихонов, Пауль Госсен, Станислав Михайлов, Вячеслав Десятов.

Александр Михайлович заметит труды Виолетты и попросит разрешения забрать лист, а позже передаст его на хранение в архив. Родионов знает, какие эмоции вызывают фотографии, рисунки, школьные тетрадки по прошествии нескольких десятков лет. Он готовит подарок на вырост.

В апреле 1989-го Родионов оставит «Родник» и устроится литконсультантом при Доме писателей. Будь возможность,

бросил бы и эти обязанности. Чужие рукописи тяготят его. Он ищет все большего уединения. Хочется писать свое.

ПИСАТЬ СВОЕ

Рисуя на титуле «Колывани камнерезной» свои фирменные рожицы, Родионов уверен: не за горами новое, исправленное и дополненное издание книги. Кто мог предвидеть сдвигку не то что книгоиздания, но, кажется, всей жизни в XXI век?

Общение с издательствами огорчает Александра Михайловича. Все его книги появляются на свет трудно, с отсрочкой. «Издательство не смогло оставить в плане 1988 года Вашу объемную рукопись из-за большой его перегруженности. Она будет включена в план 1989 года». Родионову предстоит побороться за «Красную книгу ремесел».

Какие-то неведомые обстоятельства — не исключено, что предварительная договоренность о сотрудничестве, — побуждают Родионова написать воинственное письмо в Восточно-Сибирское издательство. В конце января 1987-го оттуда приходит ответ, который невозможно читать без улыбки:

«Уважаемый тов. Родионов!

Ваше письмо Юрий Иванович передал в редакцию краеведения. Заявка ваша чрезвычайно интересна, и мы не сомневаемся в том, что Вы могли бы написать хорошую книгу. Хотя наше издательство не видит ничего несправедливого и в том, что «тувинцев пропагандирует некто Ванштейн», мы, как сказал Чапаев, за интернационал.

Вся сложность в другом. К тому, чтобы выйти на общесибирские темы и проблемы, издательство наше только подступает — не хватает пока объемов, количества названий, полиграфбазы и т. д. Кое-что, впрочем, уже удалось сделать. В ближайшее время Юрий Иванович с Валентином Распутиным намерены предпринять решительные шаги для создания издательства «Сибирь», о чем Вы, конечно, от него слышали. В случае успеха будущая Ваша книга «Резной камень в Сибири» стала бы вполне реальной. Если Вы не возражаете, мы вернемся к этому

разговору сразу, как только сдвинутся с места организационные издательские вопросы.

Всего Вам самого доброго.

С уважением, зав. редакцией Лина Викторовна Иоффе».

Пропагандировать тувинцев под эгидой издательства «Сибирь» Александру Михайловичу так и не доведется. Зато случится новый договор с «Современником». Как ни плоха история с «Крыльями ремесла», а Родионова в Москве заметили и оценили. В феврале 1988-го он получает письмо от старшего редактора Михаила Никитича Ишкова с предложением о сотрудничестве. «В нашем издательстве готовится к изданию серия книг «Открытия и судьбы» — летопись научно-технической мысли России в лицах и документах. Предлагаем Вам принять участие в работе над томом «От махин до роботов». В частности, туда должен войти научно-художественный очерк (1 а. л.) о Вашем земляке — изобретателе Фролове (Змеиногорский рудник)».

За «Фролова» Родионов берется с удовольствием и выполняет работу быстро. Годы жизни Козьмы Дмитриевича — 1726–1800 — приходятся на хорошо изученный Родионовым исторический период. Восемнадцатый век, деятельный и просвещенный, особенно люб Александру Михайловичу тем, что продвинул русскую цивилизацию на Алтай, породил «мать алтайских городов» — Колывань и «ее сынка» — Барнаул. Он рассказывал уже об этой эпохе в «Колывани камнерезной» и «Крыльях ремесла». И еще раз (не последний) с радостью отправится во времена штейгера Фролова.

«Фролов был позван на Алтай фактически по сигналу SOS: верхние слои алтайской земли, когда-то богатые серебряной и золотой рудой, истощились, и в государеву казну (а алтайские рудники были собственностью императорской семьи) приток золота-серебра грозил вовсе прекратиться», — пишет Родионов [28, с. 88]. Перед Козьмой Фроловым поставлена задача: «чтоб обоз со Змеёвской рудой шел безостановочно». Фролов повеление выполнил. Первым делом он механизировал рудообогатительный процесс за счет умело направленной воды, и «людям немало работы уменьшилось». «Колывано-Воскресенские заводы в конце семидесятых годов

XVIII века выплавляли 21 пуд золота и 674 пуда серебра. Цифра для Алтая небывалая» [28, с. 106].

В горах Алтая Козьма Фролов создал гигантскую гидросиловую систему, подземное предприятие, которое современники назвали «несравненным образцом инженерной мысли». «Грандиозный завод-автомат приводила в движение вода реки Змеёвки, в 1785 году пущенная по подземному каналу, — описывает Родионов изобретение гидротехника Фролова. — Два с лишним километра пробегала вода, вращая колесо высотой с 5-этажный дом, приводя в действие множество механизмов, совершая вместо людей тяжелую работу: по доставке руды из глубин земли, по размельчению ее, толчению. Промывке, обогащению, сортировке и перевозке (в вагонетках по рельсам!) в складские помещения».

Родионов воссоздает судьбу Козьмы Фролова, опираясь на труды краеведа Николая Яковлевича Савельева, собственные архивные изыскания и в известной степени извлекая новатора-гидротехника из себя. Так, на обские просторы и гору Ивановскую в Барнауле Фролов взирает глазами Родионова: «Недолго постоял на низенькой паперти, и взгляд его невольно повлекло к простору, сиявшему слева. Козьма напрямик по убродному снегу двинулся к искрящейся инеем распахнутости и успел замереть в нескольких шагах от обрыва. Под ним, далеко внизу, простиралось мощное изогнутое тело Оби, угадываемое по припорошенной снегом желтизне суглинистого обрыва и каемке тополевого на правом берегу».

— Экая могучая! — не удержался от восхищения Фролов, замерев над безмолвным разгулом света и снега» [28, с. 99].

Сам Родионов выделит и полюбит это влекущее и символическое место, будучи десятиклассником егорьевской средней школы, когда сельских школьников «за трудовые подвиги на колхозной картошке наградили поездкой в Барнаул» [6, с. 75]. Он опишет юношеские впечатления в «Кольвани камнерезной»: «Набродившись по музею, <...> ушли мы с другом на гору и долго сидели над обским обрывом, глядя на правый берег. Он клубился у воды желтым ивняком, а возле горизонта небо брало свое: рыжая пойма переходила в дымчато-сизое марево. <...> Думаю, что двадцать лет назад

мы с другом сидели на историческом месте. Наверняка на нем побывали все люди, приезжавшие когда-либо в Барнаул, не-знаменитые и знаменитые» [6, с. 75-76].

Со знанием дела и образно, как на то способен геолог и писатель в одном лице, выстраивает Родионов речь гидротехника: «Да если б вдруг обрушилась половина горы в преисподнюю, то вторая, источенная нашими бергалами, предстала бы пред ним как вон тот обрыв речной — весь в ласточкиных норках». Или: «А тут, — Фролов притопнул легонько, — тут, брат, не один слой сливок, и не один слой пустопородный. Ты, чай, слышал, как в древнем чудском забое нашли скелет человека с кожаной сумкой и бронзовым молотом? Чудь — вот кто снял первый слой сливок здесь. У того рудокопа в сумке полно серебряных самородков было... Мы <...> лезем уже какой десяток лет, а только три-четыре года назад добрались до второго слоя, который природа будто нарочно слила в эту богоданную чашу. Да еще и змей вокруг горы наплодила, чтобы караулили богатство» [28, с. 108].

Обладея прекрасным пространственным воображением, Родионов точно описывает экстраординарное мышление изобретателя: «...В памяти Фролова в который раз зримо возникла картина хитросплетений и пересечений всех штатных стволов, штолен, квершлагов и ортов, пронизывающих недра Змеиной горы... он знал ее наизусть, на ощупь проверил каждый поворот и уклон подземных ходов, они росли и ветвились на его глазах при свете горняцких коптилок. Может быть, именно это редкое чувство пространства и позволяло маркшейдеру Фролову видеть громоздкую и непонятную непосвященному системе не по каждому горизонту в отдельности, а всю сразу, мысленно охваченную в момент счастливого озарения. Он видел гору каким-то иным зрением. Не сотни рабочих людей уныло копошатся в ее глубинах, а умница и добродейца вода поет в ее недрах, поднимая бадьи с рудой, вращая валы и шевеля рычаги водяных насосов» [28, с. 109].

Автор жизнеописания Фролова с восхищением говорит о футурологическом даре своего героя, основанном на перво-классном знании геологии и экономики. Козьма Дмитриевич опроверг заключение управляющего Змеиногорским краем

Леубе о скорой кончине Змеёвского рудника, «Фролов доказал: «если озаимствовать от прочих посторонних рудников и руд змеиногорских доставлять по одному миллиону пудов, то продолжится на 111 лет с лишним». Теперь сопоставим две даты. Строки, где названо 111 лет, написаны в 1783 году. Рудники (на время), а сереброплавильные заводы навсегда на Алтае закрылись в 1893 году. Такому долгосрочному и точнейшему прогнозу Фролова относительно жизнеспособности рудников могут позавидовать и сегодняшние асы подсчета запасов. Все-го-то на один год ошибся Козьма Дмитриевич!!» [28, с. 112]

Для рубрики «Из архива» Родионов предлагает «Биографическое известие о жизни К. Д. Фролова», сообщенное А. Карпинским в 7 книге «Горного журнала» за 1827 год. Что интересно, в части, посвященной описанию личных качеств, особенностей характера, «нравственных правил» Фролова, неожиданно выявляются причуды, свойственные и Александру Михайловичу: «В минуты задумчивости он разговаривал с самим собою и, углубляясь в любимый предмет свой, Механику, нередко останавливался на улице или другом открытом месте и чертил тростию на земле планы или делал вычисления. Сие и замысловатость машин его подавали простому народу повод к разным толкам, основанным на суеверии» [28, с. 120].

По воспоминаниям близких людей, случалось и Родионову вести разговоры за себя и за князя Гагарина, первого губернатора Сибири.

Жизнеописание Козьмы Фролова Родионов сдаст «Современнику» в начале лета 1989 года. Очерк выйдет в сборнике «От махин до роботов» наряду с биографиями других знаменитых русских изобретателей — Нартова, Ползунова, Кулибина, Петрова, Шиллинга, Якоби — в 1990-м, тиражом 75 тысяч экземпляров.

В конце 1980-х Родионов на договорной основе сотрудничает с Алтайским книжным издательством в качестве редактора-сопоставителя. 21 сентября 1988 года он подает заявку на новую книгу: «Прошу включить в план редподготовки издательства рукопись краеведческо-публицистического сборника с услов-

ным названием «Алтайская мозаика». Ориентировочный объем 18 печатных листов. Издание предполагается иллюстрированное.

Назову авторов, работающих над статьями или имеющих готовые статьи, заметки, очерки.

С. Бравашов (собкор газеты «Правда». Международный лагерь археологов на Алтае. Кошагачские козоводы. Изобретатель скалолома из Горно-Алтайска.

В. Гришаев (писатель-краевед). Алтайский театр в XVIII веке. Чеквалап — о чрезвычайной комиссии по заготовке валенок и лаптей на Алтае в 20-е годы. Горные офицеры. Алтай — Грузия в начале XVIII века.

В. Распутин (писатель). Беловодье (Отрывок из книги «Сибирь, Сибирь...»)

Ю. Бульгин (историк). Первые крестьяне на Алтае.

В. Ревякин (профессор географии). Ленточные боры. Братья Троновы на Белухе.

Н. Витовцев (журналист). Чулышманский монастырь. Рерих и окрестности Белухи.

А. Иванова (доцент АГУ). Записано только на Алтае. О диалектологическом словаре.

И. Воробьева (профессор, топонимист). Три слоя географических имен.

М. Шишин (искусствовед). Судьба художника Борисова.

Н. Гончарик (искусствовед). Из глубин заповедных сундуков.

И. Галкина (искусствовед). Известные картины Гуркина.

Л. Красноцветова (искусствовед). Иконы древние и неизвестные.

Н. Покровский (профессор, археограф). Ветром судьбы. О судном списке Максима Грека, найденном в староверческих рукописях.

Ю. Масалов (журналист). Когда возвращаются бобры. О Юрии Кондратюке (два очерка).

Е. Маточкин (археолог). Наскальные картины в долине Катунь. Слайды А. Познякова.

К. Метельницкий (зав. отделом досоветской истории Алтайского краеведческого музея). Травник XVIII века и Красная книга природы.

Библиография дискуссии последних лет о Катунской ГЭС. Готовят библиографы краевой библиотеки им. Шишкова.

В. Верещагин (ботаник, краевед). Очерк о бурханизме, 1905 г.

П. Черепанов (журналист). РАФТ. Алтайские рекорды в Калифорнии.

Т. Бурнашёв (горный инженер). Путешествие в Ташкентию, век XVIII

А. Черкасов (писатель). О путешествии Брема по Алтаю.

Автор определится позже. Очерк. Сталинская кошева в музейном сарае. О приезде Сталина на Алтай и начале коллективизации.

А. Кирилин (писатель). О Кузьме Басаргине

А. Старцев (историк). Торговые ворота в Китай. О чуйском тракте и поселке Кош-Агач.

А. Родионов (писатель). Камеи считались итальянскими. Колыванцы для храма в честь победы над Наполеоном. Алтайское серебро для Александра Невского. Исторические этюды.

Ледебур. Путешествие в Змеиногорск 1826-1829. Берлин, 1829.

Возможен фотораздел «Публикуется впервые».

Рукопись сборника будет представлена издательству в марте 1989 г.»

Увидев фамилии авторов и предлагаемые ими темы, как ни воскликнуть вслед за Родионовым: какой великолепный круг собеседников!

К этому же периоду относится письмо Родионова к Валентину Григорьевичу Распутину.

«Уважаемый Валентин Григорьевич!

Прошу извинить меня за беспокойство. Алтайское книжное издательство доверило мне составление историко-публицистического сборника на 1990 г. Рабочее название: «Алтай: взгляд изнутри». Есть замысел открыть сборник Вашим «Беловодьем» из книги «Сибирь, Сибирь...» (по варианту из «Нашего современника»). Не будет ли с Вашей стороны возражений?

С искренним почтением к Вам!»

Валентин Григорьевич отвечает: «Александр Михайлович, конечно, ничего против включения в книгу моего отрывка из очерка я иметь не могу, тем более что и книга подбирается у Вас интересная. Будет случай — Жене Гущину передавайте

привет. Всего доброго и книге, и Вам. Искренно. В. Распутин. 30.03.89» [214, л. 14].

После нескольких примерок названия книги (еще был вариант «Алтай — жемчужина Азии») установилось «Алтай: корни и крона». Два огромных тома, по 200 машинописных листов каждый, хранятся в фонде Родионова в Алтайском государственном архиве. Книга не вышла в свет. Такая же печальная участь досталась сборнику фольклора и научно-популярных статей «Русская свадьба» под редакцией Александра Родионова, договор на который подписан с издательством 2 ноября 1989 года. Две полностью подготовленные к изданию книги, все в отличном качестве, хоть сейчас в работу — «тихо-смирно» полеживают на архивных полках.

Раздосадованный Родионов откликается на остановку печати саркастической пьеской в трех частях. Ее рукопись, разумеется, уходит в стол, но сначала, предполагаю, автор разыгрывает чтение вслух в узком дружеском кругу: Башунов, Горн, Гущин; сюда же вхожи Сергей Боженко, Иван Березюк, Георгий Карпов. Вне команды Геннадий Панов, но поскольку и его книга застряла, то вводит Родионов в свою русскую мистерию в качестве действующего лица «Поэта Панова». Стрелы, начиненные ядом, летят в директора Алтайского книжного издательства Валерия Шатыгина, вдруг заговорившего стихами Пушкина.

«Картина I

Книгопродавец (он же Шатыгин):

Стишки любимца муз и граций

Мы вмиг рублями заменим.

И в пук наличных ассигнаций

Листочки ваши обратим...

О чем вздохнули так глубоко,

Нельзя ль узнать?

Поэт Панов: (от волнения вынужден говорить прозой)
Сколько будет стоить издание моего юбилейного сборника?

Шатыгин: (он же издатель, а во времена Пушкина книгопродавец, забывает развитие пушкинского диалога и напрямую рубит) 30 тысяч рублей.

Конец I картины.

Картина II

Панов, биясь, как килечка об лед, шлифует пороги ново-рожденных магнатов, поднявшихся на дрожжах воровской экономики. За 70 лет щедрые воры перевелись. 30 тысяч рублей никто не дает. Через месяц спасителем сборника поэта Панова выступает краевой комитет по культуре. Поэт вбегает в издательство с криком: «Нашел!»

Конец II картины».

Еще будут третья картина, в которой издатель втрое увеличит сумму за печать, и четвертая, которая «не может быть написана, так как Панов еще ищет деньги на издание дорогого сердцу творения». Будет и гневное послесловие: «Драма алтайских писателей, как и большинства писателей страны, сегодня никого не волнует...»

Драму сопровождает рисунок Родионова. На чашах весов лежат книги. На одной — томики Георгия Егорова и Марка Юдалевича. На другой — книжки Гущина, сборник «Русская свадьба», «Алтай: корни и крона». Под первой, которая перетягивает, написано: «Печатать». Под второй, с высокой стопкой книг, но уступающей в весе, — «Не печатать».

Между тем на дворе февраль 1990-го. Никакой директорский гений не в состоянии удержать на плаву книжное дело накануне краха огромной страны. Разверзалась пропасть. И нужно было отойти от нее на некоторое расстояние, чтобы понять, что происходит, чтобы девяностые годы — лихие, проклятые, адские — определились в своих эпитетах. Уже и тогда, в пьеске, Родионов называет это время «воровским».

К черновым страницам с пьесой примыкает еще один текст. Он написан, судя по однотипности бумаги, по трудно разбираемому — с зачеркиваниями и вставками — темпераментному почерку, в один присест с «драмой алтайских писателей», однако выдержан в иных — просительных — интонациях. Родионов пытается спасти свое детище: «Среди нескольких рукописей — романов, повестей, сборников поэтических и публицистических, — возвращенных авторам и составителям Алт [айским] кн [ижным] изд [ательством] по причине экономической (?) несостоятельности издательства, книга «Алтай: корни

и корона», может быть, и не самая весомая. <...> И все же я вижу необходимость возвратиться к замыслу «Алтай: корны и корона», т. к. <...> дневник Ледебура предполагалось полностью обнародовать в «Корнях и короне». Профессор Ледебур весьма лестно отзывался о хозяине Барнаула П. К. Фролове, его музейной коллекции, однако же не вдаваясь в детальное описание книжного собрания Фролова. Это сделано уже в наши дни сотрудником библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Николаем Розовым. И Фролов, казалось бы, знакомый нам, известный как инженер и администратор, предстает в ином свете».

Родионов мог бы перечислять достоинства «Корней и корны» бесконечно. Что уж: «может быть, не самая весомая». Разумеется, книга, которую он пестует в качестве редактора, самая весомая! Как всякий писатель (здесь = создатель, творец), он считает свою работу лучшей, достойнейшей.

Но лист пуст наполовину, прошение отставлено. В один миг приходит к автору осознание никчемности обращения. Ледебур, Фролов, Розов — что говорят эти имена администраторам?

КРАСНАЯ КНИГА

Засевшее в перестроечной трясине Алтайское книжное издательство успевает, к счастью, выпустить книги серии «Фольклорное наследие», придуманной Родионовым. В январе 1986 года Родионов приглашает к сотрудничеству филолога из Новосибирска Юрия Львовича Троицкого, который занимается наследием Степана Ивановича Гуляева. Новосибирский ученый откликается:

«Уважаемый Александр Михайлович!

Вы, несомненно, правы, желая переиздать сборник фольклорных материалов С. И. Гуляева. Дело в том, что ни одно современное исследование русских Сибири XVIII и XIX века не обходится без использования гуляевских материалов. Что же касается записей былевого эпоса, то они поставили его имя рядом с Гильфердингом и Рыбниковым, а кое в чем Гуляев их даже опередил. Но парадокс в том и со-

стоит, что о самом Степане Ивановиче мы знаем мало, очень мало. Эту историографическую несправедливость надо преодолеть. <...> Кроме того, почти нет публикаций писем Гуляева, а ведь его корреспонденты — люди известные, подчас знаменитые» [214, л. 5].

Книга «Былин и песен Алтая», в которую составитель Юрий Троицкий помещает и фольклорный материал, и часть переписки Гуляева, готовится ко вторым Славянским дням в Барнауле. В ней замечательная вступительная статья Троицкого: автор сумел соединить насыщенную фактологию и эмоциональный, проникнутый любовью к герою строй письма. Предваряя издание, Родионов публикует в мае 1988-го два текста о Гуляеве. Статья «Жизнь имени» выходит в газете «Молодежь Алтая» (13 мая), а «Песни из глубины веков» в «Алтайской правде» (15 мая).

Родионов, как всегда, нескучен и рискован. Обрушивается с критикой на невнимательных авторов. «Открываю вышедший в «Профиздате» туристский справочник «Алтайский край» и на странице 116-й вижу портрет, а под ним подпись — С. И. Гуляев (1806–1888). Читатель! Не верь глазам своим. Седобородый старец, запечатленный на снимке, не Степан Иванович Гуляев. Это его сын Николай в стенах барнаульского музея. Думаю, что прежде чем вводить в заблуждение 75 тысяч читателей, купивших справочник, авторы раздела «Их именами гордится край» Т. Вараксина и Р. Жильцова могли открыть старинные альбомы в том музее, где был сделан снимок, а заодно и уточнить дату рождения Гуляева-отца». Еще один разнос: «Вот библиографический указатель «Страницы истории Алтая», 1988 г. Есть в нем имена многих знаменитых людей. Но имени русского фольклориста в этом издании нет...»

Родионов спрашивает с алтайской науки: «Сколь велика наша нерадивость, если ни в одном из гуманитарных вузов края не родилось пока исследование по наследию фольклориста?»

Читая вступительную статью Троицкого и статьи Родионова спустя тридцать лет после их создания, невозможно воспринимать написанное однозначно, то есть видеть за строками только Гуляева. Текст невольно проецируется и на Родионова. «Сто лет назад в малоприметном барнаульском доме

на улице Пушкина умер Степан Иванович Гуляев», — пишет Родионов в мае 1988-го. Такой же малоприметный дом на улице Пушкина станет последним пристанищем Родионова.

«В былые дни к гуляевскому дому тянулись пути-дороги из Омска, Иркутска, Томска, Москвы и Петербурга, из Берлина, Стокгольма, Парижа и Лондона. Здесь бывали и автор знаменитого сочинения «Жизнь животных» Альфред Брем, и еще мало известный исследователь Сибири, будущий первооткрыватель тюркской рунической письменности на Орхоне Николай Ядринцев. Степан Иванович был для всех путешественников по Алтаю человеком ключевым», — рассказывает Александр Михайлович в статье «Песни из глубины веков». И в этих строках я узнаю до боли знакомого современника. Дом Родионова служил приютом всякому путешественнику, идущему ли сибирскими дорогами, прибывшему ли из дальних стран. Кто только ни бывал в родионовском домике на улице Пушкина!

«Составитель включил в том письма Гуляева, — знакомит Родионов земляков с книгой. — И как только вчитаешься в имена тех, кому письма были адресованы (а среди адресатов — академик Срезневский, директор публичной библиотеки барон Корф, историк Погодин, издатель журнала «Русский архив» Бартенев, секретарь РГО Остен-Сакен, историк литературы Майков, редактор «Исторического вестника» Шубинский), то невольно хочется воскликнуть: какой великолепный круг собеседников!» И у Родионова круг собеседников не хуже: археограф Покровский, историк Людмила Рафиенко, писатели Василий Казанцев, Валентин Распутин, Сергей Залыгин, Владимир Чивилихин, Валентин Курбатов, Семен Шуртаков, Василий Федоров, Александр Плетнев... Не перечислить всех. Только в трех делах (118, 119, 120) фонда Родионова в Государственном архиве Алтайского края хранится больше 250 писем. А это далеко не все папки с корреспонденцией.

Юрий Троицкий пишет о Степане Гуляеве: «Способность говорить с крестьянином образами фольклора, со священником — цитатами из Библии, а с администраторами — языком циркуляров указывает на глубину интеллектуальной культуры ученого». Подобной оценки заслуживают и способности

Александра Михайловича, одинаково легко он находит общий язык и с бродягой, и с профессором.

В 1989-м серия «Фольклорное наследие» продолжается сборником писателя-фольклориста Александра Мисюрева «Легенды горной Колывани». Родионов готовит книгу к печати в качестве составителя. За вступительной статьей он обращается к Сергею Залыгину, в то время главному редактору журнала «Новый мир». Сергей Павлович откликается кратким деловым письмом, отпечатанным на официальном бланке журнала 24 октября 1988 года. В ответах Залыгина слышны и вопросы Родионова.

«Уважаемый Александр Михайлович!

Статью мою о А. А. Мисюреве можете включить в сборник.

Переписки у меня с ним никогда не было.

По поводу еще каких-то материалов, наверное, следует обратиться в Новосибирскую писательскую организацию, может быть, там что-то и подскажут писатели, знавшие Мисюрева, — Никульков, Сапожников, Коптелов и др.

С уважением С. Залыгин».

Залыгин, некогда учившийся в барнаульских школе и сельхозтехникуме, в конце восьмидесятых — крупный литературный деятель, известный своей крайней принципиальностью (он мог отказать в публикации известным авторам) и продолжающий в «Новом мире» линию легендарного Твардовского. К моменту обмена письмами в журнале уже вышли «Котлован» Андрея Платонова и «Доктор Живаго» Бориса Пастернака. Журнал популярен во всем Союзе и, кстати, в 1988-м имеет не самый высокий в своей истории, но все же труднообразимый в наши дни тираж: 1150000 экземпляров.

Руководитель суперпопулярного «толстяка» — флагмана политики гласности, проводника по некогда запретным литературным лабиринтам, мог кому-то показаться недостижимым. Но не Родионову. Высокие посты, всесоюзная известность адресатов не стесняют Александра Михайловича. Дело тут не в наглости, конечно, а совсем в других качествах и причинах. Родионову от природы неведомо затруднение в общении, он

сходится (или не сходится) с людьми мгновенно. Писатель-историк по сути своей, он заточен на коммуникацию. «История» в переводе с латинского не что иное как «расспрашивание». Александр Михайлович приглашает к сотрудничеству всех, кто необходим для создания книги, раскрытия темы, движения дела. Всё — ради первоклассного результата.

В предисловии к «Легендам Горной Кольвани», названном «Слово о народном слове (о творчестве А. А. Мисюрева)», Залыгин интересно, детально говорит о языке Сибири и языке исторической прозы, в частности. Будто специально адресуется к Александру Родионову, с 1987 года собирающему воедино Сибирь времен Петра I для исторического романа. Родионов разделяет наблюдения и выкладки Залыгина. Вот некоторые из них: «Простые слова — это мечта писателей, но доступны они только тем, кто имеет чуткий слух к народной речи и очень редкостное умение обращаться с народным «первозданным» словесным материалом, не искажая его, не впадая в излишнюю «кондовость»».

В Сибири менее, чем где-либо в дореволюционной России, сказывалось влияние и языка «холопского» — дворни, челяди, зато политическая ссылка вносила в язык некоторую интеллигентность и современность.

В любом историческом произведении, а тем более историческо-фольклорном, существует два языка — язык героев и язык автора. Они разделены временем, интеллектом, и они же должны составить единую ткань художественного произведения.

Веками язык крестьянина был, помимо всего прочего, еще и признаком его независимости, его самостоятельности, его принадлежности к цеху, а первым признаком того, что уверенность в этой принадлежности у человека поколеблена, было употребление этим человеком «не своих», а «чужих» слов» [15, с. 5-7].

Залыгинскому пониманию народного слова созвучен словарный поиск Родионова. «Моя ежедневная работа, — говорит Александр Михайлович, — возвращение словам первоначального смысла. Вот говорят: «Я это обожаю!» А корень-то от слова Бог, Боженька. Что при этом происходит? Место Бога занимает какая-то вещь, какое-то действие. Мы сегодня говорим:

«Разоблачить человека», имея в виду: снять с человека одежды лжи. А первоначально это значит: раздеть человека, разоблачить. Одетый человек — облаченный. И еще одно слово: необходимость. Когда наши предки говорили: «О, эта беда наша необходимая!» — то в этом слове совсем особенная красота. Необходимо — значит единственно возможное. Вот и призадумаемся, многое ли из того, что мы сегодня делаем, необходимо?» [133]

«Сыну моему ясному Коле, четверочнику круглому, в день, когда он равен ночи, т. е. 22 марта года 1990 от Рождества Христова. Автор — папа». И: «Дочечке моей Машеньке! Когда она вернулась домой веселая и весенняя. От папы. 22 марта (равноденствие) года 1990 от Р. Х.» Сам веселый и весенний, подписывает Родионов только что полученные авторские экземпляры «Красной книги ремесел» детям.

Появление на свет многостраничного, с цветными иллюстрациями издания в пору нещадного сокращения тиражей можно приравнять к чуду. К тому же книга выходит в количестве 30 тысяч экземпляров, как и было обещано по договору аж 1986 года. Со значительным опозданием, но свершилось. Трудно сказать, что возымело большее действие на директора издательства Шатыгина. В 1987 году Родионов писал в Главиздат, правда, жаловался он на другого директора — Морозова.

Письмо интересное, оно и о книге, и об авторе, и о писательской жизни вообще.

«Москва.

Начальнику Росглавиздата

Горбунову И. Г.

Уважаемый Иван Григорьевич!

Повод, по которому я решил побеспокоить Вас, достаточно веский. Около десяти лет понадобилось мне, чтобы собрать фактический материал по народному творчеству русского населения Алтая. Речь идет о ремеслах исчезающих: резчиках по дереву, кузнецах, гончарах, вышивальщицах и ткачихах. Как промежуточный этап этой работы я рассматриваю книгу «Чистодеревщики», вышедшую на Алтае в 1981 году.

Последние годы во время учебы на ВЛК я занимался обобщением собранного материала, работал над рукописью с полемическим названием «Красная книга ремесел». Три главы рукописи (большая часть) обсуждались на секции прозы Высших литературных курсов под руководством писателя С. И. Шуртакова и были одобрены. Была уверенность у меня — делаю нужное дело. Я и сейчас так считаю.

16 декабря 1985 года рукопись была представлена издательству. Два рецензента: сотрудник Алтайского музея Н. П. Гончарик и писатель, член редколлегии журнала «Москва» Ю. М. Медведев оценили рукопись положительно, и редакция краеведения включила ее в план издательства 1988 г. В сентябре 1986 г. при обсуждении плана эта позиция не вызывала сомнения у членов расширенного редсовета издательства. Более того, было поддержано предложение редакции издать книгу тиражом 30 тыс. экземпляров.

Накануне отправки плана 1988 г. в Москву директор издательства Морозов Н. И. без каких-либо оснований (волевым решением!) «Красную книгу ремесел» из плана вычеркнул. Мне об этом стало известно в конце октября, и тогда же (29.10.86) я написал Морозову письмо с просьбой сообщить мне причины исключения рукописи из плана. Ответа я не получил.

Рукопись сейчас находится на перепечатке. Она доработана с учетом замечаний рецензентов и будет представлена в назначенный редакцией срок — в декабре с. г. Цветные слайды для книги (120 шт.) готовы три года назад и давно оплачены издательством. Но на сегодняшний день я не имею авторского договора на издание книги. Судьба ее крайне тревожит меня. Полагаю, что здесь речь идет о самом глубоком и преднамеренном нарушении авторского права. Но такова уж наша алтайская действительность — судьбу рукописи, о которой Вы можете составить какое-то мнение по прилагаемой копии рецензии, решает не редактор, не рецензент, а человек, оказавшийся в редакции по воле обстоятельств, т. е. случайный, совершенно не имеющий представления о характере рукописи, а также о том, насколько она важна для русского национального самосознания.

Если бы я считал иначе, я бы не стал обращаться к Вам с этим письмом. Искренне надеюсь, что Вы поможете мне

преодолеть искусственно созданное препятствие и книга увидит свет в 1988 году!

Член СП СССР Александр Родионов».

Появившись на свет в 1990-м, «Красная книга ремесел», как конек на крыше, венчает труды и дни, идеи и поиски Родионова, предпринятые в семидесятые–восьмидесятые годы. На стадии замысла, в дневнике, помеченном 1978 годом, структура книги представлена таким образом: дерево — металл — глина — ткань — камень. В течение десяти лет живулька превращается в главы: «Чистодеревщики» — «Незатахающий звук» — «Танцующая глина» — «Кого люблю — того дарю...» — «Дать камню лицо».

Мотив Красной книги впервые появляется в очерке «Колывань камнерезная», опубликованном в журнале «Алтай» в 1982-м. Родионов пишет: «Удивительно быстро стала «толстеть» Красная книга природы. Редкий Цветок. Редкая Ящерка. Редкая Птица... Это природное, живое. Но разве умение народа — не живое? А если уходит умение, если оно никому не передалось в народе, то не есть ли это повод для занесения уходящего ремесла в Красную книгу ремесел? Но такую книгу еще предстоит открыть».

Темы дерева — с 1981-го и камня — с 1982 и 1986 годов изрядно дополняются и обостряются в «Красной книге». Родионов досылает на страницы издания свои острые очерки конца 1980-х, связанные с защитой деревянного зодчества и камнерезного искусства. Само время — перестройка и гласность — на его стороне, и он, не сдерживаемый никем и ничем, мечет перуны, хлещет от души грехи чиновничьи. К 1990-му хранитель алтайской старины столь оттачивает свое стилу, что в «Красной книге ремесел» оно уподобляется разящему копыю. В каждом разделе у автора находится повод указать землякам на недолжное отношение к старине, на бросовое, легкомысленное отношение к своим корням, истокам. В этом смысле можно даже углядеть некоторое противоречие между изысканным подарочным оформлением издания и серьезной критической внутренней начинкой. Однако в книге много и похвалы, и света, и восторга, и преклонения перед мастерами. В сентябре 1990-го в газете «Прямая речь»

выйдет рецензия на «Красную книгу ремесел». Ее автор — новосибирский писатель Алексей Горшенин. В самом названии статьи «Чудесная страна, увлеченный проводник — грустное путешествие» Горшенин передает суть творческой работы Александра Родионова. Рецензент отмечает «тонкий вкус», «немалую эрудицию, научную основательность и точность» автора «Красной книги», повествующей, по выражению Родионова, о «материальном фольклоре».

«Хотелось бы сказать о художественном своеобразии книги А. Родионова, — пишет Горшенин. — Хотя вроде бы о каком своеобразии речь, если перед нами документально-публицистическая работа? Тем не менее, я не думаю, что впадаю в заблуждение, и читатель, углубившись в книгу, почувствует и по достоинству оценит и свежую ее образность, и поэтичность языка, и умение автора зримо воссоздать облик и характер мастеров, показать ту самую «живинку» в деле (Бажов), которая одухотворяла их ремесло, превращая его в искусство. И еще об одном несомненном достоинстве книги следует упомянуть — об отсутствии холодной авторской отстраненности. «Красная книга ремесел» от начала и до конца пронизана сильным личностным началом. Проявляется оно и в прямо-таки любовном отношении к самородным сибирским талантам, и в той саднящей боли, которая прорывается у автора, когда видит он, как под ударами неразумного нашего прогресса уходят в небытие наши народные традиции и ремесла».

Алексей Горшенин цитирует Родионова прицельно: «Нас к концу века все более характеризует дремотность национального сознания. Оно еще живет разнообразно в душах народных мастеров, мучительно напоминающих нам: из какого богатого мира мы вышли и что утратили. Мы утратили национальную поэтичность быта». «Эко хорошо сказано!» Национальная поэтичность быта!

В девяностые годы Александр Родионов входит уверенно. Как говорится, причастен и известен. Представление о насыщенности его жизни, повсеместной и всеобщей востребованности дает хотя бы весенне-летний период 1989 года. В двадцатых числах мая, завершив третьи Славянские дни в Барнауле, он улетает в Смоленск, где в тот год проводится

Международный праздник славянской письменности. В начале июня сдает в набор издательству «Современник» очерк «Фролов». Четвертого июля конспектирует в Московском доме ученых выступления экспертов по поводу проекта Катунской ГЭС. Часть лета проходит в Туле и в 30 километрах от нее, в селе Павшино, где Александр Михайлович участвует с группой Центрального телевидения в съемках пятичастного фильма о Демидовых. В начале августа он с семьей в Коктебеле, оттуда все вместе переезжают в Ашхабад, а в конце августа Родионов покидает столицу Туркмении, чтобы повторить поход князя Бековича, одного из героев своего будущего романа. В Барнаул он вернется в конце сентября.

Закономерный набор высоты отражает список вышедших в восьмидесятые годы книг: «Чистодеревщики» (1981), «Портрет реки» (1982), «Из биографии ручья» (1983), «Колывань камнерезная» (1986), «На крыльях ремесла» (1988), «Былины и песни Алтая» (1988) — за Родионовым инициатива и кураторство; Александр Мисюрев «Легенды горной Колывани» (1989): Родионов — составитель; «К. Д. Фролов: "Людам немало работы уменьшилось"» (1990), «Книга красных ремесел» (1990).

За библиографическим пунктиром — ежедневное житейское бытие, которое по определению не обходится без проблем, обид, нервов, тревог. А более всего мешает неотступная болезнь, но и ее Родионов умудряется каким-то образом «вогнуть в режим». В рукопашной за верстаком, в которую он, как и прежде, вступает по ночам, бывает непробиваемо, глухо, немо. Но и большего счастья не знает он, чем ночные сидения над рукописью. «Когда есть материал и созрел для него, далее в самом рисовании — Беловодье» [161].

«Восторг открытия»

Глава пятая

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

В июне 1990 года в Барнауле появляется новая газета. «Прямая речь». Хорошо звучит. Литературно. Обещается нечто новое. И честное. «Шапка» многое объясняет: «Газета писателей Алтая». Вместо привычного «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» взято шукшинское «Нравственность есть правда!»

Идею новой газеты подает Родионов (о чем свидетельствует писатель Анатолий Кирилин). Главным редактором издания становится известный на Алтае поэт Владимир Мефодьевич Башунов. Вокруг серьезного патриотического издания собирается артель единомышленников. В редколлегию входят писатели Иван Березюк, Виктор Горн, пскович Валентин Курбатов, Александр Родионов, священник Михаил Капранов, учитель-словесник Георгий Карпов. Все хорошо знают и уважают друг друга. И даже Валентин Яковлевич из псковского далека имеет представление о каждом человеке в барнаульском «литературном штабе». Это костяк. Он останется неизменным, притом что редсовет время от времени будет то расширяться, то сужаться. «Пряморечисты» имеют собственные воззрения не только на вопросы культуры, литературы, православия, но и — государственного строительства. «Могучая кучка», пренебрегающая девятибалльным либеральным штормом, осмеливается говорить о вечных ценностях и вечной России, идти против мейнстрима. Штучные люди. Неформальные лидеры. Национальная элита.

«Хотелось бы создать газету как бы медленного чтения, альманашного типа, обращенную в первую очередь к проблемам культуры и духовности, — делится планами с читателем Владимир Башунов в первом выпуске газеты. — Хочется поговорить об этом более подробно, внимательно, последовательно. Более интимно и одновременно принципиально. Говоря о культуре, мы невольно будем выходить на разговор обо всем, что сегодня особенно болит и волнует. Вынесенные в подзаглавие слова Шукшина — нешуточная ответственность. И не просто подняться до такого уровня, и надо стараться. Вообще, в наше возбужденное время хотелось бы сохранить устойчивость,

спокойный голос, насколько это возможно. Разрушено много, можно разрушать и дальше, но все же общее спасение — в деятельности созидательном».

Владимир Мефодьевич, ничуть не робея, противопоставляет взглядам Ельцина, по тем временам Председателя Верховного Совета РСФСР, свою точку зрения. «Когда Борис Ельцин <...> говорит: «...и тогда Верховный Совет, правительство... смогут принимать и более радикальные, и более смелые законы», — то лично меня это мало греет и вдохновляет. Началось какое-то ненормальное всеобщее соревнование: кто смелее, кто радикальнее, кто еще одну партию придумает. Нет, не хочу я ни более крайних, ни более смелых, а хочу более разумных, даже не более, но просто разумных и просто справедливых законов и мер, направленных на обустройство нашей жизни, на установление в ней согласия и лада».

Третий, октябрьский, номер «Прямой речи» ставит открытое письмо к Ельцину за подписью всей Алтайской писательской организации под заголовком «Покушение на разум». В письме речь идет о нехватке бумаги в стране, о перекупках ее спекулянтами, о самиздате, не выдерживающем никакой критики. Тема лишь на первый взгляд кажется незначительной, а в действительности — стержневая. «На 1991 год централизованные поставки (продажа!) бумаги издательствам по госценам прекращены», предприятия переведены на хозрасчет, и, следовательно, само существование литературы поставлено под сомнение. «Сведя литературу до коммерческого зарубежного детектива, нескольких писательских имен и гороскопов с сонниками, кто-то пытается лишить разума Россию, пустив на черный рынок одно из богатств республики», — говорится в статье.

Письмо завершается вопросами: «Драматично: Россия против России? Но за кого?»

«Прямая речь» стартует на хозрасчетных условиях с тиражом 15 тысяч экземпляров. Без денег, без бумаги, без полиграфической базы, без рекламы. Тираж, разумеется, падает с каждым номером. Продажи не окупают затрат. Авторы работают за идею. Возможно, потому и редет первоначально густой редакционный круг. Масса «выпаривается» до кристалла, «худеет» до устойчивого костяка.

Остается удивляться, как «Прямая речь» продержалась четыре года? В начале девяностых еще срабатывает инерция добрых отношений и рабочих связей прошлых лет. Но появляются и зачатки новой странной экономики, а именно обкатывается дикий бартер: «я печатаю за полцены — вы публикуете меня». Порой приходится отрабатывать рулон бумаги от издательства, взамен ставя в журнал «Алтай» рассказы начальника. Но чаще «Прямой речи» все же везет: то типография ГИПП «Алтай» (директор Владимир Грохотов) поможет, то Алтайское отделение Советского фонда культуры (заместитель председателя Анна Добрикова, а в недавнем прошлом начальник алтайской культуры) поддержит деньгами. «Прямая речь» называет своих благодетелей на первой полосе. При весьма скромных материальных вводных газета выдает сильный интеллектуальный контент.

«... «Прямую речь» услышали не только в Москве, но и в Канаде, Германии и Франции, о чем свидетельствовали читательские отзывы. Речь в газете шла о высотах русского духа, потому и воспринималась людьми «нерыночными» как своя газета», — обернется в 2005-м на десятилетие назад Александр Родионов [109]. Важно, что и по прошествии трети века, в 2020-м, «Прямая речь» остается актуальной, читается с огромным интересом. Газета знакомит с именами и трудами русских мыслителей, выдающихся государственных деятелей дореволюционной России. Первой в этом ряду напечатана статья «Великая ложь нашего времени» Константина Петровича Победоносцева. Редколлегия дает свой комментарий к статье: «Мы слепое и обобранное поколение. Нам оболгали многие имена, а подлинники тщательно попрытали, чтобы мы не докопались до истины сами. Оттого, что слепые, мы блудим в трех соснах, не умеем связать в целое разрозненные факты, не можем реально оценить очевидное и предугадать, чем сегодняшняя ситуация обернется завтра. В который раз мы начинаем все сначала, путаясь, взаимно раздражаясь, даже озлобляясь, теряя драгоценное время и силы, открываем истины, давно открытые и все еще не востребованные нами».

На страницах писательской газеты нет ничего случайного. В первом же номере — поэт Борис Капустин с подборкой

«Дневные сумерки». Пишет о ржавых сухариках, непостижимо связанных с русской судьбой.

Чем живы?

Не риском мгновенным
сдержит на крутом вираже —
мгновенным огнём сокровенным
в чужой благодарной душе.

Не пылкостью исповедальной —
от макушки и до пят,
а некой стыдливостью тайной.
Молчаньем, когда не молчат.

Не жаждой любви повсеместной,
а скупостью чувства и жеста.

Как живы?

Как надо. Как можем.
Сухарики ржавые гложем —
родные, святые хлеба.
И жизнь хороша и судьба.

Валентин Курбатов выступает на страницах «ПР» с циклом эссе о русских мыслителях. Начинает с Пушкина, и далее — Василий Розанов, Павел Флоренский, Владимир Соловьев, Иван Аксаков, Николай Данилевский и другие — всего больше 20 статей. Тексты иллюстрируются знаменитыми литографиями Юрия Селиверстова, написавшего, по словам Курбатова, «иконостас русской мысли».

В «Прямой речи» 1990-го Родионов отмечается краткими и хлесткими статьями. Много и хвалебно пишет об архитекторах, радуясь вместе с ними победам на разных конкурсах. За зодчими он присматривает по рангу заслуженного Домового.

Любопытна заметка Родионова «Золото взято. Что взамен?» в третьем, октябрьском, номере газеты. Крохотная,

на полколоники, публикация оглашает малоизвестную информацию о том, что в семидесятых годах «корифеи архитектурной мысли» предлагали сбрасывать канализационные стоки Змеиногорска в горные шахты, подземные ходы, пробитые горняками XVIII и XIX столетий. «Словом, золотодобытчики прошлого подготовили все для золотарей настоящего?» — ернически вопрошает Родионов. Слава Богу, этого не произошло. А случись? Катастрофические последствия сопоставимы с предполагаемым ущербом от строительства Катунской ГЭС.

В 1990 году молодая команда архитекторов под руководством Петра Анисифорова («Архпроект») взялась за спасение полузавалившихся и затопленных подземных лабиринтов Змеиногорска, уходящих в земную толщу на глубину десятиэтажного дома. На городском конкурсе архитектурных проектов творческий коллектив берет второе место, и Родионов рад ему, больше, чем первому. Писателю важна забота «о подземном Змеиногорске, где работали хитроумные водоподъемники Козьмы Фролова, где томились в кандалах пугачевские генералы». Родионову важно получить ответ на вопрос: «Как спасти единственный в стране комплекс памятников горнозаводского производства и как превратить безликий ныне Змеиногорск из заштатного городка в туристический центр?» [27] К сожалению, эта идея почилла в бозе.

В последующих газетных выпусках 1990-го Александр Михайлович рассказывает о краеведческом музее, краевом архиве, новоявленном русском центре. Это его любимые темы, и подает он их в своем характерном ключе: с неизменной долей критики, колкостей, но и обязательно с идеями, предлагающими выход из тупика, способами реализации. Интересный нюанс имеет сообщение о русском центре: «Где взять знатоков русских обычаев, где взять фольклористов, театроведов, словом, русоведов. Ведь профессионалы потребуют оплаты. Пока выход один — необходимо в первую очередь самопожертвование», — делает вывод автор [29]. Самопожертвование — это очень по-родионовски. Он всегда готов впрячься в дело за интерес. Именно так, на безвозмездной основе проводились Славянские дни, масштабные тематические выставки, инициированные им: «Образ горного дела на Алтае» (1995),

«Инженеры — образ эпохи» (1999). В весьма стесненных финансовых условиях предстоит родиться «Летописи Барнаула» (1995). Родионов созидает новую реальность за счет душевной пылкости. И дается ему это легко, как бы между делом. Так, без какого бы то ни было напряжения, ведет сложный счет в уме математически одаренный человек.

В следующем, 1991-м, году Родионов продолжит традицию кусачих лаконичных выступлений. В октябрьском номере три его материала. Заметка «Лицо города? Исключить!» посвящена загубленному на этапе согласования с «Барнаулжилстроем» дому-башне Владимира Золотова. «Ишь, лавриаты... Архитектурного лица городу захотели...» Статья «Кина не будет» рассматривает проблемную ситуацию, возникшую между «Мосфильмом» и культурно-историческим объединением «Азия», построившим для фильма «Ермак» крепость на берегу Оби близ села Елунино. «Словом, кино застопорилось, — итожит Родионов. — «Мосфильм» сделал губы бантиком и не приехал» [33]. Следует уточнить, что директором «Азии» является Александр Чистопашин, союзник Родионова по учреждению Демидовского фонда. Так что Родионов лезет в драку за своего.

Помимо крохоток, выдает Родионов объемные статьи на религиозные темы. Он рассказывает о крещенском водосвятии на реке Иртыш в Тобольске, упрекая при этом родной город: «...в Барнауле это действие совершалось так давно, что уже никто не помнит» [31]. Делает интервью с благочинным церковью Алтайского края протоиереем Николаем Войтовичем о визите на Алтай Патриарха Алексия II. В январе на страницах «Прямой речи» появляется «Духовная беседа ко дню Нового года». А поводом к ней становится найденный Родионовым старый, начала XX века, церковный альманах, и, в частности, напечатанное на его страницах собеседование Преосвященного Серафима, епископа Каменец-Подольского.

Время обретения книги — январь 1991 года. Один из самых черных периодов в истории России. «Все будет темнее и темнее вокруг...» — говорится в «Духовной беседе». Под занавес года рухнет Советский Союз. «Дни сомнений, дни тягостных раздумий» в России неизбывны, потому и слово Серафима — из вечных. Наставлять, утешать и утишать оно будет всегда.

Вглядимся и вслушаемся, и, может статься, проникновенное слово Серафима даст опору и нам.

«С наступлением Нового года люди обыкновенно ждут нового счастья и новой жизни, лучшей и более отрадной. Но проходит год, и они не находят того, что искали, и все труднее и труднее становится для человека путь жизни... Все будто темнее и темнее вокруг... Господи, доколе же это будет?! Доколь же не просветлеет жизнь?..

...Как облегчить путь жизни, как разогнать тьму, окружающую нас?..

Господь говорит: «Ищите и обряцете».

Надо искать облегчения пути; надо искать света и отрады жизни! И кто не ищет? Все, кажется, ищут. Сама душа человека ищет, не мирясь с окружающей тьмою жизни, со всеми трудностями земного пути. Только большую частью не там ищут, где надо. Человек жадно бросается на все, что способно остановить на себе его внимание, не разбирая, хорошо оно или худо: может удовлетворить его жаждущую душу или не может. И тот — сам себе затрудняет шествие по пути жизни, сам калечит и убивает себя. Ведь и чешуя ядовитой змеи, бывает, блестит на солнце. Ведь и в чаше вместо прохладительного напитка может содержаться яд. Можно ли бросаться на все без разбора?

Ах, довольно жить только для тела, довольно и чувственных наслаждений: помни человек Того, Кто может дать тебе истинное счастье, кто может облегчить и осветить тебе тяжелый путь жизни земной!

В том наше горе, что вся наша жизнь основана на себялюбии и лицемерии. Все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу, все желают жить для себя, а не для других. Все желают брать, но не желают давать, и, не давая сами, ничего не получают от других. Вот и тьма у нас, и скорбь, и холод жизни!..

Любовь не может быть равнодушной к страданиям других. <...> Страдающее сердце человеческое ни на что так скоро не откликается, как на голос любви, милосердия и сострадания. Поэтому любить ближних и звать ко Христу есть первый долг каждого христианина. И это особенно необходимо для нынешнего трудного времени. И если только любовь искренняя, горячая, не лицемерная, мы согреем нашу жизнь, наши холодные

отношения друг к другу, если только станем любить «не словом, но делом и истиною», то жизнь будет отрадною и счастливою...» [32]

В свете «Духовной беседы» открывается иной Родионов. Не тот привычный — шумный, веселый, напористый, порой задиристый, каким он является днями для всех, — но уединенный, сосредоточенный, нянчащий мятежную душу ночными часами, когда бойкое внешнее подчиняется глубокому покаянному внутреннему.

Самые значительные публикации Родионова в «Прямой речи» приходятся на 1992-1993 годы. В мае и сентябре девяносто второго Александр Михайлович впервые публикует отрывки из будущего романа «Азь грешный». Главе «Виден ли свет?» он дает подзаголовок «заметки о сибирском пути», а «Посольство Ивана Чередова» определяет как «отрывок из документальной повести». Стало быть, не знает еще автор, что зреет у него полновесный исторический роман? Или из суеверия не оглашает размаха?

В «Заметках о сибирском пути» автор касается не только истории освоения Сибири русскими, но и темы сколь давней, столь и болезненной, а в 1990-е бывшей весьма актуальной и используемой определенными политическими силами — темы отделения Сибири от России. Родионов пишет: «За полвека русские прошли всю Сибирь. Это по любым меркам завоевание стремительное!» Подчеркивает: «...жизнь русско-сибирская начиналась со смерти. Иное утверждать значит не знать архивных документов: доношений, челобитных казачьих воевод, где то и дело упоминается, столько-то ватажников в поход вышло, а вернулось столько-то». И заостряет: «Чем же русско-сибирская история отличается от колонизации Америки?»

Родионов размышляет: «Где черта, до которой шествие русских в Сибирь было благом созидательным, но за которой начинается ее ограбление и угробление? Прирастало, прирастало могущество России Сибирью, и вот наконец приросло к Сибири прочное и неотделимое определение — Великая колония страны. Русская Сибирь — современница заселения европейцами Нового Света — ни Америкой, ни Канадой однако же

не стала. У нее свой крестный путь» [34]. Родионову понятны идеи областников XIX века Ядринцева и Потанина, равно как и современников, предложивших в томской газете «Народная трибуна» провозгласить Сибирскую советскую федеративную республику. Но сепаратистских идей Родионов не поддерживает. Он берет тему в историческом развитии, дабы указать на затаенную проблему. На протяжении трех веков территория остается сырьевым придатком России. Писатель печалится о сибирской земле и сибиряках, не нашедших должной благодарности от государства.

В июле 1993-го на страницах ПР еще один фрагмент из романа под заголовком «Золотой венец Сибири». Он повествует о двух гибельных походах за песошным золотом, снаряженных Петром I в чужие земли. Но прежде Александр Родионов восхваляет Гавриила Державина, который никогда в Сибири не был, но «она занимала его воображение». «Державин видел и знал, — объясняет Родионов, — что в Петропавловскую крепость на главный монетный двор страны каждый год по зимнему пути приходит несколько караванов, которые в простом обиходе называют «золотыми». И еще он видел, что в императорские дворцы к Рождеству и Пасхе Христовым обязательно въезжают новые чудные вазы, канделябры и столы из самоцветного камня» [34]. В своем либретто для оперы «Рудокопы» Гавриил Романович дает такие декорации: «...Сибирь в образе величавой древней жены в серебряной одежде, имеющей на шее из драгоценных самородных кристаллов ожерелье, на голове золотой венец, <...> сидит на зеленоватом яшмовом холме» [34]. Державинские образы подсказывают и заголовок для статьи — «Золотой венец Сибири». Показательно единомыслие Державина и Родионова, закономерна их «дружба» сквозь три сотни лет. Младший соплеменник, подобно автору оды «Фелица», уподобляет алтайскую землю образам женским. «Алтай русские знают на стыке веков (XVII-XVIII вв. — Л. В.) не понаслышке, но это пока ландшафтное знание — горы там велики, реки дивны, а земля плугом к плодородию еще не искушалась; земля еще не хлебоискусна, как немужеискусна, но красно-красна девушка-созревушка. <...> его (Алтая — Л. В.) земля, его почва пребывала невестой, ожидающей жениха» [14, с. 21].

В сентябре 1993-го Родионов пишет открытое письмо Ельцину. Первая полоса «Прямой речи» кричит «аршинными» буквами:

«Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н.

Уважаемый господин президент!

Принятие в начале 1992 г. «Закона о недрах» было воспринято горняками и геологами Алтая как избавление от беспорядка и произвола, творящегося в горнодобывающей промышленности».

Суть дела такова: президент Республики Алтай Чаптынов своей волей, в обход закона отстраняет от разработки Верх-Ануйской золотой россыпи известную горнодобывающую компанию и передает месторождение предприятию, за которым ранее никакие действия не числились. Рокировка происходит без конкурсной основы, без необходимого пакета документов со стороны новоявленного разработчика месторождения.

«Вам, безусловно, известно состояние российской золотопромышленности, — продолжает разговор с президентом Родионов. — Добыча золота падает. И вряд ли она возрастет, если месторожденья начнут разрабатываться на браконьерской основе либо будут отдаваться в непрофессиональные руки без проведения конкурса. К сожалению, такая практика заявляет о себе и на территории Алтайского края. Но и для Республики Алтай, и для Алтайского края «Закон о недрах» один, и нельзя допускать того, чтобы он оброс на местах волюнтаристскими корнями. Золотодобытчики надеются на Ваше вмешательство и соблюдение закона в таком регионе, каковым является Алтай, поскольку здесь сосредоточена весомая часть золотого потенциала страны.

А. Родионов, директор Алтайского центра Международного Демидовского фонда».

Адресат, конечно же, письма не увидит. Да и ставит ли Родионов такую цель? До Ельцина не дойдет, но бумагу прочтут где надо, и, возможно, повлияют на ситуацию.

Но сам факт! Публичное обращение к Президенту! Поступок вполне в духе Александра Михайловича Родионова, приверженца заметного принципиального жеста. Да были ли у него

другие поступки? К осени 1993-го писатель почти закончил историческое повествование «Азь грешный», где в полной мере побыл и первым губернатором Сибири князем Гагариным, и царем всея Руси Петром Первым. А история российской золотодобычи ему известна со времен Ивана IV. Родионов говорит с Ельциным на равных. Магии известных имен уроженец Ивановки не подвластен. Пожалуй, не обошлось в этом публичном заявлении и без некоторой соревновательности. Три года назад, когда Ельцин ходил еще в премьерях, бесстрашно противопоставлял ему свою позицию Владимир Башунов.

Газета с обращением Родионова к Ельцину окажется предпоследней в истории «Прямой речи». Двадцать пятый выпуск, который редколлегия собирается посвятить «вечной падчерице» культуре, не выйдет. «Прямая речь» прекратит существование по единственной причине — экономической. Но напоследок Родионов успеет крикнуть президенту России о серьезной государственной проблеме.

БАТАЖКА

«Пряморечисты» связаны не только сотрудничеством в газете и литературным делом, но и дружбой. В различных дугах она по-разному задушевна, загадочна и длинна. Со студенческой скамьи знакомы Владимир Башунов и Виктор Горн. Ни с кем они так не откровенны и так не доверительны, как друг с другом. Им повезло пронести настоящую мужскую дружбу через всю жизнь. Свою историю имеют отношения Башунов — Капранов, Башунов — Курбатов. Но в этой книге нам интересны родионовские дружбы.

В либеральные девяностые Валентин Яковлевич Курбатов воспринимается в лагере патриотической русской интеллигенции как кормчий, как лидер. Ему верят, в его высказываниях черпают надежду. Вчитывается в Курбатова и Родионов. «Порой невольно начинаешь думать, что русские философы проходили через неверие, через сознательно избранный атеизм в утешение нам. Чтобы нам было легче перешагнуть свое подчас

извинительное безбожие, ибо мы не ведали света просто потому, что от рождения жили во тьме (во скольких городах России вообще не было храмов?)», — так начинает Валентин Яковлевич свое эссе о Владимире Соловьеве. Тема не чужда Александру Михайловичу. Его Ивановка тоже обреталась без церкви, и вопросы веры интересуют его давно, а в начале 1990-х он публично выскажется по ним.

Для Курбатова барнаульская писательская газета является в некотором смысле душевным укрытием, о чем сообщает он в письме Виктору Петровичу Астафьеву: «Прячусь пока за маленькие заметки для башуновской «Прямой речи» о П. Флоренском, С. Булгакове, С. Франке» [186, с. 303].

Родионов, который и в юные годы имел немалый круг общения, а к 1990-му расширил его до космической орбиты, вбирающей интересный народ Сибири, русских столиц и зарубежья, находит в «пряморечистах» самое близкое дружество. Единомышленники, соратники. Родная ватажка, собранная воедино «с думой о благе российском». Эти слова великого русского химика и государственника Дмитрия Менделеева Родионов берет эпиграфом к одной из своих статей в «Прямой речи». Газетная рубрика по соседству сигнализирует: «Святая Русь — наш идеал».

Родионов и активный автор «Прямой речи», и увлеченный ее читатель. Ему в равной степени интересны бережно несущий «русскую думу» Валентин Курбатов и местные поисковики-краеведы Василий Гришаев и Константин Метельницкий, которые ведут рубрики «Галерея горных деятелей Алтая» и «Барнаул утраченный». Александр Михайлович отдает должное и священнику Михаилу Капанову, выступающему со статьями о православии, и пионеру шукшиноведения Виктору Горну, и поэту Владимиру Башунову. Горн и Башунов, помимо прочего, — честные критики поэтического творчества Родионова. Однако Родионов со свойственным ему беспощадным отношением к себе сумеет все горькие пилюли проглотить, правду принять, уязвленность излечить и мощно, с удесятеренной силой двинуться к новым горизонтам. Родионову хватит душевной широты, чтобы сохранить святые дружеские узы.

С лета 1995 года, после того как Александр Михайлович перевез в Барнаул больную маму и поселился вместе с ней

в частном доме на улице Пушкина, приобретают популярность писательские (и не только, бывали там и музыканты, и музейщики, и художники, и журналисты) посиделки у Родионова. Это было красивое творческое бражничество, протекающее за разговорами и спорами вокруг небольшого стола с огородным натюрмортом. Ароматные, только что с грядки огурчики раскраивались по вдоль, присаливались по срезу и нежно-зеленой горкой громоздились на тарелках. Четвертовались по-сибирски крупные и сочные помидоры «бычье сердце». Пласталось сало и бородинский хлеб. Раскладывались пучки укропа, петрушки и зеленого лука. В ягодный сезон появлялись на столе миски с крыжовником, малиной и черной смородиной. Зелень, ягоды и овощи поставлялись с крохотного, но щедрого родионовского огорода, который располагался за длинным домом на несколько хозяев. Звенела разнокалиберная посуда. Шумел и смеялся собравшийся народ.

Не раз сиживал на родионовском крылечке Владимир Башунов — и по старому адресу — на улице Короленко, и по новому — на Пушкина. Летние сходки друзей Владимир Мефодьевич запечатлеет в стихотворении «В гостях у Александра Родионова», написанном в 1984 году.

Нарежет в чашку помидоры,
добавит лук, укроп и соль.

— А ну, кончайте разговоры!

А ну, отведайте!..

— Изволь!

— Изволь, — со всеми я отвечу

и в помидоры вилкой ткну, —

да не мешало бы за встречу

чайку плеснуть.

— А я плесну!

И вот уже гремят стаканы,

с души, как тень, спадает лень.

Наш друг похож на атамана —

еще бы шапку набекрень.

Но боже, как темнеет рано...
Всё врут про долгий летний день.

Мне тоже с вечера казалось,
что хватит времени на всех, —
и половины не сказало
под общий гомон, песню, смех.

Куда другую половину?
Ей тоже хочется на свет.
Я в уголок ее задвину,
за кособокий табурет —
друзья заметят или нет?

Нет, не заметили.

Однако

то и печалит:
как же так!
Не слышим внутреннего знака,
а ловим только внешний знак.

И как же так:

в часы согласия

недостает меж нас того,
когда до слез —

читай: до счастья —

хватает взгляда одного.

Черные кошки между Родионовым и Башуновым пробежали. Временные охлаждения в отношениях случались. Связаны они как раз с «внешними знаками», неприятными бытовыми историями. Была досадная для Родионова ситуация с распределением квартир на писательском собрании. На тот момент первый очередник, Александр сначала отказался от трехкомнатной квартиры, а после, разобравшись (по площади она оказалась равна четырехкомнатной), попросил Владимира Башунова, председателя собрания, переголосовать. Владимир Мефодьевич отказался, поскольку жилплощадь уже отошла

другому писателю. Родионов был удручен. Увы, не миновала друзей и нетрезвая ссора, случившаяся по вине Александра. Нехороший осадок держался какое-то время. Действительно, не всегда им удавалось различать «внутренние знаки» друг друга. Но все же главное состоит в том, что Родионов и Башунов — люди одной крови. Они близки ментально. Оба — из крестьян, русские. Государственники, исповедники народных интересов, русской культуры и литературы. «Часов согласия» было куда больше. К шестидесятилетию друг друга они напишут перекрестные статьи в алтайский «Календарь знаменательных дат». В конце 2004 года Владимир Мефодьевич успевает отдать свой текст в работу. А вот успевает ли получить напечатанный «Календарь»? Поэт умер в феврале 2005-го после операции на сердце. Александр Михайлович откликнется на смерть Башунова несколькими публикациями в прессе.

В день рождения Владимира Мефодьевича, первый без него, 18 ноября 2005 года, Александр Родионов вспоминает на страницах газеты «Вечерний Барнаул»: «...Тридцать лет назад, еще не будучи знакомым с Володей, я работал в окрестностях рудника Майского, что в верховьях Лебеди! (Восклицательный знак потому, что река Лебедь — река детства Владимира Башунова — Л. В.) После очередного многодневного маршрута мы вышли в поселок Суранаш. Деревня на ночлег геологов приютила в библиотеке. Там было пустолюдье и стена книг. На столе лежал еще не пожелтевший номер «Молодежи Алтая» за 14 июля. Я отогнул газетное крыло. И там — на крыле правом — была поэма Владимира "Принцесса моей сказки"». В следующем, 2006-м, Родионов помещает в «Календаре знаменательных дат» статью о Башунове, в которой обнаруживает очень хорошее знание биографии Владимира Мефодьевича, не забывает ни одного его достижения, ни одной значимой работы. Называет «поэтом неповторимым» [109].

Башунов годом раньше определит Родионова как «пожизненного ровесника Победы» и, кроме того, подметит важную особенность творчества и характера Родионова: «Замечательно, что во всех трех его основных службах — литература, геология, народные ремесла — неуклончиво присутствует понятие поля. Его первая поэтическая книга называлась «Начало поля».

Работа в экспедиции <...> зовется работой в поле. Образцы ремесел, в широком разнообразии описанные в его книгах, от резьбы по дереву до вышивания рушников, как характеры и судьбы творцов — чистодеревщиков, кузнецов, ткачих, гончаров, камнерезов, — нельзя было сыскать, не пройдя обширное поле жизни и народно-художественной традиции, преломленной в быте. Скажу больше: на мое понимание, поле как бы растворено в самой его кровеносной системе, в его природной данности — те же размашистость, беспривязность, раскованность видны в слове и поступке» [159]. Перечислив заслуги Родионова на литературном и общественном поприще, Владимир Мефодьевич подводит итог: «Шестьдесят лет — возраст серьезный, никто не спорит. К счастью, он мало сказался на Александре Михайловиче Родионове, его творческий потенциал по-прежнему остается высоким, он не растерял энергии, полон планов и с молодым увлечением глядит в разные стороны» [159].

Владимир Мефодьевич не успевает довести до конца исследование о дорогах Алтая. Рукопись обрывается на предвоенных годах. Отодвинув свои дела в сторону, труд завершит Александр Родионов. Книга «Твои дороги, Алтай» выйдет в 2007-м.

Доверительные дружеские отношения складываются у Александра Родионова с Иваном Березюком. Директорствуя в Алтайском книжном издательстве с 1977-го по октябрь 1983-го, Березюк создает талантливый коллектив. Он приглашает на работу лучших оформителей книг — художников Владимира Раменского, Александра Дерявского, Татьяну Ашкинази, дизайнеров Игоря Азисова, Александра Кальмуцкого, дельных редакторов. Ему удается создать на производстве удивительно творческую атмосферу и поднять книгоиздательское дело на Алтае на невиданную высоту. Спустя годы Александр Михайлович напишет о нем: «...издательство возглавил тонко понимавший организм книги журналист Иван Березюк. Их сотрудничество (Березюка и Башунова — прим. Л. В.) по созданию алтайской книги привело к тому, что в Госкомиздате России перестали отличать алтайские книги от московских, а лучшие издания из Барнаула экспонировались на Международной выставке в Москве» [159].

Уезжая на ВЛК, Родионов оставляет рукопись «Колывани камнерезной» в издательстве, во главе которого стоит Березюк. Александр уверен: книга в надежных руках. Но через два месяца Ивана Ивановича снимут с должности за «аморальный облик». Он, выпускник московской партшколы, номенклатура ЦК, будет изгнан отовсюду — из КПСС и с работы. Личная история (любовь, развод, создание новой семьи) обернулась карательными мерами. Иван Березюк на какое-то время оказался в изоляции, не всякий готов был дружить с наказанным партией человеком. Родионов, кто бы сомневался, напротив, захаживает к Березюкам в гости. Иван Иванович едва ли не первым получит в подарок «Колывань камнерезную». Замечательный автограф оставляет автор на ее титуле: «Иван Иванович! Спасибо Вам за правду! С неизменным уважением Александр Родионов, т. е. Саша R. 20.09.1986». А в августе 1989-го Иван Березюк подписывает Александру свою книгу «Операция DR»: «Саше М. Родионову, общество которого мне всегда в праздник. Помню, как ты, не читая, энергично толкал мою рукопись. Спасибо». Бывшего детдомовца, блестяще образованного человека, великого книжника Березюка Родионов ценит и любит. Прислушивается к нему, старшему товарищу. Пристально следит за его полемикой со школьным словесником и автором интересных статей о современной литературе Георгием Карповым по поводу шукшинской сказки «До третьих петухов». В декабре 1990-го в пятом номере «Прямой речи» Иван Иванович публикует свои «заметки консерватора» под заголовком «Василий Шукшин как зеркало нашей конфронтации?» На годы вперед вывел формулу Иван Березюк.

То, о чем Березюк не мог написать в статье прямым текстом, в личном общении с Родионовым — на кухне за чаем — говорит открыто, без обиняков. Годы спустя, в 2002-м, выскажется о «Третьих петухах» и Родионов. В статье «Шукшин — русское полотно» он назовет сказку духовным завещанием Василия Макаровича, таким образом, поддержит точку зрения Ивана Березюка.

Именно Ивану Ивановичу читает Родионов первые черновые главы исторического повествования о Сибири времен Петра I. От вечерних чтоток вслух обоим польза и радость.

Березюк считает Родионова талантливым человеком, незаурядной личностью. Он одобряет его грандиозный литературный замысел, поддерживает писателя морально, в некотором смысле и благословляет на большой труд. Одно то, что первая книга романа — «Азь грешный» — посвящена «памяти книгоиздателя Ивана Березюка», о многом говорит. Интеллектуал и интеллигент Иван Иванович Березюк из тех редких людей, с кем Родионов любил гонять чай и беседовать, — чтобы не впустую, а со смысловым и духовным приращением. «Их общение — это ж был бурлящий котел. Разговоры, издательские прожекты, обсуждения, поиски смыслов чего-то и путей куда-то. Ну и вокруг книг и пишущей братии, разумеется. Было интересно и весело жить», — вспоминает Ирина Березюк.

«Наш мудрый друг, наш добрый советчик», — отзовется редколлегия «Прямой речи» на смерть Ивана Ивановича в октябре 1992 года. Некролог, несомненно, принадлежит перу Родионова, в редакции он ближе всех к Березюку.

Доверительные отношения связывали Александра Родионова и со священником Михаилом Капрановым. И тут не миновать вопроса о вере.

СИЛА СТРЕМЯЩАЯ

Родионов и Башунов встречают отца Михаила Капранова и его семью в барнаульском аэропорту 29 декабря 1988 года. «Он вошел в зал встречи прилетающих... Высокий и плотно сбитый, он был одет в крытый черным брезентом полушубок, добротные кирзовые сапоги, голову покрывала простая баранья шапка — все это выдавало в нем путника, готового к долгой дороге, — напишет Александр Михайлович девятнадцать лет спустя. — Я видел его впервые, но момент узнавания был краток, и виной тому его взгляд, располагающе добрый и побуждающий сделать шаг навстречу.

Произошло это после звонка днем раньше, когда Виктор Петрович Астафьев позвонил из Красноярска и сказал: «Ребята, к вам летит отец Михаил. Будет служить в Барнауле. Встречайте».

И как человек, готовый к многотрудному шествию по житейской стезе, Михаил Сергеевич Капранов без видимых усилий вошел в жизнь алтайского православного народа...» [74]

В Барнауле отец Михаил сразу становится фигурой заметной. Организованная им воскресная школа для взрослых бьет рекорды посещаемости. Огромные университетские аудитории-амфитеатры, где священник читает лекции, всегда переполнены. За партами мест не хватает. Вольнослушатели, среди которых есть писатели, художники, журналисты, учителя, врачи и даже партийные работники, сидят на ступенях и подоконниках. Прихожане храмов, сначала Знаменского, потом Никольского, в которых служит «новенький» священник, записывают его проповеди на диктофон (аудиокассеты сохранены и ждут оцифровки). «Православный мир барнаульский находил в словах воскресных проповедей созвучие мыслям и чувствам своим, согласовывая их с помощью настоятеля с волей Божьей», — скажет о самом известном священнике Алтайского края Александр Родионов [74].

В квартире Капрановых всегдалюдно, шумно, радостно. По выходным приходят Горны, Башуновы, Вторушины, Григорьевы, Хорошиловы, Анисифоровы. Частый и желанный гость — Вера Николаевна Ворсина, верная подруга детей и взрослых Капрановых. Они говорят о литературных «толстяках», о книжных новинках, ведут дискуссии на самые острые общественные темы, в частности, рассуждают, правомерна ли смертная казнь? Что-то вроде кружка.

Отец Михаил выступает радушным хозяином. Он мягок, деликатен, на религиозные темы не напирает. Позиции православия, духовные критерии обнаруживаются сами собой при обсуждении «второй русской литературы», хлынувшей в годы перестройки на страницы всех журналов СССР. Каждый день приносит открытия: Зайцев, Шмелёв, Ходасевич, Мережковский, Гиппиус, Алданов, Георгий Иванов, Адамович. Оживший Серебряный век, русское зарубежье. В разговорах всплывают имена философов — Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Семён Франк. Журнал «Новый мир» выписывают все капрановские гости, и потому речь заходит об Андрее Платонове и недавно вышедшем «Котловане», о «Докторе Живаго» Бориса

Пастернака, об «Архипелаге ГУЛАГ» Александра Солженицына. Особое время. Как шестидесятые годы отличает «стадионная» любовь к стихам, так конец восьмидесятых и начало девяностых — ажиотажное чтение литературных журналов, очереди за газетами в киосках «Союзпечати».

У Капрановых Родиононы бывают. Особенно поначалу, в первые годы. Позже Александр приходит один. Михаил Капранов — бывший диссидент, лагерник, семь лет скитавшийся по мордовским зонам; священник, спроваженный из Красноярска с формулировкой: «Плохо воздействует на писателя Астафьева». Столь неординарный человек Родионову, безусловно, интересен. К тому же Капранова и Родионова сближает тема старообрядчества. Александр Михайлович как раз в этот период основательно прорабатывает староверческий вопрос для будущего романа. Оказалось, предмет прекрасно знаком и отцу Михаилу — из книг, семейной истории. Дед его Дмитрий Иванович Капранов родился в селе Алфёрово Балахнинского уезда Нижегородской губернии, был кержаком, начетчиком, имел право совершать таинство.

Помимо писательского и человеческого интереса, гонят Родионова к отцу Михаилу боли душевные. Тревога ли, ситуации ли неразрешимые, вина? Порой дело доходит до сиюминутной — ночной — потребности говорить со священником.

Матушка Галина Капранова рассказывает:

— Из окна кухни вижу, как кодовую дверь нашего подъезда кто-то дергает, потом, упершись ногой в косяк, тянет на себя. Ломает, в общем. Я говорю дочери: «Таня, дай-ка картошку». И из форточки бросаю во взломщика. Кричу: «Мужчина, вы к кому идете?» — «Да к тебе, матушка, к тебе иду». По голосу узнала Родионова. Открыла. Он бегом наверх. Приходил с батюшкой поговорить иногда. Пели они вместе "Цыганка с картой, дорога дальняя..."».

Вести разговоры на сугубо личные темы (а тема веры принадлежит к таковым) Родионов предпочитает с глазу на глаз, в батюшкином кабинете, где все располагает к умиротворению и откровенности. Красный угол занят иконами, образа мягко подсвечены лампадой. Стены — от пола до потолка — заставлены книгами. Корешки выдают интерес их обладателя

к философии и богословию. Справа от иконостаса висят два портрета в рамах — философы Константин Леонтьев и Николай Данилевский. Литографии известного художника Юрия Селиверстова.

Что спрашивает Александр? Что отвечает отец Михаил?

Бог весть.

Тайна.

Почти за два года до появления в Барнауле священника Капранова Александр Родионов в статье «Разбудить человека в человеке» касается вопроса двоеверия славянских народов (русских, украинцев, белорусов). «Имея в доме икону, например, с иерусалимским сюжетом, новоявленные христиане набрасывали на нее ритуальное полотенце, на конце которого была вышита языческая святыня Мокошь — женская фигура с молитвенно воздетыми к небу руками, окруженная зверями и птицами, или полотенце, покрытое языческими земледельческими символами. <...> До самых недавних пор святой христианский и святыня языческая встречались в красных углах крестьянских домов. И никакими проклятиями с амвона за десять веков этого двоеверия изгнать не удалось. Язычество продолжало жить подспудно в свадебных обычаях, в земледельческих праздниках, даже в детских играх...» [26]

Симпатии Родионова к язычеству выражены вполне определенно. Думается, немало потолковали Михаил Сергеевич и Александр Михайлович насчет того, наша вера христианство или не наша? Родионов, нужно отметить, весьма подготовленный собеседник в теологических вопросах. Так заведено у него: капитально влезать в тему. Он сопрягает в своих работах язычество и христианство, говорит об их взаимовлиянии и трансформации. Вопрос останется для него актуальным буквально до конца жизни. «Так кого победил Георгий? — пишет Родионов на первой февральской неделе 2012 года. — Змия! А змий — он что? Змий — олицетворение языческой земной и небесной мудрости. Итак, уперлись. Где языческий предшественник Георгию? Кто он? Он не змий? Должен быть более конкретный герой...» [307, л. 142]

Формирование православной среды в Барнауле в 1990 годы во многом заслуга отца Михаила Капранова. Он весьма сильно влияет на окружающих. Судьбы людей, случается, совершают резкий поворот, их жизнь наполняется новым содержанием. Так, журналист заводской многотиражки Вера Ворсина станет первым редактором газеты Барнаульской епархии «Алтайская миссия» и поднимет издание, существующее и в наши дни, с нуля. Бывший парторг Алексей Хорошилов воцерковится. Юрист Георгий Титов и сотрудник музея Константин Метельницкий после воскресной школы отца Михаила уйдут из гражданских профессий и станут священниками.

Отец Михаил — священник, окормитель, пастырь — воспринимается Александром как лицо неординарное. Однако сан не заслоняет для Родионова человека. «Когда в одной барнаульской библиотеке отмечали пятилетие со дня кончины батюшки, после других вышел выступать Александр Михайлович Родионов, известный хитрец и кудесник. Он, в отличие от тонко настроенных прихожан с благодушными отзывами, казался разбойником, говорил, как всегда, остро (чего только стоит: «Отца Михаила осталось только елеем полить, так и совсем святым станет»)» [176].

И все-таки: воздействует ли отец Михаил на Родионова? По словам второй жены Родионова, Нины Ваниковны, Александр начинает собирать картины, видя перед собой пример Михаила Сергеевича Капранова, обладателя прекрасной художественной коллекции. И Родионов со временем обзаводится замечательными холстами и графическими листами. Но это, что называется, частности. Тем более что интересуется Александр искусством с молодых ногтей. А меняется ли Родионов, общаясь с батюшкой, по-крупному — мировоззренчески? Возьмем предположить, что тектонических сдвигов во внутреннем мире Родионова не происходит. По большому счету священнику не в чем убеждать свое духовное чадо. Родионов — давно христианин по умолчанию. Библия с ним с 1970 года. За двадцать лет много читано и думано: о христианстве и язычестве — «какого мы роду-племени»; об избранности, смирении и послушании; о кресте — в смысле тяжел крест да надо нести; о вере, что не в бревнах, а в ребрах. Неизбежно в жизни каждого

человека приходит момент, когда он вскрикнет: «Господи! Помоги». Родионов, выросший в атеистическом обществе, уже в самых ранних своих дневниках взывает к Господу: «Христе Боже, пошли слово...». В ту пору ему 23-24 года.

Вероучительную прививку Александр получает все же в семье. В детские его годы ненавязчиво, но каждодневно и естественно — к слову, к месту, к делу — упоминается Господь бабусей. Оттого знает Саша приметы, связанные с православными праздниками, отмечает в своих тетрадках и Крещение, и Петровки, и Троицу. Самые главные семейные события записывает в блокноты с привязкой к церковным праздникам: на Троицу пришла похоронка на деда. Именно так говорили бабуся и мама. Марфа Яковлевна и сына называет по святам Николаем и вообще веры праотцев придерживается, следуя мудрому правилу: не нами заведено — не нам отменять. Ивановцы и титовцы наказывали соседям, ехавшим по каким-либо делам в город: узнать точно, на какое число приходится Пасха. В Барнауле с 1943 года действовала Покровская церковь. Шурка, родившийся как раз на Пасху, не крещен в младенчестве попом, но бабуся, скорее всего, прочитала над ребеночком крестильную молитву. В советское время православная вера, потеряв видимую опору — храм, сохраняется в семьях — тайно, «шепотом». Ярче она проявляется во время христианских праздников: крашеными яйцами, печеными птичками, вербами, зелеными веточками. Из родительского дома в город Александр Михайлович заберет совсем немного вещей. Прежде всего, важна для него бабушкина икона. Он спросит разрешения у дяди-брата Николая и увезет семейную реликвию с собой. В родионовском доме на улице Пушкина образ всегда стоял на самом видном месте, среди книг.

Вслед за бабусей в течение всей своей жизни Александр Михайлович отслеживает православный календарь. И когда в воскресенье 12 июня 2011 года записывает он в новомодном, на спирали, узком планинге: «Троица!» [307, л. 101] — внутренний взгляд его, пробивая шесть десятилетий, обращен, конечно же, на родную бедную Ивановку, на бабуся в светлой горнице, на березовые околки в степи, где он, пацан, собирает веточки к празднику.

В студенческие годы Саша снимает комнату рядом с монастырем, и к этому соседству, как выясняется, весьма внимателен. «Мне довелось провести в Томске пять замечательных лет — студенчество! Жил я рядом с упраздненным Алексеевским монастырем, и по утрам меня будил негромкий звон колоколов церкви на Алтайской — за речкой Ушайкой» [14, с. 175]. В этих же местах будет жить его любимый герой, рудознатец Степан Костылев из романа «Князь-Раб». Только Степану повезет больше: в 1717 году монастырь действует и на день памяти Сорока мучеников, когда зима с весной местами меняется, печет жаворонков.

Занимаясь историей дореволюционной России, посещая музеи, бывая в древних храмах, листая старые книги, Александр Родионов невольно внимает иконам, запоминает молитвы — проникается культурой православия. Сначала в его картотеке прочитанных книг появится выписка: «Грабарь И. История русского искусства. 1913. Т. V с. 430 — о Симоне Ушакове и более ранних иконописцах» [254], а ближе к поездке в столицы он наметит список икон, которые необходимо увидеть.

В статье «Азбука молитвы» он приводит молитвенный акростих, замечая: азбучная молитва «известна мне по списку Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле» [14, с. 69]:

Аз тебе припадаю, милостиве.
Буря мя греховная потопляет.
В нощи и в дни мя сохрани,
Греховные ми волны утоли...

Интересно, что в тетрадку за 1973 год записывает Саша Родионов цитаты Ленина с указанием тома из собрания сочинений и страниц, а немногим позже один из блокнотов с тыльного оборота открывается переложением девяностого псалма (более известного в народе как молитва «Живые помочи»): «В помощь вышнего крова бога нашего водворится речь господня, заступника нашего, прибежище мое, бог мой, уповаю на тебя, яко ты, господи, избавь меня от сети ловчей, от словеси мятежного, защити меня крыльями своими...» [226, л. 47об]

А вот любопытный фрагмент из его письма к матери. Пишет из Москвы, с ВЛК, 7 апреля 1985 года:

«Здравствуй, мама!

В монастыре я был недавно с Горном и его женой, но до свечей дело не дошло. Для этого надо идти туда одному, чтобы все было несуетливо. Если не успею до отъезда, то сделаю это в Ленинграде или по возвращении.

О кресте на могиле бабушки я тоже думал. Надеялся сделать его в Кольвани, но поездки туда не вышло прошлым летом. Будет возможность — надо его отковать, т.к. каменный просто отломят ребятишки, долго он не продержится. Я потом попрошу это сделать — чертеж нарисую» [318].

О прогулке по территории Донского монастыря и его некрополю, который с XVII века становится местом упокоения знаменитых людей, в том числе лиц царской фамилии, хорошо помнит Галина Алексеевна Горн. «Саша нас удивил тогда, — говорит она. — Он провел самую настоящую экскурсию. Он все знал в этом Донском монастыре, все исторические могилы, и о каждом покоевшемся что-то рассказывал». Александр подводит Виктора и Галину Горнов к могилам философа Петра Чаадаева, поэтов Хераскова и Сумарокова, писателя Одоевского, историка Василия Ключевского, к некрополю Пушкиных, где похоронены бабушка, дядя, тетки великого поэта и его дочь. Родионов не мог миновать литературный погост.

В 1985-м Донской монастырь еще не восстановлен, но на его территории действует небольшая церковь. И судя по обыденному тону, каким говорит Александр в письме к матери о монастыре и свечах, он не новичок в храме. И нет ничего удивительного в том, что матушка, известный в Егорьевском районе коммунист, припадает к вере. Татьяна Родионова жила вместе с дедом и бабушкой, а они и крещены, и венчаны.

К вере Родионова подталкивают бабусины наказания, а укрепляют в ней размышления над книгами и встречами в пути. «Читать-то читать. А думать когда?» — есть такая фраза в его тетрадях.

Владимир Башунов скажет в 2003-м в статье «Видения на холме»: «Наши глаза назад смотрели недалеко. Границы памяти проходили по Гражданской войне. Дальше была чужая территория». Родионов, в силу особенности своего литературного труда, работая с архивными документами начала XVIII века, namного

раньше других приходит к мысли о том, что единая история страны рассечена искусственно. Эту простую, в общем-то, мысль помогают осознать и преподаватели ВЛК. Семен Иванович Шуртаков в письме к Александру, помимо того, что разбирает «Чистодеревщиков», пишет: «...Начались мы не 50 или 100 лет назад, а гораздо раньше. <...> Это мы сами себе внушили, что таланты раньше поголовно пропадали. А не пора ли спросить себя: вот уже скоро чуть не сто лет таланты у нас расцветают, но можем мы сказать, что в литературе и искусстве мы превзошли XIX век, когда с талантами то и делали, что губили?»

Приняв как свою историю дореволюционной России, Родионов принимает и веру предков.

Отец Михаил Капранов не первый священник в жизни Александра Михайловича. С большой вероятностью Родионов мог иметь знакомство с батюшками в годы московского жителя-бытия и даже еще раньше, в 1970 годы. Александр Родионов, набирая материал о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, камнерезах, устремляется чаще всего в те места, где есть церкви. Будучи в 1971 году во Львове, запишет: «17 апреля. Ночью на крестный ход. Толпа поклонников праздничных шествий. Цыгане приехали на «Победе». В католической церкви песни постройней, чем в маленькой русской, где поп бегал трижды в ночь вокруг храма и одинаково радостно восклицал: "Христос Воскрес!"» [228, л. 40об]. На соседней странице: «Русская церковь. Часовня трех святителей. Христос Воскрес в апсиде церкви неоновыми буквами». «В каждом селении церква» [228, л. 45], — сравнивает он Львовщину с Сибирью.

В архиве Родионова хранятся письма от тобольского протоиерея Александра Пивоварова. Послания датированы 1988–1990 годами. «Божие благословение да пребывает с Вами, — пишет отец Александр писателю из Барнаула. — Всегда поминаю Вас у мощей святителя Иоанна. Приглашаю в Тобольск, прошу Ваших святых молитв» [213, л. 108].

Логично предположить, что крестил Александра Родионова отец Михаил. Многие барнаульцы крестились у него в девятые годы. Однако никто не смог подтвердить этого факта:

ни архитектор Петр Анисифоров, ни староста Николы Павел Петров, ни отец Константин Метельницкий. Зато помнит отчете, как осенью 1989-го он и Родионов ждали телевизионную группу на площади Спартака, чтобы встать на защиту храма Димитрия Ростовского. Родионов упоминает об этом эпизоде в своих публикациях: «Церковь Димитрия Ростовского решением горисполкома от 21.08.89 передана на баланс коммерческого объединения «Искра». В храме намечается торговля. Всего на Алтае закрыто и уничтожено более трехсот церквей» [14, с. 59-60].

Удивительно, что при всей открытости Александра Михайловича даже близкие люди не смогли сказать, в каком именно году надел он крестик? В 1980-м, когда ходил с женой вокруг бывшей егорьевской церкви? В 1985-м, когда ставил свечи в Донском монастыре? Косвенным указанием на 1991-й год можно было бы считать его материалы на религиозную тему в газете «Прямая речь». Так или иначе, но информация не лежит на поверхности, что лишний раз подтверждает сокровенность, интимность вопросов веры для Родионова.

В 1991-м впервые за всю историю РПЦ в Барнаул (и в Сибирь вообще) приезжает Патриарх Алексей II. «Впервые и добровольно», — улыбаясь уточнит для прессы Святейший Владыка. Эпизод памятный, не рядовой. Александр Михайлович расскажет о нем: «Патриарха в Барнауле встречали достойно: и камень закладной нового храма во имя первого русского Святого — Александра Невского — он освятил, и ключи от Никольского храма принял, и обед в честь высокого гостя Алтайское благочиние устроило щедрый.

На том обеде протоиерей Войтович попросил меня сказать приветственное слово от писателей. Хорошо, что заранее он это предложил — дрожь в коленках прошла — в кои-то веки пред очи патриарха всяя Руси предстать!

После приветствия полагалось, опять же по протоколу, подойти и чокнуться с патриархом тем бокалом, с которым вышел к микрофону. И когда я глянул в голубые глаза Его Высокопреосвященства и увидел в них ответный благой свет на мои слова о роли воинов-сибиряков в защите Отечества, то я еще и услышал от него негромкое:

— Верно сказано.

И по сей день я пребываю под обаянием той высокой встречи» [14, с. 461].

При внимательном чтении произведений Родионова вдруг оказывается, что к теме веры, православия он обращается довольно часто. Более того, он говорит как человек, давно принявший таинство крещения. Показательна родионовская реплика в интервью Валерию Тихонову в ноябре 1993-го: «Меня смущают те люди, которые вдруг заговорили — вдруг! заговорили! — о религии. Нет ли в этом обилии очередного стадного состояния? Православие не обольщает. Оно говорит о трудной работе прежде всего над самим собой. Никаких красот и легкостей ожидать нельзя» [133].

В статье памяти Владимира Башунова Родионов пишет о том, что будущий исследователь творчества поэта «не минует уверенности Н. В. Гоголя, что в русском человеке, если он христианин, неистребимо присутствует сила стремящая! Не будь этой силы стремящей христианской во Владимире Башунове, он вряд ли смог бы написать одно из лучших своих стихотворений "Молитва Сергия"». Стихотворение посвящено отцу Михаилу Капанову:

1.

В колодезный сруб, как в затмившийся век, заглянуть,
в прохладную темень и глубь, и в зеркальном квадрате
увидеть свое отраженье средь пешая рати
Димитрия — русские двинулись в путь

к Непрядве. Кликуши и вороны, кыш!
Кольчужка дырява, но я не сробею в той битве.
И ангелы реют, и Сергей стоит на молитве,
шепнувши пред этим Димитрию: «Сим победишь!»

2.

В затмившийся век, как в колодезный сруб, опусти
рассеянный взгляд и ленивую мысль — хоть от скуки.
Ты видишь ли Сергия? Слышишь ли стоны? И стуки
щитов или копий? Не видишь? Не слышишь? Прости.

Как все обернулось! Гуляет презрительный шиш.
И жизнь не кончается? Странно... И все не в утрате?
Чу! Сходятся снова две веры, две воли, две рати ...
Но Сергей стоит на молитве — и сим победишь!

Указывая на башуновскую силу стремящую, Родионов связывает воедино веру христианскую и творческую состоятельность. И более того: Родионов понимает веру в Бога как долг русского писателя. Прямое высказывание об этом содержится в интервью 2011 года.

Сергей Тепляков спрашивает писателя: «Почему народ не ждет ничего от писателя, почему он правды в книжках не ищет?» Александр Родионов отвечает: «Система ценностей в мозги внедрена другая. Кромешное разрушение душевного состояния человека — весь постмодернизм стоит на этом. Фэнтези сбили мушку читательского восприятия. Да, легко читается, но про что? Это просто буквы, не ставящие перед человеком важных вопросов. Серьезная проза пролетает мимо. Литература сейчас уничтожает в человеке человека. (Поставьте в параллель написанную двадцать три года назад его статью «Разбудить человека в человеке» — Л. В.) В России сильно помогает этому атеизм. Важно, чтобы писатель был верующим. Самая духоподъемная литература — XIX век — без веры невозможна. А сегодня в литературе нет разговора о созидательной роли души» [169].

Родионов — верующий человек. С ним — Библия, Псалтирь и бабусина икона. Верующий и не воцерковленный. Он не ходит в церковь каждое воскресенье, не стоит на литургиях. И, по словам отца Константина Метельницкого, церковное начальство не жалуется.

После многочисленных расспросов о крещении Александра Михайловича, случился, наконец, у меня разговор с его старшей дочерью Вероникой. Точного ответа о крещении отца у нее нет, но зато вот что она помнит: «Я была в третьем или четвертом классе тогда. Родители разговаривали, и я вдруг увидела и запомнила, что у папы на груди крестик». Третий-четвертый класс Вероники — это 1976-1977 год.

Родионов мог креститься в любой из своих поездок: в Ленинграде, Москве, Свердловске, Ярославле. И, видимо, произошло

это в начале — середине семидесятых. В те годы всякая религия была в моде, не только православие. Особенно почетным считался буддизм. Но в случае с Родионовым речь не о моде, а именно о вере, о глубоком личном переживании. Неслучайно эта сторона его души оказалась сокрыта даже от близких людей. Родионов, подобно его герою Степану Костылеву, рудознатцу и старообрядцу из романа «Князь-Раб», «вынужден был жить одинокодушевно, и веру свою носил в себе» [12, т. 2, с. 47].

ДЕМИДОВСКИЙ ФОНД: КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

21 августа 1991 года Родионов создает алтайский Демидовский фонд. Новый проект существует под девизом промышленников Демидовых: «Дела, а не слова». Цель — поддержка культуры и искусства, возрождение меценатской деятельности.

Как ни странно, Родионова как родоначальника демидовского проекта пытаются затереть и забыть. Кто-то высказывает мнение, что идея организации Демидовского фонда принадлежит Александру Чистопашину. Другие намеренно расплывчато рассказывают о старте проекта, утверждая, что делали все вместе. Третьим удается, говоря о фонде, вовсе обойтись без имени Родионова. Так, на сайте «Демидовский фонд» Александр Михайлович как создатель беспрецедентной общественной организации не упоминается. К счастью, есть и четвертые. И вот они-то, кому кухня фонда была известна изнутри (Валентина Петровна Кладова, Валентина Христиановна Смирнова, Сергей Алексеевич Боженко), настаивают: инициатором, идейным вдохновителем и организатором Алтайского центра «Демидовский фонд» является Александр Михайлович Родионов. Но коль скоро есть разночтения, об истории возникновения проекта придется говорить подробно, опираясь на документы, свидетельства очевидцев и собственные впечатления. Благо, мое знакомство с писателем состоялось весной 1994 года. Подготовку к Демидовским торжествам удалось наблюдать воочию, а порой и помогать президенту фонда в разных мелочах.

Подготовительная работа по созданию некоммерческой организации Международный Демидовский фонд (МДФ) началась в 1989 году. Что интересно, идею подают итальянцы, в частности вице-мэр Флоренции Джанни Конти. Инициативу подхватывают в Москве и на Урале — культурные, промышленные и предпринимательские структуры. Деятельность строится в контексте модной в то время концепции «общеевропейского дома», развивающей предложения Михаила Горбачева о «домах европейской цивилизации». МДФ рассчитывает объединить все территории, связанные с именем Демидовых.

А что в тот момент происходит на Алтае? Александр Михайлович рассказал об этом в статье «Как все начиналось». Четкий заголовок не оставляет места домыслам и спорам. «Все началось в 90-е годы, — пишет Родионов. — Мысль о фонде появилась, когда был разворован Заречинский рудник в Змеиногорске, остановилась Рубцовская шахта... Именно в ту пору всплыла демидовская тема, которая начала изучаться как русскими, так и зарубежными учеными. Как-то Саша Чистопашин (наш земляк, первый директор Музея имени Рериха Санкт-Петербурга) принес мне публикацию, где Роза Отумбаева рассказывала о двух проектах: «Демидовский фонд» и «Шелковый путь». Мы это горячо обсуждали и вскоре выехали на Урал, где тоже нашлись сторонники этого движения. На Урале с первого заплыва не получилось Демидовский фонд организовать, но уже в 1991 году все серьезно зашевелилось. Ведущим человеком, который все определял, был знаменитый ученый Геннадий Месяц, который сейчас возглавляет международный Демидовский фонд. Большие Демидовские премии сегодня присуждаются в области фундаментальных наук. Но когда мы у себя открывали алтайский центр «Демидовский фонд», решили, что у нас премии будут вручаться в гуманитарной сфере в номинациях: «Литература», «История», «Музыка», «Архитектура», «Живопись» [96].

Итак, Александр Чистопашин принес газету, в которой говорилось о Демидовском фонде. Но еще до выхода этой публикации Родионова зовут в столичные круги писателей, историков, музейщиков, кинематографистов как знатока истории Сибири и родословной известных заводчиков Демидовых. Летом

1989-го, в то самое время, когда только-только начинается работа по созданию Международного Демидовского фонда, Александра Михайловича приглашают на съемки документального пятичастного фильма о Демидовых. Родионова воспринимают как эксперта.

После неудачной поездки на Урал в 1990 году Родионов принимает еще одну — в конце марта 1991-го. В этот раз он едет в Свердловск вместе с директором змеиногорского музея Валентиной Смирновой, архивистом и краеведом Василием Гришаевым и бывшим начальником управления культуры Анной Добриковой. Алтайская делегация принимает участие в научно-практическом семинаре «Музейные фонды как источник по истории предпринимательства». Вот теперь Свердловская ассоциация «Демидовский фонд» создана и действует. Организация фигурирует в документах, да и семинар проходит с ее подачи. Это и есть самое начало: робкое объединение музейщиков Урала и делегации Алтайского края, единственной иногородней. Документ, созданный по итогам встречи, получает название «Решение научно-практического семинара «Музейные фонды как источник по истории предпринимательства»». По сути своей это соглашение о сотрудничестве музеев и территорий, объединенных именем Демидовых: Тула, Свердловск, Нижний Тагил, Алтайский край. Для понимания же истоков Алтайского центра «Демидовский фонд» важен четвертый пункт «Решения», вот он: «Для укрепления связей между музейными работниками, краеведами и исследователями разных регионов, а также с целью эффективной координации общих усилий по реализации исторической программы «Демидовского фонда» одобрить и признать необходимой организацию Алтайского отделения Свердловской ассоциации "Демидовский фонд"» [280, л. 7]. Это записано 27 марта 1991 года. Через пять месяцев Александр Михайлович Родионов откроет отделение Демидовского фонда на Алтае.

Архивные документы, связанные с его учреждением и организацией, не подтверждают версии главенства в демидовском проекте Александра Чистопашина. Я обнаружила только два письма, связанных с делами Демидовского фонда (одно из них адресовано президенту ассоциации российских клубов

ЮНЕСКО, датировано 4 апреля 1991 года), за подписями директора КИА АЗИЯ А. Н. Чистопашина и руководителя программы «Народные ремесла» А. М. Родионова (интересно подписался Александр Михайлович). Десятки других писем имеют только родионовский автограф, привязанный к должности «исполнительный директор Алтайского центра "Демидовский фонд"».

Родионов и Чистопашин сошлись на краткий период. На чем? Родионов — писатель, исследователь истории Сибири XVIII века, которая и начинается с имени Акинфия Демидова. Чистопашин — предприниматель, у него уже зарегистрировано дело. Родионов хочет создать Демидовский фонд, но для этого нужны хотя бы минимальные стартовые деньги. Их нет у писателя. А у предпринимателя есть. К тому же проект и его возможный коммерческий поворот кажутся Чистопашину интересными. Скорее всего, на заработок с помощью фонда надеются оба. К 1991 году писатели остались без средств к существованию, ни авансов на книги, ни гонораров. Нужно было учиться жить по-другому.

В письме к президенту российских клубов ЮНЕСКО есть формулировка: «Осуществление алтайской ветви проекта [Демидовского фонда] могло бы взять на себя культурно-историческое объединение «Азия»». Видимо, такой вариант ЮНЕСКО не устраивает. Нужна самостоятельная структура, название которой четко соотносилось бы с Международным Демидовским фондом. В 1991-1992 годах Родионов и Чистопашин оказались полезны друг другу. Они попробовали поставить на коммерческие рельсы народные ремесла (неслучайно Родионов подписывается как руководитель ремесленных программ). Есть тому подтверждение в газете «Прямая речь» от 17 сентября 1992 года. Короткое сообщение под заголовком «Звон коклюшек на ухабах инфляции» зазывает на плетение вологодского кружева: «...обучение мастерству кружевниц происходит и днем, и вечером по адресу: переулок Радищева, д. 67 (тел. 235931) в мастерской Товарищества «Промысел». Всего за две тысячи и всего за пять месяцев можно получить профессию, которая вам позволит уцелеть на ухабах инфляции и найти достойный заработок». Частный дом в переулке Радищева к тому времени является офисом Демидовского фонда, его выделила городская администрация,

но пользоваться этим помещением удастся недолго. Штаб-квартира Алтайского Демидовского фонда де факто обоснуется в доме Родионова на улице Пушкина. Коклюшки же — наивная попытка заработать деньги. Легко говорить о бесперспективности кружевного предприятия из 2020 года. А тогда, в девяностые, люди, оставшиеся без средств к существованию, брались за все, за любое дело, пытались превратить его в бизнес. Кому-то везло. Но не Родионову. Не заточен он под доходное дело. Иной человек. Писатель. Пассионарий.

За поддержкой своей инициативы по созданию Демидовского фонда Родионов обращается в первую очередь к друзьям и коллегам, поскольку хорошо понимает: фонтанировать идеями — это одно, а для того чтобы воплощать их в жизнь, нужна юридическая платформа. В списке инициаторов создания фонда 16 фамилий. Назову те, напротив которых есть подписи: архитектор Петр Анисифоров, историк Вадим Бородаев, поэт Владимир Башунов, краевед Василий Гришаев, директор архива Нина Данелия, историк Юрий Кирюшин, библиотекарь Валентина Кладова, Александр Курдюмов, сотрудник музея Константин Метельницкий, журналист Юрий Павлов, Анатолий Прусаков, Александр Родионов, преподаватель Людмила Фатеева, предприниматель Александр Чистопашин [280, л. 5].

Фонду, кроме того, нужен попечительский совет, люди с деньгами, которые могли бы поддерживать гуманитарную деятельность материально. Нашлись и они, в архивных документах значатся четырнадцать предприятий. Четвертого октября 1991 года Демидовский фонд получает юридический статус, а уже 5 октября мэр Барнаула Владимир Николаевич Баварин, поддержкой которого Родионов, видимо, заручился заранее, получает письмо от директора Алтайского центра «Демидовский фонд» Родионова.

«Уважаемый Владимир Николаевич!

В свое время Вы подтвердили согласие способствовать деятельности учреждаемого в Барнауле Демидовского фонда.

Сообщаю Вам, что 4 октября с.г. Демидовский фонд получил юридический статус — фонд зарегистрирован отделом

юстиции крайисполкома. В связи с этим прошу выделить новой общественной организации или небольшое здание, или часть такового в центральной (исторической) зоне города. Помещение необходимо для выполнения уставных целей и задач фонда.

В дальнейшем Алтайский центр «Демидовский фонд» предполагает с помощью меценатов построить Демидовский центр, где можно будет комплексно разместить клуб предпринимателей и меценатов, гостиницу, мастерские народных промыслов, выставочный зал, книжную лавку, библиотеку и видеотеку фонда и другие структурные подразделения. Просим Вас рассмотреть вопрос об отводе земельного участка под строительство Демидовского центра» [280, л. 22].

Неслабый замах. По сегодняшним меркам, фантастический. Земельный участок, строительство центра в центре. И все всерьез, увлеченно и с расчетом на результат. В мае 1992-го Родионов сообщает мэру: «...в творческой мастерской Анисифорова П. И. разработан эскизный проект Демидовского Центра в г. Барнауле» [280, л. 8]. Родионов явно полагает, что планы осуществимы. В своих замыслах он опирается на собственный опыт строительства землянок в геологических партиях (это занимало 2-3 дня); на деревенскую практику помочей, когда поднимали мужики дома в родной Егорьевке за лето, а также на «передовые достижения» комсомольскихстроек, где многоэтажное общежитие, если вспомнить томского друга, инициатора ударной комсомольской стройки Валерку Жестова, вырастало за 100 дней. Кроме того, Родионову известна дореволюционная деятельность земляков — кооператоров и купцов-меценатов. Аггею Антонову из Старой Барды, материал о котором сдал в двухтомник «Алтай: корни и крона» Евгений Скрипин, удалось возвести сельскую электростанцию, дом культуры, а в нем организовать библиотеку, духовой оркестр, театр — и это в 1912-1914 годах. Не для себя старался наделенный от природы предприимчивой жилкой Аггей. Для народа. И Родионов, по-крестьянски энергичный и деловой, идет в том же направлении.

С начала октября по декабрь 1991 года Родионов напишет несколько десятков писем. У губернатора Райфикешта он просит под Демидовский фонд «часть помещения в здании

бывшего краевого суда (ул. Л. Толстого, 2)» [280, л. 25]. У директора Камнерезной фабрики Пчелинцева — памятные знаки в количестве 75 штук на презентацию «ДФ», которая состоится в середине декабря 1991 года и пройдет с «участием всех учредителей-вкладчиков и представителей Международного Демидовского фонда при комиссии по делам ЮНЕСКО МИД СССР». И к слову: «Поскольку ДФ еще не имеет достаточных средств, то нельзя ли это оформить как материальный вклад в дело становления Демидовского движения на Алтае?» [280, л. 26] Генеральному директору товарищества ЭКЮ Коренному предлагает «поддержать основную идею Демидовского фонда — сочетание предпринимательства и меценатства» и перечислить на указанный счет 10 тысяч рублей на лицензионный сбор для издательской деятельности фонда. Кроме того, письма направлены в «Алтайлес» «главному лесничему Я.Н. Ишутину». У него Александр Михайлович просит 100 кубов лиственной древесины для предприятия «Промысел», читай для Александра Чистопашина, перерегистрировавшего КИА «Азия» с другим названием. В Алтайспецремдорстрой направляет просьбу продать бывший в употреблении электрогидравлический молот. Зачем Родионову молот? Понятно, что снова не о себе хлопочет.

На фоне крайней нестабильности в стране Родионов демонстрирует отменный предпринимательский напор. Уже вошли в историю мартовский антиправительственный митинг на Манежной площади в Москве, на который пришли сотни тысяч человек. Уже пережиты события 18-21 августа, так называемый августовский путч ГКЧП. И заметьте: день создания Алтайского Демидовского фонда пришелся именно на 21 августа. Шаткость и сомнительность политической ситуации в стране мешает личным рабочим планам Родионова. Зато всеобщая взбудораженность и тревожность упрощают процесс сбора подписей для учреждения фонда — люди старались держаться вместе. С 8 декабря начинается распад СССР, в конце декабря 1991 года сверхдержава рухнет. А как же презентация Алтайского Демидовского фонда и выборы его президента, запланированные на декабрь?!

Жуткие, непонятные времена. Не понимает всей катастрофичности происходящего и Родионов. До поры не видится

никакой проблемы в том, что родина жены оказалась за границей — понимание придет позже. А пока, со середины 1992-го, снова письма, их снова десятки, и в каждом — по идее. Читая иные послания Родионова, невольно подумаешь, что в нем погиб великий комбинатор. В своей безудержной деятельности по запуску фонда (к слову, Алтайский центр ДФ получил юридический статус на год раньше свердловского) Александр Михайлович чем-то напоминает «идейного борца за денежные знаки» Остапа Бендера, знавшего «четыреста сравнительно честных способов отъема (увода) денег». Правда, печется Родионов не столько о себе, сколько о новых культурных проектах.

Писательская изобретательность достигнет своего «апофея» в красивой идее о донативном рубле. «Предлагаю администрации города совместно с алтайским Демидовским фондом выпустить донативный серебряный рубль с демидовской символикой, — пишет Родионов мэру Баварину. — Мотивы следующие: первый российский рубль из отечественного серебра был отчеканен из алтайского серебра, открытого А. Н. Демидовым. Донативный рубль не является средством платежа, но будет пользоваться спросом у коллекционеров мира. Право на чеканку рубля с демидовской символикой и его реализацию должны иметь две стороны: городская администрация и Демидовский фонд. При благожелательном рассмотрении вопроса фонд может представить администрации эскизы и модель донативного рубля, а также продолжить обсуждение подробностей, связанных с получением права на чеканку донативной монеты» [280, л. 10].

Представляется, что мэр Барнаула Владимир Николаевич Баварин, человек многоопытный и решительный, хотя бы на мгновение, но прикинул шансы этого серебряного рубля. Время располагало к проектам. В письме к Баварину через год — июнь 1993-го — Родионов отмечает, что скульптор Михаил Кульгачев уже разработал оригинал донативной демидовской медали (на рубль власть не решилась-таки, медаль привычнее) и теперь готов приступить к работе над памятником Акинфию Демидову. «И самое главное, найдена платежеспособная фирма, изъявившая готовность профинансировать весь комплекс работ: от проекта до установки готового монумента,

который берется отлить Каслинский завод» [280, л. 58]. Потрясающе! Непонятно, почему в Барнауле до сих пор нет памятника Демидову.

Был еще один проект — Демидовский зал. Замысел весьма и весьма дорогой, но, кажется, выполнимый, поскольку на него существовала самая настоящая смета, которая к тому же корректировалась. С этой разработкой Александр Михайлович обращается к Владимиру Павловичу Гришину, генеральному директору акционерного общества «Импульс ЛТД К». В наши дни этот бюджет интересен как документ эпохи и как индикатор родионовского размаха.

«Смета
расходов по созданию Демидовского зала
в Торговом доме АВ (в ценах декабря 1992 г.)

I часть

1. Разработка концепции Демидовского зала по историко-архивным данным. Создание литературного сценария для дизайна 0,2 млн. руб.
 2. Разработка и изготовление объемного макета масштабе 1: 20..... 0,3 млн. руб.
 3. Сбор материала и написание кратких биографий горных деятелей Алтая, включая XVIII, XIX и XX века..... 0,1 млн. руб.
 4. Поиск иконографического материала по всем персонажам (список предоставлен) в архивах и музеях Тулы, Петербурга, Нижнего Тагила, Москвы и Екатеринбурга 0,2 млн. руб.
 5. Подготовка пояснительных текстов для экспозиции 0,05 млн. руб.
 6. Архивные изыскания с целью составления реестра первооткрывателей месторождений полезных ископаемых на Алтае за 1718-1990 годы..... 0,1 млн. руб.»
- [280, л. 28].

Подготовительные работы, предусмотренные первой частью, потянули почти на миллион рублей. В общем-то, это скромно по курсу 1992 года. А вот обстановка Демидовского центра — это уж, конечно, царский дворец.

- «1. Живописные портреты (размер 60 X 80) 0,8 млн. руб.
2. Рамы (багет) 0,1 млн. руб.
3. Эскизы ваз, столов и камина из камня 0,3 млн. руб.
4. Вазы из яшм и порфиров (4 шт.)..... 1,5 млн. руб.
5. Столы мозаичные из камня (2 шт) 1,6 млн. руб.
6. Камин из алтайских камней с мозаичными вставками 1,6 млн. руб.
7. Пьедесталы к вазам (4 шт)..... 0,5 млн. руб.

8. Макеты машин Ползунова и Фролова.....	1,2 млн. руб.
9. Скульптурный портрет Демидова с пьедесталом	1, 5 млн. руб.
10. Светильники (мастерская Менгалеева)	0,5 млн. руб.
11. Мебель (несерийного производства).....	2,0 млн. руб.
12. Керамические изделия.....	0,5 млн. руб.»

[280, л. 28].

Вторая часть требует 12,1 миллиона рублей, а весь Демидовский зал — 21 миллион 144 тысячи. Ай да Родионов! Все при нем: предприимчивость, амбиции, авантюризм и детская наивность. Или игра в наивность? В его дневнике (ноябрь 1972 года) есть интересная запись: «А вообще наивность до того гибка, что обходит все трудности, противоречия очень тонкой плавной линией» [218, л. 35]. И линия действительно плавно выйдет на результат.

22 апреля 1993 года Родионов пишет в Мюнхен Владимиру Колбасьеву, потомку русских эмигрантов, гостившему на Алтае летом 1992-го: «Начали формировать Галерею горных деятелей Алтая — это более тридцати живописных портретов, начиная с Ак. Демидова. Она разместится в деловом центре «Уралинвеста» в старой части Барнаула. Это и будет нашим Демидовским центром. Открытие намечается на начало 94-го года. На днях еду в Кольвань, чтобы оформить заказ на каменный стол, камин и несколько ваз — все для галереи» [280, л. 53].

Выступление писателя на страницах газеты «Молодежь Алтая» в июле 1993 года уточняет видение проекта. «В этой галерее будут представлены начальники горного округа, ученые, геологи, инженеры — люди, которые внесли большой вклад в развитие Алтая. Начнется галерея, естественно, с портрета Акинфия Демидова, который основал на алтайских серебряных рудниках первые заводы в 30-х годах восемнадцатого века. <...> Затем бригадир Андрей Беэр, он освоил несколько новых рудников, немало сделал для Алтая, здесь и умер. После него из Петербурга прибыл генерал Порошин, без покровительства которого Ползунов не смог бы построить свою машину. При Порошине никто не выплавлял золота больше, чем наш округ — до 1000 пудов в год. Порошин собрал смышленную местную молодежь и послал учиться в Петербург горному делу. Потом округом командовал мадьяр Гавриил Качка, тоже заметная личность

в европейском горном деле. Следующий начальник — Василий Чулков, один из тех, кого Порошин посылал учиться. Чулков основал завод медеплавильный в Локте. Петр Шангин, видный горный инженер, открыл месторождение цветных камней. Его портрета у нас нет, но в память о нем будет изготовлена ваза. Будут у нас в галерее портреты инженеров Ковалевского, Спасского, известного в России еще и тем, что в Петербурге он основал журнал «Сибирский вестник». Многие горняки были очень образованными людьми, они были больше чем горные работники. Например, Фролов-сын был большим знатоком древних рукописей, его коллекцию купила царская библиотека. Он же основал первый в Сибири Барнаульский музей. Из современников наших особо отметим инженера Вениамина Чекалина, который работал экспертом по полиметаллам в ООН, теперь работает в Мозамбике. Геолог Ходырев открыл Корбалихинское месторождение полиметаллов. Создают галерею алтайские художники. Финансирует дело фонд «Уралинвест». Мы были и в управлении культуры, мы пытались попасть в федеральную программу по культуре, но для этого нужна «мохнатая лапа». А помогли нам предприниматели. Они дают деньги и на оплату картин, и на архивные изыскания, и на само помещение галереи. Разместится она в достраиваемом нынче ЦУМе на Красноармейском проспекте и будет называться "Демидовский зал"» [39].

Жизнь скорректирует громадьё планов. Демидовский зал не случится. А портретная галерея горных деятелей Алтая, здание которой с ноября 1992 года финансирует предприниматель Владимир Гришин, как известно, стала общественным достоянием. Ее можно увидеть в барнаульском музее «Город».

РУССКАЯ ЛОГИКА

Страна рушится — Родионов созидает. Все возможности и силы «в кучу сволакивает». Девяностые годы прошли в Барнауле под знаком Демидовских премий и балов, организованных им.

Первая информация о торжественной церемонии вручения Демидовских премий появляется в местных СМИ в конце 1993 года. Публикации доводят до сведения, что премии будут вручаться ежегодно 16 февраля по старому стилю, поскольку «именно в этот день в 1726 году берг-коллегией (орган руководства горнорудной промышленностью в России, учрежденный по инициативе Петра I — Л. В.) было разрешено Демидовым строительство заводов на Алтае». От работ претендентов требуются «новизна! первородность! высокохудожественность!» — сообщается в шестом номере журнала «Алтай» за 1993 год. Самой привлекательной кажется строчка: «Число и круг соискателей не ограничиваются: лауреатами Гуманитарной премии Демидовского фонда могут стать как члены творческих союзов, так и не состоящие в союзах соискатели».

Премиальной церемонии в Доме архитекторов предшествует выставка, представляющая творческие работы соискателей. Стены в фойе плотно завешаны картинами. На столах лежат книги, вперемешку — художественные и научные, исторические монографии и чертежные планшеты. Афиша, выполненная от руки зеленой и красной тушью на обычном листе ватмана, зазывает: «Дом архитектора. 20.01. 1994-27.02. 1994. Первая в Сибири выставка работ соискателей гуманитарной премии Демидовского фонда: архитектура, история, литература, искусство».

В день торжества 27 февраля 1994 года в Дом архитекторов пришли не меньше восьмидесяти человек. Было тесно, весело, необычно. Сценарная группа, в которой главными выдумщиками числятся все те же Родионов и Анисифоров, одолжит в краеведческом музее небольшой колокол, чтобы в момент вручения награды, памятно ударить звонкой медью. Предприниматель Владимир Гришин, финансирующий все четыре премии, доставит на праздник несколько ящичков шампанского. По задумке Родионова искрящийся напиток лауреаты должны выпить из кубка, сделанного из ревневской яшмы на Кольванском камнерезном заводе. Победителям вручаются памятные медальоны с портретом Акинфия Демидова, выполненным художником Василием Рублёвым. Работая над заказом, Василий Федорович уже сильно болел. Последние силы вкладывает он в этот привет друзьям.

Под рубрикой «Впервые!» и заголовком «Сам Демидов бы руку пожал...» оглашает имена лауреатов заметка в «Алтайской правде». В номинации «Архитектура» обладателями премии стали архитектор Петр Анисифоров и историк Алексей Сергеев за проект реконструкции Змеиногорского рудного комплекса XVIII-XIX веков. «История»: краевед Василий Фёдорович Гришаев за серию статей «Галерея горных деятелей». Первый по разделу «Литература» — Евгений Гущин с романом «Ведьмин круг». В номинации «Изобразительное искусство» чествуют геолога Вениамина Чекалина и художника Владимира Раменского за графический лист «Родословное древо Демидовых». «Средства на основные премии (1 миллион рублей по каждому разделу) выделили фирмы «Импульс» и «Уралинвест» (в обеих руководитель Владимир Гришин — Л. В.). А фирма «Лейдер» учредила свой специальный приз — за дерзость. Его получил фотохудожник А. Провоторов», — уточняет газета [86].

Злые языки говорили, что Родионов награждает своих. Спорить незачем, так и есть. А своими слывят у него люди культуры, которые за нищие зарплаты, а в отдельные месяцы — девяностые на дворе — и вовсе без них, совершают открытия, издают фундаментальные монографии, с нуля собирают музеи. Люди Родионова — это энтузиасты.

Немаловажны и темы исследований, содержание художественных книг, с которыми соискатели идут на премию. В понимании Родионова, материал должен быть сибирским, русским и к тому же новаторским.

Александр Михайлович объясняет: «Лично у меня ориентир на редкость, оригинальность работы. Допустим, было заявлено исследование искусствоведа Людмилы Красноцветовой. Она представляла старообрядческие иконы, школу живописи Викулы Балыкина, которая была когда-то на Алтае. Теперь эти иконы выставлены в музее. Вот такие открытия, которые не только шумят, но и ежедневно работают, наиболее ценны» [93].

А какой красивый и мощный лауреатский ряд выстраивает Родионов в исторической номинации! За каждым победителем — фундаментальная работа. Алексей Павлович Уманский

(по итогам 1994 года) получает награду за монографию «Телеуты и русские в XVII-XVIII веках». Борис Хатмиевич Кадиков (1995) — за экспозицию по истории купечества в Бийском краеведческом музее. Иван Генрихович Беккер (1996) — за создание в городе Рубцовске музея «История медицины в Сибири». Валентина Христиановна Смирнова (1997) — за экспозицию музея истории горного дела в Змеиногорске. Управление архивного дела (1998) — за серию книг по архивным источникам: «Жертвы политических репрессий», «Гуляевские чтения, т. 1», «Биография Савельева». Алексей Михайлович Малолетко (1999) — за монографию «Древние народы Сибири». Вячеслав Иванович Молодин (2000) — за результаты раскопок на территории Алтая, вошедшие в сокровищницу мировой культуры. Здесь речь о знаменитой принцессе Укока. Важный нюанс: Малолетко — профессор из Томска, Молодин — профессор из Новосибирска. В поисках настоящих открытий Родионову становится тесновато в границах Алтайского края. Он уверен, Демидовская премия должна стать всесибирской — известной и масштабной.

Вовсе не случайным образом формируется литературный пьедестал. Первым получает премию Евгений Гуцин. «Что касается прозы, по-моему, здесь у Евгения Гуцина соперников нет. Все-таки в алтайской литературе сейчас нет другого прозаика», — говорит Родионов в интервью. «А Вы?» — спрашивает его корреспондент Лариса Хомайко. — «У меня исторический пласт. Я даю документу художественный ход» [146]. В 1995-м, на второй Демидовской церемонии, которая пройдет в краевой библиотеке имени Вячеслава Яковлевича Шишкова, будет удостоен премии за книги «Чистодеревщики», «Колывань камнерезная» и «Красная книга ремесел» сам президент Демидовского фонда Александр Родионов. Третьим в 1996-м взойдет на Демидовский литературный помост поэт Владимир Башунов. Гуцин, Родионов, Башунов — такова первая писательская тройка.

Бесспорно, литературная номинация одна из самых сложных, в ее адрес поступает огромное количество заявок. Вот, например, ситуация 1996 года. Валерий Тихонов предлагает совету по гуманитарным премиям Демидовского фонда

рассмотреть книги Владимира Токмакова «Аромат девушки за каменной стеной», Бориса Капустина «Е. Б. Ж.», Валентины Новичихиной «Откуда берутся дети?». Капустина же выдвигает поэт Вильям Озолин. Вячеслав Корнев, Михаил Гундарин, Сергей Левин подают на премию выпускаемый ими независимый альманах «Ликбез». Самовыдвигаются Иван Булах, Леонид Ершов, Владимир Башунов. Выиграет Владимир Мефодьевич со стихотворным сборником «Жаль моя».

В последующие годы обладателями Демидовской литературной премии станут: поэт Наталья Николенкова (по итогам 1996), поэт Леонид Мерзликин, посмертно (1998), кинооператор Анатолий Заболоцкий за книгу очерков «Шукшин в кадре и за кадром» (1999), Александр Строганов за драматические произведения, поставленные в театрах России и за рубежом (2000).

Победителей определяет совет по премиям. «На всех экспертных советах всегда было очень горячее обсуждение кандидатур, — напишет Александр Михайлович в 2011 году. — Разное бывало. Как-то приехали люди из Бийска со словами: «Нам не надо денег, у нас есть Герой Соцтруда, надо, чтобы ему была премия вручена». Экспертный совет эту кандидатуру рассматривать не стал. Для меня всегда на этих обсуждениях были очень важны мнения Евгения Гущина, Владимира Башунова. Очень бы хотелось, чтобы критерии отбора и сейчас не утрачивались» [96]. Возьмусь предположить: пока президентом фонда являлся Родионов, решающее слово в выборе лауреата оставалось за ним. А он соотносит творческий труд с именем и делом Демидова, который продвинул русскую цивилизацию на просторы Сибири.

Логика Родионова (можно точнее: русская логика Родионова) легко прослеживается в названиях работ лауреатов разных номинаций. Президент Демидовского фонда выбирает искусство, пронизанное историей и русским сибирским духом. Давайте убедимся в этом еще раз на примере номинации «Искусство»: Вениамин Чекалин и Владимир Раменский (по итогам 1993 года) — генеалогическое древо промышленников Демидовых, которое, к слову, Родионов назвал «графической ораторией»; Людмила Красноцветова (1994) — описание икон

старообрядца Викулы Балыкина; Юрий Бралгин (1995) — серия работ по Горному Алтаю; Геннадий Борунов (1996) — живописные работы по истории Алтая; Андрей Арестов (1997) — серия картин по Тобольску; Юрий Кабанов (1998) — серия гравюр по истории алтайских городов; Михаил Кульгачев, Сергей Боженко, Валерий Митрофанов (1999) — памятник А. С. Пушкину в Барнауле; Сергей Дыков (2000) — воплощение алтайских мифологических образов в изобразительном искусстве. Те же закономерности и в музыкальной номинации, которую Демидовский фонд рассматривает с 1995 года. Лауреатами становятся: дирижер Олег Бураков (по итогам 1994-го) за концертные программы последних лет Государственного симфонического оркестра Алтая; дирижер Алтайского государственного оркестра русских народных инструментов «Сибирь» Евгений Борисов (1995); Владимир Бакитко (1996) за концертные программы «Русская балалайка»; Михаил Апарнев (1999) за альбом песен русского хора «Муж мой — государь мой!»; Ольга Абрамова (2000) за сбережение традиций русского фольклора.

Основатель демидовского движения на Алтае имеет особый дар: проводить вполне заурядное награждение с выдумкой, нескудно и содержательно. Дело даже не в том, что в Шишковке, где проходит вторая церемония по вручению Демидовских премий, «появился заплутавший во времени, не ведающий, что на дворе уже конец двадцатого века... в камзоле, ботфортах, белом парике с косичкой» государев гонец [135]. Хотя, несомненно, он украсил собрание. Главным было другое, а именно то, что вручение демидовских премий состоялось в интерьере великолепной выставки «Образ горного дела на Алтае». Ее инициатором выступает Александр Родионов. В Шишковке подобных вернисажей ни до ни после не случалось. Александр Михайлович вовлекает в дело огромное количество организаций и их руководителей. Хорошо зная музейные фонды края, он собирает в одном зале уникальные материалы, разбросанные по разным хранилищам. Комитет ЖКХ жертвует для экспозиции две колыванские вазы.

Краевой архив выставляет документы XVIII века. Одно из дел раскрыто на ходатайстве первого командира Колывано-Воскресенских заводов Андреаса Беэра об освящении церкви Петра и Павла в Барнауле. В застекленных витринах выставлены служебные рапорты, фамильные печати, книги. Краевой краеведческий музей делится чеканами сузунских монет. Директор Змеиногорского музея горного дела Валентина Христиановна Смирнова доставит за более чем 300 километров карту Колыванского горного округа конца XVIII века и огромную картину «Исход. Секретнокаторжные» художника Ивана Мамонтова. С этим полотном рифмуются допросные листы некоего Самойла Колпакова, совершившего восемь побегов из «Малой секретной тюрьмы» Змеиногорского рудника. Тему поддерживает проект сохранения исторического рудника как памятника горного искусства, разработанный Петром Анисифоровым и Алексеем Сергеевым. Наконец, главное: на этой выставке впервые явлена общественности «Галерея горных деятелей Алтая», созданием которой Демидовский фонд занимался два года.

За награждениями и поздравлениями выставка «Образ горного дела на Алтае» потерялась, она почти не попала в газеты. Родионов, предполагая подобный вариант, сам пишет о неповторимом событии. Его статья выйдет в день открытия экспозиции и второй Демидовской премиальной церемонии, 7 февраля 1995 года, в газете «Вечерний Барнаул». Именно родионовский материал, один-единственный, содержит полную информацию о выставке в целом и о «Галерее горных деятелей Алтая» в частности. Родионов рассказывает в статье о том, что пинакотекa была задумана еще в начале XX века начальником Алтайского округа Адамом Кублицким-Пиоттухом. Что-то помешало воплощению замысла в 1900 годах, однако в архивной папке остались одиннадцать портретов горных инженеров. «Но и на том спасибо и Кублицкому-Пиоттуху, и чиновнику-исполнителю Басараеву, собравшему воедино портреты Гавриила Качки, Василия Болдырева, Андрея Гернгросса, Луки Соколовского, Евграфа Ковалевского...» — пишет Александр Михайлович. — Идея, поданная в начале XX века, получает воплощение в его последнем десятилетии.

Ее претворяют в жизнь «и сотрудники архива, и писатели, и музейщики, и <...>художники. То первоначальное ядро галереи, что было найдено в Алтайском госархиве, сегодня благодаря стараниям Василия Рублёва, Геннадия Буркова, Алексея Югаткина, Андрея Арестова, Александра Потапова, Валерия Октября и Сергея Осиночкина уже обросло новыми именами... Портретов уже более двадцати, из судеб многих людей и складывается единый образ — образ русского горного дела на Алтае в XVIII – XX веках» [45].

Статья Родионова проиллюстрирована портретом горного инженера Николая Андреевича Давидовича-Нащинского, исполненным художником Андреем Арестовым. В краткой биографической справке сказано: «Огромной заслугой Н. А. Давидовича-Нащинского является введение серебряной плавки на коксе. Это нововведение, по мнению специалистов, составило эпоху в развитии горного дела не только на Алтае, но и во всей Сибири. В 1877 году Николай Андреевич был избран первым городским головой Барнаула по новому Городовому положению 1870 г. В четырехлетнее его правление в Барнауле было открыто сразу три учебных заведения».

Каким-то образом Родионову удается заманить в Шишковку мэра Барнаула Владимира Баварина. Как правило, Владимир Николаевич приходил на публичные мероприятия не один, а в окружении подчиненных, как говорили в кулуарах, «со свитой». Проводя экскурсию по выставке, Родионов рассказывает современным руководителям города о величии барнаульского прошлого. Конечно же, выступление имеет подтекст, который гид телепатически старается внушить власти предрежащим. Напрямую, не прибегая к эзопову языку, Родионов выскажется в газете: «Двадцатый век бесславный в своем завершении, но все же наш, мы его превратили в рахитичное существо. А поэтому, коль есть возможность, надо оглянуться на времена деятельные, на столетия восемнадцатое и девятнадцатое. Выставка позволяет это сделать» [45].

Настроение второй Демидовской церемонии замечательно передает заголовок, под которым выходит в «Алтайской правде» статья Ольги Шевчук: «Пускай же здравствуют веки демидовские мужики!».

И ГРЯНУЛ БАЛ

Демидовское движение растёт и ширится. В 1996 году премиальная церемония превращается в бал. Гости званы в краевую филармонию. В последующие годы балы будут устраиваться в краевом театре драмы, во Дворце культуры шинников, в краевом музыкальном театре, в шоу-центре «Колизей». Вокруг первого бала ажиотаж невиданный. «События этого ожидала добрая половина творческой и деловой (вот оборот!) интеллигенции города» [144]. А годы голодные и страшные. Война в Чечне отзывается цинковыми гробами на Алтае. Зарплаты выдаются бартером: продуктами или бытовой техникой, мебелью, коврами. А тут — бал! «Вы поедете на бал?» Конечно. Люди ждали приглашения и радовались, если получали его.

В анонсах говорилось о дресс-коде: фраки, вечерние платья. Да только где же их взять? Приходили в том, что было по карману. «Фраки не чернели, вечерние платья в глаза не бросались. Традиции традициями, а времена-то, братцы...», — замечает в постбальном репортаже журналист Евгений Берсенёв [149]. Издатель альманаха «Август» Валерий Тихонов, которому в 1996 году предстояло подняться на сцену филармонии как лауреату в номинации «Общественная деятельность», вспоминает: «Пришлось попросить на прокат у друга кроссовки». Социальное расслоение чувствуется и в то же время демонстративно не замечается. «Зал был полон. И представлял собой пеструю смесь, в коей переплелись все слои и группы населения: рядом сидели представители коммерческих структур и банковских кругов (купившие билеты за 55 тысяч рублей) и посланцы художественной и литературной богемы города (пришедшие на бал по дармовым приглашениям), и творческая научная интеллигенция, журналисты всех краевых средств массовой информации» [147]. АП пишет: «Что и говорить, идея провести такое торжество прекрасна была уже по своему замыслу: поднять на пьедестал скромных, к тому же нередко полуголодных рабов науки и искусства, отдающих себя с редкостным фанатизмом служению самому важному — культуре» [144].

Русскому балу по традиции полагается заморский гость. И он был. Бельгийский гражданин — шевалье Морис Массанж де Коломб. Он же стал и первым Почетным членом Демидовского фонда. Ввел Родионов такое престижное звание. Действительно ли Президент Демидовского фонда был впечатлен деяниями Коломба или титул понадобился ради дипломатии? За несколько дней до бала в совет по премиям Демидовского фонда поступила заявка сразу от двух человек, предлагавших рассмотреть Коломба в качестве соискателя на премию по разделу «Общественная деятельность». Бельгиец в ту пору здорово засветился. Он привез уйму одноразовых шприцев в убогий Барнаул и «1600 килограммов витаминов беременным женщинам с отклонениями в здоровье» [251, л. 6]. Приведу выдержку из характеристики этого господина, предоставленной в совет по премиям: «Рико Генрихович (так по-русски его называют) уже в девятый раз приезжает на Алтай и пятый раз ему удалось привезти с собой гуманитарный груз — антибиотики, гормональные и другие лекарственные препараты общей стоимостью около двух миллионов долларов, которые безвозмездно предоставлены жителям Алтайского края крупнейшими международными фирмами» [251, л. 3]. Шевалье приехал с гуманитарной помощью в умирающий от отсутствия лекарств, невыдачи заработных плат и от унижения тоже сибирский край и неожиданно открыл для себя высокий уровень культуры в этой третьесортной земле. Массанж вывез на гастроли в Бельгию детский ансамбль «Дебют» и Великорусский оркестр народных инструментов «Сибирь», которым тогда управлял уникальный дирижер Евгений Борисов. Разумеется, все бельгийские концерты прошли триумфально. Наверное, он по-своему добр, этот Массанж де Коломб. Но зачем ему, небедному бельгийцу, Демидовская премия? И что он говорит среди первого шумного барнаульского бала? Речь бельгийского благотворителя, переведенная в машинописный текст, хранится в архивном фонде Родионова. Послушаем: «Все мои поездки на Алтай постепенно убедили меня, европейца, в необходимости поскорее создать мост между Брюсселем — сердцем Европейского Союза, и Алтаем — сердцем Евразии. Я встретил в России столько талантливых людей, о существовании которых на Западе и не подозревают,

столько человеческого богатства, которое, как мне кажется, расцвело бы еще больше, если был бы возможен более широкий доступ к информации. Сейчас я сосредоточил все свои усилия на создании в Барнауле Межрегионального информационного центра гуманитарного сотрудничества. Европейцы также хотят знать, и им необходимо больше знать о Сибири, *ведь иначе Европа может просто опоздать, и ее место в этом замечательном уголке планеты займут Китай, Корея, Япония* (курсив мой — Л. В.). Надо, чтобы в Европе знали, что Алтай — сердце Евразии, остров спокойствия и мира» [251, л. 4].

Документы, связанные с Массанжем, Родионов оформляет отдельной папкой, что неслучайно, конечно. Взгляды бельгийского филантропа сильно напоминают доктрину Лейбница, отдавшего Россию Швеции, о которой Родионов писал в книге «На крыльях ремесла». Премии Колумбу основатель Демидовского движения на Алтае не вырешит, а престижное звание присвоит. Не жалко, как говорится. Да и просили, наверное, настойчиво. В следующем, 1997 году Почетным членом Демидовского фонда станет барнаульский мэр Владимир Баварин. Этот ход вполне понятен: Баварин поддерживает финансами проекты фонда, взаимовыгодное сотрудничество налицо.

Демидовский бал почти сразу, с первого своего явления, стал восприниматься главным событием в культурной жизни региона, а Родионов — его лидером, вожаком. Не всем это пришлось по нраву. Сергей Боженко в своей книге «Учителя жизни, или Всегда ли прав художник» пишет: «Присуждение премий Демидовского фонда и награждение лауреатов на Демидовских балах стало ярчайшим ежегодным событием в жизни творческой и технической интеллигенции Алтая. Мудрые речи Родионова вкупе с колоритной внешностью сибиряка делали его вождем духовно устремленной интеллигенции. Во всяком случае, так мне казалось. На очередном празднике по случаю вручения Демидовских премий я оказался свидетелем возмущения местного чиновника по поводу народной славы Александра Родионова: «Да кто он такой!!!». В результате чиновничьего возмущения в Барнауле стала присуждаться альтернативная премия — муниципальная. Нет худа без добра» [174].

Действительно, кто такой этот Родионов? Как ему удалось запустить мощный премиальный механизм? Почему за ним пошли крупные бизнесмены? Зачем он вообще все это затеял? Зачем бросился вспахивать культурную целину? И ведь удалось. Демидовские премии вручаются до сих пор.

Александр Михайлович Родионов, он необыкновенный, конечно. Многое ему дано от природы, от посконного и избретательного крестьянства. Азартный и вдумчивый, куражливый и практичный, жадный до жизни и чувствующий Бога. Свободный русский человек. Жить тихо и незаметно Родионов не умеет. А затею с Демидовским фондом он так объясняет: «Я просто подумал, что город может сам себя оценивать: не комитет по культуре, не чиновник, а общественность города. Поэтому была предложена свободная подача заявок, и решение о премии принимали профессионалы — писатели, художники, искусствоведы. Демидовский бал лежит в русле поиска. Хотелось открывать настоящих мастеров, настоящих людей. Это как идея Беловодья — люди стремятся в полумистическую страну, где нет ни власти, ни полиции. Люди живут и сами себя организуют. Самодостаточное общество. Самодостаточные личности» [161].

Александр Михайловичу присуще редкое восприятие всего вокруг — земли, степи, города, общества — как своего, личного. Наше — значит и мое. Он считает, что имеет полное право (и не боится пользоваться этим правом) делать окружающий мир лучше, интереснее, справедливее. Родионов умеет убедить предпринимателей войти в дело. «Не знаю, сколько ботинок я истоптал, когда собирал деньги. Запретил себе произносить слова «Дайте денег». Говорил: «Я приглашаю вас к участию в проекте». Это было рабочее выражение» [96]. И люди с деньгами откликаются.

Выступая со сцены, Родионов уверенно держит зал, в полной мере владеет им. Говорит от души, легко, полновесно. Речь его, изрядно сдобренная замечательными народными словечками, кажется цветной. Театр одного актера. Моноспектакль. И его внимательно слушают. В чем секрет? Возможно, в том, что Александр Михайлович Родионов — единственный из присутствующих, кто знаком с каждым из пятисот зрителей

лично. И с каждым он может поддержать разговор, знает, кто чем дышит. Перед публикой стоит человек, который прочитал все монографии и книги, поступившие в совет по премиям. Не потому, что нужно осилить книжку по долгу службы, а потому, что привык читать много, потому что ему интересно. Он считает необходимым быть в курсе местного и российского литпроцесса. Родионов единственный, кто выписывает в Барнауле газету «День литературы». Во всех музеях края и в Эрмитаже, кстати, тоже Александр Михайлович свой человек. Его встречают с распростертыми объятиями в мастерских алтайских художников. «Он понимал картины. Говорил о них неожиданно и толково. Знал невероятно много. С ним всегда было интересно», — характеризует Александра Родионова художник Андрей Арестов.

Как нельзя лучше подтверждает эту оценку письмо Родионова, адресованное Арестову. «Да это же подарок судьбы, Андрей, — родиться в Сибири и сдружиться с ее древней столицей — с Тобольском! На полотне открывается эпическое звучание как бы с неба пролившихся куполов Софии Тобольской. Знаешь, Андрей, если смотреть на твои работы и вспоминать песни о Ермаке, то одна из них иначе будет звучать — «На светлом берегу Иртыша...» — такой зачин может выйти, поскольку у тебя Троицкий мыс, на котором началось утверждение русской Сибири, на котором Тобольск поставлен, — у тебя тот мыс — светлый! А слова «светлый» и «святой» — однородные слова. Никто так, как художник, не может прозреть русскому человеку. Художник во все времена, и особенно в такие глухие и смутные, как ныне, всегда брал на себя роль душевного поводыря, чтобы слепец однажды смог протереть замутненные очи и увидеть неподдельную родную красоту» [14, с. 315-316].

Народная музыка, хоры русской песни, фольклорные коллективы, оркестры народных инструментов, архитектура, общественная деятельность — Родионов в курсе всего. Среди пятисот гостей Демидовского бала другого такого человека не было. Другого такого не было и во всем Барнауле, и в крае.

ЛЕТОПИСЬ

В 1995-м, кроме «Галереи горных деятелей Алтая», получает воплощение еще один проект Демидовского фонда, а именно: «Барнаул. Летопись города (1 часть): 1701–1919 гг.». Еще одному начинанию Родионова суждена счастливая судьба. Как свидетельствует Валентина Петровна Кладова, идея написания барнаульской летописи появилась у Александра Михайловича после поездки в Иркутск, где, работая в архиве, он познакомился с «Иркутской летописью», составленной библиотекарем Нитом Романовым. Нит Степанович в течение 32 лет продолжал труды иркутских купцов, остановивших хронику на 1857 году. Он довел фундаментальную летопись города до 1940 года. О себе иркутский летописец и библиограф напишет в дневнике: «Личная жизнь заключалась в книге. Я никуда, кроме губернской управы, церквей и книжных магазинов да переплетной, не выходил. Не посещал ни театра, ни концертов, ничего. Для меня ничего не существовало, кроме библиотеки и книг, где я всегда находил работу». Александр Михайлович, впечатленный подвижничеством Нита Романова, по возвращении домой на ближайшем заседании Клуба любителей алтайской старины покажет собравшимся фотокопию «Иркутской летописи» и посетует на то, что Барнаул не имеет письменной истории. И тут же выступит с предложением создать ее. Краеведы поддержат идею.

Первое упоминание о летописи Барнаула на страницах прессы появится в 1990 году: «Главный же труд, который планирует завершить лет через пять — написание летописи Барнаула» [179]. Работу по созданию летописи Барнаула поддержит мэр Владимир Баварин. Правда, деньги, выделяемые главой города на летописцев, тут же сжирает инфляция (рубль упал в 4000 раз). Родионов время от времени шлет Владимиру Николаевичу послания: «Работа профинансирована только наполовину, это позволяет платить авторам летописи по 300 рублей в месяц». Нищета в интеллигентской среде в начале девяностых — норма жизни. Главная монета, которой оплачена летопись Барнаула, — энтузиазм. Исследовательская группа в составе Василия Гришаева, Александра Ивонина, Валентины Кладовой,

Константина Метельницкого, Валерия Скубневского и самого Родионова берется за написание первой биографии Барнаула. Штаб-квартирой барнаульских хронистов уже привычно становится отдел редкой книги в Шишковке. Сюда — Валентине Петровне — исследователи приносят карточки с записями событий, которые выужены из архивов, старых газет, музейных закров. Прекрасную команду «научников» дополняют известный книжный график Владимир Раменский, дизайнер Александр Кальмуцкий и фотограф Сергей Иванович Пирогов. Они отвечают за «лицо» летописи.

Археографический труд сразу выявил заковыки. «Первая трудность, с которой столкнулись летописцы, — это дата основания города, — пишет Родионов в заметке. — Дело в том, что 1730 год был назван в крайкоме известной партии, когда очень хотелось к юбилею получить очередной орден. Документов, подтверждающих именно 1730 год как год рождения города, пока не обнаружено». Они и до сих пор не обнаружены, а ошибка продолжает жить и множиться. Ее даже отлили в чугуне на перилах моста через Барнаулку и ограде городского парка.

В июле 1992-го в «Алтайской правде» — еще статья, эта — с засечками из 1861 года: «В марте мастеровые Алтай, в том числе Барнаульского сереброплавильного завода (1,2 тыс. человек) освобождены от крепостного права. На Алтай прибыла французская научная экспедиция во главе с археологом Менье для этнографических и естественно-исторических исследований. Через Барнаул на Всемирную выставку в Лондон проследовали каменные вазы и чаши Колыванской шлифовальной фабрики. «Химерическая чаша» в Лондоне удостоена бронзовой медали со свидетельством» [84].

«Мы не ставили целью толковать события, комментировать их, — излагает редактор летописи принципы работы. — Важно отыскать и назвать факт, имя и тем самым выстроить жесткий хронологически-событийный каркас» [84].

К началу 1994 года первая часть летописи, включая макет, полностью готова. Однако в печатном деле энтузиазм не срывает — нужно платить живыми деньгами. «Вот тогда и пошла наша шапка по кругу...» [16, с. 15] Ее наполняют вкладчину

семь банков и четыре коммерческих предприятия. Все они указаны на первых страницах книги «Барнаул. Летопись города» (1995). Родионов напишет вступительные статьи — за мэра, за спонсоров и свою редакторскую, с подзаголовком «Обращение к поступку, или, как говорили встарь, обращение до ласкового читателя», в которой расскажет о летописной традиции сибирских городов и о биографии Барнаула, жившего два столетия как горный город (в отсутствии гор), а затем перешедшего в купеческое сословие. Любимый родионовский слоган «Города освещают не фонари. Города освещают люди!» впервые появляется именно в этой статье.

Краевед Елена Носкова, отзываясь на книгу «Барнаул. Летопись города. Часть I», отмечает, что в книге много интересного. В частности, ей кажется любопытной ситуация с первыми выборами в городскую думу в 1877 году. «В это время в Барнауле жило примерно 13000 человек, но избирать имели право 1370, то есть только состоятельные граждане. На выборы пришли 90 человек! Ничего, думу выбрали» [139]. Упрек Носковой в скупом изложении фактов можно сразу отклонить. Родионов предупреждал: факты без комментариев. А вот что ценно в ее отзыве — указание на некоторые ошибки. Впервые систематизируя двухвековую историю города, без них невозможно было обойтись.

Самая взвешенная рецензия принадлежит перу писателя Леонида Ершова, долгие годы возглавлявшего отдел краеведения в Алтайском книжном издательстве. «Выход летописи, — пишет он, — неординарное событие в культурной жизни города и края и, наверное, Сибири. Ведь сейчас принято считать, что никому ни до чего нет дела. Но вот вам и дело — уникальная, кропотливая, исключительно добросовестная работа. Творческий коллектив, мотором которого является А. Родионов, в финансовом содружестве с целым букетом банков, коммерческих и некоммерческих организаций попытались, как сказал глава городской администрации В. Баварин, «исследовать прошлое, систематизировать наши знания о городе, а главное — о людях». Я бы добавил: не только систематизировать, но и значительно расширить и углубить. Попытка эта, на мой взгляд, удалась» [138]. Упреки в лаконичности Ершов

считает зряшными, «нетрудно представить, до каких размеров разрослась бы книга, помести авторы комментарии к коротким фактическим записям» [138].

С другой стороны, в летописи есть расширенные абзацы. К примеру, июнь 1848 года отмечен замечательным событием: «У начальника Алтайских горных заводов Строльмана побывал в гостях английский художник Томас Аткинсон, оставивший о Барнауле такой отзыв: «Улицы широкие ... почва из чистого песка, который летом от ветра безобразит город... Три каменные церкви, большой госпиталь. На сереброплавильном заводе работой руководят русские специалисты, пользующиеся авторитетом даже за границей. В северной части города есть магнитная обсерватория, где инженеры дежурят днем и ночью. Наблюдения их отсылаются в Петербург. Впоследствии я побывал и в других сибирских городах, но нигде нет такого приятного общества, как в Барнауле. Здесь составился даже великолепный оркестр под руководством одного унтер-офицера, получившего музыкальное образование в Петербурге. Оркестр исполнял отрывки из опер с большим успехом ... зимой состоялись три-четыре любительских концерта, которые не уступили бы тем, что даются в Европе» [16, с. 64].

Родионов, помещая в летопись подобные записки иностранцев, понимает их сильнодействующий патриотический заряд. Важно отметить, что до предания этого фрагмента публичности о нем знали лишь два человека: Родионов и неординарный библиотекарь из Бийска Леонид Александрович Мальцев. Бийскому полиглоту, с 1970 годов публиковавшему в местных газетах отрывки из книг иностранных путешественников, Александр Михайлович заказывает переводы нужных ему путевых дневников XVIII и XIX веков.

«Конечно, строки летописи скупы, — продолжает Ершов, — но тем не менее воскрешают прошлое города, рисуют достаточно цельную и объемную картину динамики хозяйственной, культурной, политической жизни Барнаула. Она называет тех барнаульцев, которые своими трудами способствовали умножению славы города и отечества» [138]. Леонид Ершов отмечает объективность и беспристрастность летописи.

«Сообщая об открытии в городе храмов, учебных заведений, давая сведения о делах достойных, не обходит, например, факт наличия домов порока — питейных, публичных. Летопись есть летопись, из нее факта не выбросишь» [138]. И все же обилие добрых дел в дореволюционное время несколько удивляет недавнего советского человека. Царская Россия предстает страной, устремленной к образованию, благотворительности. Так, например, летопись рассказывает о публичных торжествах, состоявшихся в Барнауле в мае 1899 года по случаю 100-летия Пушкина. Решением городской думы улица Иркутская была переименована в Пушкинскую. «Так прошлое, благодаря летописи, подсказывает, что надо бы сделать сегодня», — заключает свою статью Леонид Ершов.

«Барнаул. Летопись города. I часть» отличает крепкий справочный аппарат (ни один рецензент не упомянул о нем в 1995 году). В конце первой книги имеется указатель имен, список переименованных улиц, обширная библиография. Это несомненное достоинство книги.

Значение барнаульской летописи определится вполне через пять лет. Александр Михайлович, празднуя свое 55-летие в краевой библиотеке, скажет: «Вот эта малышка, которую мы родили в 1994 году, она двуспальная, у этой книжки счастливая рабочая судьба. Я видел замусоленные, залистаные экземпляры в администрации города. Прилежно читают. А что еще может пожелать автор?»

Издание второй части истории Барнаула застопорилось. Причин тому много. Существует и финансовая, но не она станет главной. Когда работа была полностью выполнена, администрация города вдруг отказывается финансировать проект, поскольку находит слишком мрачными 1990 годы. Чиновники настаивают на чистке истории, каждому хочется войти под ее вечные своды «белым и пушистым». «Летопись лишь отражает», — объясняет Родионов. А девяностые и мрачны, и смрачны — это, что называется, дано в условиях задачи. Коллектив летописи стоит на своем и решает ждать лучших времен.

И они наступят, эти лучшие времена.

ЛИЧНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

На пятидесятый день рождения Александр Михайлович уезжает в Егорьевку, к маме. Разбирает бумаги, сортирует вещи, готовит дом к продаже. Собирает матушку в Барнаул. Татьяна Леонтьевна тяжело больна, болезнь Паркинсона, первая группа инвалидности. «Нуждается в постоянном постороннем уходе», — написано в ее медицинской справке. По просьбе Александра подыскивает в городе небольшой домишко для матери и сына Петр Анисифоров. Перебирая егорьевский скарб, Родионов мысленно ведет подсчет сделанному. Он спрашивает с себя каждый день, а к круглым датам старается завершать значительные замыслы. Книги, рукописи, проекты фонда, премии. Не последнее место в ряду личных достижений занимает вопрос материальной обеспеченности семьи. Баланс неплох по всем статьям. Почти два года его семья живет в новой просторной квартире. У детей свои комнаты, у него кабинет. После неприятных историй с пропавшей заявлением на новое жилье и неслучившимся переголованием в писательской организации он записывается с квартирным вопросом на прием к мэру Баварину. Руководитель города хорошо знает посетителя. Тот самый Родионов, который в настоящий момент собирает городскую летопись и который много чего хочет: памятник Демидову, Демидовский центр, донативный рубль... И это тот же Родионов, который критиковал его в «Красной книге ремесел» за дом Носовича.

С 1986 года Родионовы живут в бревенчатом двухэтажном доме на улице Чкалова, сразу за Никольской церковью. Самый центр города. Три небольшие комнаты. Помещение с повышенной влажностью. Писательское место на кухне. Глава семейства работает, когда все домашние улягутся спать. Выслушав Родионова, Баварин ответил: «Подумаю».

Звонок раздался в субботу, ранним утром, когда Родионовы собирались на дачу в Цаплино. На трубке был Баварин:

— Старик, тебе город квартиру выделил. Четырехкомнатную. Выбери, первый этаж или девятый.

Это была жилплощадь из фонда главы администрации города. Мэр имел право распоряжаться им по своему усмотрению. Родионовы, прожив семь лет на первом этаже, выбирают девятый. Квартира состоит из кирпичных стен без внутренней отделки, хозяевам предстоит самим доводить помещение «до ума». И Родионов берется. Мешки с цементом, коробки с плиткой он таскает на горбушке, один, — лифт еще не пущен. Он надсадился, сорвал спину. В конце концов жена не выдерживает и втайне от мужа набирает номер телефона Дома писателей.

— В какой еще стране, — спрашивает она взявшего трубку человека, — писатель таскает на собственном горбу мешки с цементом на девятый этаж?

Пристыдила. И мужики пришли помочь, подняли груз. Всю весну и лето 1993-го Родионов штукатурит, шпатлюет, выкладывает стены кафелем, белит, красит. По просьбе жены сносит полстены, расширив и скруглив вход в кухню. Из нескольких кедровых досок, подаренных горноалтайским знакомцем Геннадием Зяблицким, тоненько распилив их на равные плашки, он «самолично» выкладывает паркет в коридоре. Для кабинета сооружает большой, около двух метров в длину, письменный стол-верстак, чтобы столешница одновременно вмещала все, что требуется для работы: открытые книги, рукописи, старые карты Сибири. В августе семья въехала в новую квартиру. Вспоминать об этом событии было приятно. А вот ноябрь 1993-го стал черным. В Туркмении умер отец Нины, она не смогла полететь на похороны — у мужа не было денег. К лету Александр соберет наличность для поездки жены и детей в Ашхабад.

В Новогорьевку на день рождения нагрянули гости из Рубцовска. Подъехал на ретромашине «Москвич-401» директор картинной галереи Валерий Свердлов. С видеокамерой прибыли режиссер Владимир Пузанов, оператор и фотограф Алексей Лукин и сотрудницы краеведческого музея Надежда Мохова и Лариса Шушунова. Юбиляра тут же ставят перед объективом, засыпают вопросами: о детстве, о матери, об отце, о написанных книгах. Студия «Квант», действующая при рубцовском музее, сделает фильм «В ожидании дня». Драгоценные кадры.

Домой музейщики уезжают с дарами. Родионов передает в музейные фонды резную этажерку, швейную ножную машинку с чугунным корпусом и деревянной поверхностью, салфетки, вязанные крючком, и вышивку Татьяны Леонтьевны, белую шерстяную с кистями материну шаль, фотографии детской и студенческой поры, письма, книги с автографами, что присылал родне, целую пачку материнских грамот и удостоверений, ее агрономические тетради, блокноты. Все это и теперь можно увидеть в экспозиции Рубцовского краеведческого музея.

Позже пожалуют барнаульские друзья: архитектор Петр Анисифоров, библиотекарь Маргарита Аврамова. День был теплым, тихим, солнечным. И на душе — также. Жгли костер в огороде, варили уху. Говорили, смеялись. «Саша был светел», — вспоминает Маргарита. На огонек и ущицу, вокруг которой собрались гости и родня, заглядывают журналист новогорьевской газеты «Колос» Сергей Шабанов. Итогом встречи станет интервью «Вхождение в правду», посвященное творчеству Родионова.

Летом 1995-го Александр вместе с матерью селится в одноэтажном бревенчатом доме на несколько хозяев. Жилище находится на пересечении улиц Пушкина и Горького, в пяти минутах ходьбы от главной барнаульской артерии — Ленинского проспекта и при этом в загишке, в так называемом старом городе. Комната, кухня, крытая веранда, крыльцо. Кусочек огорода. Кровать матери в углу отгорожена ширмой, сыновняя — узкая, заправленная темным солдатским одеялом, стоит у единственного в жилье окна. На самодельных полках во всю стену — книги. В который раз обустроивает он свое рабочее место на кухне. Готовка, стирка, уборка, огород — на Родионове. Матушку кормит он с ложки.

Это была тяжелая жизнь. Болезненный быт, вызывающий сочувствие гостей. Пышная женщина, каковой была Татьяна Леонтьевна раньше, превратилась в сухую, скованную в движениях старушку с запущенной внешностью. Родионов иногда просит знакомых женщин помыть мать. «Мне неудобно, я мужик», — извиняется он. Переносит на руках ее,

в ночной рубашке, в ванну и выходит. Баня была так себе: Татьяна Леонтьевна не могла долго лежать на твердом; оттого, что истончились мышцы, ей становилось больно. Разумеется, никакого социально-медицинского патронажа участковая поликлиника не предлагает или не может предложить. Люди помогают от случая к случаю, постоянного должного санитарного ухода нет.

Между двумя адресами — от улицы Пушкина до Папанинцев, где живут дети и жена, — лежат три проспекта. Неблизко. Прямого транспорта нет. Пешком — час ходу. При этом у Родионова уйма деловых встреч в разных концах города: банки, предпринимательские фирмы, музеи, мастерские художников, вузы, театры, школы, редакции газет. Иногда Александр Михайлович назначает сходку в домике на Пушкина: и мать под присмотром, и дело движется. С осени в процессе подготовки первый Демидовский бал. Хлопоты по его устройству полностью лежат на Родионове. Чтобы везде успевать, Александр Михайлович покупает велосипед.

Тем временем свободу передвижения по стране он, конечно же, теряет. Изредка ему удается выехать на творческие встречи по Алтаю — в Бийск, Сростки, Колывань. На время его отъезда Татьяна Леонтьевна остается под присмотром Сергея Волкова, двадцатилетнего парня из села Сросты, где когда-то учился в школе и жил в интернате Александр Родионов. Сергей знает о знаменитом земляке и, приехав из деревни в город, приходит к нему знакомиться. Молодой человек из Сростов становится верным помощником Александра Михайловича и в домашних его делах, и делах Демидовского фонда. Визиты к предпринимателям они совершают вдвоем. Сергею нравится, что старший товарищ денег у сильных мира сего не просит. «Всегда говорил: "Приглашаем к сотрудничеству..."».

Три с половиной года дохаживает мать Александр Михайлович. В ноябре 1998 года Татьяна Леонтьевна умерла. Похороны помог организовать староста Никольской церкви Павел Петров. Из колхоза прислали грузовик, гроб поставили в кузов. Последний ее путь в Егорьевку длился не меньше пяти часов и был похож на переезды в полях между бригадами в первые годы ее работы агрономом — так же, на открытом грузовике

под всеми ветрами. Упокоилась Татьяна Леонтьевна Родионова на егорьевском кладбище рядом с матерью — Марфой Яковлевой.

ВОСХОЖДЕНИЕ ВОПРЕКИ РАЗРУХЕ

В 1995-м Родионову пятьдесят. И это совсем другой Родионов. Он на новом жизненном витке, на подъеме. Пик известности. Пик доверия к нему. «Дорогу строят медленно, чтобы потом ездить быстрее. Накопление возможности» [230, л. 14об], — записал Александр в дневнике за 1971 год. Теперь, в девяностых, он несется на огромной скорости. Пожалуй, стоило бы побережться на поворотах. Но ему нужен полет — и он летит. Ярko горит его звезда.

В 1994 – 2000 годы Александр Родионов совершает немислимые, невозможные, казалось бы, поступки. Все, что он делает, происходит впервые, всё внове и для Барнаула, и для Алтайского края. Будто принял человек иное имя, как происходит это у монахов, будто перешел на другой духовный уровень и, следуя сложным, непроторенным путем, без страха покоряет его. Фамилия Родионов произносится теперь с «титулами». В условном смысле это и есть новые имена. В 1994-м, опубликовав в журнале «Алтай» историческое повествование «Азь грешный», он впервые выступает не с документальной, а с художественной прозой. В этом же году он станет известен как директор Алтайского центра «Демидовский фонд», как организатор первых в Алтайском крае гуманитарных премий. В 1995-м сам становится Демидовским лауреатом. Помимо премиального проекта, развиваются еще два — галерея горных деятелей и летопись Барнаула. Родионов их радетьель.

Приобретая «новые имена», Александр Михайлович теряет навсегда прежнее — Рыжий. Никто теперь не называет его так, ни старые друзья в письмах, ни новые (вроде меня), которые знать не знают о рыжине известного писателя. Александр Михайлович — седеющий русак. Спустя еще немного времени — совсем седой. Эдуард Лимонов, которого водил Родионов

с экскурсией по Барнаулу летом 2000 года, упомянет о своем гиде: «белобородый краевед Родионов» [158].

Фигура Родионова настолько заметна и значительна, что с юбилеем поздравляет его газета «Молодежь Алтай». Редакция присоединяет к юморному тексту с заголовком «Пишите, Шура, пишите...», красивый серьезный портрет юбиляра. Не случилось ранее таких публичных поздравлений писателям. Коллектив МА пишет: «Юбилей писателей не отмечают орудийными салютами, но в нашем случае можно было бы бабахнуть из какой-нибудь мортирки да на Демидовской площади. У юбиляра, а Александру Родионову исполнилось 50 лет, всего одна особенность — писать интересно и все про славную историю нашего Отечества и про людей Алтая, оставивших в ней заметный след». Статью завершает пожелание: «И побольше бы ему спонсоров — этих неперемненных соавторов нынешних литературных удач».

Родионов совершает восхождение на фоне общей депрессии и слома. Его коллеги по писательскому цеху — ровесники-друзья и старшие товарищи — растеряны и подавлены. Никто не видит перспектив, не понимает, как жить. Осенью 1994 года (год первых Демидовских премий) уезжает в Германию Виктор Горн, его семья в полной мере испытала, что такое бандитские девяностые. Мрачнее мрачного в эту пору дневники и письма к Горну Владимира Башунова. Не скрывает своей беспомощности поэт Леонид Мерзликин. Анатолий Егоров, беседующий с королем алтайских поэтов, называет материал «Поэтом не могу не быть. Так что же, воровать обязан?» Во врезке интервьюер делится впечатлением: «В холле редакции я встретился с Леонидом Семеновичем Мерзликиным, вид которого, надо сказать, оставлял желать много лучшего». А вот и ответы поэта, его думы: «А поживаем так: с утра думаешь, как насытить живот. Где достать обыкновенную пищу. Как физически выжить. От меня проку — что в клюве принесу. Доходы мои — случайные: сочиняю стихи на день рождения, на юбилей какой. Хожу по учреждениям, спрашиваю, оставляю свой телефон. В одном магазине мне заплатили 40 тысяч, а обычно — тысяч пять. В общем, кто сколько бросит. Как шапка по кругу... Какие вещи! Старыми обходимся, тем,

что накопилось в сундуках. Как знали, запасались. Вот и тянем. На сына сейчас надеемся. Он будет энергетиком. До пенсии мне осталось несколько месяцев. Буду получать стабильно. Хорошо, если, как жена, 160. Я согласен с Виктором Петровичем Астафьевым, который считает, что миллионов 60 очень быстро вымрет. И получается вдобавок так, что мертвец грабит живого, ведь его не на что бывает похоронить. Я, например, не знаю, на что меня семья похоронит, если случись что. И не верю, что наступит какая-то стабилизация в стране. Будет еще хуже. Ведь это впервые у нас такое — у молодежи нет денег, чтобы начать семейную жизнь. Да и негде ее начать — нет жилья. Люди просто перестают жениться и рожать детей, если в перспективе у них одна общага и безработица. И нельзя их осуждать за это. Вот, пожалуй, в такой ситуации и наберутся те 60 миллионов, о которых говорит Астафьев: с одной стороны, огромная смертность от отсутствия нормального питания и медикаментов, а с другой — ноль рождаемости. Тут никакой войны не надо, в общепринятом смысле этого слова. Останутся, как сейчас говорят, «новые русские». Может, и хорошо они будут жить, если совесть позволит. Потому что благополучие будет строиться на нищете остальных. Но на нищете долго не пропаятируешь. Значит, закономерна колонизация страны. «Цивилизованному» миру нужны наши природные ископаемые и свалка для отходов, вот «новые русские» и обеспечат им то и другое. Мы же будем просто неграми. Но русские ли тогда эти «новые»?» [183]

Мироощущение поэта разделяли миллионы людей. То, что Россия пережила в девяностых, не назовешь иначе, как «геноцид против собственного народа». До сих пор никто не принес извинений нации, тем более — не заговорил о материальной компенсации. А Леонид Семенович Мерзликин не пережил гиблое время, его не стало 9 сентября 1995 года, и месяца не прошло после шестидесятилетия.

Родионов — единственный из алтайского писательского сообщества сумеет перейти от депрессивности к общественной деятельности. «Делами, а не словами». Он создает островок надежды. Не только для себя. Подработками выживают многие писатели. Родионов же старается для всей творческой общины.

Пожелание газеты «Молодежь Алтая» — «побольше спонсоров ему» — сбывается. В 1996-м Родионов пробьет еще одну литературную премию — Шукшинскую. Правильнее все же говорить, что Родионов реанимирует Шукшинскую премию. Она существовала и до 1996 года, но угасла в новой российской действительности, в советские же времена никогда не подкреплялась серьезными финансами. Инициативу Александра Михайловича поддержит председатель правления Алтайкапиталбанка Ольга Колесникова. Валерий Тунгус (псевдоним Валерия Слободчикова — Л. В.), ведущий страницы «Пятница» в «Алтайской правде», о новой Шукшинской премии напишет: «На прошедших 21 июля Шукшинских чтениях была учреждена одноименная литературная премия. Алтайкапиталбанк, журнал «Алтай» и краевой союз писателей учредили ежегодную премию имени Василия Макаровича Шукшина в размере 2000 долларов. Этой премией будет награждаться лучший (по мнению учредителей) писатель Западно-Сибирского региона. Церемония награждения будет проходить на горе Пикет в рамках традиционных Шукшинских чтений. Первым лауреатом Шукшинской премии стал известный барнаульский писатель Александр Михайлович Родионов, автор исторического повествования "Азь грешный"..." [145]

Под заметкой помещена открытка, адресованная председателю правления Алтайкапиталбанка Ольге Николаевне Колесниковой, в которой «писательская организация и редколлегия журнала «Алтай» с восторгом и сердечной признательностью свидетельствуют о бескорыстной щедрости правления Алтайкапиталбанка, учредившего ежегодную литературную премию имени В.М. Шукшина, и благодарят коллектив банка за возрождение забытой русской традиции покровительства искусстваам». Приветственный адрес подписали от писательской организации секретарь Юрий Козлов, от журнала «Алтай» — главный редактор Владимир Башунов.

С премии Родионов купит дачу в районе барнаульского Кордона (старая в Цаплино продана) и подарит ее на день рождения жене. Часть денег уйдет на повседневные житейские траты и на ежегодную летнюю ашхабадскую поездку Нины и детей.

Родионов считает, что и Демидовская, и Шукшинская премии должны иметь как минимум сибирский статус, а еще лучше — всероссийский. Он рассуждает: «Наверное, в скором времени мы исчерпаем запас достойных творческих заявок, а дважды Демидовская премия одному и тому же человеку, по условиям конкурса, не присуждается» [93]. В Шукшинские дни 2004 года, Александр Михайлович вернется к этой теме: «Утром, на Пикете, назовут имена лауреатов «Калины красной», победителей Шукшинского кинофестиваля, которому давно пора — уже пришло! — присвоить статус всероссийского. Так же как и Шукшинские литературные премии давно пора переводить в ранг всероссийских, поскольку потенциал краевого литературного калибра просто-напросто исчерпан, и когда я в последние годы слышу имя очередного лауреата, то пытаюсь вспомнить хотя бы один эпизод из награждаемого творчества, хотя бы одну будто бы поэтическую строчку. Увы. Таковых память не подсказывает, а на первом плане маячит грустное заморское слово — девальвация премий. Девальвация художественная и нравственная» [14, с. 294-295].

Шукшинская премия знала разные времена: и счастливые, и печальные. К слову, вознаграждение равное 2000 долларов в последующие годы, пока премия остается в краевых границах, не повторяется. Суммы были гораздо меньшими. Понятно, что Родионов «выбивает» первую Шукшинскую под себя. Хлопотать о нем было некому. Все смотрят с надеждой в сторону им возглавляемых Демидовских премий. И Родионов организует для собратьев по перу еще одну награду с материальным подспорьем. С 2007 года Шукшинская литературная премия становится Всероссийской и получает достойное финансовое обеспечение, как и хотел того ее родоначальник.

Александр Родионов становится лауреатом Шукшинской премии через три недели после выборов Президента России. В 1996-м первый и последний раз в жизни Александр Михайлович вступит в большую политическую игру. Еще год назад он говорил: «Политикой в прямом смысле этого слова я никогда не занимался, хотя не верю, что человек может вообще политики не касаться. Политика, если возвратиться к исконному смыслу этого польского слова, — это искусство общения,

искусство поведения среди людей. Общественная деятельность — разновидность политики» [137]. Своей политикой Родионов считает Демидовский фонд, гуманитарные премии и проекты, книги. Однако в мае 1996-го Родионов становится доверенным лицом генерала Лебедева, зарегистрированного кандидатом на должность Президента Российской Федерации, и получает удостоверение с печатью и подписью Секретаря Центральной избирательной комиссии Российской Федерации А. А. Вешнякова. Движение «Честь и Родина», возглавляемое Александром Ивановичем Лебедем, многих тогда обнадежило. В первом туре (16 июня) генерал Лебедев займет третье место и на следующий день получит пост Секретаря Совета Безопасности РФ, после чего призовет своих сторонников голосовать за Бориса Ельцина. Во втором туре (3 июля) проходит Ельцин. Вряд ли Александра Михайловича обрадовал результат. О ельцинском времени он неоднократно высказывался в своих статьях: воровское, рахитичное, хромоте. «Объяснительные» бумаги от Лебедева, в которых лидер движения «Честь и Родина» сообщает соратникам о том, что «он вошел в структуры власти, чтобы попытаться изменить эту власть изнутри» [259], Родионов, конечно же, отправит вместе с удостоверением в свой архивный фонд.

В начале 1997-го в газете «Вечерний Барнаул» появляется статья с замечательным заголовком «"Слова не дела", — так говорил Демидов и говорит Родионов». А речь в ней идет об энциклопедии «Предприниматели Алтая: 1861-1917». Книга имеет редкий по тем временам трехтысячный тираж. В справочник «включены практически все купцы, предприниматели, деловые люди, у кого на территории края была хотя бы небольшая торговая лавка» [88]. В творческом коллективе — известные в крае историки: доктор наук Валерий Скубневский, кандидаты Александр Старцев, Юрий Гончаров. Курирует работу Демидовский фонд.

В этом же году Родионов проводит в Барнауле городской конкурс «Славянская мифология в детском художественном творчестве». Все победители от имени Демидовского фонда будут обеспечены красками, кисточками и карандашами,

альбомами для рисования. За этот проект Александр Михайлович получит благодарственное письмо от городского комитета по культуре.

Рубеж XX и XXI веков, второго и третьего тысячелетий Александр Михайлович намерен отметить ярким событием. Он организует еще одну грандиозную выставку, сродни той, что называлась «Образ горного дела» и прошла четырьмя годами ранее в краевой библиотеке. Новая экспозиция — «Инженеры — образ эпохи» — открывается 10 декабря 1999 года в центре культуры Алтайского политехнического университета. И вновь, не уповая на журналистов, Родионов сам дает анонс событию в газете и таким образом сохраняет его во всех подробностях. Его статья «От Демидова до Кондратюка» самая точная, никто не объяснил яснее замысел вернисажа: «Завершается третий век русской цивилизации на Алтае, завершается тысячелетие. Пора оглянуться — что принесли русские на Алтай, как смогли освоить, осмыслить его богатства» [52]. Основой выставки стала «Галерея горных деятелей Алтая», которая впервые демонстрировалась в Шишковке в 1995-м и которая пока, в 1999-м, остается собственностью ее спонсора — предпринимателя Владимира Гришина. Портреты горных инженеров, трудившихся во славу Отечества в XVIII и XIX веках, дополняют образы инженеров XX века. «Я ее (выставку) не представляю без портрета личности мирового уровня — Юрия Кондратюка», — подчеркнет Родионов. Великий теоретик космоса предстанет в прекрасной графической серии художника Юрия Кабанова. Украсят экспозицию два новых живописных полотна в исполнении известных на Алтае художников. Майя Ковешникова выставит портрет ученого-садовода и селекционера академика Михаила Афанасьевича Лисавенко, а Владимир Добровольский — портрет машиностроителя Вадима Александровича Каргаполова.

В публикации «От Демидова до Кондратюка» Родионов рассказывает о людях, связанных через века Демидовской премией. Таковы горный инженер Алексей Иванович Узатис, живший в XIX веке, и историк, краевед Алексей Дмитриевич Сергеев, родившийся в XX веке и открывший имя Узатиса для коллег из Клуба любителей алтайской старины.

«Инженеры» подводят итог сделанному Родионовым в девяностые годы. Это был самый интенсивный, смелый, новаторский период в его жизни. Все, что затевал Александр Михайлович — «Галерея горных деятелей Алтая», летопись Барнаула, Демидовские премии и Шукшинская, — живет и поныне. Вот выставки, инициированные им, увы, не посмотреть. Они остаются в воспоминаниях и в старых газетах, ставших теперь историческими документами. Начинаниям Александра Родионова четверть века. И они дразнят, заражают драйвом: а вам по силам подобное?

ЗА КУЛИСАМИ

Подобно любому пишущему человеку Александра Родионова интересует, как работают другие писатели? Этот вопрос особенно актуален для него в молодые годы. Ему хочется заглянуть в лабораторию великих, и он читает их мемуары и дневники, делает выписки. Среди прочего в тетради за 1971 год — абзац из «Философии творчества» Эдгара По: «Большинство литераторов, в особенности поэты, предпочитают, чтобы о них думали, будто они сочиняют в некоем порыве высокого безумия, под воздействием экстагической интуиции, и прямо-таки содрогнутся при одной мысли позволить публике заглянуть за кулисы и увидеть, как путано и грубо работает мысль, бредущая на ощупь; увидеть, как сам автор постигает свою цель только в последний момент; как вполне созревшие плоды фантазии с отчаянием отвергаются ввиду невозможности их воплотить; как кропотливо отбирают и отбрасывают; как мучительно делают вымарки и вставки — одним словом, увидеть колеса и шестерни, механизмы для перемены декораций, стремянки и люки, петушки перья, румяна и мушки, которые в девяноста девяти случаях из ста составляют реквизит литературного лицедея». Под выпиской — резюме: «Посему мне за кулисы никогда нежелательно» [227, л. 55]

Однако годы идут — верстак утверждает перо. Александр, уловив свои особенности письма, отметит 17 апреля 1973 года:

«Работа не по собственным впечатлениям, не прошедшим через твою кровь, работа по прошлому без связи с ним – это же совсем другое качество. Ты привык работать на собственных ощущениях, понятиях. Где-то должна быть живая ткань между тобой и прошлым...» [217, л. 40] Ему важно писать историю, будучи очевидцем, как ни странно это звучит. Как бы писать с натуры. Потому-то любая его книга и многие очерки сопряжены с дорогой и поиском. Метод Родионова сродни правилам нанесения картографических данных на миллиметровку, вставленную в пикетажную книгу. Писатель «миллиметрует». Прежде чем на листе появится «точка», он одолеет сушей, воздухом, водой сотни и тысячи километров, встретится с десятками хранителей устной истории, прочтет сотни книг. Он положил себе за правило прочитывать все, что известно по темам, находящимся у него в разработке. Сотни источников — не преувеличение. На каждую прочитанную книгу он заводит карточку подобно тому, как это делают в библиотеке. Так, картотека «Чистодеревщиков» насчитывает 403 единицы [254, 255]. Приведу здесь лишь некоторые книги из списка: Окладников А.П. Олень золотые рога (помета: с. 36 о символе плодородия); Соболев Н.Н. Русский орнамент, 1948; Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву, 1934; Сыромятов А. Отражение чудовищного стиля в архитектуре крестьянских построек Пермского края, 1924; Некрасов А.И. Очерки декоративного искусства Древней Руси, 1924; Никольский В. Древнерусское декоративное искусство, 1923; Соколова Т.М. Орнамент — почерк эпохи, 1971; Тальбот Райс Д. Иранские элементы в византийском искусстве, 1939; Ремпель Л.И. Архитектурный орнамент Узбекистана, 1961; Шнейдер Е.Р. Казахская орнаментика, 1927; Касимов. Уйгурский народный орнамент; Асеев Ю.С. Орнаменты Софии Киевской, 1949; Прибыткова. Деревянное зодчество Томска; Белорусский народный орнамент, 1955; Бутовский В.И. История древнерусского орнамента, 1870; Ван Дуань. Сборник китайских орнаментов, 1955; Даль В.И. Старинные деревянные церкви, 1877; Державин И.С. Славяне в древности, 1945 (помета: с. 149 о русалках); Дудин С. Киргизский орнамент, 1925; Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола, 1989; Латынин Б.А.

Мировое древо, древо жизни в орнаменте и фольклоре, 1933; Армянское орнаментальное искусство, 1985.

Карельские, монгольские... Кажется, он освоил все национальные орнаменты. «Я ставил себе задачу, которая казалась мне тогда вполне выполнимой, — проследить орнамент всех времен и народов. Где какой орнамент появился, в какой стране и как он сейчас живет. Я начал строить таблицу, а потом понял безнадежность своего замысла. Знаки начали блуждать, перепрыгивая из страны в страну, совершенно не логически возникать...» [151]

Занимаясь подготовкой «Чистодеревщиков», Родионов промеряет ногами весь Алтай. В архиве в 65 папках хранятся 823 фотографии (негативы и позитивы) образцов деревянной резьбы из более 40 населенных пунктов Алтайского края. Богатые узорами места, такие как Тальменка, Бийск, он навещает не раз. Самое большое количество снимков сделано в Тальменке, их 105, и на улице Чкалова в Барнауле — 111. Ничто не заставит Родионова отменить поездку за «деревяшками». В сентябре 1974-го, проводив жену в роддом, он отправляется в Бийск с семилетней дочерью, потому что там настоящее открытие: найдены рисунки и припорхи из мастерской Борзенкова. «Бийск помню смутно, — говорит Вероника. — А вот Поспелиха запомнилась. Папа рассказывал, из каких элементов состоит узор на наличниках. Целый день ходили по селу, отец фотографировал окна, разговаривал с хозяевами. Возвращались ночным поездом. В Барнаул приехали — папа разбудил меня, сказал шепотом: собирайся, выходим. В вагоне было почти темно. Я оделась, обулась, и мы вышли. А дома выяснилось, что у меня на ногах разные туфли. Одна — моя, а вторая — чужая, большого размера. В темноте я надела туфлю соседки по плацкартному купе. "А ей-то твоя обувка не налезет, — сказал папа. — Как же она дойдет?"»

«Колывань камнерезная» потребует еще более интенсивной подготовки. Все, что читано, отражают дневники. Обращают на себя внимание дореволюционные издания. «"Отечественные записки" ч. 4, 1820; "Сибирский вестник" 1821, ч. 13, с. 37–41; "Правительственный вестник", 1897, № 158, с. 3: яшма для украшения храма на Екатерининском канале, СПб; "Путешествие

доктора Буше на Алтай", СПб, 1826, с. 6 – 20; Кулибин. Горный журнал, 1829, т. 4, № 11 о горе Ревнёвой; журнал "Природа", 1917, № 3 Ферсман с. 377 – 385. На Алтае» [226, л. 88об]. «"Сибирский вестник", изданный Георгием Спасским. Nosce patriam poster viator eris, 1821, часть 13, СПб, в Морской типографии. Об огромной Сибирской чаше из зеленоволнистой яшмы» [226, л. 101]; Качка Г. С. Описание каменным породам, отысканным в разные времена горными чиновниками и служащими в Колыванской губернии, 1807.

Книга о камнерезах выводит на новые дороги: село Колывань, Санкт-Петербург, Урал, Свердловск. Вслед за Царицей ваз он устремляется на Чусовую – Каму – Ладогу, проходит водный путь, по которому доставили «огромную сибирскую чашу» из Барнаула в столицу Российской империи.

Работа в поле — одна из важных составляющих творческого метода писателя Родионова. Он всегда «легко становился на крыло» [14, с. 611]. Александр Михайлович, как правило, пускается в путь почти без вещей. В случае комфортных условий (поезд, гостиница) — у него при себе лишь паспорт, деньги на проезд, блокнот, ручка и книги в подарок. По существованию же в полевых условиях равных Родионову нет. Такого бывальца еще поискать. Сергей Боженко рассказывает: «Родионов был непривередлив. Геологическое прошлое выдавало его на каждом шагу. Спать летом в палатке отказывался принципиально. Разводил отдельный костер, грел землю и камни. Из горячих камней у костровища выкладывал стенку с наветренной стороны и заваливался там спать. Кажется, с тех пор я стал звать его Михалычем».

И всегда у Александра Михайловича на горизонте маячит следующая поездка. Он спешит ее осуществить, потому что другого раза может не быть: уйдет хранитель, исчезнут артефакты. «Рассказ о рождении узора от заготовки до цветка больше не повторился» [3, с. 57].

Поставив перед собой цель «читать историю Сибири», Родионов изучает предмет также всеобъемлюще. Язык, быт, труд, культура, образование — вся русская цивилизация и абори-

генная тоже. Предмет чтения — специальная литература, часто — издательства Академии наук. Названия книг обозначают область интересов: Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул, 1846; Небольсин П. И. Покорение Сибири, 1849; Савельев Н. Я. Сибирские механики П. М. Залесов и М. С. Лаулин 1953; Бонгард-Левин Г. М. От Скифии до Индии (загадки истории древних ариев), 1974; Переселение в Алтайский округ, 1912; История Сибири т. 2, 1968; Покшишевский. Заселение Сибири, 1951; Ржига В. Ф. Очерки по истории быта домонгольской Руси, 1929; Фальк И. Н. Записки путешествия, 1824-1825; Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа, 1899; Князькова Г. Г. Русское просторечие второй половины XVIII в., 1974; Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI-XVII столетиях, 1906; Мамсик Т. С. Община и быт алтайских беглецов-«каменщиков». Из книги «Из истории семьи и быта сибирских крестьян XVII – XIX вв., 1975 [254, 255].

В качестве дополнительного источника информации писатель использует записки иностранных путешественников XVIII, XIX и начала XX веков. Совсем немногие книги о Сибири и Алтае, изданные за рубежами России, были переведены на русский язык к 1980 годам. Но в Бийске живет чудесный книжник Леонид Александрович Мальцев, который переводит иностранные записки по собственной инициативе. Два неординарных книгочея познакомятся. «В тот приезд Родионов жил под впечатлением от общения с Леонидом Александровичем Мальцевым, ветераном Бийска, старейшим библиотечным и музейным работником, обладателем настоящих сокровищ в виде древних рукописей, документов. Не прост по характеру был Леонид Александрович, не каждого допускал к себе. А Родионову позволил ознакомиться с воспоминаниями иностранцев, когда-то давным-давно побывавших на Алтае. Видимо, почувствовал родственную душу...» [142, с. 4]. Александр Михайлович заказывает бийскому библиофилу переводы иностранных записок. Леонид Александрович переводит для писателя книгу английского художника Томаса Аткинсона «Восточная и западная Сибирь», вышедшую в Лондоне в 1858 году. Текст хранится в фонде Родионова: Государственный архив Алтайского края, дело № 296, 54 листа.

В марте 2013-го на фестивале «Издано на Алтае» за перевод Аткинсона (замечу, в эпоху свободного доступа к интернет-переводчику) отмечают совсем другого автора. Александр Михайлович, уже серьезно больной, заметно хромающий, на подведение итогов все же придет. Стиснув зубы, вскарабкается по лестнице на четвертый этаж. Он изрядно опечален, поскольку знает, что впервые Аткинсон переведен на русский язык более тридцати лет назад, без технических подпорок, «вживую», Леонидом Александровичем Мальцевым. Фрагмент из той работы опубликован в книге «Барнаул. Летопись города» (1995, 2007). Родионов скажет об этом, как привык, в глаза ни о чем не подозревающей толмачке. По правилам чести краевой издательский конкурс должен бы печатать Мальцева посмертно (исследователь умер в сентябре 1993 года). Но жюри о публикациях бийского библиотекаря знать не знает и ведать не ведает, и потому одобряет к печати автора, ни до ни после ничем не проявившего себя. А почему бы не пригласить в состав жюри Родионова? Нет сомнений, Александр Михайлович не пропустил бы в печать вторичную работу. Поскольку существует правило первых.

Кроме Аткинсона, в архивном фонде Родионова хранятся следующие переводы Леонида Мальцева: Сэмюэль Тёрнер «Сибирь. Путешествия, исследования и альпинизм», книга издана в Лондоне в 1911 году; Фредерик Мур «Сибирь сегодня» (1919); книга «Из Сибири в Туркестан», изданная в 1929 году в Нью-Йорке туристками Эллен Калиста Вилсон и Элси Рид Митчел; путевые заметки Юниуса Б. Вуда «Неправдоподобная Сибирь» (Нью-Йорк, 1928). Также собрание документов Родионова содержит переводы с английского и французского языков, с грифом: «сделаны неизвестным переводчиком по заказу А.М. Родионова». Среди них путевые заметки Джона Кокрена, первого туриста-иностранца на Алтае; Чарльза Котрелла — «Воспоминания о Сибири» (1842); Генри Ленсдела. Здесь же статья английского консула Джеймса Брайса «Западная Сибирь и Алтайские горы» (1913) и французского журналиста Жюля Легра «Поездка в Барнаул» (1897).

Что дают Родионову иностранные записки? Из наблюдений путешественников XIX – начала XX веков Александр Михайло-

вич выуживает важную информацию. Через какие населенные пункты Алтая шла дорога из пункта А в пункт В и сколько дней занимала? Как было организовано производство на Сереброплавильном заводе? Каковы были быт, отдых, образование горных офицеров и горожан? Живые впечатления путешественников прошлых веков для писателя-историка — кладезь.

Например, Джон Дундес Кокрен, прошедший всю Сибирь до Камчатки и обратно, а это 1820 год, наверняка интересен Александру Михайловичу следующими эпизодами: «Я доехал до первой станции по степям и лугам, встречая по дороге множество всяких повозок, которые колесят между рудниками и Барнаулом, перевоза руду и породу. Самые обыкновенные телеги, таратайки, крытые возки и фургоны — все были с грузом. Крытые возки принадлежат казне и предназначаются для перевозки ценностей.

Я посетил полицмейстера, раздобыл квартиру и утром нанес визит самому начальнику заводов Фролову (Петру Козьмичу). Он принял меня очень любезно, был так добр, что даже сам показал мне заводы. Все они были в образцовом состоянии. Порядок в Барнаульском округе достоин войти в пословицу. Заводы приносят казне чистой прибыли около 4 миллионов рублей. Город Барнаул хорошо застроен красивыми кирпичными и деревянными домами. Вообще, это недурное место для житья. В городе 8 тысяч жителей и, хотя окрестности не очень привлекательны, но город окружен прекрасными рощами, дающими стройматериал и дрова. Место для прогулок горожан — единственная площадь, всегда полная народом. Когда я был в Барнауле, шли приготовления к приему Сперанского, генерал-губернатора, объезжавшего Сибирь» [272, л. 2-5].

Через двадцать лет другой путешественник, Чарльз Котрелл, отметит иные черты. «В Барнаул свозят все золото, добываемое в Сибири и на Восточном Урале. В Барнауле больше образованных и ученых, чем во всей остальной Сибири. В Барнауле бумажная мельница, стекольный завод. Очень хорошее горное училище, где преподают математику, черчение и другие инженерные науки. Выделяется минеральный музей и собрание чучел птиц и зверей и коллекция одежды камчадалов и других сибирских северных племен. Все это было бы достойно показа

в Москве и Петербурге. Из чучел зверей привлек особое внимание тигр, убитый в прошлом году между Барнаулом и Бийском» [272, л. 9, 13].

Любой населенный пункт начинается для Александра Михайловича с музея. В его понимании музей «не предмет, а дело, восстановление пройденного пути» [14, с. 613]. Каждодневная работа в архивах и музеях, целенаправленное чтение и писание превращают бывшего геолога в энциклопедиста, знатока истории Сибири. Уже на этапе «Чистодеревщиков» о Родионове можно говорить как о мастере, выработавшем свой особый творческий метод. Между крайними точками — Новгород XI век и село Мамонтово Алтайского края 1973 год, — соотносимыми в его первой прозаической книге, уместилось девять веков. Таково путешествие во времени русской лилии, называемой еще «крином», — древнейшего элемента русского узора. «Колывань камнерезная» «обнимает» шесть веков — от Ивана Грозного до наших дней. В книге «На крыльях ремесла» упомянуты почти 400 исторических личностей, и каждый кратко охарактеризован. Тексты Родионова мирообъемны. Для них характерны огромный временной охват, мировая география, многонаселенность, убористое нанизывание фактов. И, как и полагается поисковой прозе, — открытия.

В начале 1987 года Юрий Малашин напишет Александру Михайловичу: «Картину закончил. Произошло неожиданное для меня самого сочетание сказовости, публицистики и историчности». Режиссер говорит о своем фильме «Сказ о Царице ваз», в котором снимался и Александр Михайлович. Эта же акцентированная триада идеально определяет и атмосферу документальной прозы Родионова. Именно так: сказовость, публицистика, историчность.

НЕ ДАЙ, ГОСПОДЬ, СУДЬБЫ НЕГЛИНКИ

Есть кочующие сюжеты, о которых говорят литературоведы, а у Родионова — кочующие герои. Те, о ком он пишет на протяжении всей жизни, с каждым разом расширяя и уточняя

первоначальный рассказ. Неоднократно возвращается Александр Михайлович к личности краеведа Николая Яковлевича Савельева, фольклориста и исследователя Алтая Степана Ивановича Гуляева, писателей Георгия Дмитриевича Гребенщикова и Дмитрия Кобякова. Это предшественники. Но есть и современники, о которых Родионов говорит с восторгом. Кажется, чаще других он обращается к жизни и исследованиям Бориса Хатмиевича Кадикова. Кадиков провел 49 сезонов в поле, он первооткрыватель рунических писем на Алтае, древних плавлен на Куяхтонаре, древнекаменных стоянок на Иткуле. Он спасал деревянную архитектуру Бийска, печалился о судьбе целого народа — кумандинцев, пробил букварь кумандинского языка. «Он был в одном лице археологом, историком, этнографом, топонимистом, культурологом... Он был человеком конкретного дела. Исследовал тот или иной предмет или явление и выдавал результат. У него этим результатом была музейная экспозиция» [14, с. 603]. Родионов не смолчит и о том, что звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», на которое выдвинула Кадикова бийская общественность, зарубила влиятельная особа, «просидевшая теплой куколкой в кабинете» [14, с. 605]. Впервые знаменитого музейщика Александр Родионов упомянет в статье «Там особенный узор», опубликованной в «Молодежи Алтая» 2 ноября 1974 года. В 1977-м он посвятит Борису Хатмиевичу поэму «Агашевна». В этом же году «Алтайская правда» напечатает очерк «Обитаемый остров» о Кадикове. Материал целиком войдет в книгу «Чистодеревщики» (1981). Расширенный портрет Кадикова автор помещает в «Красную книгу ремесел» (1990). Родионову выпадет сказать и последнее слово о необыкновенном исследователе из Бийска. Прощальный очерк «Он, мужественный брат мой...» даст в 2011 году журнал «Сибирские огни», в 2012-м — «Алтай». Этот же текст определяет Александр Михайлович в свою последнюю книгу «Одинокое дело мое» (2011).

Мало о ком брался писать Родионов в «Календарь знаменательных дат», издаваемый отделом краеведения главной библиотеки региона. О Вениамине Михайловиче Чекалине, выпускнике Томского политеха, для которого геология — смысл жизни, напишет. И до календаря сделает не одну статью. Чекалин

получил в 1993 году Государственную премию в составе группы геологов Рудно-Алтайской экспедиции за создание крупной сырьевой базы полиметаллов в Алтайском крае. Награды никто, кроме Родионова, не заметил. А Чекалин и его команда дали новую жизнь Корбалихинскому месторождению, считавшемуся со времен войны средненьким и неинтересным. Геологи в 1976–1987 годах доказали его мощность и выгодность разработки. Первый разговор с Чекалиным Родионов записывает для «Прямой речи» в июле 1993-го, накануне отъезда геолога «в заморские страны». По возвращении, в апреле 1996-го накануне дня геолога, будет новое интервью, в котором Вениамин Михайлович выражает беспокойство по поводу освоения разведанного на Алтае и разваливающейся геологической службы страны. «И как брала страна — вот загвоздка в чем. В 70-х разработали месторождение полиметаллов Крючковское. А в нем, помимо меди и прочих компонентов, только золота содержалось почти полторы тонны да плюс к тому 130 тонн серебра. Все вместе вывезли в кузове самосвалов на заводы в Восточный Казахстан. А краю нашему остался на память один котлован у села Крючки...» [49] Чекалин подсказывает властям: «Такие золоторудные точки, как Мурзинка и Сурич, должны быть оценены детально в самый короткий срок. И тут же взяты в работу — это золото, которого не хватает ни в стране, ни на Алтае» [49]. Вот такие люди, «с думой о благе о российском», интересны Родионову. Потому и возвращается он к ним раз за разом. Беседы с Чекалиным для Александра Михайловича — это еще и служение геологии, перед которой он в долгу.

Герои очерков Родионова — подвижники. Все они совершают подвиг. Сдвигают то есть дело с мертвой точки и возвращают, и пестуют его так, что не заметить нельзя — результат ощутим и ярок. Неоднократно пишет Александр Михайлович о Любви Николаевне Шаминой. Искусствовед, борясь за новое здание для Художественного музея, дошла до всесоюзного сатирического журнала «Фитиль» и выбила в конце концов дом под музей в самом центре Барнаула. За ней остается непревзойденная всероссийская искусствоведческая конференция и выставка колыванских ваз, привезенных в Барнаул из столичных музеев; создание музея Барнаульского ликероводочного завода.

С сыновним трепетом относится Александр к Сергею Ивановичу Пирогову, барнаульскому старожилу, фотографу, переснявшему все лучшие картины местных художников для буклетов и альбомов и немало рассказавшему Родионову о барнаульской старине. О нем также статья в алтайском «Календаре знаменательных дат». Скромная учительница Валентина Семёновна Баклыкова из села Верх-Озерного создает уникальный школьный музей, который «по-настоящему вокруг Бийска интересен один». После знакомства с Валентиной Семёновной и ее музеем Родионов запишет в полевую тетрадь: «Если бы в каждой школе да по Баклыковой» [226, с. 53].

Основные прозаические книги (не журнальные публикации и не переиздания) Родионова выходят через довольно длительные промежутки: 1981 «Чистодеревщики», 1986 «Колывань камнерезная», 1988 «На крыльях ремесла», 1990 «Красная книга ремесел», 2000 «Азъ грешный», 2007 роман «Князь-Раб» в двух томах, 2011 «Одинокое дело мое». А нельзя ли было работать быстрее, спросит кто-то? Не только нельзя — невозможно. «Медлительность» объясняется многими причинами. Сначала идет накопление знаний, материала, возможностей. Потом напрочь меняются внешние условия, рушится государственная издательская система. Писатели не имеют возможности издаваться и ничего не зарабатывают своим трудом. Добывать хлеб приходится подработками, так, в 1997-м Родионов берется за написание буклета для Барнаульского ликероводочного завода. И сколько было таких литературных оброков! Имеет значение и то, что документальный поиск и исторический роман — дело кропотливое и копотливое. Родионов гоняется за документами, осевшими в разных сибирских и столичных архивах.

Кроме того, он нешуточно отдается общественной деятельности. Всегда на виду, на людях. Днем рабочие встречи, вечером в его доме довольно часто собираются друзья. Всякий раз, когда Родионов объявляет о своей новой статье, вышедшей в том или ином СМИ или литературном журнале, он неизменно слышит вопрос: «Когда вы успели?» Обычно Александр Михайлович отмалчивается. И лишь однажды довелось услышать: «Когда? Писатель работает всегда». Всегда — это значит и ночью, за счет сна. Кроме того, «всегда» означает постоянно

включенный мозг. Неусыпное наблюдение: образы, характеры, портреты, типажи, интерьер, детали. Непрерывное собирательство: фразы, особенности речи, факты.

Для чего он так неотступно работает, тратит и изнашивает себя? Кажется, самое время вернуться к вопросу о славе, который возникал уже в этой книге. И так, хотелось ли Александру Родионову славы? Возможно, и хотелось. Ее многим хочется, особенно по молодости. И что тут такого? К тому же и пример перед глазами: поэты-шестидесятники. И почет им, и материальное обеспечение, и свобода передвижения по стране, а то и за границей.

Слава не слава, но внимание, интерес Родионову достались. Они пришлись на 1980–2000 годы. Были письма, вопросы в них, было понимание, что люди читают его книги и хотят иметь их дома. Были многочисленные писательские поездки, приглашения, адресованные ему лично. Он не ошибся, написал: «Мастерство есть способ увидеть белый свет». Были и литературные премии, и пресловутая квартира с кабинетом, как и полагалось писателям. Известность Александра Родионова на Алтае бесспорна. В советские годы его хорошо знают в писательском сообществе Сибири и страны. Площадь Алтая между тем — это две Австрии или Эстония, Дания, Нидерланды и Швейцария вместе взятые. Можно и гордиться такой популярностью.

Но не для славы, уж конечно, он работал. Довольно быстро приходит осознание, что литература — это крошечный труд, а писательская среда, мягко выражаясь, — весьма непроста. После 1990 года Родионов работает над книгами, не имея ни малейших средств на их писание и издание. Его влекут поиск и слово. Он пишет ради восторга открытия. «Восторг открытия — самое высшее мздовоздаяние первопроходцам» [34], — скажет он.

И, конечно, ему не хочется уйти незамеченным. Оставить след — для него важно. По Шукшину: «Важно прорваться в будущую Россию». По Родионову: «8 октября 1972. Неглинка спрятана в трубу при Екатерине. 9 октября 1972.... Не дай, Господь, судьбы Неглинки» [217, с. 23об, 24]

ПОГРУЖЕНИЕ В РОМАН

Первая публикация романа «Азъ грешный» состоится в 1994 году в журнале «Алтай». Текст печатается в четырех номерах с марта по декабрь. Под заключительной частью Александр Родионов указывает годы работы: 1987–1992 гг. Однако замысел произведения появляется значительно раньше 1987 года. Идея, связанная с новой книгой, прослеживается в переписке Родионова с женой в период учебы на ВЛК. В мае 1985 года он пишет ей из Москвы: «От Ашхабада придется отказать. Причина, поверь, важная. Мне хочется сделать — попытаться написать одну вещь покрупнее на алтайском материале. Боюсь делиться замыслом даже с тобой — суеверный».

После того как первая часть романа будет опубликована в журнале, автор откроется: «Заканчивая книгу о Колывани «На крыльях ремесла» для московского издательства «Современник», я наткнулся на сведения об офицере Бухольце, посланном царем Петром за золотом за тридевять земель от России. Любой русский человек вправе себя спросить: почему нас все время тянет на Восток? Что за сила нас туда влечет? Какой-то рок... Так родился замысел новой книги» [137].

Еще более ранние отголоски «Аза» обнаруживаются в «Колывани камнерезной», рукопись которой в основе своей была завершена в 1982 году. В «Колывани» есть эпизод: отец и сын Демидовы обсуждают подарок на первый зубок сына Петра I. Царю вручат золотые фигурки, добытые в степных буграх, иначе говоря, могильное золото. Этот фрагмент целиком переключается в роман. В «Колывани» же описана ватажка рудознатцев — Степан Костылев, Михайло Волков, Федя Комарок. И они будут действовать в романе. Сюжетные линии будущей эпопеи сначала проступают в документальной прозе. А в 1987-м Александр Родионов вплотную подходит к подготовительной работе над новой книгой. Он впервые берется за художественное полотно. И, по его словам, берется из азарта, чтобы доказать, что умеет писать не только документальную прозу. Возможно, имел место спор, но с кем и когда он случился, неизвестно. Судя по всему, переход на новый творческий этап произошел

естественно, без напряжения. Ничего удивительного в этом нет, все прежние родионовские книги содержат художественное зерно.

В жанровом отношении его поисковая проза — смелый микс. В повествовательной ткани сплетаются очерк, а порой и репортаж, исторические документы, публицистика. Но во всем этом, казалось бы, журналистском наборе, нет сухости, однодневности, быстрого поверхностного языка. Родионов работает как художник: то «по-кустодиевски» пышно, то по-юоновски тонко, то резко и дерзко — языком плаката. Во всем ощущается высокий авторский порыв, поиск образа.

К началу работы над романом Александр Михайлович уже более десятка лет погружен в XVIII столетие и более узко, предметно — в петровское время. Можно сказать, что Родионов параллельно живет в двух реальностях, физически находясь в XX-XXI веках, а душой — в XVIII. Он имеет столько же «знакомств» при дворе Петра I и во всей начинающей поддаваться русскому укладу Сибири, сколько и в своей очевидной жизни. Он и разговаривает на языке того времени. «У меня есть словарь, который я приготовил для XVIII века, пока работал над рукописью» [137].

В своем замысле Родионов утверждает прежде всего потому, что вышел он на тропу нехоженую. «Для читателя Сибирь времен Петра I — страна неведомая. Этот глубочайший исторический пласт почти не тронули писатели ушедшие и ныне живущие». Он первым берется за художественное осмысление эпохи.

Поначалу, пока материал проявляется нитевидно или отдельными вспышками, в мыслях Родионова нет огромного, двухтомного, на тысячу страниц, романа. В письме 1987 года к известному археографу Николаю Николаевичу Покровскому будущий автор эпопеи сообщает: «Собираю материал для повести о Степане Костылеве, и, само собой, в орбиту вовлекается Матвей Гагарин. И, кажется, староверов тут не миновать» [205, л. 5]. К этому времени уже сделан небольшой эпизод о рудознатце Костылеве и его ватажке, вышедшей к Белоярской крепости. Отрывок рождается быстро, вдохновенно, без помарок, на случайном листке в клеточку, развернутом вертикально.

Рукописный текст помечен 1 июня 1986 года. Позже автор вклеит этот лист в одну из нескольких амбарных книг, которые использует для написания романа. Однако логика произведения складывается таким образом, что белоярская сцена будет востребована только через двадцать лет. Она войдет во вторую часть романа.

В 1987-м Родионов ставит перед собой задачу: разобраться в том, что происходило в государстве Российском и его составной части — Сибири с 1700 по 1725 годы. И он атакует эпоху: читает книги, штудирует словари русского языка XVII-XVIII веков, а также диалектные, составляет речевые словарики для героев, сидит в архивах, выходит на историков, научные интересы которых лежат в первой трети XVIII столетия. Берет и предысторию: XVI век, времена Ивана Грозного и Ермака, покорявшего Сибирь. В XVII веке его интересуют маршруты русских землепроходцев Василия Пояркова, Ерофея Хабарова, Семена Дежнёва, других русских путешественников. Именно XVI и XVII века дают импульс движению русских на восток. В тех же эпохах впервые обозначается проблема, ставшая нестерпимой для петровской России, — нехватка металла на пушки и дефицит золота. К слову, с автором исторического романа о Ермаке Василием Петровичем Гнутовым, живущим в городе Аксай Ростовской области, Родионов находится в переписке и книгу «Подвиг Ермака» имеет с автографом.

В рабочих тетрадях появляются выписки из следующих книг: Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII век (Заводы и заводовладельцы), М., 1962; Г. В. Есипов. Тяжелая память прошлого (О тайной канцелярии). СПб., 1895; А. Чичерин. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683-1725 гг.; С. П. Луппов. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957; Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882. Составитель В. В. Щеглов. Иркутск, 1883; Дипломатическое собрание дел между Российским и китайским государством 1617-1792 гг., составленное Николаем Бантыш-Каменским (К 300-летию Сибири). Казань, 1882.

Книги, большая часть из которых исторические монографии, дают ответы далеко не на все вопросы. Тема требует изучения

архивных документов. Родионов обращается в письмах к известным в научном и творческом мире людям — архивистам, историкам, журналистам, режиссерам из разных городов. Он просит сориентировать его, навести на нужные архивы. Люди откликаются, помогают.

Один из главных адресатов Александра Родионова — археолог Николай Покровский. В 1984 году у него вышла книга «Путешествие за редкими книгами». Покровский — специалист в теме старообрядчества. Один из его героев Родион Набатов — легендарная фигура старообрядческого движения на Урале. Степан Костылев, главный герой в романе Родионова «Азь грешный» и позже в двухтомном повествовании «Князь-Раб», тоже старообрядец. Александр Михайлович адресует к доктору исторических наук Покровскому с письмом: «Написать Вам побудил Родион Набатов. Меня очень интересуют демидовский отрезок истории Алтая, а также костылевская предыстория (об этом есть у меня компиляция на стр. 57-59). Почти ничего не известно мне о демидовских людях, действовавших в самой Кольвани и на окрестных рудниках. Понимаю, горное дело не Ваша забота, но, может быть, Вы косвенно в каких-то архивах встречали документы, меня интересующие. Вопрос: в каких архивах? И, может быть, что-то новое уже опубликовано по этому периоду — 1717-1745 годы» [205, л. 5].

Хороший ориентир дает Александру Михайловичу московский историк Людмила Сергеевна Рафиенко: «Подумав, я решила, что Вам поможет моя статья «Следственные комиссии в Сибири в 30-60-х гг. XVIII в.» в сб<орнике>: «Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVIII-XIX вв.). Сибирь периода феодализма», вып. 3, Новосибирск, 1968. Надо смотреть те же фонды в ЦГАДА, которые я использовала, только за более ранний период. Можно посмотреть также статью Ю.В. Готье «Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII в.» в кн.: «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909».

С запросом в архив историко-дипломатического управления МИД СССР помогает Александру ответсек Алтайской писательской организации Виктор Горн.

«Просим помочь члену СП СССР Родионову А. М. в разыскании архивных материалов, относящихся к истории Сибири начала XVIII века, — пишет Виктор Федорович. — Писателя интересует период 1700-1721 гг., а еще точнее — следственное дело о бывшем Сибирском губернаторе М. П. Гагарине» [205, л. 4]. Из МИД СССР отвечает Всеволод Кизиченко в апреле 1987 года: «Документы 1700-1721 гг. о сибирском губернаторе М. П. Гагарине, хранившиеся в XIX в. в Московском Главном архиве МИД России, в настоящее время находятся в Центральном государственном архиве древних актов в г. Москве, ул. Пироговская, 17».

Четырьмя месяцами позже Родионов имеет на руках постановление секретариата Союза писателей СССР. Документ гласит: «Предоставить творческую командировку в г. Москву сроком на 14 дней тов. Родионову А. М. для работы в ЦГАДА с материалами по следственному делу сибирского губернатора Гагарина. Поручить Литфонду СССР принять к оплате расходы по командировке т. Родионова А. М. из расчета 5 (пять) рублей в сутки из средств на спецкомандировки».

И товарищ Родионов отправляется в столицу. Дни напролет просиживает он в архиве древних актов. Материал идет в руки — драгоценный. Некоторые факты Родионов первым введет в публичный оборот. В 1995-м, будучи в Егорьевке, Александр Михайлович рассказывает о своих архивных находках в интервью газете «Колос»: «Мне пришлось обратиться к портфелям Миллера, хранящимся в ЦГАДА в Москве. Был такой ученый Миллер в послепетровский период, проехавший всю Сибирь и в течение десяти лет переписывавший архивы в сибирских городах. Когда я поехал в Тобольск, чтобы поработать с архивными сведениями о XVIII веке, мне сказали: вы опоздали на сто лет, архив давно сторел. То же самое в Тюмени. И только в портфелях Миллера есть сообщение о походе Бухольца за золотом в город Эркет, о судьбе сибирского губернатора Гагарина, автора замысла этого похода в так называемую Малую Бухару. О Степане Костылеве, который пока только заявлен в первой части, известно несколько фактов. В частности, что он раньше Демидова обнаружил в Сибири все то, что мы называем полиметаллической рудой. Он еще не знал, что открыл мощнейшую

золоторудную провинцию. О Степане Костылеве известно лишь из портфелей Миллера, *которые я впервые ввожу в оборот* (выделено мной — Л. В.): это подробности сопровождения Костылева из Томска в Тобольск и из Тобольска в Москву, потому что он с товарищами отказался давать показания, требуя самого государя. Они выкрикнули «слово и дело», что означало тогда, что есть угроза самодержавию или в Сибири государственная измена. А кто хозяин Сибири? Гагарин. Но самое главное: за что повесили Гагарина? За мздоимство в Сибири или за то, что он хотел, чтобы Сибирь была самостоятельной? И это очень важно, так как напрямую перекликается с сегодняшним днем» [137].

В период сбора материала к роману «Азь грешный» Родионов предпринимает несколько исследовательских путешествий. Чтобы описать поход князя Бековича, в конце августа 1989 года Александр Михайлович выезжает из Ашхабада на поезде в Красноводск, а дальше плывет на барже по Каспийскому морю до Астрахани. В 1990-м в составе писательской организации он отправляется в Китай. Поднебесная — серьезный заинтересованный в землях Сибири политический игрок в XVIII веке. На поиски золота Петр I отправляет две военные экспедиции — Бухольца и Бековича. Путь лежит в Малую Бухарию, это нынешний Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, граничащий в том числе и с Республикой Алтай. Не единожды романист навещает Тобольск и близлежащие города, а также Иркутск, Усть-Каменогорск — здесь проходят маршруты его героев.

Географический охват романа невероятен. При этом автор побывал почти во всех точках земного шара, о которых пишет. На пост-романное время останется лишь Западная Европа. Еще до работы над историческим повествованием «Азь грешный» Родионов прошел СССР от западных его рубежей до восточных, от Львова до Хабаровска. Судьба геолога носила его повсюду. «Мне приходилось бывать в Краснохолмске, Таджикистане, Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане, Кемеровской области, Красноярском крае на Енисее, Новосибирске, Томске, на Алтае» [161]. К 1980 году Александр Родионов трижды одолел трассу Барнаул – Владивосток туда и обратно. Это

без малого длина экватора — 40075 километров. Сколько раз Александр Родионов обходит вокруг Земли, пока пишет свои книги?

ГУЩА И ПУЩА

Роман «Азь грешный» сначала появляется в виде отдельных глав в местной и центральной прессе. Череда публикаций начинается с отрывка «Виден ли свет?» и «Посольство Ивана Чередова» в мае и сентябре 1992 года на страницах газеты «Прямая речь». В начале декабря 1993-го «Алтайская правда» печатает главу «Китайское посольство». Два фрагмента «Иоанн Тобольский» и «Демидовы» под общим заголовком «Государева воля» публикует 24 июня 1994 года «Литературная Россия». «Вечерний Барнаул» в январе 1995-го помещает главку «Сергуня Толпыга». К этому времени «Азь грешный» уже вышел в трех номерах журнала «Алтай», готовится к выходу запаздывающий четвертый выпуск с заключительной частью повествования.

Митрополит Иоанн Тобольский — один из любимейших героев Родионова. Проникновенно и почтительно рисует писатель его образ, отдавая ему свои размышления о государственной политике на рубежах Сибири. Мне довелось полюбить святителя Ионна задолго до прочтения романа, благодаря случаю.

— Яко же облак дождем истек обелеет, так и печаль избеседована лицо обелит, — улыбаясь в бороду, однажды сказал Александр Михайлович.

— Чего, чего?

Он повторил еще раз, медленнее, четко разделяя слова.

— Избеседовать нужно печаль, и легче станет, — изложил наконец доступно.

Присловье понравилось. Александр Михайлович пояснил, что фраза принадлежит Иоанну Тобольскому, и произносит он ее в романе «Азь грешный». Потом я не раз пыталась найти эти слова, наскоро пролистывая томик «Аза грешного». Не удавалось. Книга требовала честного чтения. Приговорка

открылась несколько лет назад, когда я полностью погрузилась в судьбу Родионова. Читаю: «Сегодня он (митрополит Иоанн — Л. В.) долго выслушивал историю одного тобольского казака, вернувшегося из десятилетнего кайсацкого плена калеккой. Иоанн слушал страдальца, не перебивая, добрых два часа кряду, понимая — после бездны отчаяния человек должен выговориться, хоть и не на исповеди, но сполна! Не зря речено: яко же облак дождем истек обелеет. Так и печаль избеседована лицо обелит».

Сейчас, будь такая возможность, спросила бы я тотального книгочея Александра Михайловича: где, в каком первоисточнике, подметил он присказку про «избеседовану печаль»? Не факт, конечно, что тут же бы он и открылся. Свои исследовательские тропы автор «Аза грешного» сохранял в тайне.

В том, что всерьез занят историческим романом, Родионов решается сказать в 1993 году, когда первая часть завершена, а газеты опубликовали несколько глав. «Я уже говорил, что изучаю Сибирь в петровский период. Есть рукопись. А издание книги зависит не от меня», — заявляет он в интервью [133]. Зеленый свет роману дает главный редактор журнала «Алтай» Виктор Горн, а после его отъезда в Германию продолжает печатать Владимир Башунов. Журнальная публикация завершается в первом квартале 1995 года.

В ноябре этого же года состоится обсуждение исторического повествования «Азь грешный» в Доме писателей. По следам встречи выходит крошечная заметка Валерия Тихонова в газете «Молодежь Алтая». В узенькой колонке многословный заголовок сообщает: «Литературное событие не только сибирского, но и российского уровня». В тексте отмечается, что Александр Родионов «в течение пяти лет создавал историческое повествование «Азь грешный». Причем это только первая часть». Далее следует фабула произведения: «О чем сей труд? Если позволить себе коротко пересказать сюжет, то: о маньчжурах, джунгарах, китайцах и японцах времен петровской эпохи, о судьбах пленных шведов, об истории предательства Мазепы и его сторонников, о поисках золота на Урале и в Сибири и прочая, и прочая. В центре повествования личность Матвея Гагарина — одного из двенадцати губернаторов Петра I. За «Азь грешный»

он (Александр Родионов — Л. В.) получил и лестные отзывы, и полезные замечания от людей отнюдь не случайных в истории, экономике, лингвистике и литературе» [141].

Вот и все сведения. Однако хочется чуть больше конкретики. Кто из писателей и не писателей присутствовал? Что отмечал каждый из них? С момента обсуждения прошло четверть века, со времени ухода из жизни Александра Михайловича — семь лет. И вот, оказывается, что картину восстановить уже достаточно сложно. Выявляются лишь малые осколки. Валерий Тихонов никого из писателей вспомнить не смог, а запомнилась ему филолог, преподаватель пединститута, а позже другого вуза — классического университета — Александра Ивановна Иванова, знаменитая баба Саня. «Она очень хвалила язык романа», — говорит Валерий.

Кандидат филологических наук Александра Иванова станет автором послесловия к книге «Азь грешный», поэтому высказать ее мнение о романе вообще и его языке в частности труда не составляет. Она пишет: «В романе А. М. Родионова показана большая панорама событий практически на всей территории государства, но средоточием стала Сибирь». Многие рецензенты, и Александра Ивановна первая из них, отмечают густонаселенность романа: «Государь, губернаторы, придворные, столичные и сибирские чиновники, воины разных уровней, горнозаводчики, служители церкви, простой люд, многие аборигенные народы... Все они активные участники разных событий, повествование необычайно динамично, все в нем бурлит и кипит, все в движении» [9, с. 553]. Автор послесловия обращает внимание на умение Родионова найти в эпохе интересные личности, «внесшие вклад в историю своего времени. В романе «Азь грешный» это, без сомнения, Семен Ульянович Ремезов и как бы антипод его — швед Иоганн Табберт. И то и другое имя отразилось в конкретных документах, собранных выдающимся археографом Миллером в Тобольске в 30-х годах XVIII века, то есть почти вслед за событиями петровского периода» [9, с. 553]. Александра Иванова акцентирует внимание на композиционном приеме повествования, а именно: параллельности событий. «Экспедиции на юг Средней Азии из Сибири и Астрахани — западные экспедиции Петра; сны Гагарина и Петра;

тайные мысли Гагарина об отделении Сибири и измена Мазепы и др.» [9, с. 554-555]

Большую часть статьи доцент Иванова как историк языка, диалектолог, посвящает языковому мастерству Родионова: «Александр Михайлович нашел удачный способ отражения языковой стилистики эпохи, особенно в речи персонажей, понимая, что устная речь (диалектная особенно) ни в какие периоды истории языка не бывает тождественна письменной, более консервативной по отношению к устной, поскольку письменная речь часто искусственно удерживает старые языковые особенности. Изучение исторических и диалектных словарей, особенно старожильческого населения Сибири, да и свой языковой опыт сельского жителя позволили автору верно услышать слово, тон (интонацию) речи эпохи» [9, с. 555].

Не сомневаюсь, пришли на обсуждение романа и Владимир Башунов, и Евгений Гуцин. Что-то говорили и они. Гуцин, кроме того, предпочел разговор с Родионовым с глазу на глаз (о нем позже). Библиотечный работник, заведующая отделом краеведения Вера Сергеевна Олейник также присутствует в доме писателей. Среди участников встречи она вспоминает писателей Ивана Кудинова, Марка Юдалевича, в ее трактовке, «китов» алтайской литературы. «"Киты", — рассказывает Вера Сергеевна, — приняли роман неоднозначно, у них были вопросы. Они положительно оценили собранный исторический материал, но чисто к литературной стороне дела имели претензии. И видно было, что Родионов несколько обескуражен таким приемом».

Вопросы к автору — это нормально, они должны быть, как и советы, и предложения. Но что могли не принять писатели старшего поколения в «Азе грешном»? Попробую предположить. Роман — очень плотный, густой: сотни имен, сотни географических названий, что для среднестатистического читателя, которого всегда учитывают писатели, непривычно, сложно. На мой взгляд, в этой событийной гуще и пуще следует видеть художественную неординарность и своеобразие произведения Александра Родионова.

«"Азъ грешный" — это роман, и роман необычный, нетрадиционный, — верно подмечает в рецензии преподаватель

из Бийска Вячеслав Возчиков, единственный, кто отзовется на журнальную публикацию произведения. — Стержень его не привычная личностно-бытовая интрига (жизнь главного героя с его исканиями, любовью и т. д.), реализуемая на фоне конкретных исторических событий, а собственно история в лицах и деяниях. Родионов создает сибирскую панораму XVIII века, включающую в себя дворцы и деревенские домики, заводы и кустарные мастерские, военные баталии и усилия дипломатии — словом, все те большие и малые факторы, составляющие жизнь государства. Переплетение сюжетных линий позволяет читателю из дворца Петра перенестись на заводы Демидова, из Тобольска — к хану Аюке, из поселения ссыльных шведов — на хутор, где пытается укрыться от любителя золота незадачливый бугровщик» [140]. Заслуживает внимания взгляд Возчикова на композицию романа: «Спиралеобразность композиции обусловлена экскурсами в историю, сознательным замедлением действия — и тогда на первый план выходит художник-прозаик, вжившийся в быт эпохи, убедительно передающий ее колорит. Неразрывно с историческим происходит философское, психологическое постижение минувшего» [140].

Чтение романа может показаться (и писателям старшего поколения, видимо, и показалось) трудным. А Родионову в XVIII веке легко. Он досконально, в мельчайших подробностях знает это время и любит — за восходящий русский характер. Взявшись за беспрецедентное сибирское полотно, Александр Михайлович уподобляется Гогену. Вспомним дневник молодых лет нашего героя: «Может быть, Гоген смотрел на вещи глазами таитян, не заботясь о том, как будет смотреть европеец на его полотна.

Это одно из условий независимого (самостоятельного) в творчестве». Родионов, выстраивая роман, пишет свободно, широко, подробно, не подстраиваясь под общепринятые нормы, не думая о среднеарифметическом читателе. Писатель не усредняется. Родионовскому роману нужно отдаться целиком, читать его — значит со-работать, со-трудничать с автором. И «Азь грешный» вознаградит.

После выхода в свет журнального варианта романа «Азь грешный» больше всех других стремится достать его Павел

Брычков из Омска. «Это мой единственный параллельщик и соперник», — говорит о нем Александр Михайлович. Павел Алексеевич тоже работает над романом о Петровском периоде в Сибири. Писатели знакомы, об интересах друг друга знают. В январе 1996 года Павел Брычков пишет письмо Александру Родионову:

«Здравствуй, Саша!

Случайно наткнулся в нашем Союзе писателей на Башунова и Балачана и выпросил буквально на денек твое повествование. Не скрою, начал читать с некоторым ревнивым чувством, ибо все-таки я роман-то свой первым закончил, а ты первый опубликовал, — но когда прочитал, никакой ни ревности, ни досады не испытываю. А напротив — от души поздравляю тебя с удачей! Главное, что есть: отличный язык и проникновение в эпоху, вживание в нее. Удачная форма — повествование — позволила рисовать широкую историческую панораму без ущерба для главной темы (единственное, показалось только, пока непропорционально мало о грабителях курганов). Романы у нас слишком разные, поэтому мы, так сказать, не соперники, хотя почти все персонажи есть и в моем романе. Лишь экспедиции Бековича-Черкасского я не описывал, а упомянул только раз в разговоре Бухолца с Меньшиковым после возвращения первого. Да Иоанна Максимовича не догадался связать с У<...> и Мазепой, с другой стороны, мне это вроде и не требовалось. У меня все действие вокруг экспедиции, а лишние отступления сбивают динамизм повествования. Есть, конечно, у тебя проколы и неточности. Вот некоторые из них. Есть у тебя фраза: «... возвращаясь, решили заехать к остякам, вогулам и хантам». Но ханты это и есть остяки, а вогулы = манси, самоеды = ненцы.... Но это все мелочи. Неточности, вероятно, есть и у меня, особенно, касательно Гагарина и его семейства. Здесь ты копнул обширнее. У меня подробнее о Бухолце.

...Еще раз поздравляю с удачей, думаю, Плетнёв то же скажет. 17.01. 96».

Я — СИММЕТРИЧНО

Выход книги «Азъ грешный» стопорится — годы безденежные. Летом 1996-го (вероятнее всего) автор заказывает иллюстрации к повествованию известному художнику Юрию Иванову. В это время у Родионова есть возможность оплатить заказ, он только что получил Шукшинскую премию. Верстка, подготовка оригинал-макета, которым занимается дизайнер Александр Кальмуцкий, корректура приходится, по всей видимости, на 1997-й. В 1998-м «Азъ грешный» готов к изданию. Этот год и остался на титульном листе по недосмотру. В августе грянул делофт — какие уж тут книги. В Рубцовском краеведческом музее хранится экземпляр «Аза грешного», в котором рукой автора зачеркнут на титульном листе 1998 год и сверху написан 2000-й. Дополнительная информация — «Бумага газетная. Тираж 1000» — дает представление о крайне скудном бюджете книги. Но и относительно небольшие деньги нужно где-то взять. Всех своих благодетелей Родионов называет в первых строках: «Издание осуществлено при поддержке администрации г. Барнаула, агентства «Алтапресс», предпринимателей П.В. Шабалина (Барнаульский дрожжевой завод), В.П. Гришина (ПИИ ООО "ЭК Электроник")». Замечателен вклад в оформление обложки Алексея Лукина. Рубцовский фотограф, увы, не дождался книги, его имя обведено в выходных данных траурной рамочкой. Фотопортрет Родионова работы Лукина помещен на концевую обложку. В кадре человек, погруженный в размышление, сосредоточенный на чем-то глубоком и непросто решаемом. Легкий наклон головы не выдает глаз. За человека говорят большой умный лоб, сдвинутые к переносице брови, пальцы, касающиеся виска, разметанная ветерком давно не стриженная шевелюра и окладистая борода. Во всем облике — мыслительная собранность, духовное напряжение. Один из лучших образов Родионова.

Кстати, голову Родионова как объект рисования любил художник Василий Рублёв. Он выполнил несколько графических портретов в необычных ракурсах, где также не видно глаз, но с листа, на котором изображены широкая макушка

и выпуклый лоб, прет характер Родионова. Линии, штриховка и пятна создают образ сильный, упрямый, пружинный, в чем-то и тяжелый. Цвет сангины добавляет горячности и свежения. Рублёв находил, что лепкой лица и черепа Родионов походит на Сократа.

Пока зреет книга (идет предпечатная подготовка), отрывки из нее выходят в нескольких СМИ. Публикации приходится на 1998 год. «Хивинский поход» — в барнаульском самиздате «Ликбез», «Дмитриевская суббота» — в «Литературной России», «Казахский пленник» — в «Алтайской правде». Все три эпизода связаны с воительной российской историей. В романе Родионов говорит о бессмысленных потерях русского воинства, о безжалостной и глупой воле государевой. Тысячами тысяч посылает на смерть правитель безропотных подданных своих. Гибнут люди русские в жестоких, плохо оснащенных да и вовсе ненужных походах. Родионов отказывает Петру I в величии. Эпизод «Дмитриевская суббота» рисует день мирный и скорбный: в Тобольск вернулась уцелевшая часть войска из экспедиции Бухольца. События 280-летней давности без усилий проецируются на российскую действительность девяностых годов: по тысячам мальчишек, погибших в Чечне, скорбят матери.

«Тяжкий день встал у всех городских ворот — Дмитриевская суббота подошла. <...> Вопль великий встал над Тобольском, когда пришли вместе с уцелевшими в осаде достоверные вести — кому глаза закрывали пред погребением на иртышском берегу. <...> Невольно оказываясь участником тех панихид, губернатор сибирский покидал храм с потемневшим лицом, стараясь не встречаться взглядом с прихожанами, но никто не посмел напрямую укорить его в смертном исходе драгун, казаков и всех поверстанных в поход; лишь одна женщина, одетая в какое-то грязно-бурое вретисце, падала пред ним на колени, хватала за край одежды и заглядывала искательно в глаза:

— Князь! Свет наш, когда ж мои близнята с похода вернутся? Когда радостью одаришь, вернуть их велишь?» [50]

Представление книги «Азь грешный» состоится 12 мая 2000 года в краевой библиотеке. Автор совместит презентацию

и празднование 55-летия. В этот же день газета «Алтайская правда» публикует отрывок из второй книги романа «Китайские забавы», сопроводив его небольшим вступлением: «Он написал «Портрет реки» и «Биографию ручья», рассказал о камнерезной Кольвани, посвятил свою «Красную книгу» ремеслам, а жизнь — Демидовскому фонду. Впрочем, про жизнь рановато сказано, ему всего 55. Поздравляя своего давнего автора и друга, «Алтайка», как и прежде, с удовольствием предоставляет страницу для хорошей прозы» [55].

Библиотечный зал полон. На встречу пришли друзья: художники, сотрудники музеев, писатели, да, собственно, представители всех творческих союзов. И официальных лиц немало: заместитель губернатора Николай Чертов, председатель краевого управления по культуре Анатолий Ломакин, представитель барнаульской мэрии Николай Черепанов, председатель Союза промышленников Владимир Бородин, директор алтайского филиала Сбербанка Владимир Песоцкий. 55 – самый официозный юбилей Родионова. Следующую пятилетку он будет отмечать в Доме архитектора — в привычной творческой атмосфере, раскованно и громко. Не сказать, что Александр Михайлович дружит с этими высокопоставленными людьми, однако со всеми связывают его деловые отношения. Возможно, присутствие высоких чинов, должно было подчеркнуть не менее высокий статус Родионова как президента Демидовского фонда и вообще как человека, хорошо известного краю.

Пожалуй, Александра Михайловича огорчает отсутствие мэра Баварина. Все-таки эти двое: руководитель города и писатель продуктивно сотрудничают. Прежде всего их связывает работа по летописи Барнаула, но имеет значение и обмен любезностями другого толка. Баварин — почетный член Демидовского фонда. А писателю — квартира от мэра и совсем недавняя помощь, связанная с печатью романа «Азъ грешный». Возможно, глава города в отъезде и поэтому вместо него прислан зам.

Празднику придали форму суда. «Судили весело. Судьи, в роли которых выступали секретарь краевого Союза писателей Владимир Свинцов и главный архитектор Барнаула Сергей Боженко, обвиняли именованника в том, что он, являясь

дипломированным инженером-геологом, систематически по ночам занимался не свойственным профессии делом. Он освоил особо рискованный промысел — литературное дело. Родионов написал книги «Чистодеревщики» (потому имеет кличку Чистоган), «Кольвань камнерезная», «Красная книга ремесел», «Азь грешный». К тому же обвиняемый Родионов, создав Демидовский фонд, уже десять лет занимается рэкетом. В крае его боятся все крупные предприниматели и банкиры. Родионов свой человек среди мировых мафиози, поскольку, как выяснилось, Демидовский фонд — организация всемирная. Мало того, Родионов из-под полы торгует помидорами сорта «Демидов» [155]. В итоге оказалось, что если и наказывать Родионова, то только яблом по хорею, поскольку он уже приговорен к пожизненному литературному труду. Были подарки, конвертики, цветы и «два маленьких наполеончика» [154], то есть две скульптурные головы Родионова размером в пол-ладони от Михаила Кульгачёва, ставшие прологом к полноценному бюсту.

В ходе «судебного разбирательства» возникают вопросы к автору.

— Что заставляет вас писать? — спрашивают Александра Михайловича.

— У меня самый главный импульс творческий — когда я вижу, что это неправда. Так было с «Кольванью». И сейчас еще можно услышать, что Царица ваз — уральское произведение. Во мне все возмутилось, и я пошел в архив. И несколько лет добирался до правды.

— Как вы входили в образ Петра Первого?

— Вы помните классическое выражение Льва Толстого: «Наташа Ростова — это я»? Он что, пол поменял? Он просто жил той жизнью, которой может жить эта милая барышня. Это есть способность писателя переходить из характера в характер. Вот и я тоже. Один знакомый юрист сказал мне: «Ты какой наглец. Ты почему за царя говоришь? Пишешь за Петра Первого! Он же великий! А ты?» Я — симметрично.

А вот про название романа не спрашивают, хотя вопрос сам собою просится: почему «Азь грешный»? Свою версию дает кандидат филологических наук Александра Иванова: «Хочется

обратить внимание на название романа — «Азь грешный», часть фразы внутреннего монолога М. П. Гагарина о прелестной (преступной) грезе об отделении Сибири от России в самостоятельное государство. Название романа «Азь грешный» выражает наиглавнейшую сущность повествования. Грех не только осуществить тайно думанное, но и сама мысль об этом греховна и наказуема».

Несомненно, первым делом заголовок соотносится с правителем Сибири князем Гагариным. Однако «азь» известно и в значении «человек». Следовательно и название романа уместно трактовать шире: человек грешный. Родионов не пишет идеальных героев. Он пишет живых. В его понимании, человеческая природа сочетает доброе и греховное.

И еще один ракурс. Даже не читая роман, ясно: на его страницах Родионов во многом зашифровал себя, выговорился — зрелый человек и зрелый писатель. Названия книг уж больно говорящие. «Азь» равно «я». За одним и читатель примерит к себе название. Как только появились в печати первые главы «Аза грешного», я спросила Александра Михайловича:

— Это вы о себе?

— И о себе тоже, — кивнул бородой. — Аз емь грешный.

Пятью годами позже Александр Михайлович снова коснется темы «автор — герой»: «Конечно, все герои писались изнутри, поэтому и Матвей Гагарин — это я, и Степан Костылев — это я. Так что их грехи на мне и мои на них. У меня не всегда получалось быть честным и справедливым в жизни, и у них, конечно, тоже. Гагарин, например, находил оправдание за присвоение себе чужого» [161].

Вообще «переходить из характера в характер» не так уж просто. Огромное значение имеют в этом деле жизненный опыт и книжные знания. Все это есть у Родионова. Но не отказывается он и от дополнительных, я сказала бы «рискованных», способов — «спиритических сеансов». Как воздействует спиритус? «Он разговаривал с князем Гагариным. Задавал ему вопросы и отвечал за него», — свидетельствует Нина Ваниковна. Со стороны, пожалуй, можно было подумать, что недалеко до пациента князя Гагарина.

Во второй половине 2000-го и в 2001-м Родионов выступает с новой книгой в учебных учреждениях, библиотеках. На программках, сопровождающих его творческие встречи, внизу приписка крупными буквами: «Продажа романа «Азь грешный» с автографом автора!» На субботней книжной ярмарке возле театра драмы «Азь грешный» продает жена, а Александр Михайлович в это время обретается где-нибудь рядом, не вступая в торговый ряд, — стесняется. Сам он развозит пачки «Аза» по музеям и книжным лавкам сибирских городов. Другого варианта продвинуть книгу к читателю и что-то заработать на ней у писателя в 2000-м году нет.

Роман «Азь грешный» собирает несколько рецензий. Наиболее интересными представляются две — новосибирского писателя и критика Алексея Горшенина и барнаульского студента мединститута Дмитрия Латышева.

Горшенин отмечает роль Родионова как первопроходца в теме, подчеркивая, что «Сибирь времен Петра I — страна неведомая, литературой художественной почти не освоенная. Стремясь как-то восполнить этот пробел, барнаульский писатель Александр Родионов создает масштабное полотно, в котором отразились трагические события начала XVIII века, связанные с авантюристическим желанием Петра I любой ценой добыть золото в землях Джунгарского ханства» [153]. Алексей Горшенин обращает внимание на то, что автор романа дает непривычно нелестную характеристику Петру I. «Автор романа показывает нам другого Петра: недалекого и недально-видного политика-самодура, предпочитающего в отношениях с соседями силу, и в то же время трусоватого военачальника, который, потерпев поражение, готов за свое спасение отдать любую цену». А образ губернатора Сибири разработан, напротив, многосложно: «Автор не пытается представить его (Гагарина — Л. В.) читателям таким плакатным лихоимцем с одной корыстолюбивой извилиной в мозгу, тем паче окарикатурить. Матвей Петрович Гагарин в изображении А. Родионова — живой человек со своими слабостями, пороками, но и достоинствами. Во всяком случае, это, несомненно, человек, державно и масштабно мыслящий, «государственный муж, глазу и воле

которого подвластна огромность степи от Волги до Китая». «Огромность» с «прозрачными», нередко чисто символическими границами, которые волнуют Гагарина ничуть не меньше «мягкой рухляди», китайских товаров и золота» [153].

Новосибирский критик отмечает писательское мастерство Александра Родионова, особо выделяя его внимание к детали: «Ему удастся быть в романе и исторически достоверным, и художественно убедительным. Автор прекрасно владеет материалом, отлично знает то, о чем пишет, но он и умеет это подать, преподнести читателям. Большое значение при этом придается автором детали. И нередко за незначительной, казалось бы, бытовой подробностью обнаруживается целое социально-психологическое явление. Вот, например, описывается возвращение князя Гагарина из столицы в Тобольск по заснеженным морозным сибирским просторам. «На всем пути... камни грели загодя на каждом ямском станке, выхватывали горяченькими из печи и укладывали на дно кареты — у князя мерзли ноги». И далее: «Он не сомневался, что тепло это припасено для него заранее, так же, как и слава его губернаторская — она тоже с обеспеченным запасом летела впереди его обоза и ожидала терпеливо по всем сибирским городам, взрываясь в жерлах пушек и заливая уши сибиряков тяжкозвонным звоном колоколов. Князь изредка только подхлестывал губернаторской плеткой эту капризную музыкантшу с громкозвучной трубой — слал убедительные письма в каждый город, указывая, сколько пороха спалить на его встречу. Тюмень обошла двадцатью пудами, а в Тобольск поскакал гонец с приказом — заряжайте все тридцать. Сам едет!»

И невольно напрашивается параллель с современными вельможами. Времена меняются, а непомерные тщеславие, спесь и чванство остаются» [153].

Лаконичный газетный отклик Дмитрия Латышева называется «Сибирская песня Александра Родионова». И имеет эпиграф, взятый из «Аза грешного»: «Неблядиво пели». Статья Дмитрия соответствует эпиграфу, в смысле дельная, вдумчивая. К тому же на нее обратит внимание автор. Помнится, спросил: «Кто этот Латышев? И почему он вдруг вздумал написать? Уж немало времени прошло после выхода книги». —

«Латышев — медик, литератор, друг Гундарина. Вероятно, он недавно прочитал книгу да и написал». Александр Михайлович статью из газеты вырежет и оформит в папочку. Между тем, он не хранил то, что ему не нравилось.

«Сразу привлекает внимание, можно даже сказать, поражает язык автора «Азь грешного», — пишет Дмитрий Латышев. — Правильнее сказать, языки. Роман полифоничен. Каждый герой отмечен своей речью. Петровские офицеры используют в речи слова иностранные: «сикурс», «виктория» и т. д. Своей речью отличны старообрядцы, евангельские притчи в их устах расцветают языческими подробностями. Выделяется старомосковский «штиль» сибирского губернатора князя Гагарина.

<...> Поражают и исторические познания автора. В книге слоями скрупулезно отложились все представления о Сибири, Востоке, китайской империи времен петровской Руси. Он досконально знает, как возводилась крепость в Тобольске, какова была атмосфера работы на фабриках Демидовых и многое другое.

<...> Идеино роман написан в полемике со знаменитым «Петром Первым» Алексея Толстого. Царствование Петра Родионов рисует в мрачных красках. Цейтнот безденежья, преследующий царя, позорный мир с турками только ради продолжения шведской кампании... Вообще все военные победы над крохотной Швецией кажутся несколько смешными из глубин бескрайней Сибири. Скажем больше, Родионов скорее на стороне калмыков и киргизов. Разумеется, такая точка зрения на историю того времени вполне имеет право на существование и, более того, автором солидно обоснована. В целом можно смело сказать, что у автора есть огромная любовь к истории, языку. Осталось добавить только легкости и авантюристичности, чтобы следующий роман стал шедевром» [156].

Рецензия Алексея Горшенина завершается следующими строчками: «Роман А. Родионова «Азь грешный» состоялся и будет, я думаю, заметным явлением в современной российской исторической прозе». Будет ли? Увидим.

«Неоглядно здесь, неоглядно»

Глава шестая

ПО ДЕМИДОВСКОЙ ДОРОГЕ

В августе 2001-го Родионов организует историко-этнографическую экспедицию по первой Демидовской дороге на Алтае. Новую идею Александра Михайловича поддерживают предприятие «Алтайавтодор» и два вуза. От «Автодора» отправляются в путь водитель Николай Филиппович Черезов и сотрудник методического кабинета истории дорог Алтая Светлана Матушина. Из Барнаульского педагогического в поездку зачислены аспирант истфака Алексей Бирюков и студенты старших курсов Маша Овчарова и Борис Пушкарёв, из классического университета — географ Михаил Татаринцев. Группа из семи человек держит путь через шесть районов Алтайского края к селу Колывань, где в 1728 году люди Акинфия Демидова zaloжили медеплавильный завод. В 1734 году этим же маршрутом от Касмалинской переправы и до Колывани прошел академический отряд «Великой северной экспедиции», в составе которого были два известных профессора Петербургской академии наук — археограф Герхард Миллер и врач, ботаник, этнограф Иоганн Гмелин. По картам, составленным ими, с 6 по 11 августа 2001 года и следует научная артель под предводительством Александра Михайловича Родионова. Демидовский «пунктир» таков: деревня Усть-Барнаульская (Старо-Барнаульская) – Сидоровка – Ракиты – Парфёново – Савинское (раньше Карым) – Урюпино – Калмыцкие Мысы – Рудовозово – оз. Белое – Карпово. В начале XVIII века это станцы из двух-трех избышек, поставленных для отдыха путников, в XIX — полноценные деревни, до XXI столетия дотянули не все из них. Деревня Старо-Барнаульская оставила лишь воспоминания по себе.

В каждом сельском совете исследователи обращаются за списком долгожителей. «А зачем все эти старики?» — спрашивает Родионова водитель Николай Филиппович. Начальник экспедиции объясняет: «Самой первой колеи дороги XVIII века мы, конечно же, не найдем, но дорога должна оставить предание о себе. А его хранят люди старые. И хорошо бы собрать комплекс вещей, имеющих отношение к миру дороги» [101].

Кроме путевого дневника, который ведет Светлана Матушина, путешественники фотографируют и ведут видеозапись. Кадры, запечатлевшие встречу Родионова с 98-летней жительницей села Колыванского Павловского района Ольгой Савельевной Комаровой, прекрасны. Александр Михайлович опускается перед согбенной старушкой на колени и смотрит в ее сморщенное лицо снизу вверх. Ольга Савельевна что-то рассказывает. А Родионов светится, глаза лучатся детской радостью. Со старухами он всегда такой — трепетный и счастливый. Будто встретился нечаянно-негаданно со своей бабусей Марфой Яковлевной. Все в этих старицах Родионову к душе: речь, «предания старины глубокой» и целый русский век с ними. Двадцатый страшный век.

Ольга Савельевна преподнесла первый подарок экспедиции — старинную подкову. Добрый подарок — на счастье. А в Ракичах, Алексей Иванович Дроздов передаст в музей истории дорог Алтая кованный замок для конских пут, дедом еще сделанный. В Калмыцких мысах исследователи разживутся домоткаными узорными скатертями, конской скребницей, старинным деревянным тележным колесом, окованным железом. Тут же отдадут им крепкий овальный стол на фигурной ножке середины XIX века. Путешественники задержатся в гостеприимном селе на два дня. Живописные окрестности Калмыцких мысов попали в записи и Светланы Матушиной, и Александра Родионова. «Утром снимаемся с лагеря и покидаем это красивое место, поросшее дикими тополями толщиной в два обхвата, похожее на английский парк на крутом берегу Локтевки» [296, л. 5], — отмечает Светлана. А вот впечатления Александра Михайловича: «Накануне отъезда из Мысов вышел я еще раз на Елбан. Еще раз вспомнил о том, что здесь тридцать лет назад по берегу Локтевки проходил мой геологический маршрут. Тогда я не думал о первых дорогах. Да и о многом, что тревожит меня сейчас, тогда не думалось. Кажется, тогда не трепалось еще понятие «малая родина». И вот я смотрю с ковыльного Елбана на дальние острые сопки Вострушки и знаю — там, рядом с Вострушкой, Чарыш-красавец вырывается из последних каменистых берегов на степное раздолье, вон ушла, змеясь к югу, заросшая тальником долина

теплой Локтевки. Там, в горах, где она берет начало, стоит пирамидка — память о первостроителях медеплавильных колыванских печей. Смотрю в степь, на хлебную державность ее, на горы, памятью об их еще не взятой щедрости и думаю — какой же ум исхитрился, придумал и ввел в речевую повседневность (и ведь клюнули! Повторяем!) понятие «малая родина»? Да нет у меня и не может быть малой родины! У меня есть только вот такая большая и просторная Родина, какая лежит передо мной сейчас, перепоясанная, как вечный путник, древней дорогой, лежит величаво — волнистая, в полном торжестве лета» [101]. Как известно, понятие «малая родина» идет от Александра Твардовского. В последующих своих статьях Родионов будет по-доброму ссылаться на этот факт. Однако просторы Алтая, да если еще созерцать их с господствующих высот, действительно трудно назвать «малыми». Прав Родионов: Алтай — просторная Родина.

Достопримечательности Калмыцких мысов показывает гостям глава местной администрации Алексей Малыхин, человек весьма осведомленный в истории села. Главное, что удалось увидеть — остаток зимника, уцелевший фрагмент старой демидовской дороги, которую чудом не перепахали. «Малыхин вывез нас километров за пять от села — там широкая и углубленная колея читалась в рельефе четко. Она лежит вся затравенная, покрытая уже и чабрецом, и кое-где татарником и бессмертником, обрамленная справа краем пшеничного поля и слева светло-зеленой пепелесой ковыльной бровкой. По ней давно даже телеги не ходят. И кто-то из наших ребят спросил:

— Почему же дорога желобом? Обычно дорогу старались подсыпать, поднять.

А Малыхин ответил:

— Все дело в извозе. Путь для рудовозов был в основном санный. В таком дорожном корытце снег быстрее ляжет, чем на выпуклой. И по весне, когда обочины уже протаяли, в ложбине накатанный наст дольше продержится. Вот и получили рудовозы на свой путь к Барнаульскому заводу три-четыре недели дополнительных» [101].

Участники экспедиции предлагают объявить уцелевший участок дороги памятником дорожного искусства и сохранять

его для потомков. «На Алтае подобных объектов не выявлено. И в этом сбережении дорожной колеи будет воздаяние тем, кто, начиная с 1718 года — то есть со Степана Костылева, — вел за собой на Алтай русскую цивилизацию» [101], — объясняет Родионов.

Все одиннадцать дней экспедиционеры живут на вольном воздухе: ночуют у кромки леса, у родника, на берегу озера Белого. Александр Михайлович доволен. Хорошее дело осилили, много простора впитали. Старожилы поделились и «материальным фольклором», и устными преданиями. Оказывается, на определенном участке дорога называлась «Паршиной». Паршина дорога. «Видимо, вела в станец к какому-то Парше, Порфирию», — предполагает Александр Михайлович. К концу пути нагоняет путешественников на редакционной Волге съёмочная группа ГТРК «Алтай» во главе с журналистом Татьяной Горбуновой. Александр Михайлович договорился о съёмках заранее. Экспедиция по первой Демидовской дороге найдет отражение и в газетных статьях, и в телепрограммах.

Летом 2001-го Родионов не раз добирается до Колывани, до камнерезного завода, где ведется невиданная за все два века его существования реконструкция и ремонт. Накануне двухсотлетия предприятия, созданного в 1802 году камнелюбным мастером Филиппом Стрижковым, администрация Алтайского края, возглавляемая губернатором Александром Суриковым, берется за спасение разоренного «перестройкой-катастрофой» завода. «Старейшину-камнереза» берет на буксир «Алтайавтодор», одна из немногих устойчивых компаний в крае. Инженерные и реставрационные работы курирует начальник ГУП «Алтайавтодор» Леонид Хвоинский. На производственной летучке понравится Александру Михайловичу живой эпизод. Один из районных дорожников обратится к Хвоинскому:

«— У меня здесь работает 27 человек. А за две недели заработали всего 35 тысяч...

— Да ведь я говорил всем, — ответит Хвоинский, — что ремонт в Колывани за счет ваших жировых накоплений. Не огорчайтесь. Худые и стройные живее движутся» [11, с. 273-274].

Родионов присутствует на всех совещаниях. Восстановление завода найдет отражение в серии статей, которые сначала будут опубликованы в «Алтайской правде», а затем, объединенные в единый очерк «В системе родовых координат», войдут во второе издание «Колывани камнерезной» (2002). Писатель готовит книгу к переизданию и вообще хлопочет по поводу предстоящего 200-летнего юбилея завода. Спisyвается с московским Минералогическим музеем имени Ферсмана, предлагая провести выставку колыванских изделий. Придумывает, какие и где поставить мемориальные знаки в Колывани. «Эх! Как бы было красиво, если бы у входа на плотину — там пологий спуск, поставить две стелы из черного звонаря и выбить на камне имена!» [11, с. 269] В списке Родионова более тридцати ученых разных времен и народов, побывавших в Колывани. И хорошо бы вдоль ограды на срезанных и отшлифованных глыбах запечатлеть портреты архитекторов Кваренги, Росси, Воронихина, Гальберга, Мельникова — всех, по чьим проектам создавала Колывань царские вазы. А на выходе из поселка пришелся бы к месту верстовой столб, на котором были бы начертаны названия городов, в которых хранятся колыванские изделия и в тех, что побывали на Всемирных выставках. «От Колывани до Барнаула 320 верст, до Петербурга — 4519 верст, до Чикаго —... Какая даль историческая откроется...» [11, с. 269]

Возвращаясь вместе с камнеломцами из каменоломни, Александр Михайлович гадает, какой дорогой везли заготовку для «Царицы ваз»? В архивном документе, помнится, написано: «На доставку камня для семиаршинной чаши выделить из рудников: Змеиногорского — 130 рабочих, Черепановского — 120, Петровского — 90, Семеновского — 32; с приисков: Ново-Чагырского и Синюшинского 34 рабочих человека. Четырехсотенный бурлацкий ряд... Но какой дорогой они двигались? Придется летом устраивать новую экспедицию и уже не по Демидовской дороге, а искать «царевазовскую». Это же заманчивый маршрут» [11, с. 272]. Обычный родионовский рабочий ритм. Привычное безостановочное генерирование идей.

ОТЛУЧЕНИЕ

«В «Демидовском фонде» — смена», — сообщит 9 ноября 2001 года газета «Алтайская правда». Заметка информирует: «Состоялось очередное собрание краевой общественной организации «Демидовский фонд», состав которой значительно расширился за счет официального вхождения в нее почетных членов фонда, лауреатов гуманитарной Демидовской премии и меценатов. Рассмотрены организационные вопросы. Президентом АККО «Демидовский фонд» избран известный в крае экономист и банкир Владимир Песоцкий. Он сменил на этом посту писателя и краеведа Александра Родионова, которому собрание выразило благодарность за многолетнюю работу в фонде» [157].

Неделей раньше Родионову вручили «благодарственное письмо». На самодельном бланке написано: «Алтайская краевая Общественная организация «Демидовский фонд» приветствует Родионова Александра Михайловича — первого президента Демидовского фонда. С благодарностью за 10 лет сотрудничества! С пожеланиями здоровья и творческого долголетия! Участники общего собрания АКОО «Демидовский фонд». 31 октября 2001 года».

Что же случилось? Чем вызвана отставка? Тут воедино сошлись несколько причин. Все-таки чиновный вопрос «Да кто он такой?» довлеет, висит в воздухе. Слишком прямой, слишком упрямый и смелый, будто прикрывает его полк русских богатырей, Родионов «слишком высоко взлетел». Как свидетельствует Сергей Боженко: «Родионов стал духовным лидером. Он мощно и душевно выступал. Его можно сравнить с просветителями XIX — начала XX века. Много завистников появилось у него. Выше определенных лиц подниматься нельзя. В компанию патриотов, которых объединил фонд, стали проникать проныры. Ему нужно было меньше говорить и меньше пить. Кто-то поставил задачу оттереть Родионова от поста президента фонда». И действительно, с некоторых пор Александр Михайлович не понимает настроений в совете по премиям. Все труднее удается ему приводить к «демидовской» победе

«своих» выдвиженцев с фундаментальными работами, с открытиями сибирского и регионального значения. В его понимании премия девальвирует. Даже консервативные документы фонда отражают иное отношение к Родионову. Обычно список присутствующих в протоколах заседаний начинался с фамилии «Родионов» — что понятно: он президент. А в январе 2001-го эту часть документа впервые за десять лет существования организации оформляют в алфавитном порядке. Мелочь, казалось бы. Но о многом говорит.

Да, Родионов, увы, не оставляет бражничества, подавая тем самым формальный повод к своему увольнению. Но он и раньше не был трезвенником. Почему же именно теперь? Незадолго до октябрьского сбора совета Демидовского фонда Родионов проштрафится. Он придет на встречу клуба городской интеллигенции, некоторые участники которого также являются и учредителями Демидовского фонда, изрядно взбудораженным. Что-то его завело. Слухи? Непонимание того, что происходит в Фонде? Всеобщая умиротворенность горячит. «О, как мне хочется смутить веселость их/и дерзко бросить им в глаза железный стих,/облитый горечью и злостью!». А в действительности он допустит некорректное высказывание по национальному вопросу. Возмущению окружающих не будет предела. Неприятная история обрстет легендами. Ее и по сей день пересказывают в разных вариациях, добавляя к реальной канве кому что вздумается.

Утром, когда, проснувшись, Родионов осознает весь ужас своего положения, раздастся телефонный звонок.

— Это правда? — на другом конце провода был Владимир Баварин. Второй раз в жизни мэр набрал номер барнаульского летописца сам.

— Да, — едва слышно вымолвит Родионов.

— Н-да... — видимо, городской голова надеялся услышать: «Ничего подобного не было» — и потому долго молчал. Наконец произнес: — Ну ты... даешь.

Родионов знает: виноват. Ситуацию переживает тяжело. Кроме скверного публичного случая, существуют и другие болезненные обстоятельства. Жена подает заявление на развод. Вскоре после газетного сообщения о «смене в Демидовском

фонде» супругов разведут. Расстались плохо. Не вышло волшебной сказки, которую обещали письма Александра. Будто дунул злой колдун в те счастливые послания, и слова в них изменили значения на резко противоположные. При очередном скандале Нина бросит мужу пачку его писем. Всё. Много лет хранила, а теперь не нужны. Свой давний эпистолярный роман Александр Михайлович сохранит. Хотя пылают в костре на огороде другие бумаги. Сберег, потому что «в этом есть часть меня».

После похорон матери возвращаться в свою просторную квартиру на улице Папанинцев Александру Михайловичу было непросто. Дом на Пушкина стал рабочим кабинетом и местом встреч с друзьями и коллегами по фонду. И район нравится: тихий деревенский уголок в городском центре. Сверх всего — запутанные сердечные дела. В жизни Александра Михайловича появилась Маргарита. Они встретились случайно в безлюдной по-летнему Шишковке. Молодая женщина дежурила в выставочном зале. Проговорили два часа безотрывно. Как оказалось, им обоим близки темы мастеров. «Красная книга ремесел» была настольной у ее отца — каменщика, каминных дел мастера. Маргарите выпадает быть куратором выставки «Образ горного дела на Алтае», которая обустраивается в 1995-м в краевой библиотеке. Она была рядом с Александром Михайловичем в непростые годы. Умная, тактичная, с тонкими восточными чертами лица, изящная — покорила. По вечерам он привозит ее в дом на улице Пушкина на раме велосипеда. Маргарита в красивом русском цветастом платке. Он, давно не стриженный, изрядно заросший (большая работа за верстаком), крутит педали. Зимний ветер сдувает седеющую бородишу в сторону. Странной парочке сигналият проезжающие мимо автомобили.

И это снова любовь.

И снова долг.

Александр Михайлович корит себя за оставленных в первом браке Веронику и Вову. И потому, похоронив мать, возвращается к шестнадцатилетнему Коле и двенадцатилетней Маше. А чувство?.. Обрубить одним махом. Случайно встретившись на улице, Александр и Маргарита пройдут мимо друг друга, не здороваясь. От ужаса происходящего обоих будет колотить

нервная дрожь. Семейная жизнь не срастется. Еще до официального развода Родионов уходит в домик на Пушкина.

Следует сказать, что давно общается с отцом старшая дочь Вероника. Теперь сама мама, она рассудит так: отношения родителей — их дело. Да и родители, надо заметить, спустя годы подерживают ровные отношения как бывшие однокашники-геологи. Дочь помнит много хорошего. Прогулки в еланской роще, Таян и вертолет, веселые геологические застолья, совместное чтение книг и заучивание стихов Пушкина. Отец знакомит ее, маленькую, с какими-то паучками-муравьями-жуками. Наставляет, что ручей говорит и его нужно внимательно слушать. Берет ее в свои поездки по деревням, где они подолгу рассматривают окна. «Не бойтесь, что у вас линии не будут прямые, бойтесь того, что ваша газета будет неинтересная», — ободрит он растерянных третьеклашек, собравшихся у Вероники делать стенгазету. Все тяжелое, обидное пережито. Осталась любовь и благодарность. И потому, едва ее сын Павлик встал уверенно на ножки, Вероника пришла к отцу, чтобы познакомить его с внуком.

Родионов получает две отставки за месяц. Утешается работой. Он оставляет рукопись статьи «Колывань. Пунктир истории» в редакции «Алтайской правды» и уезжает в Санкт-Петербург. Пропуск в Эрмитаж выписан для него с 29 ноября по 9 декабря. Материал в газете выйдет 30 ноября. Полосный, красивый, с литографией Григория Щуровского «Вид озера Колыванского» (1846). По ошибкам в тексте понятно, что автор, сдавший в редакцию рукописный текст, не видел его ни в наборе, ни в верстке. В печать проходит «операторский двор» вместо «императорский». Сама же публикация читается как ответ на черные дни календаря: «Жив. Работаю».

Санкт Петербург, как всегда, лечит его. Библиотеки, музеи, архивы, театры. С утра до вечера он может просидеть в читальном зале «Публички» за дореволюционными «Горными журналами». Снова встречается с Натальей Мавродиной и разговаривает с ней на самом лучшем колыванском языке. Исследователи делятся друг с другом наработками по Колывани дипломатической. Каким странам преподносил императорский двор вазы,

по каким поводам, что сохранилось? Родионов наберет ответов на целую главу. «Кольвань петербургская, дипломатическая и неизвестная» войдет во второе издание «Кольвани камнерезной» (2002). Петр Подерин, томский однокашник, выписывает другу пропуск в Санкт-Петербургский государственный горный институт. В первой высшей технической школе России учились многие алтайские инженеры в XVIII-XIX веках — герои очерков Родионова. В этих же стенах Ленинградского горного института постигал науку Леонид Агеев, соратник по поэтической юности, наставник и помощник, ушедший из жизни десять лет назад. В коридорах Горного корпуса Александру Михайловичу есть о чем подумать и о ком вспомнить. А кроме того, здесь действует музей камня. На обратном пути ему предстоит встреча в Москве с Алексеем Филипповичем Порядиным, заместителем министра экологии. Порядин родился в Кольвани, а Родионов пишет о ней уже двадцать лет — вот и повод для встречи. Статью Порядина «Водохозяйственное и строительное мастерство на Кольвано-Воскресенских рудниках и заводах (XVIII-XIX вв.)» Родионов разместит в разделе «Приложения» во втором издании «Кольвани камнерезной».

Столичное путешествие подходит к концу. На горизонте маячит одинокий Барнаул. На Пушкина пусто. Снова и снова приходит Александр Михайлович к Маргарите. Не открывают. Он выберет оригинальный способ покорения женского сердца: заберется по лестнице на чердак и будет топтаться на потолке. Долго ли, коротко — мир установится. Новый 2002 год встречают они вместе. Отныне друзьям и знакомым Родионов представляет Маргариту как жену.

Родионов — странник. А из долгих странствий человек должен возвращаться к родному очагу, где ждут и любят.

ПРОГРАММНЫЕ СТАТЬИ

После увольнения с должности президента Демидовского фонда у Родионова нет официальной работы, закрепленной записью в трудовой книжке. До пенсии между тем почти четыре

года. Он не пробует устроиться. Все прежние попытки иметь постоянную занятость были неудачными. Все они мешали его главному делу — писательству. Даже должность в управлении архивного дела в 1996-м не удается ему совместить с верстаком. В архиве он протянет чуть больше месяца. Следом оформится в геологическую партию «для работы в полевых отрядах». Здесь задержится на год с небольшим, скорее всего потому, что должность была номинальной. Какие полевые отряды? Жизнь давно подчинена литературе.

До мая 2004-го Александр Михайлович зарабатывает на жизнь гонорарами в газетах. Денег в обрез. В 2002-м писателя поддерживает юбилейная дата Колыванского камнерезного завода. Кормят серия очерков в «Алтайской правде» и переиздание «Колывани камнерезной». Книга-кормилица, дополненная несколькими главами, из коих самая новаторская — «Колывань дипломатическая», выйдет к августовским торжествам.

В это же время читает Родионов внутренние рецензии на вторую часть летописи Барнаула, описывающей события с 1920 по 2000 год. Три эксперта — Валерий Скубневский, Вера Олейник и Ольга Падалкина, отмечая несомненную ценность издания, вместе с тем указывают на недоработки и... эмоциональность руководителя проекта. Действительно, отдельные записи о политиках, представителях церкви и творческой интеллигенции выходят за рамки бесстрастной летописной традиции. Известные лица получают от писателя, гораздо на клички, нелестные характеристики: художник-мордописец, записные демократы, перебежчик, надсмотрщик, капиталист. Профессор Скубневский замечает: «Не любит автор «демократов» из АГУ. Видимо, поэтому эти фамилии часто мелькают в летописи, но чаще всего без инициалов. Инициалы в любом случае надо ставить, но и внимания данным персонам можно поменьше уделять» — и добавляет: «Чернухи многовато». Замечания справедливые. Родионов принимает их. Исправления вносит. Однако на издание летописи это никак не повлияет. В 2004-м еще не время для полной истории Барнаула.

С 2000 по 2005 в алтайской и сибирской прессе пройдут десятки статей Родионова. Остановлюсь на нескольких. Объемный исторический очерк «Все начиналось с Албазина» (русское

южное порубежье и Цинская империя) напечатает в 2004 году литературный журнал «Сибирские огни». Это основательное исследование будет интересно тем читателям, кто хочет разобраться в непростых российско-китайских отношениях. Для Родионова тема важна: князь Гагарин в бытность свою сибирским губернатором имел касательство и до этой русской героической окраины.

Статьи «Три головы Николая Ядринцева» и «Ты о чем, мужик, хлопчешь?!», также обе 2004 «года выпуска» — из той серии родионовских публикаций, в которых писатель, подобно Илье Муромцу, отстаивает рубежи русской культуры. В первом материале он пишет о памятнике сибирскому публицисту Николаю Михайловичу Ядринцеву, единственному сохранившемуся на барнаульской Горе, бывшем Ивановском кладбище. «Ядринцев — один из страстных поборников открытия первого университета в Сибири, первооткрыватель древней столицы монголов Кара-Корума» [14, с. 110]. Барнаул немыслим без памятника «сибирскому сепаратисту», автору книг «Сибирь как колония» и «Сибирские инородцы» [14, с. 289]. Весьма ценную информацию сообщает Александр Михайлович о самом надгробии. Он «выполнен колыванскими камнерезами из беловского гранита — массив этот простирается на десятки километров в бассейне реки Большой Белой. Из того же камня высекались глыбы в начале XIX века для Демидовского столпа в Барнауле» [14, с. 284-285]. Несчастному «Ядринцеву» трижды отвинчивали голову. В 1936-м бронзовый бюст переплавили на вкладыши к подшипникам. А в 1990-е воры, рассчитывая на бронзу, первый раз унесли алюминий, а во второй — цемент, покрашенный под бронзу. «А, может, бюст заминировать?» — предполагает писатель. Вора автор объясняет: «Ядринцев прожил три эпохи: бронзы, алюминия и бетона» [14, с. 291]. Прав оказался Александр Михайлович, «воры металлургические тоже газеты читают» — бюст Ядринцева по сей день на месте. Во второй статье Родионов хлопчет о музее, созданном Любовью Шаминой на Барнаульском ликеро-водочном заводе. Не помогло. И завод рухнул, и музей вместе с ним.

С 2000 года проявляет Александр Михайлович немалый интерес к портретным очеркам. Пишет о людях творческих,

близких по духу. Он успевает сказать при жизни добрые слова фотографу и редкому знатоку истории Барнаула Сергею Пирогову. На следующий год Сергея Ивановича не станет. Напирающая бездна и подвигает писателя пристально и нежно вглядываться в современников, в лица друзей. Родионов создает творческие портреты художника-графика Юрия Кабанова (2000), композитора и руководителя русского хора Михаила Апарнева (2001), художника Людмилы Кульгачёвой (2001). После 2005 года, когда рукопись исторического романа «Князь-Раб» будет завершена, Родионов пополнит очерковую галерею портретами геолога Вениамина Чекалина (2006), художника из Бийска Юрия Бралгина (2006), создателя музея истории горнозаводского дела в Змеиногорске Валентины Смирновой (2009).

Неожиданным кажется обращение Родионова к личности Людмилы Кульгачёвой. Ее творчество как будто немного в стороне от народной и горнозаводской культуры. Но это лишь на первый взгляд. В кульгачёвских работах Александр Михайлович видит нечто «первородное», близкое к «наскальным рисункам». Прелесть очерка «Остановившая мгновенье» в абсолютной свободе суждений автора. Родионов ни капли не боится показаться деревенским лаптем, напротив — с удовольствием выпячивает мужицкую философию. В своей нарочитой посконной бесстыжести он неподражаем и прекрасен: «Мне, видимо, никогда не понять, как из неприглядной натурщицы, из того, что наше грубоватое, но точное русское простословье называет «титек воз, телега мяса», выхватывает карандаш рисовальщика блаженство естественности» [14, с. 340]. Раздумывая над «картинками» Кульгачёвой, писатель дает любопытное — с опорой на лингвистику — толкование сути творчества: «Вершина общения — это наслаждение в обретении чувства, в сочувствии. Великая русская приставка «со»: сочувствие, соболезнование, соблазн — вот что ищут карандаш и уголь рисовальщика».

Обязательными к рассмотрению, как говорят в таких случаях, «программными» мне кажутся публикации, сделанные Александром Михайловичем по следам Шукшинских чтений

на Алтае: «Шукшин. Русское полотно» (2002) и «Но есть покой и воля...» (2004).

«Русское полотно» — статья короткая и неожиданная. Пожалуй, даже следует сказать, внезапная статья. Она отсылает и к мыслям Ивана Ивановича Березюка, обобщенным в материале «Шукшин как зеркало нашей конфронтации» (1990), и к дневниковой фразе Родионова: «Что-то случилось шукшинское. Это в личном преломлении. Что-то я увидел не так, как все. 4.01.81» [221, 43об].

Что же в «Русском полотне» не так, как у всех? Обычно вступающие на Пикете сожалеют о том, что Шукшину не удалось снять фильм о Степане Разине. И вдруг Родионов: «Сегодня я думаю — а, может быть, судьба распорядилась верно, не позволив Василию Макаровичу снять "Степана Разина"? Многочисленные препоны перед постановкой кинокартины усадили Шукшина за стол, и он, как сермяжный ткач, на суровой нитке мудрости сотворил свое полотно русской истории — "До третьих петухов"» [14, с. 311–312]. Три тезиса выдвигает Родионов, говоря о шукшинской сказке. Во-первых, «главный герой в этой истории вовсе не бунташный Стенька Разин. Автор уже усадил его на полку рядом с другими персонажами, и Стенька только время от времени выхватывает из ножен сабелку. А кто его осаживает? Верно. Сидень многолетний Илья Муромец». Во-вторых, «герой шукшинский Иван в ткани русской истории — это сквозная красная нить». В нем, в Иване, сошлись все герои. Ведома ему жизнь и «Ивана сказочного, и Разина бунташного, и Чапаева, предводителя крестьянской стихии... Одна линия выстроена в этой последовательности — линия крестьянского вожака». В-третьих, не зря сидень карачаровский-муромский настораживает: «Смотри, Ванька, смотри!» Илья Муромец — национальный герой, ему все ведомо. «И вот уперся Ваня в стену самого главного монастыря России — Кремля, и что же слышит и видит он? В Кремле то ли бесы, то ли хасиды свой праздник пляшут. Не пора ли Ване призадуматься, репу почесать — кто и как попал за краснотубчатую стену? В каком обмороке национальном надо пребывать, чтобы это произошло?» — спрашивает Родионов [14, с. 312–313].

Над небольшим, на три странички, высказыванием Родионова можно просидеть и час, и два. Побуждает оно и сказку Шукшина перечитать, и публицистику его поднять. Вопрос возникает: причем здесь Чапаев? Его нет в сказке. А в родионовской «линии крестьянского вожака» есть. В начале статьи Родионов проявляет интерес к Шукшину отроку, и вопрос ставит так: «Кто был идеалом актерской игры на экране для Шукшина?» Не сомневается: Бабочкин. Бабочкин в роли Чапаева. И это действительно так. Родионов опирается на известную статью земляка «Как я понимаю рассказ». «В произведении искусства все на месте, все в меру, и даже всего как будто чуть-чуть мало, — пишет Василий Макарович. — Всякий раз, когда я начинаю смотреть «Чапаева», я как будто начинаю бежать (прямо до галлюцинации). И удивительно, хорошо от этого упоительного чувства. И всякий раз, когда фильм подходит к концу, я обнаруживаю с грустью, что бежал слишком скоро, радость кончилась, мое движение прекратилось» [191]. Итак, Чапаев отсюда. А далее Родионов совершает стремительную мыслительную многоходовку (словечко Александра Михайловича), итог которой таков: «... для Шукшина Разин и Чапаев соединились в одной ткани русской истории», оказались объединены одной «линией крестьянского вожака». Добавлю: в этом же ряду, бесспорно, и сам Василий Макарович, и Александр Михайлович из тех же будет. Только методы увлечения народных масс у писателей-вожаков другие. «Макай перо в правду», — устанавливает правило Шукшин. Родионов в точности следует ему.

«Хочу заметить, — итожит статью Александр Михайлович, — что лучшее и самое дорогое сердцу русскому полотну, созданное Василием Макаровичем, — это «До третьих петухов», ибо в повествовании по воле автора переплелись кровеносные жилы русской истории, в которой рано ставить точку и многоточие. Именно в этом произведении Шукшин вышел на главную глубину русской заботы» [14, с. 313]. Вывод писателя застаёт врасплох, он непривычен. Не повторен стоустно на Пикете. Вот и хорошо. По Родионову, что привычно, то мертво.

В лаконичном и затейливо сотканном «Русском полотне» обращают на себя внимание и другие думы писателя. Принимаются они, как аксиома, легко, без доказательств. Первая:

«Просто так, без испытания, без подвоха окрестного, без поругания намеренного, стороннего — русского пути нет». Конечно, здесь много личного, его, Родионова. Уж кто-кто бывал и по сей день бывает браним! Но вместе с тем фраза афористична и универсальна. Вторая: «Самое важное — это способность вжиться в себя, в судьбу свою русский эпос». А здесь — совет, побуждение и пожелание. Невелика статья Родионова, да въедчива.

Другой материал по следам Шукшинских дней «Но есть покой и воля...» написан Александром Михайловичем в год установки на Пикете памятника Шукшину, выполненного скульптором Вячеславом Клыковым. Текст сочетает живой репортаж и осмысление долгого шукшинского праздника. Родионов его участник с 1976 года, с первой народной встречи в Сростках, которая в ту пору называлась «чтения». Из милого сердцу настоящего приводит Александр Михайлович слова молодого актера Михаила Присмотрова: «Я приехал сюда, чтобы присвоить Шукшина». «Эко замечательно сказано! Слово, будто птаха, вырвалось. С этим чувством является на Пикет ежегодно мильён народу, — комментирует писатель. — Это присвоение очень хорошо выразил юноша — русский норвежец Георгий Михайлов, когда после долгого монолога на языке викингов, вдруг выдал на ломаном русском: «Надо знать Шукшин не одна Россия!»» [14, с. 293].

За более чем сорок лет накопились тысячи репортажных материалов о Шукшинских днях. Но сказать что-то особое, редкое, что будет иметь значение по прошествии лет, — это, конечно, не всякому дается. Родионов умеет сказать паче чаяния. Он пишет: Клыков увидел «полноту характера не в порывистости, не в энергичном жесте. И это не скульптурная цитата из «Печек-лавочек». Главным для Вячеслава Клыкова, на мой взгляд, было вхождение в шукшинскую равнодушность, как говорили в старину — в равномыслие. Я смотрел на фигуру Шукшина, а вспомнилось пушкинское «... на свете счастья нет. Но есть покой и воля». <...> Поставим рядом с этим шукшинское «Я пришел дать вам волю» — и многое в русском космосе обретет свою национальную протяженность и длительность» [14, с. 295–296].

Естественно и плавно выходит Родионов на свой любимый простор! «Художник-ваятель учел еще одну особенность Пи-

кета. Пространство. Простор. Пикет — самое высокое поднебесье в округе. Простор — глаз не хватает. А если вспомнить опыт математиков-лингвистов, заставивших выбрать машину самое характерное слово в русском языке, то результат поиска поразителен. Это слово — простор!» [14, с. 296]

Без всяких специальных машин ясно: любит Александр Михайлович «простор». С самых ранних дневниковых пор он с ним. И вообще почитает писатель округлые русские корни «оро-оло»; удвоенное, утроенное «о»: плотно, полнота, воля, покой...

И еще штрих из «Простора и воли...» Только у Родионова и найдешь столь редкую подробность: «Не знаю, известно ли Клыкову происхождение фамилии Шукшин. Богатый для раздумья ответ на такой вопрос заключен в книге «АБВега русских суеверий», изданной Михаилом Чулковым в конце XVIII века. Книга сия — своего рода энциклопедия российских обрядов, обычаев и верований. Читаем: «шукша — по мнению черемис, есть такое божество, которое неотлучно пребывает между людьми. Оно примечает действия каждого человека, записывает его пороки и добродетели и тотчас относит оные Богу, живущему на небесах». Надо ли говорить здесь о близости мордовских корней Шукшина к черемисам (марийцам), у них сходная мифология. После цитаты из Чулкова попробуйте возразить философу Флоренскому насчет того, что между именем и судьбой существует незримая, но непреборимая связь» [14, с. 297–298].

С той же позиции интересно посмотреть на фамилию Александра Михайловича и на его писательские псевдонимы: Родионов, Ионов, Фатин. Судьба легко откликнулась — все есть у Родионова: родник и «Родник», Родина, одиночество. Мальчишкой, играя с буквами фамилии, выуживает он из нее слово «один». Связав себя с родом Ионовым, берет нечто и от жития ветхозаветного пророка Ионы, который «попытался убежать от Бога», да не вышло, конечно же, ничего. И главный герой родионовский — князь Гагарин — не лишен Ионовой судьбы. «Гагарин, переступая порог допросного помещения, всякий раз сравнивал себя с библейским Ионой» [12, т. 2. с. 304]. Заключение под стражу, сидит он в «узилище», «похожем на утробу

морского животного». Фатин же отзывается в жизни Родионова тайной, загадкой. Отдельные эпизоды в биографии Александра Михайловича предусмотрительно прикрыты завесой. Тайна пусть и остается тайной. До времени. Или навечно.

ЧУДЕСНЫЙ ПОДАРОК

В 2001 году роман «Азь грешный» переиздается в библиотеке «Писатели Алтая», восьмой том в общем собрании. Идут годы: 2002, 2003, 2004 — второй части нет. А ее ждут. Интересуются продолжением Виктор Петров, Николай Родионов, Евгений Гуцин, другие близкие люди и друзья. Время от времени Родионов прописывает отдельные фрагменты и публикует их в газетах и журналах. Но заняться исключительно работой над романом Александр Михайлович не может — нужно зарабатывать на жизнь.

И случается чудо чудное. На 59-й день рождения получает Александр Михайлович невиданный подарок от давнего друга Виктора Петрова. Виктор Сергеевич берет писателя менеджером на свое предприятие. Запись о трудоустройстве занесена в трудовую книжку 5 мая 2004 года. Уговор такой: Петров платит зарплату — Родионов пишет продолжение романа. Петров — начальник, Родионов — подчиненный. Каждый понедельник по дороге на работу Виктор Сергеевич заходит в домик на улице Пушкина. Александр Михайлович читает вслух новые куски. Порой, чувствуя, что опаздывает на планерку, гость вынужден прерывать автора, иной раз Родионов шуточно оправдывается: «За неделю ничего не накапало. Самое страшное в жизни — пустой стакан». Образ живительной влаги в применении к творческой полноте — от Евгения Гуцина. Родионов любит это сравнение, не раз приводит его в пример: «И образ родника выскочил у него (у Гуцина — Л. В.) совершенно в неожиданном ракурсе. В Союзе писателей разговор зашел о том, кто как пишет. Волей — неволей в писательской среде возникает эта тема. Гуцин откровенно рассказывал, что не может писать много сразу. Есть люди, которые

салятся к столу каждый день — и норму он должен сделать, 3-4 страницы, у каждого по-своему.

— Я не могу каждый день писать. В меня слишком медленно натекает.

Так он сказал.

Это значит, нужно этот родник беречь. Дождаться часа, когда он наполнится живой влагой, и только потом садиться за стол. Такое отношение стало для меня мерой честного отношения к творчеству: не садись за стол, пока в тебя не натекло — не набралось, не накопилось. Для меня это школа, которая вдруг возникала, рядом, в самых обыденных ситуациях. И это и теперь хранится в душе, потому что это святое правило творческого поведения. По-другому я это не называю».

Обеспечив друга заработной платой, Петров организует и его отдых. Зная любовь Александра Михайловича к легкому пару и венуку, он помогает с постройкой бани в усадьбе Маргариты. Родионов работает за верстаком до пятницы, а в субботу-воскресенье переводит дух, набирается сил. Мало того, Виктор Сергеевич берет на себя предпенсионные хлопоты Родионова: подсчет стажа, сбор документов, визиты в учреждения.

Настоящий друг, настоящий человек Виктор Сергеевич Петров. На мое «почему помогали?» отвечает: «Я был дружен с писателями с тех времен, как они выступали в моем цехе на АЗА. С Владимиром Башуновым в шахматы играл. С Сашей довелось плотно поработать в 1986-1987 годах и в 1990-х. Колыванский завод тогда был у меня в подчинении. (Петров в то время — начальник объединения «Алтайкоммунмаш», в состав которого вошло камнерезное предприятие — Л. В.). Я все читал у него. Мне нравится. И на Демидовских балах я бывал. А как-то побывал у него дома на Пушкина, где он жил с мамой и ухаживал за ней. Я понял, что у него ни финансовых, ни моральных сил не было. Ему нужна была поддержка. Он не умел переживать критические ситуации, сразу — депрессия, ну и лечение ее. Как маму он похоронил, я стал ему помогать. Я видел его наработки по второму тому. Хотел, чтобы он продолжал роман. Ведь в какое время и как о губернаторе написал! Не побоялся. Гагарин мне больше всего нравится. Сумел Саша создать образ. Он был талантливым человеком».

Виктор Сергеевич берется за оформление звания «Заслуженный работник РФ» для Родионова. А кто достойнее? Петров делает ходатайство, его поддерживают Леонид Хвоинский и Владимир Песоцкий, которые совсем недавно видели Родионова в деле на площадке капитальной реконструкции и возрождения Колыванского камнерезного завода. «Ход бумаге дали, — рассказывает Виктор Сергеевич. — Но в наградном отделе администрации края задержали. Через Владимира Ивановича Псарёва я вышел на помощника представителя президента. Он переговорил с Союзом писателей. Там все и застряло. Ответ был таким: «У нас получше Родионова писатели есть». Визу Союза писателей не удалось получить».

Эх! В одной фразе вся «писательская» кислотность. Петров не станет ничего доказывать алтайскому союзу писателей. Он читает книги Родионова. А тех, кто «лучше», не доводилось ему. Александру Михайловичу вручат грамоту Алтайского краевого совета народных депутатов. Тут следует заметить, что получить подпись в пользу Родионова в Союзе писателей в 2004-2005 годах было делом нереальным. Писатели давно нешуточно «дерутся». И Родионов входит не в ту группу, что ведает печатью. Одно писательское сообщество «дружит» против другого и жалуется на оппонентов в письмах на имя губернатора Сурикова, председателя Совета народных депутатов Назарчука, председателя правления Союза писателей России Ганичева. В настоящее время вся эпистолярная подборка хранится в Государственном архиве Алтайского края в родионовском фонде. Кто-то передаст Родионову копии писем и протоколов собраний, а он со свойственным ему подходом историка все листочки подошьет и отправит в «коллекцию». Читать эти документы неприятно. А порой даже страшно.

Разлад между писательскими группами усиливается в 2003-м. Отстаивая высокий статус Шукшинской премии, Владимир Башунов пишет критическую статью на стихотворный сборник Валерия Тихонова «Формат окна». «Не вышпечешь!» называется материал. Тихонов ответит статьей «Истоцимо терпение». Реплику выстроит по принципу: «а сам-то». «Алтайская правда» даст материал Валерия Тихонова под рубрикой «Неоднозначно» и посчитает нужным

прокомментировать противостояние. Пожалуй, не стоило этого делать. Все свелось к заключению: «два хороших поэта <...> рассорились из-за премий» [184]. Посыл неверный. Владимир Мефодьевич Башунов защищал искусство.

Осенью 2003 года в прессе выступят писатели Анатолий Кирилин, Ольга Гришко-Юровская из одной группы и Марк Юдаlevич — из другой. На тему писательского раздора много пишут журналисты. Газеты печатают с удовольствием. Кому-то кажется, что литературная драчка — это хорошо, это на пользу. Шум, движняк, скандалчик — читатель такое любит. Однако то, что для обывателя потеха, развлечение, интрига, для писателя — сердечная судорога.

В начале 2005-го писательская организация расколется. 19 января (Крещение у православных) будет создана Алтайская краевая общественная организация профессиональных писателей. В регистрационных документах в разделе «учредители» записаны: Башунов В. М., Вторушин С. В., Козлов Ю. Я., Родионов А. М. [295, л. 19]. На учет в АКООПП, кроме названных, встанут: Анатолий Кирилин, Валерий Слободчиков, Ольга Гришко-Юровская, Людмила Козлова, Эдуард Прутковский, Татьяна Баймундузова. Председателем новой писательской организации выберут Александра Родионова. Александр Михайлович объяснит в прессе: «Ряд писателей — числом десять — учредили новую организацию профессиональных писателей Алтая. Мы условились, что будем честно говорить о творческих недостатках, обсуждая рукописи, жить в традициях русской литературы, где основным критерием всегда был художественный образ, а не конъюнктура» [162].

А ночью, отодвинув писательские дразги, Родионов пишет роман. Текст идет ровно, почти без исправлений. Как-никак, а герои живут с ним почти двадцать лет. Он не отрывается даже на дневник. Самые важные события записывает здесь же на обороте листа или полях амбарной книги. Собственно, событий, на которые он не может не откликнуться, всего два. Рождение и смерть. Посреди романа, в эпизоде встречи Гагарина с братьями Бабиными и раздумий губернатора Сибири

о заводчике Демидове и офицере Бухольце появляется строчка: «Двойню дочь родила утром 26.10.03». У него внуки — Андрюша и Анечка. Теперь каждый год в этот день Александр Михайлович будет делать запись в дневнике: «Родились малявки». После радостного всплеска текст невозможно двинется дальше. Все страницы в амбарных книгах датированы, написание фрагментов легко прослеживается по числам. Из важного и кровного на полях еще одна помета. «16.11.04. Машу встретил», — отмечает он свидание с младшей дочерью.

Когда повествование уже клонится к финалу и в Петропавловской крепости Петр пытается Гагарина, на пустом обороте листа появляются крупные буквы: «Умер Башунов, утром. 21.02.05». На следующей странице четкие строки превратятся в неразборчивое письмо, буквы сделаются шаткими, потом съедут с линейки и слетят вниз. Остаток листа пуст. Именно в этот день — 21 февраля 2005 года — регистрационный центр внес в реестр Алтайскую общественную организацию профессиональных писателей. История союза начиналась с невосполнимой потери.

«Владимира Башунова хоронили как святого, — напишет Евгений Скрипин в своей книге «Барнаульские поэты без иллюзий». — У Владимира оказалось громадное количество поклонников, которых не смогла вместить бывшая полковая церковь. <...> уж слишком не похожи были эти похороны на обычные провинциальные писательские, с хвостиком из трех-четырех десятков провожающих. Это были скорее генеральские, по высшему разряду государственные похороны. Или, говоря, похороны русского святого» [190].

К рукописи Родионов вернется 9 марта. Разберет каракули, оставленные в день смерти друга. Подчеркнув красным карандашом три пригодные строчки, перепишет их набело. Повествование двинется дальше. Ему предстоит написать самые тяжелые сцены: страшные пытки и казнь первого губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина. Ночью 27 марта изумленный Гагарин спрашивает: «Меня, Рюриковича, пытать?» До самого утра изводит ащеульник князя виской. Царь Петр появится в застенке в ночь на 4 апреля. Тогда и будет написан страстный диалог царя и Гагарина.

«— Тебе неужто теперь непонятно: коли не покаешься — не прощу. Не прощу! И казнь, как б... последнюю, позорно.

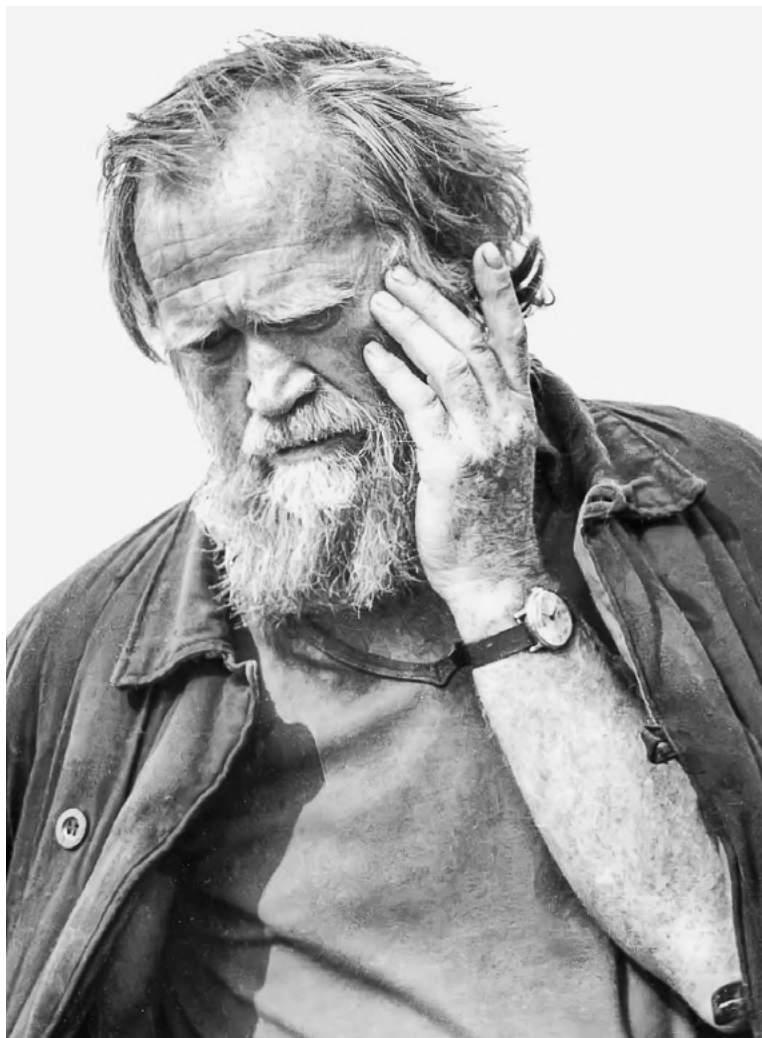
... В остатней можете князя Гагарина закипела злость жизни.

— Это почему же я в такой ранжир возведен? С чево ты меня в б... зачислил? А ты чем на земле занят? — Гагарин глотнул долю ярости в себя, но она снова выплеснулась. И он прорычал: — Я все в Сибирь сволокивал ради крепости ее. А ты хотел, чтоб Сибирь, как девка всем доступная, при кабаке твоем стояла? Подходи любой! Хоть зюнгорец раскосый, хоть кайсак вороватый. Подходи все, а она — ляжки нарастопашку! Вон и китаец уж поглядывает — не задрать ли подол сибирский, не смять ли под себя ее плоть девственную. Я велел крепость на Косоголе поставить, а ты указал ее срыть.... По Иртышу моим умыслом частокол крепостей заколочен. А ты сбдел пред китайцами да пред контайшой.... срыть все велел. Я к востоку, на острова к полуденным рубежам людей выводил, а ты взад пятки их поворачиваешь! Кто ж из нас б...? Не зря люди старой веры в своих книгах тебя во главе воинства антихристово рисуют...»

В ночь с пятого на шестое апреля писатель казнит первого губернатора сибирского. И сам, измученный, истощится душой до слез. «И Гагарин — тоже я».

Последняя глава создана 7 апреля, в праздник Благовещения. Повествование утопает в золотистом свете: на волю из тюрьмы выходят рудоприищики Степан Костылев и Федя Комар. Наконец-то Степан попадает в свой дом, что в Коркиной слободе. «...И вошел в свой родной дом на берегу Ишима. Теплый свет солнечный ласкал скобленные половицы, в горнице пахло чабрецом и березовыми ветками. Вчера миновала Троица. В углу за ткацким станочком сидела его жена. Солнышко золотило ее волосы, перехваченные платом. И они подрагивали на спине, когда приударяла ткачиха движком, сродняя нитку с ниткой <...> «Ну вот она — моя Златая баба. Живая и солнечная...» — замер Степан в дверном проеме, любясь женой и сдерживая крик» [12, т. 2. с. 426].

За месяц до шестидесятилетия Александр Михайлович завершает большую трудную работу.

В Егорьевке. Май 1995 г. Совсем недавно завершена книга «Азь грешный».
Фото Алексея Лукина

«Шукшинские чтения, Сростки. С Борисом Укачиным (в киргизской шапке) 1991 (?)»
ГААК. Здесь и далее подписи в кавычках принадлежат Александру Родионову

Виктор Горн, Александр Родионов, Владимир Башунов. Начало 1980-х гг.
Государственный музей истории, литературы, искусства и культуры Алтая
(ГМИЛИКА)

«Егорьевка, май 1995. Материнский дом. Ставни мои. Перед отъездом в Барнаул.
Фото Лёши Лукина из Рубцовки». Фото Алексея Лукина. ГААК

«Рубцовские гости. Май 1995. В бору на озере Горьком. Ново-Егорьевка».
Фото Алексея Лукина. ГААК

Первый Демидовский бал. В руках у Александра Родионова медальоны с портретом Акинфия Демидова для лауреатов премии. Краевая филармония Алтайского края. 1996 г. Фото Андрея Каспришина. ГААК

Президент Демидовского фонда Александр Родионов вручает премию поэту Владимиру Башунову. 1996 г. Фото Андрея Каспришина. ГААК

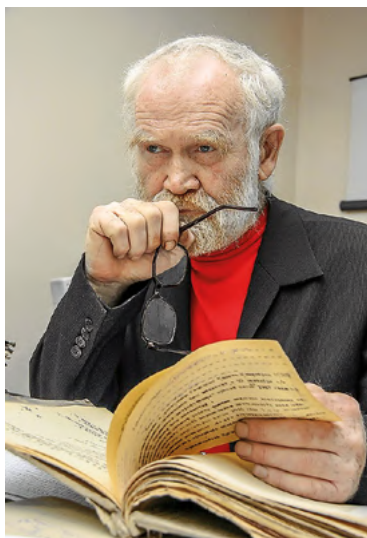
«Барнаул, ул. Анатолия, рядом с Домом архитектора. 1997 г.»
Фото Сергея Семенова. ГААК

«На выставке "Образ горного дела на Алтае". Выступает Яков Кривоносов. 1995».
Александр Родионов стоит у стены рядом с телеоператором. ГААК

В архиве.
Фото Михаила Хаустова

В читальном зале Государственного
архива Алтайского края. Начало 2000-х гг.
Фото Александра Волобуева

«Хренков, бывший преподаватель АСХИ, знал Нагорное кладбище перед разрушением, и Родионов». 1990-е гг. ГААК

Александр Родионов (крайний справа) и Евгений Гущин (второй слева) в Китае. Начало 1990-х гг. ГМИЛИКА

Экспедиция по первой Демидовской дороге. 2001 г. ГААК

Фото Александра Волобуева

Александр Родионов в своей квартире на ул. Пушкина.
Шкаф с зеркалом сделан его руками. Фото Александра Волобуева

Александр Родионов и Петр Анисимов.
На ленте — фотопанорама старого Барнаула. ГААК

Александр Родионов и Сергей Боженко. Горный Алтай, долина ледника Ак-Тру.
2004 г. Фото Вячеслава Русанова

Александр Родионов на юбилее
Сергея Боженко. 2004 г.
Фото Михаила Хаустова

Фото Александра Волобуева

Александр Родионов, Виктор Горн, Галина Горн. В квартире Родионова
на ул. Пушкина. 2007 г. ГМИЛИКА

С новоиспеченной летописью Барнаула. 2007 г.
Фото Михаила Хаустова

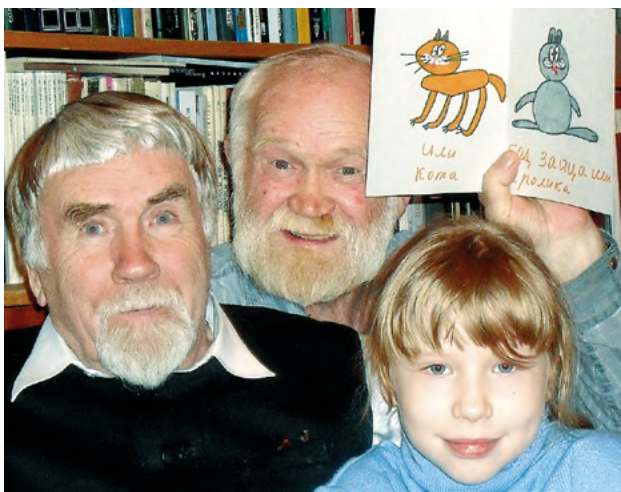
После презентации книги «Забывтый полк». Государственный музей искусства, литературы и культуры Алтая (ГМИЛИКА). Андрей Краснощек, Александр Михайлович Родионов, Виктор Суманосов, Александр Зуев.
2009 г. Фото из архива В. Суманосова

На берегу Катунь. Поповская протока. Во время Шукшинских чтений. ГМИЛИКА

По дрова. До 2010 г.
Фото Александра Волбуева

В гостях у Валентина Курбатова (слева). 7 января 2011 г.
Фото Маргариты Аврамовой

31 декабря 2012 г. Александр Михайлович с внуками Аней и Андреем.
Фото из семейного архива

В Шемонаихе. Александр Михайлович благодарит Нину Андреевну Ершову, руководителя фольклорного ансамбля «Товарки» из села Предгорное Восточно-Казахстанской области. Апрель 2012 г. *Фото Веры Уразовой*

Колывань. На старом кладбище.
10 июля 2007 г.
Фото Андрея Каспришина

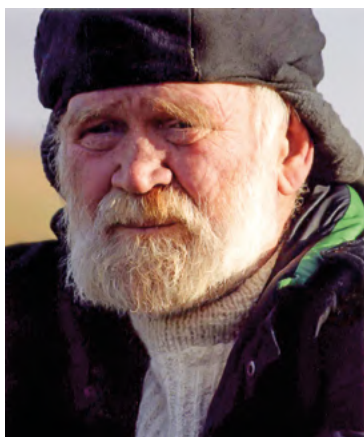
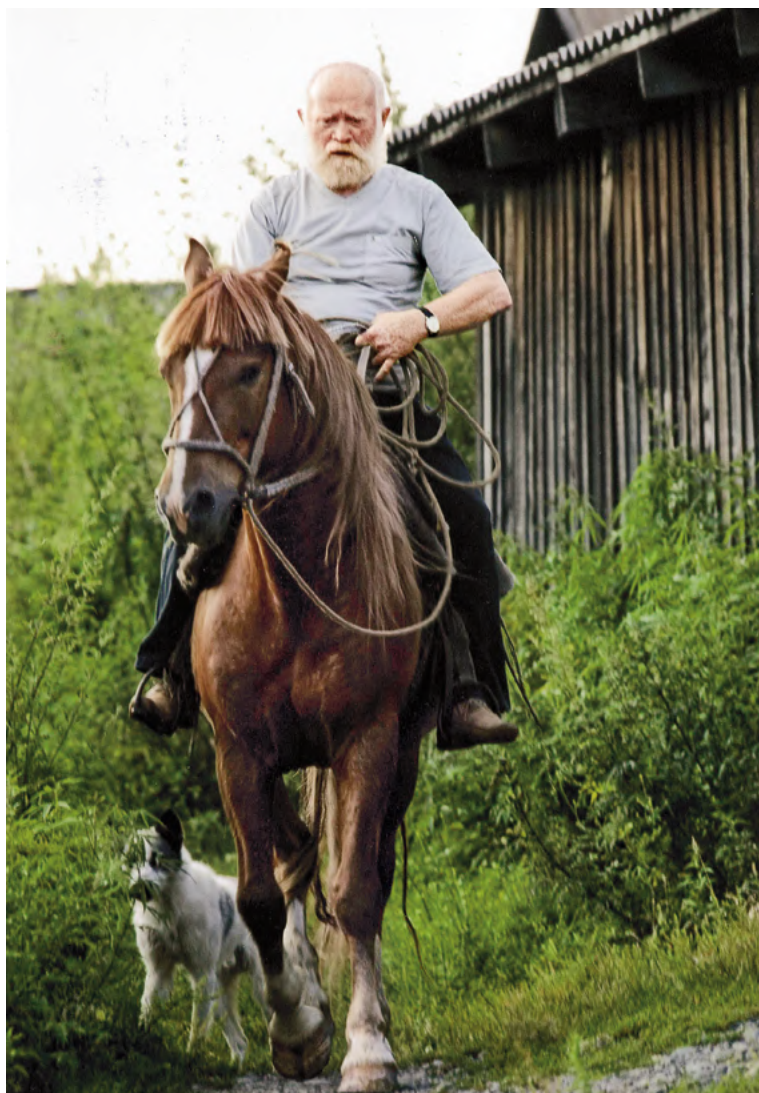

Фото Павла Безрукова

Ксения Аврамова. Эскиз. Вечером на кухне, минуты летят так неспешно. 2013.
Бумага, темпера. 39x44

Александр Родионов в Горном Алтае. Июнь, 2009.
Фото Аркадия Елфимова

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ»

Рукопись печатается по горячим следам. Публикация начинается в марте, когда последние главы еще не дописаны, завершается в декабре. Текст под заголовком «Князь-Раб» выходит во 2, 3 и 6 номерах журнала «Алтай» в 2005 году. Сноска поясняет: «Продолжение романа "Азь грешный"». В 2006-м вторая часть романа появится в «Сибирских огнях». На следующий год тысячестраничный исторический роман «Князь-Раб» выходит в свет отдельным двухтомным изданием. На печать книги сбрасываются деньгами друзья и добрые знакомые Александра Михайловича. Своих добродеев автор благодарит в начале первого тома. Он пишет: «Работу над романом, начатую более десяти лет назад, мне помог закончить человек редкого инженерного дарования, предприниматель Виктор Сергеевич Петров, за что ему сердечное спасибо. А издание осуществлено благодаря содействию геологов-редкометаллыщиков Евгения Воробьева (Москва), Владимира Рябухина (Санкт-Петербург) и нефтяника Михаила Хмелевского (Нижевартовск). Барнаулская помощь в издании книги — это Президент Алтайского Демидовского фонда Владимир Филимонович Песоцкий, историк по первому образованию; руководитель «Зернобанка» Николай Николаевич Николаев, предприниматель Тенгиз Ливич Данелия и Барнаульский филиал банка «Возрождение». Соучастие в рождении книги — явление в наши дни редкое, и тем оно дороже для меня. Я выражаю душевную благодарность всем, всем, всем, кто помог появиться на свет этой книге. И, как писали в старину, подписуюсь — покорный слуга Ваш Александр Родионов» [12, т. 1, с. 10].

Оба тома открываются словарем устаревших и заимствованных слов. Несколько примеров из него: «Ащеульник — издатель, батман — упаковка чая, вертлюги — суставы, жоль — гроб, зимогор — бродяга, камка — хлопчатобумажная ткань». О языке романа сказано уже много. Вот еще одно мнение — от новосибирского критика Владимира Яранцева, который характеризует Родионова как автора, «не на шутку погруженного в эту медлительную эпоху». «Отсюда и его пристрастие

к многосложным словам. Их можно найти в любом месте текста: душелюбезный, тонкорастворенная, белооблачная, кровохлебие. Многоэтажное слово становится живой картинкой, микрофильмом, лубком-театром с разыгранной на глазах сценкой. «Хитровыворотливые лавочки», «недарохваткий Долгоруков», «многоушатый Иркутск». Исследователь романа считает, что особенно удаются автору описания природы, они свежи, оригинальны. Приводит пример: «Совсем нерожденственная стояла погода. Накануне пала на всю округу роспель, даже капель приударила, а к утру припожаловал морозец, высеребрил куржаком деревья, дома и ангарский берег — все подкряжье взял в серебряную оправу. На свежих рядах сосновых бревен вновь поставленной городской стены нависали сверкающие низки инея — иголки снежные до того были нежны и тонки, что нельзя было различить, где они кончаются, а где начинается тонкозвонящий воздух». Владимир Яранцев воспринимает отрывок как «одно многосложное слово, спаянное так, что не убрать хоть одно без ущерба для всей словесной вязи» и характеризует его как «старозаветное красноречие», схожее с «плетением словес монахами-книжниками» [165].

Рецензент упоминает о «литературной паре» Гагарин — Костылев. Эта линия напряжения очень важна для автора. Родионов не однажды говорит в своих интервью, что книга «Князь-Раб», «конечно, о первом губернаторе Сибири князе Гагарине. Но для меня параллельно с ним существует другой герой — Степан Костылев. В социальном плане это разнополярные личности, но один всей мощью властных механизмов только пытается освоить Сибирь, другой — тихо и уверенно, без оружия и пороха, без крови, делает это» [167].

На публикацию романа откликается Георгий Карпов, школьный словесник и соратник по газете «Прямая речь». Георгий Маркович считает, что Родионову «всего веселее писать не об интригах власти, а о жизни народной с ее извечными заботами и радостями. Быт крестьянский, казацкий, солдатский, мастеровой и прочий выписан густо, зрело. Как расsverливаются пушечные стволы, как сортируется мягкая рухлядь, как рубится изба, как ставится сеть, как... — долго пришлось бы перечислять все, о чем с любовью и знанием пишет Родионов» [163].

О воссозданной Родионовым атмосфере русского XVIII века Карпов говорит: «До чего же это созвучно нашему смутному времени». На эту же тему десятилетием ранее выскажется Родионов: «Сыны Отечества всегда были и будут, в этом сомневаться не надо. Но всегда были и будут пасынки Отечества. Сейчас в Москве сидят пасынки. В этом я ни на йоту не сомневаюсь. Сыны так с Отечеством не поступают» [178].

Георгий Карпов останавливается на теме сепаратистских брожений в Сибири: «Матвей Петрович Гагарин является, так сказать, крестным отцом сибирского сепаратизма. — Нужно оговориться: вина Гагарина не доказана» [163]. Кто читал роман, помнит: мысль об отложении Сибири мелькает у Гагарина, но он отрекается от нее, как от чертовской прелести. Идеи, однако, имеют свойство витать в воздухе, и вот эта, сепаратистская, весьма живуча. «Когда державная хватка Москвы ослабевает, когда столицу поражает очередная смута, когда разрушители страны, занятые взаимной грызней и воровством, ослабляют экономическую и нравственную силы державы, тогда в Сибири волей-неволей возрождается старая ересь. <...> У слова, кроме всех его семантических составляющих, есть еще и мистическое значение. Сказал когда-то Михайло Ломоносов вещие слова: «Богатство России прирастать будет Сибирью». И как-то не замечаем мы, что в этой фразе Сибирь и Россия — это не одно и то же. Россия будет богатеть за счет Сибири. А Сибирь? Ей что остается?.. С шестнадцатого века отношения европейской России и азиатской Сибири были отношениями метрополии и колонии. Мало что изменилось в этом смысле и до сих пор» [163], — пишет Георгий Карпов. В понимании обозначенной проблемы писатель и критик единодушны.

Родионов, несомненно, рецензии читает. Отзывается: «В алтайском приложении к Литературной газете вышла статья новосибирского критика Владимира Яранцева, в «Литературной России» появился анализ Николая Волокитина, но для меня самым интересным откликом стала статья Валентина Курбатова из Пскова. Мне кажется, он понял нерв «Князя-раба». После прочтения его статьи мне стало ясно, что и Петра, и Гагарина, и Костылева можно назвать в равной степени и князьями, и рабами России. Курбатов точно почувствовал языковую стихию

времени, а для меня очень важно, что в XXI веке я не вышел из языковой сущности — и народной, и придворной речи XVIII века» [167].

Статья Валентина Яковлевича Курбатова «Верой и правдой, силой и кривдой» выходит в газете «Литературная Россия», журнале «Наш современник» и сразу в двух газетах на Алтае. Четвертого июля 2007 года ее дает «Два слова», пятого июля — «Алтайская правда». И коль автору романа она мила, то и ставлю текст Валентина Курбатова почти целиком.

«Родионов — писатель алтайский, сибирский, в первом воплощении геолог. Это и определило его интерес к петровской эпохе, к дням едва складывающейся Сибири, еще не знающей границ, — подвижной, текучей, своей для китайцев, калмыков, джунгаров, русских. Вольной, «ничьей», неисчерпаемо богатой.

Но Петр-то в романе хоть и повсеместен, и хоть пронизывает всякую судьбу и за всяким домом глядит, и хоть сам проживает тут часы полтавской славы и прутского поражения, Гангутской виктории и рассчитанного европейского унижения, хоть при нас пытается и убивает сына, а все-таки и не вовсе главный герой. А главный-то Матвей Петрович Гагарин — тобольский губернатор, глава «вся Сибири», знавший в книге дорогие часы всеисилия, заносившийся выше небес, а кончивший на «глаголе», на привычной осьмнадцатому веку виселице, когда «вспороли всеобщее оцепенение барабаны и палач набросил на голову князя мешок». После страшных пыток, которые тут обсказаны во всех подробностях и про которые и читать страшно, а уж терпеть как — никакого воображения не хватит. А он вот — казнокрад, вор и честолобец — выдержал. И потому, что, в отличие от Петра, Рюрикович, о чем и кричит Петру с дыбы в лицо, и потому, что, как мы уже сами догадываемся, несмотря на все обвинения, действительно не хотел отложиться. Ибо русский во всем. И гордостью русской и строил Сибирь.

В этом чудо и победа Родионова, что он все огромное население книги писал во всей русской широте, которая даже и Достоевского смущала, так что он хотел «сузить» русского человека. А Родионов вот не сужает — уж какой есть, такой есть!..

И украдет, и покается, и во все тяжкие пустится, а завтра последнее отдаст. И сжульничает, пока лихо не придет, а в страшный час встанет свято и победит.

Наверное, это вышло так убедительно оттого, что автор побыл и царем, и ханом, князем и нищим, рудознатцем и архиереем. Целое человечество переносил в себе за десять лет, пока писал книгу.

Да и документов Родионов за эти годы столько и таких прочитал, что немудрено было узнать, как просторен русский человек, особенно в сибирской воле и дали. И ты сам в чтении никак не можешь чьей-то стороны взять, потому что все они живые.

Только раздосадуешься на Гагарина, на то, как он губит поход государева посланника Бухольца в чужие земли и сам же потом за гибель людей с него фарисейски спрашивает, как вместе с князем и вздрогнешь, когда он, видя горе матери, потерявшей в том обреченном походе детей, вдруг на минутку всю боль на себя и свою магушку примерит и, впервые понимая всю пропасть беды, раненым сердцем закричит: «Раньше матери не умирай!» И ты, уже привыкший к смертям в романе, тоже внезапно и остро материнскими и отцовскими глазами увидишь, как прирастала Сибирь, какой ценой давалась она России. И поймешь князя, который вор-то вор, а каждую судьбу своих людей будто в руках подержал и сам в себе рос и жил Сибирью. И как же это взять и отложиться?

Иногда при чтении и устаешь. От сотен героев, из которых всяк со своей судьбой и всяк внимания требует. А удержи-ка их в памяти. Кажется, ни один человек от автора не укрылся — ни пеший, ни конный, ни князь, ни раб. Но потом догадаешься, что автору уж и не до читателя, не до тонкостей нашего воспитания. Ему бы пополюе воскресить молодые дни империи и тем снова собрать Сибирь и никого не забыть в «поминании». Оттого и норовит он оживить всякое дело, так что мы с ним и повоюем, и руду поищем, и поторгуюем, и потянем с купцов копейчку в таможняк, и всякую работу сделаем, которую Родионов пишет так, что, не поделав ее своими руками, не напишешь.

Книга выходит рабочая, трудно повседневная. Без этих наших нынешних «олеографий» на месте истории, где один так

и норовит в помойное ведро все столкнуть, а другой из того же материала икону сочинить. Читаешь, как живешь — долго и трудно. И радуешься чтению, как хорошей работе. Привыкшие к тому, что авторы обычно суетятся, пытаюсь занять нас, в глаза заглядывают, чтобы мы не заскучали, мы вначале смущены этой независимостью Родионова. Но зато, вчитываясь, благодарим за эту полноту Божьего мира, за яркую плоть отшедшего мира, которого мы дети, хоть уже и забывчивые дети.

Ему вот и начинать книгу приходится со «Словаря», потому что мы уже половину родных языковых сокровищ растеряли. Родионов возвращает в романе ушедший плотный сильный живой русский язык, и мы еще вольны омолодить родную речь старой сибирской крепью. Так и видишь, как радуется слух автора, перебирая чудеса присказок и поговорок, не умея наслушаться, как складно говорит русский человек, который складностью этой таинственно облегчает себе жизнь: «не гляди ребром, гляди россыпью», «спрятать рожу под рогожу», «как бы ни шло, лишь бы ехало», «нажил махом, ушло прахом». Нарочно он речь не пестрит, а там слово былое прибавит, в другом месте — глядишь, речь и расцвела, как при воспоминании о Сибири уже заточенного в Петропавловке князя: «Эх, трубочка милая! Сколь ни вышивай ты здесь своей трубой серебряную строчку в сером воздухе, все одно похитит ее эта хлябь чухонская. Протопают какая-нибудь рота по снегу и твое глухое влажное звучание. Кабы тебе играть зарю, и полдень, и вечер над Иртышом с Троицкой горы, вживляя песню свою в шитое сизым красноталом белое заречье, там тебе, песне твоей трубой, каждый стебелек встречь качнется!»

Долгая вышла книга, как крепкая жизнь сибирского губернатора. Оглянешься в конце, вспомнишь, как выходил в дорогу чтения, и будто уж то начало другой жизни было — так ты успел втянуться в мерное и немеряное сибирское время, так сошелся с человеческой семьей героев, так почувствовал сердцем глубину и крепость мира. Будто и сам прошел всеми реками и прикипел к ним. Будто с небес милую землю взглядом окинул и, как впервые, понял — твоя она, тобой выстрадана и нажита.

Увидишь это любящим сердцем и все и простишь широким и уже неподсудным нам царю Петру, за волосы тащившему

Россию, куда не хочет, и Матвею Петровичу Гагарину, князю и рабу Сибири. Как и сам Петр — князь и раб России. Умный художник книги (Далецкая Ю. А.) будто перевернул слова в названии, поставив в первом томе красным цветом слово «князь», а во втором — «раб». Будто в первом в багряницу власти князя одел, а во втором кровью опалил. Слитны они оказались в петровской истории: власть и кровь — не разорвать. Слитны и в молодой русской судьбе.

Дал бы нам Бог помнить это в ослабленное наше время — нам уже такой истории не поднять. И дал бы Бог слышать нерасторжимость и в общей жизни империи, и в каждом сердце раба и князя, которые только вместе — целый человек в целой истории. А порознь — одно "гражданское общество".

12 сентября 2007 года Александра Михайловича Родионова чествуют в Санкт-Петербурге. Он становится лауреатом Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский». В столичной гостинице окружают его вниманием и роскошью. «Уважаемый Александр Михайлович! — гласит письмо, оставленное в номере «Елисей Палас Отеля». — Ваш персональный дворецкий и администраторы службы приема гостей с удовольствием возьмут на себя заботу о Вас и сделают все возможное для того, чтобы Ваше пребывание у нас было приятным и запоминающимся. Я буду рад лично ответить на любой возникший у Вас вопрос. С искренним уважением Сергей Скалон, управляющий "Талион клуба"» [297, л. 37]. Фамилия управляющего такова, что у Родионова, конечно, есть вопросы. Не из того ли знаменитого рода Скалонов, имеющего отношение к Бийской крепости, управляющий «Талион клуба»? Известны ли ему генерал-поручик Антон Данилович Скалон, автор первого в России русско-киргизского словаря, и его сын Антон Антонович Скалон, герой Отечественной войны 1812 года, павший в сражении и похороненный по распоряжению Наполеона со всеми воинскими почестями?

В 2008-м роман «Князь-раб» приносит писателю Родионову еще одну награду — премию администрации Алтайского края в номинации «Литература».

КНИЖНЫЙ УРОЖАЙ

2007-й. Счастливая полоса в жизни Родионова. Одна за одной появляются его книги. Кроме двух томов исторического романа «Князь-Раб», выходит в третьем издании «Колывань камнерезная». Печатается том «Алтай-Беловодье», в котором Родионов выступает редактором-составителем. Наконец, столица Алтайского края получает солидный фолиант «Барнаул. Летопись города. 1701–2000 годы». В этом же году Александр Михайлович доводит до конца книгу, начатую Владимиром Башуновым, «Твои дороги, Алтай», а также становится автором послесловия в библиографическом словаре «Писатели Алтайского края». Публикует объемные очерки.

Как и многими годами раньше, ему приходится отстаивать свои гонорары. В краевом ведомстве, переиздающем «Колывань камнерезную», его огорошат: «Вы же получали уже деньги за эту книгу». Родионов советует чиновнику перечитать закон об авторском праве. По поводу оплаты трудов над сборником «Алтай-Беловодье» он вынужден писать письмо заместителю губернатора Николаю Черепанову: «В 2004 году Краевой комитет по культуре предложил мне участвовать в проекте Сибирского соглашения «Сказы народов Сибири» — составить алтайский том и написать к нему предисловие. В качестве художника был приглашен Ю. А. Иванов. К 1 марта 2006 года мы свою работу выполнили. Начиная с 2004 года и по сей день (13 ноября 2006 года) комитет по культуре Алтайского края нарушает юридические нормы, относящиеся к трудовым отношениям» [311, л. 4]. Послание Родионова имеет необычную концовку: «Мое письмо можете не передавать в комитет А. И. Ломакину, как это принято. Я от Вас хочу получить ответы». И заместитель губернатора отвечает лично: «Объективные причины послужили задержкой оплаты Вашего труда, но в первом полугодии 2007 года Вы, уважаемый Александр Михайлович, получите заслуженное авторское вознаграждение» [311, л. 6].

Основу сборника «Алтай-Беловодье» составляют материалы из книг серии «Фольклорное наследие», предложенной Родионовым в конце 1980 годов Алтайскому книжному издательству.

К этому фундаменту Родионов добавляет легенду «Беловодье», предание «Кол Ивана» от жителя села Колывань А. Воротникова и раздел «Литературные сказки». В писательскую часть он помещает произведения Вячеслава Шишкова, Сергея Залыгина и свою обработку предания — «Сказка про белую змейку, сказанная в белоярской крепости Федей Комаром-рудоприщиком». Фрагмент извлечен из романа «Князь-Раб». Позже, в 2011-м, включив «Сказку про белую змейку» в последнюю свою книгу «Одинокое дело мое», Александр Михайлович делает под текстом короткую приписку: «Оригинал сказки записан С. Гуляевым в XIX веке на Алтае».

В предисловии к сборнику «Алтай-Беловодье» Александр Михайлович объясняет выбор названия. Легенда о Беловодье, то есть о земле, «в которой люди живут вольно, честно и справедливо», оказалась «наиболее живучей и популярной на алтайской земле». Предание было тайным, передавалось из уст в уста, официальная власть узнала о нем достаточно поздно. Писатель сообщает, что первыми, кто записал легенду о Беловодье, «оказались чиновники в полицейских мундирах. В центральной России то и дело стали возникать «дела о беглых», ищущих дорогу в Беловодье» [17, с. 8]. Удивительно, «в какой бы части России ни изымали ее текст у арестантов: на Урале, на русском Севере или в центральной части империи, — это своеобразное руководство для искателя мифической страны начиналось описанием маршрута на Алтай». Этой легенды нет ни в одном фольклорном сборнике, найти ее можно только в архивах Российской академии наук, а публиковалась она лишь в научных трудах о старообрядчестве. Родионов помещая тайный текст в книгу «Алтай-Беловодье», делает его доступным для широкого читателя. «Насколько притягательна была мысль о существовании заветного Беловодья, говорит такой факт. Уверившись, что в южно-алтайских долинах Беловодья нет, уральские казаки уже в конце XIX века снарядили свою экспедицию на... Цейлон. Обогнув Азию морским путем, они вернулись ни с чем через Владивосток» [17, с. 9]. Кроме того, помещали эту счастливую землю, говорит Родионов, и в «Опоньское государство».

Летопись Барнаула выходит в свет благодаря счастливому знакомству Родионова с руководителем компании «Алтайград»,

подполковником в отставке, ракетчиком Григорием Геннадьевичем Гавриловым, в собственности которого в 2006–2008 годах находится территория «Спички» и соответственно все строения барнаульского сереброплавильного завода. Гаврилов собирается восстановить исторический объект, сделать его туристическим, встроить в современную жизнь Барнаула. Планы предпринимателя, о коих в ту пору много пишут алтайские СМИ, грандиозны. Александр Михайлович радуется: наконец-то единственный за Уралом промышленный комплекс XVIII века будет спасен. Забьется историческое сердце города! Однако предпринимателю удастся лишь заменить прогнившие крыши на зданиях и провести капитальный ремонт в одном из помещений. Очередной экономический кризис заставляет Гаврилова продать бизнес и отказаться от планов воссоздания «города в городе». Но Григорий Геннадьевич успевает профинансировать издание полного варианта летописи Барнаула. Книга получилась основательной, увесистой в прямом смысле — килограммов на пять тянет. По виду энциклопедический том, корешок в пол-ладони, красная обложка с золотыми тесненными буквами. Праздник души для Родионова.

Для словаря «Писатели Алтайского края» Родионов пишет послесловие «Предтечи и наследники». Он представляет читателю литераторов нескольких поколений, начиная с дореволюционной эпохи и завершая современностью. XIX век и 1910 годы: Владимир Соколовский, Алексей Таскин, Иван Куцевский, Степан Гуляев, Александр Черкасов, Григорий Потанин, Николай Ядринцев, Георгий Гребенщиков, Порфирий Казанский, Иван Тачалов, Степан Исаков. 1920 годы: Новиков-Прибой, Вячеслав Шишков, Владимир Зазубрин, Арсений Жилияков, Анна Караваяева. 1930-е: Афанасий Коптелов, Илья Мухачёв, Ефим Пермитин. Многие ли читатели да и писатели тоже знают эти имена? Многие ли брали в руки их книги? А Родионов знает, цитирует, сообщает о писателях интересные факты. Гуляев, Черкасов, Гребенщиков — герои его очерков.

Самый обширный фрагмент текста отдан писателям-фронтовикам: Николай Дворцов, Петр Бородкин, Георгий Егоров, Марк Юдалевич. Марка Иосифовича Родионов даже «невинно» процитирует: «А самым первым было слово — Сталин,/

Оно нам открывало путь вперед,/Мы с этим словом крепи,
вырастали/Орлятами, готовыми в полет» [14, с. 216]. Говоря о литературе 1960–1970 годов, Родионов посвятит несколько абзацев «таланту редкому, пронзительному и до сих пор в полноте не прочитанному» [14, с. 215], Василию Шушкину. Воздав должное писателям своего поколения и круга (Евгений Гуцин, Леонид Мерзликин, Владимир Башунов, Виктор Горн, Анатолий Кирилин), Александр Михайлович обращается к молодой волне литераторов. Порой он пускает в ход «беглую строку», перечисляя фамилии через запятую. Отдельные же личности выделяет, находя для них характеристику или образ. Так, например: «Помня о добротной публицистике Валерия Слободчикова, задержимся на имени Александра Строганова». Строганов, считает Родионов, на фоне алтайского литпроцесса «выглядит аномально». «На Алтае драматургов крайне мало. Александр Строганов первым вывел свою драматургию на московские подмостки и на сцены театров зарубежных» [14, с. 220].

«Предтечи и наследники» — это добротная литературоведческая работа, в ней исследователь упоминает больше 70 писателей Алтая. Удивляют кругозор, необыкновенная начитанность Родионова, его внимание к трудам коллег.

В 2006–2008 писатель активно сотрудничает с газетами и журналами — старыми и новыми. В это время в Барнауле появляются яркие издания — еженедельник «Два слова» и приложение «Алтай» к «Литературной газете». Продержались они недолго, по одному-два года. Особенно много статей, интервью, небольших заметок, именуемых автором «барнаульскими засечками» ставит «Литгазета».

Подробнее остановлюсь на очерке «Из анонимных в именитые». Его публикует в январе 2007-го литературный журнал «Сибирские огни». Исследование посвящено истории барнаульского Никольского храма. Того самого, на стену которого в Дни славянской письменности 1987-го прикрепили Родионов и Анисифоров картонную доску с надписью «Памятник архитектуры». В 2006 году храму исполнилось 100 лет, и его настоятель отец Михаил (Капранов) заказал Александру Михайловичу статью о Никольском полковом. Следует подчеркнуть: Родионов буквально закладывает основу истории

Свято-Никольского храма. В Томском областном архиве он находит «Дело о постройке гарнизонной церкви в г. Барнауле», которое сообщает о том, что строительство церкви «началось 3 марта 1903 г.» и «кончилось 27 февраля 1906 г.». Как свидетельствуют документы, благословил возведение храма в Барнауле легендарный «Апостол Алтая» епископ Макарий. Родионов увидит его подписи и карандашные пометки на бумагах, а также телеграмму, пришедшую 9 февраля 1906 года на имя архиепископа Макария из Барнаула: «С благословения вашего Высокопреосвященства согласно разрешения протопресвитера и начальства гарнизонный храм освящен сегодня. Начальник барнаульского гарнизона полковник Писарев» [14, с. 178]. Всю эту информацию Александр Михайлович вводит в оборот первым. Как часто случается в текстах Родионова, он переходит от слов к делу. Александр Михайлович предлагает прикрепить на церковную стену «метрическую справку». И действительно, почему бы нет? Главные вехи храма, имена людей, имевших отношение к его строительству, а позже реставрации, стараниями Родионова известны.

Столь же важным кажется и то, что писатель называет имя архитектора храма — Александр Глебович Успенский, сын известного русского писателя. Установить личность проектировщика помогают писателю архитекторы Деринги — Александр Федорович и Вера Дмитриевна. Александр Деринг готовит барнаульского Николу к реставрации — без исторических чертежей, их не удалось найти в архиве. Однако большую роль в деле сыграла старая фотооткрытка, случайно найденная в магазине. На ней красовался Никольский храм, правда, в подписи он был обозначен как Красноярская военная церковь. Возникло предположение: гарнизонные церкви в разных городах Российской империи возводились по типовому проекту. Родионов доводит гипотезу до факта, до конкретных примеров. В статье он сообщает о том, что с 1903 по 1914 годы братья барнаульского полкового храма выросли в Петербурге, Термезе, Керки, Кушке, Оше, Новосибирске, Зайсане, Троицкосавске, Спасске, Белостоке, Пскове, Владимире-Волынском, Люблине, Хельсинки, Красноярске, Иркутске. «Такого мощного храмостроительного порыва,

пожалуй, Россия не знала» [14, с. 183], — восторгается писатель. Автор типового проекта вычислен Верой Деринг на основе редких энциклопедических изданий, а именно: капитальный свод С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность»; справка, взятая из интернета по книге Г. А. Цитовича «Храмы армии и флота» и энциклопедический том «Святые Санкт-Петербурга». В них удалось обнаружить фотографию питерской церкви во имя Архангела Михаила при казармах лейб-гвардии Московского полка. Храмовое здание — почти калька барнаульской полковой церкви. В прилагаемой справке значилось имя архитектора Александра Успенского.

Почему же Сергей Тепляков в своей книге «Никольский полковой» (2018) называет архитектором растиражированного в России храма Федора Михайловича Вержбицкого? Кто прав? А прав, похоже, Сергей Александрович, нашедший информацию в Википедии. Запутанную историю с архитекторами проясняет интернет-ресурс «Соборы. ру Народный каталог православной архитектуры». Как сообщают знатоки, Александр Успенский наблюдал за постройкой церкви лейб-гвардии Московского полка и «внес в типовой проект лишь незначительные коррективы, изменив форму купола с луковичного на шлемовидный».

Думается, это не единственная неточность в поисковых текстах Александра Родионова. И в этом нет ничего страшного. Родионов начинает многие темы с нуля. Как видим, для установления истины не всегда хватает трех мощных энциклопедических изданий. А интернет в качестве рабочего инструмента Александр Михайлович так и не смог освоить. Писатель старой закалки, он и тексты принципиально создает своеручно-рукописно, считая, что компьютер разрывает живые токи, препятствует превращению духовной и мыслительной энергии в текст.

В 2007-2008 годах несколько теплеют отношения между Родионовым и учредителями Демидовского фонда. Формально Александр Михайлович входит в попечительский совет, его

фамилия значится среди двенадцати его участников в альманахе «Демидовский вестник». Но фактически он отлучен от дел с ноября 2001 года. На балы, которые стали проходить в шоу-центре «Колизей», его не приглашают. Также не принимает он участия в работе совета по премиям. Создателям энциклопедии Рубцовска, а это были библиотекари, запомнились переживания Родионова по поводу того, что столь масштабное всеобъемлющее издание не отмечено Демидовской премией.

Перемены в ведении «демидовских дел» замечают многие и, разумеется, задают вопросы основателю фонда. Он отвечает: «Собрания последних лет в «Колизее» — это уже не Демидовский бал. Давайте танцевать от смысла слов. Фонд (Демидовский) — это сущность, суть. Теперь прибавим: Демидовская сущность. Разве демидовская сущность на Алтае заключается в том, чтобы собрать деньги и коллективно на них пообедать? Демидовская суть в следующем: русская промышленная цивилизация и социально-житейский шлейф, который сопряжен с этим. И если Международный Демидовский фонд вручает премии по фундаментальным наукам, то на Алтае упор был сделан на премиях в области производства и культуры. Если по-настоящему ума давать этому направлению, то в первую очередь нужно обеспечить те силы, которые могут возобновить разведывание месторождений. А добычное, разрабатывающее дело уже могла бы сопровождать культурная программа» [161].

Сторонникам и друзьям Родионова его отсутствие на балах кажется несправедливым. Однажды берется исправить эту ситуацию тележурналист Вадим Климов. «Я пришел в «Колизей»... И я понимаю, что нет самого главного человека! Нанял такси и привез Родионова туда. Мы с ним сели в баре. А так как Александра Михайловича люди уважали, то и те, кто вручали и те, кто получали, шли к нашей стойке бара, чтобы пожать ему руку. У Родионова был шикарный бал, наш «Оскар» для творческой интеллигенции. Без попсы, без бюрократии. В «Колизее» это выглядело так: напротив сцены специальный стол, один помощник, второй помощник, третий зам, четвертый зам и в центре губернатор. Это превратилось не в собрание

интеллигенции, а в традиционную бюрократическую фиговину. Родионов сказал: "Слушай, а я в некоторой степени даже рад, что непричастен к этому"» [171].

Этот ли случай повлиял, высказывания ли основателя Демидовского фонда в прессе, или просто время прошло и обиды забылись, но Родионов стал получать официальные приглашения. И сразу же случился казус. На Демидовском бале – 2008 после обращенного к гостям выступления председателя краевого законодательного собрания Ивана Лоора к микрофону подойдет Александр Родионов. Скажет следующее: «Господин товарищ Лоор. Когда ваши помощники пишут вам тексты, пусть они тщательнее работают с историческим материалом». Нужно заметить, что не только молодые помощники Лоора не знали истории возникновения Демидовского фонда, ее почему-то перестали вспоминать и те, кого Родионов пригласил пятнадцать лет назад к старту Демидовского движения. Обращает на себя внимание интервью Владимира Филимоновича Песоцкого, президента фонда по тем временам, напечатанное в «Демидовском вестнике – 2007»: «Демидовскому фонду, который создавался в крае по инициативе всего нескольких творческих людей, исполняется 15 лет» [189]. Владимир Филимонович, кстати, не из тех участников, которые наблюдали самое начало Демидовского проекта. Песоцкий пришел позже как руководитель Алтайского отделения Сбербанка РФ, как меценат. Но рядом с ним были люди, которым ничего не стоило уточнить нюансы. Не захотели. Исторически верная формулировка, по моему разумению, должна звучать так: «Родоначалником Демидовского фонда и организатором Демидовского движения на Алтае является Александр Михайлович Родионов, который, кроме того, выступает и одним из учредителей Международного Демидовского фонда. В рамках алтайского проекта по инициативе Родионова с 1994 года вручаются гуманитарные Демидовские премии, с 1996 года проводятся Демидовские балы». Резюме: инициатива принадлежит исключительно Родионову, а «не нескольким творческим людям». Некоторые товарищи окажутся рядом с первым президентом Демидовского фонда Родионовым лишь потому, что он пригласит их к совместному делу.

Только в 2011-м, в год двадцатилетия фонда, Родионову доставят слово на страницах «Демидовского вестника». Александр Михайлович опубликует небольшую статью «Как все начиналось». Зная, какой короткой бывает память и как легко замолчать истину, с 2005 года Александр Михайлович обозначает свои общественные инициативы в автобиографических записках и справочных материалах для словарей и энциклопедий. Это выглядит так: «Лауреат литературной премии им. В. М. Шукшина, основатель Демидовского фонда на Алтае и автор проектов «Летопись Барнаула», «Демидовские гуманитарные премии», «Галерея горных деятелей»» [160].

Уже после публикации в «Демидовском вестнике», в августе 2011-го, в одном из последних своих интервью Александр Михайлович сочтет нужным заострить тему: «Не все получилось и с Демидовской премией. Я хотел сделать ее сибирской в тех пределах, в каких были по Сибири демидовские заводы — 400 тысяч десятин. Приглашал соискателей из Томска, из Кемерова, из Новосибирска. Но мне стали говорить: что ты алтайскую премию за пределы раздаешь? И сейчас шапкой кинь — попадешь в лауреата демидовского. Это не то. Девальвация замысла началась. Кобыла, которую я вывел из стойла на дорогу, уже стара. Пришли ленивые люди. Да, они богаты, достигли успеха в своем бизнесе. Но у них нет программы, нет самой идеи» [169].

В 2016 году после нескольких лет простоя Демидовский фонд возобновит деятельность. Конечно, она не достигает родионовского размаха. Издание книг, проведение детских курсов рисунка «Колыванская мозаика» и «Славянская мифология», устройство грандиозных тематических выставок — все это в прошлом. И сама премия не воспринимается сегодня в регионе номером один. Это связано в том числе с тем, что окрепли краевые награды, возросла до Всероссийского уровня Шукшинская литературная премия, появилась Рождественская — также российского значения. Они и в финансовом отношении превосходят Демидовскую. Однако у Демидовской премии есть своя ниша и свой престиж. Ее нужно сохранять.

РУССКИЙ КОСМОС

Итак, «Князь-раб» получил две престижные литературные премии и прекрасные рецензии в прессе. С десяток лет назад Родионова завалили бы письмами, просьбами выслать книгу. Так всегда случалось с его произведениями. «Ответный свет по-настоящему загорелся для меня, — рассказывает Александр Михайлович, — когда люди взяли в руки «Колывань камнерезную» и «Красную книгу ремесел». Уезжая с Алтая, они старались взять эти книги с собой — в подарок, за рубеж. Мне потом говорили: отвез пять штук во Францию, подарил там. Всем понравилось. Или в какую-нибудь Японию, Австралию. Мне тоже приятно, мне тоже это нравится. Это оценка — если книгу можно подарить как память о чем-то, о ком-то... Это подарок не от меня. А от Алтая. И об Алтае. И это признание моего отношения к Алтаю» [178].

В 1990-м «Книга почтой» пересылает Родионову почтовую карточку от заказчицы. «Уважаемые товарищи! Что с вами случилось? Всегда выполняли очень быстро все заказы, а теперь... Из 3 книг получила 1 в 1 экземпляре!! Я же просила для кружка. Повторно (уже в третий раз прошу): Мисюрев. Легенды горной Колывани. сост. Родионов. 3 экз. Очень любим и имеем все книги Родионова. А теперь как быть?» Поверх красным карандашом написано: «Нет в наличии. Продана давно». [213, л. 36]. Следом приходит письмо от руководителя кружка Критской из Москвы: «Пишу от отчаяния уже лично Вам. Писала им сразу же после объявления в «Книжном обозрении». Помогите нам, у нас кружок ребят «Романтик». Может, хоть по 1 экз. осталось? Хотя бы только «Легенды...», где Вы редактором. Очень просим» [213, л. 37].

В 2007-м нет таких писем. Глухо вокруг. Родионов, конечно, хочет опубликовать роман в журнале «Наш современник». Это позволило бы увеличить читательскую аудиторию. Но понимает всю тщету своих мечтаний. В 1999-м журнал не взял первую часть — «Азь грешный», объяснив тем, что недавно были напечатаны исторические романы Личугина и Сегеня, а также готовится статья Казинцева о патриархе Пимене. «Кормить читателя

только историей мы уже не можем», — пишет Родионову главный редактор Станислав Куняев. Обычная история. «Центральным» журналам не до Сибири, велика очередь из москвичей.

Роман почти не продается. Не книжные времена. Люди заняты выживанием. Александр Михайлович ходит по учреждениям, предлагая купить книгу. Развозит двухтомник по книжным лавкам разных городов. Отклик минимален. Удрученный автор пишет:

Я работаю книгоношей,
По конторам роман продаю.
А контор развелось, словно вошей
В неумытом окопном раю.
Бизнесмен-грамотей поправляет:
— Правильнее —
Не вошей, а вшей...
И к воротам меня направляет,
Хорошо, что не гонит взашей.
Подходи, отставной предводитель,
Подходи, похудевший парторг.
Дамы, тетки! Ко мне подходите,
Мы устроим на улице торг.
Подходи — покупайте «Азъ грешен»...
Мой сюжет исторически крут,
А в конце — губернатор повешен...
Не берут, не берут, не берут...
Раздвигайте карманы пошире,
Уступаю за пятьдесят!
Ведь у нас во широкой Сибири
Губернаторы не висят.
Нет ни божьего страха, ни кары
По стране — куда взгляда ни кинь, —
Что ни город — то мэрит Макаров,
Что ни край — то кремлевский шпынь.
Мой герой посреди Петербурга
На глаголе позорно висит.
К сапогам и ногам демиурга
Нанесите последний визит.

Но! Проходит народ, сторонится...
Никому, ни о чем, ничего.
Так зачем я на чистой странице
Так старательно вешал его?! [75]

В ту пору не читаю роман и я. А когда Александр Михайлович заводит разговоры о книге, отвожу глаза, бессовестно вру, что не дошла до того места, о котором он говорит. На беспомощный обман мой он усмехается. И обижается, это ж понятно. Поздно сожалеть, что не прочитан «Князь-раб» при жизни Родионова. Сколько вопросов могла бы задать напрямую! Неподолимая потребность открыть книгу возникла у меня, когда Александр Михайлович ушел навсегда. Прежде всего потому, что знала, на ее страницах я встречу Родионова снова. Так и произошло. Сложилась прекрасная волнительная аудиенция с моим старшим товарищем, настоящим другом и учителем — именно так мне хочется назвать Александра Михайловича. Теперь «Князь-раб» прочитан не на раз и не на два. Роман, можно сказать, изучен. Я полюбила его. И вот мое слово о нем.

Роман «Князь-раб» — это, безусловно, главная литературная работа Родионова, труд всей его жизни. Между едва мелькнувшим замыслом в 1985-м и изданием двухтомника в 2007-м пролегло больше двадцати лет. Но книга взяла и того больше. То, что записывает на всякий случай двадцатичетырехлетний Александр в Тисуле, через тридцать пять лет пригодится «Князю-рабу». Сочной речью тисульской Антуанетты воспользуется иконостасный резчик Поднебеснов: «Винокурка-то у нас шибко юровая. В стенку ударь — отскочит». В дело пойдут и родионовские посиделки с бабушками в чарышской партии 1970-го. Их песни, присказки, заговоры — все берет в оборот двухтомное повествование. Здесь же и геологические тропы, и страннические дороги писателя. Родионов отдает роману всего себя.

«Князь-раб» — это роман-эпопея. К слову, не так много в литературе произведений столь высокого и сложного жанра. Роману Родионова присущи историчность, народность, масштабность. Повествование дает подробную и живописную панораму жизни на сибирских просторах в первой четверти XVIII века. Действие начинается в 1711 году, когда ставит

царь Петр наместником в Сибирь князя Гагарина, и оканчивается в 1721-м, в котором правитель пытается и вешает первого губернатора Сибири в столице российской империи. Кроме линейного хронологического повествования, автор совершает «походы» в прошлое своих героев и вглубь российских веков, доходя до 1564 года. Исторические экскурсы в XVI и XVII века дают понимание происходящего в XVIII веке. В центре авторского повествования — молодая Сибирская губерния, простирающаяся в те времена от Кунгура до Анадыря. Однако и этого безграничного пространства мало героям Родионова. Они идут походом в Туркестан, едут с торговыми караванами в Китай, бывают в Европе, выходят в Великую степь — во владения джунгар, казахов, телеутов и других племен. События романа происходят в Санкт-Петербурге, Москве, Тоболе, Томске, Астрахани, в Урге, на Алтае, на озере Зайсан... Все географические названия перечислить невозможно, в тексте их не меньше тысячи. Причем многие сибирские и азиатские топонимы читатель услышит впервые: река Или, урочище Чаган-Узун, город Кульджа. Да и Тару, городок в Тюменской области, вероятно, немногие знают. Автор держит в голове пол земного шара. А также помнит о всех своих героях: от Петра I и Матвея Гагарина до златовласой жены рудознатца Степана Костылева, до какого-нибудь поручика Сверчкова. В романе почти 700 действующих лиц. Это реальные люди, жившие когда-то в России, Швеции, Китае, Джунгарии, Бухарии. Их имена и пунктиры судеб взяты писателем из архивных документов — рапортов, отчетов, посемейных списков. А уж характеры, образы — это живое дыхание Родионова. Кроме этих семисот, в романе «Князь-раб» движутся десятки тысяч безымянных людей. Порой кажется, что автор включает в действие все население Сибири: русских, инородцев, пленных шведов, ссыльных. В те времена на огромнейшей территории до Великого океана проживает немногим больше 250 тысяч человек.

В романе много массовых сцен. Праздничные (Крещение, день ангела князя Гагарина, Святки), исторические (приезд Гагарина в Тобольск), житейские (тобольский торг), трагические (Димитриевская суббота, казнь царевича Алексея, казнь Гагарина), батальные (осада русского лагеря войском Черен

Дондука, проход через бухарские пески отряда Бековича). Своей экспрессией, колоритностью, вниманием к сотням лиц и деталям они напоминают картины живописца Василия Сурикова. На четырех страницах описывает Родионов, как «шумел, завывался людскими воронками тобольский торг». Тут и «обжорные ряды», в которых особенно хорош рыбный, где «серебристо-синим боком пошевеливались нельмы, соперничая с шириной доски, искрилась в кадках прогонистая стерлядь. Садки потрескивали от обилия живой рыбы» [12, т. 1 с. 189] А знаете ли вы, что обычный ремень считался в XVIII веке заповедным товаром, запрещенным к вывозу?! Полно в торговых лавках всякой всячины, окрашенной «жгучими китайскими красками». Но Бухольц перед страшным походом «окунулся в белоснежье разметанных рубах». Он и купит тонкохолщовую домотканую белую рубаху. Я же остановлюсь в рядах с тканями, дабы продемонстрировать невероятные подробности XVIII века, припасенные автором для читателя. «Бухольц из-за спин тобольских баб, толпившихся у лавок с тканями, разглядывал штуки пунцово пламенеющей канфы, переливчатые узоры тонко крученого байберека, камки и парчи. Торговец, бередя бабьи сердца, вдруг пускал самокатом по прилавку круглую штуку шафранового шелка, и женский взгляд летел следом за расстилавшимся свитком материи...» [12, т. 1 с. 189].

Существуют ли такие сибирские «закоулки», в которые писатель не заглянет? Сибирский тракт, церкви, торговля, таможи, питейные заведения, убранство домов сибирского губернатора и заводчиков Демидовых, а также интерьеры жилищ простопадцев и инородцев, праздники, тризны, традиции, быт, одежда, еда, питье, воинская служба, ремесла. Со знанием дела и профессиональной лексики описаны пороховое, литейное, ружейное, смолокурное, бурлацкое, пушное дело. Не осталось в стороне и чистодеревное ремесло, любимое и опробованное автором в жизни. Иконостасный резчик Поднебеснов (фамилия колыванской камнерезной династии) работает стамеской и клюкарзой. В романе живут шорники, ткачихи, добытчики соли, ящики, плотники, кузнецы — любит автор мастеров и мастериц. Спрашивает со своих героев: «Каким делом на земле богат станешь?» [12, т. 1 с. 211] Обстоятельна

сибирская жизнь в романе. Прекрасны ее народные герои. Колченогий Сергуня Толпыга, колодник Раздуй Кодило, насельник лесного скита дед Силантий, яицкий казак Михайло Белотелкин и терекский — Вересай. Любимы Родионовым и люди ученые. Тут не важна автору национальность, он почитает полет мысли как таковой. С огромной симпатией рассказывает писатель о личности исторической — картографе, архитекторе и летописце, тобольском жителе Семене Ульяновиче Ремезове, который рисует географические карты Сибири по рассказам бывальцев. На них «нет градусной сетки, но подробность ошеломляющая» [12, т. 1, с. 254]. В параллель Ремезову поставлен пленный шведский офицер Филипп Табберт, также одержимый желанием изучить Сибирь и по прибытии на родину преподнести своему королю научный труд, точные карты.

Сибирь уравнила многих людей, по разным причинам оказавшихся жителями этой огромной российской окраины. Здесь старообрядцы и никонианцы, каторжники и беглые, пленные шведы и ссыльные мазепенцы, «приказная мелкая сошка» [12, т. 1 с. 186] и выполняющие волю государеву ставленники, русские купчины и восточные торговцы, язычники-инородцы и обращающие их в православие монахи. Родионов создает выдающийся образ митрополита Иоанна Тобольского — мудрого пастыря, тонкого человека. Архиерей посещает городские общепиталища, дабы выслушать горькие истории одиноких инвалидов, и умирает за молитвой коленопреклоненно в своей келье перед свечой и иконой, не найдя сил благословить русскую рать на смертный поход.

Богат и щедр Родионов! Ничего-то не жалко ему для своих героев. Глазами Александра Родионова смотрит на степь и горы отправленный с посольством в Ургу Иван Чередов. Стоит ли Иван «на самом языке ледника, из-под которого исходилось воркование родившегося ручья», или попадает в дождь, который сменяется «мокрым снегом, таким густым и плотным, что порой приходилось сдирать его с лошадиных морд», или ступает «по узкой полочке карнизов над пропастью» — все это дороги, испытанные писателем лично.

У Родионова есть особый дар: он мысленно видит земную поверхность Сибири как бы сверху, то снижаясь над ней,

то удаляясь, тем самым регулируя масштаб видимого. Кажется, он знает наизусть эту часть земли, составляющую более двух третей территории всей России, и легко представляет ее и в атласе, и в топографических планах местности. Он свободно — в виртуальном режиме — движется по рекам и дорогам, знает, сколько дней пути отделяют русские крепости и стоянки азиатов. То словно приземлится в определенной точке, где-нибудь в Таре, и даст местный пейзаж во всех подробностях, как будто сто лет прожил там. Мне приходилось бывать в поездках с Александром Михайловичем. Мотнет, бывало, головой в окно автобуса, указывая таким способом направление, и скажет: «Здесь шла рудовозная дорога». Где он ее увидел в ровной до горизонта спело-прожаренной, словно блин на огромной сковороде, степи?! В бесконечных пространствах Сибири Родионов ориентировался так же легко, как мы на улицах родного города.

Был еще один человек равной с Родионовым пространственной одаренности — Матвей Петрович Гагарин, первый губернатор Сибири и главный герой книги «Князь-раб». Автор напишет о нем: «...судьба заставит его перебирать в памяти все подробности трудновместимой в сознание земли, Сибирского царства...» Сравним: «В маленькой головке царя, как ни возвышались ее над миром современные и последующие поклонники, не могло вместиться всей огромности страны, которую самодержец унаследовал от Алексея Михайловича» [12, т. 1, с. 102].

Создавая образы князя Гагарина и Петра I, Родионов берет за основу точку зрения сибирского историка Георгия Ефремовича Катанаева (1848–1921). В его монографии, написанной после тщательного изучения архивных документов, Гагарин предстает не казнокрадом-сепаратистом, а человеком, радевшим за интересы Российской империи, присоединившим к ней огромные территории. Вывод Катанаева таков: «Это заслуга князя Гагарина перед отечеством, которую никакими казнями и наветами обер-фискалов петровского времени из истории России не выкинуть» [298, л. 7]. Вслед за историком Катанаевым Родионов не приемлет гения Петра, считая его правителем кровавым, костоломным, безжалостно жертвующим тысячами

подданных и сути своей страны за постоянными военными отлучками не знавшим.

По существу характер Матвея Гагарина Родионов делает из себя. Сам сибиряк, с нравом сильным и крутым, «с кремешком в норове», писатель знает из чего создать русский сибирский характер — гагаринский. Тут почему-то не кажется лишним сказать «характер космический». Гагарин — фамилия первого губернатора Сибири и первого космонавта планеты. В характерах писателя и его героя Матвея Петровича Гагарина много схожего. Замешаны они на редком даре самобытно видеть и понимать мир, на душевной мятежности, на способности противостоять планетоподобным особам, на умении созидать, гордиться своей землей и защищать ее. Образ князя получился полнокровным, сильным. И Гагарин, и Родионов — это люди русского порядка, русской традиции во всем.

Другим любимым персонажам отдает Родионов самое сокровенное в себе. «Перебирать детство» и быть причастным к юности своей доверяет писатель рудоприищникам Степану Костылеву, Феде Комару, Михайле Волкову. Зимняя Аремзянка, где прячется Степан от преследования тарского головы, — один в один родионовская Ивановка. «Открыв двери сеней, жители упирались в стену снега, плотно наваянного в затишье двора.... прокапывали ход к сараю, ход в конюшню, до колодца глубоким ровным ровиком пробивали дорогу. Только по редкому мельканию шапок над такими траншеями можно было понять, что деревенька не мертва» [12, т. 1 с. 262]. Степашке Костылеву доведется изведать захоlustье томского монастыря, возле которого жывал в студенческие годы Саша Родионов, и пройти алтайскими тропами, какими хажывал геолог и писатель Родионов. И думы у Степана родионовские: «Недокучливый мир одиночества сулил такой простор раздумьям, что он однажды даже вздрогнул от мысли: а что если всю жизнь одному прожить? Одиноко да вольно...» [12, т. 1, с. 130] Федя Комар и Степан Костылев — мужики особенные. «Это ж какой характер выказали — сами на себя добровольно кандалы надели» [12, т. 2, с. 298]. Рудознатцы крикнули на площади городской: «Слово и дело». Что значит по тем временам: имеется дело государственной важности или измена делу государеву. Смельчаков

везут в кандалах в столицу империи. А слово и дело Костылева и Комара касается рудного месторождения.

У Родионова спрашивают: «Зачем все это надо было Костылеву и Комару?» Писатель отвечает: «Страсть к поиску и открытиям проявилась в этих мужиках, и память о них не особо бережется. Волков другим известен в мире: он открыл кузбасские угли, и ему стоит памятник в центре Кемерово. А Костылеву что стоит? Он целую провинцию открыл, которая полтора века кормила страну драгоценным металлом — а найдешь на Алтае улицу Костылева?» [169].

«Смотри, Мишенька! Подорожник уже четыре листочка выбросил. На все четыре стороны дорожку указывает» [12, т. 2, с. 425], — вспоминает Степан Костылев слова матери Михайлы Волкова, что говорила она сыну в малолетнем возрасте. Образный народный язык перенимает Александр Михайлович от бабушки своей Марфы Яковлевны Черкашиной. Бабуся появляется на страницах книги незримо, отдавая свою сказочную речь собранной внуком ватажке. «Однако дверь калачика просит, — проговорил, ни к кому не обращаясь, Фильшин. Дверь и в самом деле просительно-жалобно пела, поворачиваясь на деревянной стылой пяте». Именно так, слово в слово, говорила Марфа Яковлевна. Славно, что живая речь ее не пропала, а пригодилась внуку-писателю.

«Князь-раб» — книга народная. «Не только потому, что там представлены все фольклорные жанры — обряды, предания, песни, легенды, сказы об истории Сибири, также вертепный театр, который был привнесен в Тобольскую губернию шведской диаспорой. Но определяющим является речевой склад, речевая стихия» [173].

Ни у кого нет такого языка! Язык Родионова — это точность, живость, яркость, крылатость и хохмачество. Упоительное любование русским словом. Вот, к примеру, далеко не полный ряд образов, представляющих человека во хмелю: упеткался, «ярославец дюжил неделю, а на вторую расширился...», «рука вяло култыхнулась», «до потери знака в хмель углубился», «в кузне дюжу, а в кабаке жару удержать не могу...», «в загулку пустился». И для чиновников-взяточников изрядно припасено: «личинки лихоимства», «люди-плодожорки», «крапивное

семя», «корыстовщик», «больно густо коростой сребролюбивой покрылся». А до чего же хороши, разнообразны и редкостны присловья! Коня куют, а жаба ногу подставляет. Бог наплат, никто не видал. Сито на решето менять. Так спелись, что запростяк в ступе не истолочь. Долог путь, да изъездчив.

Помимо эпического масштаба, книга дает простое и ясное понимание негромкого человеческого счастья. Финальные сцены в обоих томах рисуют его картины. «И-и-изх! Золотко мое — дорога...» И: «Ну вот она — моя Златая баба. Живая и солнечная...», — замер Степан в дверном проеме, любуясь женой и сдерживая крик». Вот и все, что для счастья требуется: дорога и дело, дом и любовь.

«Князь-Раб» богат и лирическими страницами, и философскими отступлениями. Автор осмысливает стремительное продвижение русских на Восток. Почему же Сибирь, на которую претендовали и китайцы, и маньчжуры, и джунгары, и много еще кто, поддалась русским? Родионов рассуждает так: «Теряя на западе, московиты приобретали на востоке, как будто по каким-то неотвержимым законам взросления народа необходимо было ему пространство неутесненное».

«Неоглядно здесь. Неоглядно!» — восклицает Федя Комар, взирая с горы на распростертую внизу землю. И «Князь-Раб» Родионова неогляден, поистине бесконечен, многослоен. И вот уж как была бы хороша для изучения тема: книги героев романа «Князь-раб». Мало того читают — еще и пишут. Но о чем стоит сказать сейчас, не откладывая на будущее, так это о вере, надежде и любви, с какими автор смотрит на Сибирь и народ ее. Описывая сибирскую природу, Александр Михайлович не раз прибегает к эпитету «молодой». «А вокруг разлеглась молодая зима — незлая, нежная»; «снежок молодой невесомо покрывал округу». «Широка Сибирь, и зима ей в ту же меру дается», «плотен и крепок рассол сибирской жизни», «велика Сибирь откроется. Да и грабеж по ней такой же великий». Сибирь Родионова — молодая, широкая, рассольная. Писатель всякий раз подчеркивает: край этот особенный и народ ему под стать. Один из героев романа майор Лихарев удивляется: «Это что за народ здесь такой в Сибири! И что за земля такая терпеливая? Народ — варнак на варнаке,

а в деле — вернее людей нету. Господи, народ крепости ставит, землю вздирает, в дебрях по лесам зверует-соболует, а с его, с народа, будто с кошки таежной, шкуру спускают разные ра-китины, ельцины, гагарины...» [12, Т. 2, с. 372] Кстати, был такой якутский комендант Ельцин, представитель «сибирской изнанки». «Да, народ в Сибири приبلудный, сосланных после кнута много... и варнаки здесь, и грабежчики, и просто непоседливый народ. Да тем и хороши, что непоседливы. Им там — круг Москвы — плохо, вот они и бегут сюда долю иную выбирать. Хилый мужик не побежит, не отважится. Тихоню кнутом не накажут и в каторгу не упрячут» [12, т. 2, с. 311].

Жаль, немногие читали роман «Князь-Раб». Занимаясь редактурой произведения и подготовкой его к печати, Ирина Александровна Березюк, литературный редактор Алтайского книжного издательства, скажет:

— Саша — живой классик. Многое сотрет время, но Александр Родионов останется в литературе и истории.

СВЕТ И ПЕПЕЛ

Некоторое время назад на слуху был роман «Тобол» Алексея Иванова. Он вышел в 2017 году. В книжном магазине на тыльной стороне обложек читаю: «В эпоху великих реформ Петра I «Россия молодая» закипела даже в дремучей Сибири. Нарождающаяся империя крушила в тайге воеводское средневековье. Народы и веры перемешались. Пленные шведы, бухарские купцы, офицеры и чиновники, каторжники, инородцы, летописцы и зодчие, китайские контрабандисты, беглые раскольники, шаманы, православные миссионеры и воинственные степняки джунгары. <...> Российские полки идут за золотом в далекий азиатский город Яркенд — но одолеют ли они пространство степей и сопротивление джунгарских полчищ? Всемогущий сибирский губернатор оказывается в лапах государя, которому надо решить, что важнее: своя гордыня или интерес державы?»

Чем не анонс книги Александра Михайловича Родионова «Князь-раб»? Родионовский двухтомник вышел в 2007 году

в новосибирском издательстве «Сова». На «затылке» (сказал бы Родионов) второго тома автор сообщает: «Эпоха Петра I и Сибирь — область малохоженная. Вот и осваивал я эту необжитую пустошь, а что взрастил на ней, об этом пусть судит читатель, входя в княжью-рабью судьбу первого губернатора Сибири Матвея Гагарина». Аннотация на обороте титульного листа такова: «Изучая историю колыбели русской цивилизации на Алтае, — а это Кольванский медеплавильный завод, устроенный туляком Акинфием Демидовым в первой трети XVIII века, — невозможно миновать предысторию обретения золота на просторах Сибири. А она берет свое начало с великой петровской авантюры — добычи драгоценного металла во владениях джунгарского хана на реке Эркет. В романе действуют реальные герои: подполковник Бухольц, князь Бекович-Черкасский и первый губернатор Сибири князь Гагарин. Однако, владея архивными данными из «Портфеля Миллера», автор не стремился скрупулезно точно следовать хронологии событий — его интересуют в большей степени люди, их устремления, страсти и поступки».

Мне хотелось сравнить взгляды писателей на один и тот же исторический период, и я купила первый том «Тобола». Почитала. Не поверила глазам своим. Пошла за вторым.

Сквозь строчки «Тобола» настойчиво пробивается роман Родионова: главные сцены, основные мотивы, редкие родионовские словечки. Когда дело доходит до эпизода с собакой, рассеченной саблей, сомнений не остается: Иванов использует в «Тоболе» текст романа «Князь-раб» Родионова. Не впрямую, конечно. Хитро использует.

Предлагаю сравнить фрагменты.

Александр Родионов. Эпизод: белый калмык Чаптын присягает на верность белому царю через шертовальный обряд (шерть — честь. — Л. В.).

«Чаптын покорно стал на колени.

Собачонка предсмертно взвизгнула и, разделенная сабельным ударом надвое, мгновенно испустила дух. Кровью собачьей Чаптын помазал себе лоб и щеки, повторяя за толмачом слова клятвы. Плотная толпа томского служилого народа окружала его, склоненного над располаменной дворягой,

и голову он поднял только тогда, когда ему сказали, что свою шерсть он будет завершать на золоте» [12, т. 2, с. 64].

Алексей Иванов. Эпизод: швед Ренат присягает на верность джунгару Цэрэн Дондобу.

«— Ты сделаешь шахан на моей сабле, — сообщил Онхудай.

— Что это такое? — мрачно спросил Ренат.

— Клятва.

Ренат опустил глаза.

Прислужник вернулся с собакой на веревке. Он поставил собаку рядом с Ренатом и отступил, не выпуская веревки...

Ренат взял саблю из рук зайсана и поцеловал клинок.

— Теперь разруби собаку пополам. Это шахан, слово с кровью...

Ренат отступил на шаг и поднял саблю для удара» [193, с. 220].

Поставим вопрос так: что нового узнает читатель об эпохе Петра I в Сибири, прочитав книгу «Тобол» Иванова после романа «Князь-раб» Родионова? Ответ: ни-че-го. Главная интрига — задумал Гагарин отложение Сибири от России или нет, а также все сюжетные линии романа «Князь-раб» повторяются в «Тоболе». Вот они. Противостояние Петра I и первого губернатора Сибири князя Матвея Петровича Гагарина. Движение русских на восток, в Азию, взаимодействие с кочевниками на порубежье. Российско-китайские отношения. Походы Бухгольца и Бековича в Малую Бухарию за песошным золотом. Возведение сибирских крепостей. Старообрядцы в Сибири. Тобольское священство. Крещение инородцев. Пленные шведы в Тобольске. Ссылные мазепенцы. Бутрование, охота за могильным золотом. Рудознатцы.

Кроме того, «Тобол» заимствует стержневые сюжетобразующие сцены романа «Князь-раб». Они легко вычлениаются хотя бы потому, что Родионов публиковал их отдельными отрывками в различных местных и центральных газетах, начиная с 1992 года. Перечислю некоторые из них: «Восшествие князя Гагарина в Тобольский кремль», «Посольство Ивана Чередова», «Митрополит Иоанн Тобольский», «Демидовы», «Сергуня Толпыга», «Китайское посольство», «Осада отряда Бухгольца на Ямыш-озере джунгарами», «Димитриевская суббота», «Хивинский поход», «Частокол князя Гагарина (об основании

крепостей в Сибири XVIII века)», «Петр I пытается князя Гагарина», «Суд над князем Гагариным», «Казнь Гагарина» и др.

Один из «гвоздевых» эпизодов в романе Родионова — «Гагарин вошел в Тобольский кремль» [12, т. 1, с. 181]. Массовая сцена красочна и подробна. «Когда же, наконец, по умоощенному булыгами взвозу зацокали копыта четверки лошадей и коляска губернатора взлетела на перегиб дороги, вставать было поздно. Сергуня так и остался сидеть, подвернув увечную ногу» [12, т. 1, с. 180]. Князь выйдет из кареты, подойдет к казаку, поговорит, одарит рублевином, потом и второй даст за то, что помнит Сергуня княжеского родителя. «Одарив нищего вдругорядь, Гагарин обернулся к слугам и махнул рукой: «Сыпь!» По княжескому мановению два рослых рынды, стоявшие на запятках кареты, стали метать в толпу нарочито припасенную медь. Как только посыпались губернаторские милости на твердь Троицкого мыса, как только согнулись в судорожном поклоне тоболяки и площадь у взвоза стала походить на крупнобулыжное покрытие дороги, так по чьему-то знаку ахнули в кремле все колокола разом» [12, т. 1, с. 181].

Сцену вхождения Гагарина в Тобольский кремль описывает и Иванов. Она тоже многолюдна, но в интерпретации автора «Тобола» выглядит иначе: народ взваливает карету вместе с князем на плечи и прет в гору. «Взлетающий подъем Прямого взвоза был вызовом народу...» [192, с. 94] Сопоставление сцен на тобольском Троицком мысе и эпизодов с собакой явно обнажает прием, используемый Ивановым при переработке текста. Назовем его условно: «с ног на голову» или «шиворот-навыворот», «все наоборот». Если у Родионова Гагарин спускается к увечному казаку, читай народу, то у Иванова напротив — народ возносит Гагарина.

Сцена у Тобольского кремля довольно распространена, она состоит из множества «клеим», формирующих общую панораму. Так, в «Князе-Рабе» Сергуня Толпыга дивуется на княжескую карету. Никогда раньше не видел он колес, сияющих «неподдельным тусклым серебром» [12, т. 1, с. 180]. В «Тоболе» в тот же пазл со значением «герой удивляется чему-то ранее никогда не виданному» вписывается другой герой и иной предмет восхищения. У Иванова каретой Гагарина восторгается картограф,

летописец, зодчий и архитектор Семён Ремезов. «Ремезов в это время смотрел, как сполубарка по сходням работники скатывают карету Гагарина. Таких карет Тобольск еще не видывал.

— Ох, резьба какая хитрая... — восхитился Семён Ремезов» [192, с. 92].

Что же получается? Родионов создает картины, эпизоды, подает идеи, а Иванов предлагает их возможные варианты? Именно так. И прием «с ног на голову» весьма помогает видоизменить первичный текст. Авторские комментарии Родионова Иванов разбивает на реплики и раздает героям. В «Тоболе» чаще всего за Родионова говорит Семён Ремезов, а порой Пётр I. И наоборот: то, что у Родионова идет в диалогах, Иванов записывает сплошным текстом. Сцены, придуманные Родионовым, Иванов использует как схемы, вводя в них других героев и иные детали. Однако зачастую семантика фрагментов остается первоначальной, то есть той, что задана в романе «Князь-раб». Сравним.

Эпизод подношения могильного золота Петру I.

Родионов. «Но — делать нечего. Пётр Петрович родился, и царь праздновал. Праздновали все, кто хотел и кто не хотел. Демидовы тоже засобирались в Санкт-Петербург поздравить царя и царицу. С пустыми руками поздравлять венценосного папашу никто не ходил. Проворный Акинфий загодя обо всем позаботился. Приказал пленному шведу, лучшему в своих владениях столяру, изготовить небольшой плоский ящик и обить его внутри мягкой тканью. Когда Акинфий в замосковоречном доме отца щегольски отбросил легкую, золотистого дерева крышку, даже видавший виды Никита Демидыч ахнул!

На синем бархате мерцало золото. <...>

В Петербурге царь, едва увидев золотые вещи, завращал глазами, зыряка то на Демидовых, то на Якова Брюса, то на Матвея Петровича Гагарина, который старался заглянуть в ящик из-за плеча генерал-фельдцейхмейстера. Гагарину царь бросил не оглядываясь:

— Чай, сговорились, князь, с Демидычем? Сходно, весьма сходно с твоим презентом.

Никита Демидыч и Гагарин переглянулись: о чем сговорились? Никита и Акинфий не знали о том, что губернатор

сибирский уже сделал свое подношение царю, и это тоже было могильное золото, доставленное в Тобольск Чередовым. А Пётр принялся расспрашивать, где и у кого куплены эти фигуры оленьей, барсов чудовищных, впрямь курioзных животин с телом ящерицы и головой льва...» [12, т. 1, с. 387-388].

Иванов. «Пётр взорвался бы, но тут вовремя вернулся Матвей Петрович. Он нес ларец Касыма. В Тобольске Матвей Петрович и не думал отдавать золото курганов царю, однако сейчас надо было спасать непутевого Лёшку. Матвей Петрович с поклоном поставил ларец на низенький столик возле Петра.

— Вот привез тебе забаву из Сибири, — скромно сказал Гагарин.

Пётр пренебрежительно откинул крышку ларца пальцем и выпрямился.

— Ох ты! — изумленно сказал он.

Он сунул ручищу в ларец и вытащил в горсти три золотые бляхи.

— Откуда сии курioзы?

— Из курганов по Тоболу.

<...> Пётр высыпал на стол содержимое ларца и склонился над золотом, рассматривая его через лупу.

— Тигр, а это олень, а это волк грызет коня... — бормотал Пётр» [192, с. 149-150].

Более пристальный взгляд выявляет фразы-антонимы в текстах: щегольски отбросил крышку/пренебрежительно откинул крышку.

Родионов впервые опубликует сцену подношения могильного золота Петру Демидовыми в 1986 году в книге «Колывань камнерезная». В дополненном виде она войдет в первую книгу романа «Князь-раб» — «Азъ грешный», и сначала будет напечатана в литературном журнале «Алтай» (1994). В 2000-м появится книга «Азъ грешный», в 2001-м — ее переиздание. В 2005-м окончена рукопись второго тома, в 2007-м выходит в свет двухтомник «Князь-раб». Родионов начинает сибирскую эпопею сорокалетним человеком, завершает в 60. Сравните «вехи» Иванова: 2016 — «Вилы», 2016 — «Тобол. Много званых», 2017 — «Тобол. Мало избранных», 2017 — «Дебри». В двух томах Иванова 1500 страниц. Реально ли написать всеохватный

исторический роман за два года? Обратимся к опыту создания классических эпических романов в русской литературе. Лев Толстой — гений! — пишет «Войну и мир» семь лет. Алексей Толстой создает роман «Пётр Первый» с 1929 года и до 1943-го, произведение остается незаконченным, в 1945-м Алексей Николаевич умер. Василий Гроссман работает над романом «Жизнь и судьба» с 1950 по 1959 год. А Алексей Иванов между делом успевает еще и киносценарий написать, причем раньше, чем книги. Как это возможно? Фильм «Тобол» вышел на экраны в 2019 году. Иванов снял из титров свое имя, ссылаясь на то, что кинематографисты исказили его замысел. Фильм (пришлось и его посмотреть) к истории Сибири не имеет никакого отношения. Это приключенческое кино, в котором, как и положено, «наши победили». Из первоисточника на экран попала все та же несчастная собака, казненная саблей.

Продолжим сопоставление.

Эпизод с сыном Гагарина — Алексеем.

Родионов. «— Упал Алёшенька наш предо мной на колени, плачет, крестится, божится, а сам промеж этого твердит: не хочу на жидовке жениться, не стерплю такого — руки наложу!

— Ах, вон вы до чего доворковались? — взревел Гагарин и затопал на жену. — Я перво-наперво Алёшеньку наследства лишу, а тебя, паскуда, за потаканье дитятке в монастырь упеку. Я тебе в Сибири такой подберу монастырь, что тебя отгуль патриаршим собором не вызволят» [12, т. 1, с. 91].

Иванов. «Пётр повалился обратно в кресло, закинул нога на ногу и нервно качал носком башмака. Алексей Гагарин по-прежнему стоял, будто на суде.

— Может, женить его, мать? — спросил Пётр у Евдокии Степановны. О чем еще ему с бабой-то говорить? — Женатый образумится.

— Добро бы, государь! — слезливо обрадовалась Евдокия Степановна.

— У Петьки Шафирова баронеска на выданье.

— Не хочу на жидовке, — глухо пробурчал Лёшка.

Лицо у Петра пошло багровыми пятнами» [192, с. 149].

Также по принципу «поперек, наизворот» создаются в «Тоболе» портреты действующих лиц, меняются их отношения.

Рисуя внешность князя Гагарина, Родионов берет в качестве «модели» облик писателя Евгения Гущина. Родионовский Гагарин, «кряжистый, прочно ступающий по весенней грязи» [12, т. 1, с. 36], с «грузной, укороченной париком спиной» [12, т. 1, с. 137], станет у Иванова «рослым грузным Гагариным», который «выскальзывает над толпой на полголовы» [192, с. 48]. Доверительные отношения князя Гагарина и митрополита Иоанна Тобольского Иванов трансформирует в «нелюбовь». У Родионова: «Некому поведать всей моей ночной горечи! — сжимал зубы Гагарин. — Некому! А как ласково и утешительно повторял мне в тобольские дни Иоанн Максимович: «Яко же облак дождем истек обелеет, так и печаль избеседованна лицо обелит...» [12, т. 2, с. 143]. У Иванова: «Матвей Петрович сразу уловил напряженную злость владыки, удивился — и даже обрадовался, но не подал вида... Это крючок, на котором он, губернатор, может держать владыку. Зачем ему нужно подцепить Иоанна, Матвей Петрович еще не знал, но крючок всегда пригодится. Князь Гагарин был опытным царедворцем» [192, с. 171-172].

Что сказать? Иванов «творчески» работает с материалом.

Подвергается перелицовке и сама идея, общий настрой произведения Родионова. Атмосфера «Тобола» контрастирует на строению «Князя-Раба». Сибирь, хоть и каторжная, и ссыльная, и варначная, и «крапивным семенем» одолеваемая, да только поверх всего трудного, горького пишет Родионов свет и крепь этой великой земли. Недвусмысленно проявляют отношение Родионова к Сибири и ее первому губернатору его исторические очерки «Все начиналось с Албазина» и «Тобол — сибирская твердь Гагарина», которые создавались во время работы над романом и сразу после. В понимании Родионова народ сибирский — это особый народ, нет вернее в деле людей, чем сибиряки.

Роман Родионова можно назвать «целомудренным». Его страницы освящены золотым светом любви. Хотя писатель почти ничего не пишет о самом чувстве. Оно содержится в таях, в душе и призывно мреет где-то вдали, на горизонте — в тех краях, где остались старая вера, добротный дом, дети и златовласая жена за ткацким станком.

Родионовские бывальцы, давно женатые мужики, живут ожиданием счастливой встречи, которая отложена ради долгой

дороги, ради честной работы во имя отечества, ради большого открытия, которое будет нести пользу государству российскому в последующие века.

Золотой свет Родионова превращается у Иванова в серую промозглость. Автор «Тобола» обозначает жанр своего произведения как «роман-пеплум». Книга начинается с того, что пьяный Пётр пинает мертвого Гагарина, в третьей главе русские мужики грабят остяков, в пятой — русский Юрка насилует остячку Айкони... Темно и смертельно в такой Сибири.

Великая рать героев Родионова (700) действует и у Иванова. С той разницей, что фигуры второго плана в «Тоболе» меняют имена, то есть становятся вымышленными. У Родионова и просточадцы — это реальные люди, их имена и пунктиры судеб взяты из архивных документов. Совсем не удалась Иванову рудознатная тема. Главный герой Родионова рудоприщик Степан Костылев (историческое лицо) «аукается» в «Тоболе» Андрюхой Костылёвым, копальщиком курганов, получившим по темени от калмыков. Ни Феди Комара, ни Михайлы Волкова, реальных разведчиков руды и угля, в «Тоболе» нет. Есть некто Ерофей Быков по прозвищу Колоброд, про которого автор пишет: «Рыл серебряные жилы на Колывани» [192, т. 1, с. 29]. Можно рыть на Колыме, а если иметь дело с Колыванью, то данной синтаксической конструкцией управляет предлог «в». Кроме того, не мог Ерофей, который помещен автором в 1711 год, рыть серебряные жилы в Колывани. Еще не открыта рудная провинция в этих местах. Это сделают Степан Костылев и Федя Комар в 1718 году. А село Колывань будет основано и вовсе в 1727-м. Даже крохи рудознатной темы даются Иванову с ошибками. Автор «Тобола» неудачно использует и геологические термины. В частности, «пустой породой» он называет землю разграбленного кургана, в которой не оказалось золотых фигурок. После Родионова, геолога в первом воплощении, сделать из рудознатной темы «перевертыш» невозможно.

Не чихал Алексей Иванов архивной пылью, не сживал в Российском государственном архиве древних актов над бумагами из портфелей Миллера. Произведение его не первично, замысел не самостоятелен. Родионов пробил дорогу в скале, а Иванов проскакал по ней задом наперед. По хорошей наезженной

дороге чего ж не идти — хоть вприпрыжку, хоть галопом, хоть кувырком. Расчет Иванова был верным: кто там читал роман провинциального писателя? Тираж «Князя-раба» мизерный. До Москвы не дошел. Текста в сети нет. Книга забыта, писатель в масштабах страны неизвестен.

19 ноября 2018 года состоялся библиомост с Алексеем Ивановым. Сценарист, культуролог и один из самых известных российских писателей, автор романов «Географ глобус пропил», «Общага-на-Крови», «Тобол» и других, так о нем говорилось в анонсах, мог в режиме онлайн общаться с читателями Сургута, Орска, Челябинска, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Владимира, Омской, Свердловской и Кировской областей, Алтайского края, Экибастуза (Казахстан), Нетании (Израиль) и других городов и регионов. И оказалось, как ни узок читательский круг, да достаточен для того, чтобы адресовать известному писателю острые вопросы. Алексей Викторович отвечал: да, он использует в своих книгах краеведческую литературу, она, де, кладезь. Фамилий писателей Иванов не называл, но коль скоро в его «Тоболе» просвечивает текст Родионова, то хочется расставить точки над *i*. 1. Роман Родионова «Князь-Раб», бесспорно, кладезь. 2. Это художественная литература. 3. Произведение получило положительную оценку критиков, в том числе известного писателя, литературоведа Валентина Яковлевича Курбатова. Рецензии напечатаны в российских журналах и газетах. Роман «Князь-Раб» отмечен Всероссийской историко-литературной премией «Александр Невский» (2007). Родионов первым создал роман-эпопею о Сибири времен Петра I.

А Иванов сделал ремейк. В наше время подобных переделок пруд пруди, особенно в кинематографе. Однако авторы ремейков, как правило, называют предшественников. Иванов о предшественнике умолчал. Да и как обнаружить? Все-таки есть такое понятие как авторское право. А оно в подобных случаях обязывает заручиться разрешением автора или его наследников. Надо ли говорить, что поступок Иванова бесчестен? Тем более что Родионова на момент выхода «Тобола» нет в живых. Он не может защитить свой двадцатилетний труд.

Вспомним: одновременно с Родионовым, в те же годы, пишет роман о Сибири времен Петра I омский автор Павел Брычков.

Однако произведения двух сибирских писателей совершенно не похожи друг на друга, ни о каких заимствованиях здесь говорить не приходится.

На странице Алексея Иванова в свободной энциклопедии «Википедия» более всего обращает на себя внимание следующий абзац: «Филолог Максим Кронгауз, будучи директором Института лингвистики РГГУ, при оценке языка двух романов Иванова — «Географ глобус пропил» и «Сердце Пармы» — писал, что «ни одна лингвистическая экспертиза не показала бы, что это произведения одного автора... Нет ничего общего на уровне лексики. Приходится говорить не о языке автора, а о языке отдельного романа».

Своими изысканиями, а именно, сравнением текстов Родионова и Иванова я поделилась с Валентином Яковлевичем Курбатовым, который в 2007 году откликнулся на роман «Князь-Раб» прекрасной статьей «Верой и правдой, силой и кривдой». Валентин Яковлевич прислал ответное письмо. Я процитирую из него фрагмент: «Беззастенчивое время. Время тотальных заимствований, опирающееся на недостаточность тиражей — никто за руку не поймает. Время, когда книга становится «рынком» — сегодня сочинил, завтра продал, потом будет поздно. Слово обесценилось и вытерлось, перестало быть «авторским», «личным» — бери и используй — только не ленись переставлять слова. А у Саши еще было единичное, сильное, «не литературное», а живым живое. А уж теперь и читатель привык к языку полегче — Макдональдс литературный».

В этой ситуации огорчает тот факт, что вслед за книжным бизнесом, не только магазины, но и библиотекари ориентируют читателя исключительно на премиальную литературу. Современное русское чтение сузилось до нескольких десятков авторов. Иванов, как говорится, в обойме. В краевой библиотеке посетители записываются на «Тобол». А в это время книга Родионова, которая, ответственно заявляю, мощнее и красивее, да и попросту она первична, стоит на полках невостребованной. Александр Михайлович, помнится, статьи посвящал главной библиотеке края — «Шишковка» одна из них. Среди библиотечарей у него было много друзей. Он считал эту профессию весьма важной, поскольку соединяет она писателя и читате-

ля. «Бабки-повитухи», — любовно называл он этих книжниц. И от того, насколько опытна, ответственна, любознательна «повитуха», зависит судьба ребенка-книги. Счастьем было увидеть формуляр романа «Князь-Раб» в центральной рубцовской библиотеке. Он весь записан. Книга земляка не простаивает здесь, а всегда находится на руках читателей.

«Тема может быть украдена», — прочитала я в дневнике Родионова, когда только подступалась к изучению его архивного фонда и творчества. Признаться, улыбнулась на странные опасения автора. Даже возразила мысленно: «Да ну, Александр Михайлович, придумываете. Зачем? Как? Кто?» Не напрасно, выходит, тревожился Родионов. Человек жизнь знал. И пишущую братию как облупленных! За сибирского писателя Александра Михайловича Родионова мне обидно. Его «Князь-раб» достоин всероссийской известности. Но увы! Не повезло писателю с временами.

Алексей Иванов, лауреат премии Правительства России в области культуры (2017), проходит в современной прессе как автор, впервые открывший тему Сибири в эпоху Петра I. Он получил Платоновскую премию с формулировкой «за открытие сокровенных тайн отечественной истории». Неправда это. Первооткрыватель — Родионов!

УТРАТЫ. ОБРЕТЕНИЯ

После торжеств в Санкт-Петербурге, после прекрасной премии «Александр Невский», название которой очень к душе Родионову, мечтает он об экранизации «Князя-Раба». Тему обсуждает с Минсалимом Тимергазеевым, известным мастером-косторезом, у которого обычно останавливается, приезжая в Тобольск. Минсалим, горячо воспринявший роман, считает, что нужно пробовать. Товарищи перебирают имена режиссеров — кто бы мог справиться с масштабной исторической постановкой, обнимающей половину земного шара, властных и подвластных мира сего, наших и чужестранцев? Кто сумеет выстроить массовые сцены с десятитысячной джунгарской

конницей? Кто в состоянии подобрать самобытных актеров под «негабаритные» сибирские характеры? Кто будет внимателен к бытописанию позапрошлого века, кто станет дорожить деталями? Друзья сходятся на имени Никиты Михалкова. Минсалиму как раз предстоит участие в культурном форуме, где ожидается известный кинорежиссер. Мастер берет с собой двухтомник и отправляется на встречу с кинозвездой. Эх, как хорошо мечталось!... Минсалиму даже близко не удастся подойти к Никите Сергеевичу.

Не сбывается мечта. Но Александр Михайлович не отказывается от нее, а лишь откладывает. Кроме того, через друзей он ищет возможность публикации романа в Москве. А пока занимается привычными ежедневными трудами.

Кому что несет XXI век, а Родионову одиночество. Зияет бездной круг милых ватажников. Каждый новый год уводит друзей. 1992 — Иван Березюк, 1995 — Леонид Мерзликин, 2005 — Владимир Башунов и Евгений Гуцин, 2007 — отец Михаил Капранов, в ноябре 2010-го с разницей в десять дней — Александра Ивановна Иванова, автор первой статьи о романе «Азь грешный», и Борис Хатмиевич Кадиков. «Это пробоина российского масштаба», — напишет сразу после вести о смерти Кадикова. Через день: «Похоронил. Вернулся, помянув при дороге» [307, л. 71]. Через год: «Черная дыра над Бийском» [307, л. 124]. Тридцать семь лет дружбы связывают Александра Михайловича с уникальным бийским исследователем.

Как в сказке — за семью морями, за семью горами, за семью тысячами верст, живет в Германии Виктор Горн. Приветы редки, и тем дороже. В ежедневнике Родионова за 2010 год, в октябре, 24-го запись: «Вечером вдруг позвонил Витя Горн» [307, л. 67]. Последний раз они виделись в 2007-м. Много общались. «Приходили домой к Саше», — вспоминает Галина Алексеевна Горн. Тридцать лет назад они, молодые, искристые, преданные «вечной весне», «отжигали» в квартире Горнов. Мама Виктора уехала на дачу, и вся теплая компания собралась на отдельной жилплощади. «Одни дома». В тот вечер Александр Рябов сказал что-то нехорошее об общей знакомой. Родионов схватил полный чайник и ударил им хулителя по голове. Заварка выплеснулась на свежепобеленную стену. О боже, что скажет

Доротья Андреевна?! Глубокой ночью, когда все улеглись вповалку на полу, Галя Горн и Лида Кайзер развели известку и белили стену на несколько раз, пока пятно не исчезло. Наутро Саша Рябов посмотрел на себя в зеркало и спросил: «О! Откуда это у меня шишка на лбу?» Все упали от хохота. Смеются и сейчас, в 2007-м. Смеются и горюют: «иных уж нет». Александр Михайлович дарит друзьям пахнувший типографской краской двухтомник «Князя-Раба». На титулах пишет: «А что, Витя! Не слабо ли тебе купить лисапед и крутнуть педали в алтайские дали... Всем Горнам, Горнятам и Горнюшечкам. Привет всей горностае! Из родного гнезда! Обнимаю всех! Саша-автор. Март, 2007». «Витя! Мне повезло с редактором и меня так причесали, что я перестал материться. Саша Р. Барнаул, март 2007». В 2012-м, 31 марта, Виктор Федорович умер в Германии.

Александр Михайлович напишет обо всех. Если не очерк — о Мерзликине, Башунове, Кадикове не один, — то две-три добрых фразы найдет обязательно. Так, говоря о Владимире Мефодьевиче Башунове, вспомнит он о его преподавателе в институте. «Все пять лет В. Башунов-студент на виду и рядом с мудрой бабой Сашей — лингвистом Александрой Ивановой Ивановой. Если у певцов есть понятие «поставить голос», то у поэтов это можно назвать «постановкой языкового чутья». Через школу лингвиста А. И. Ивановой прошли поэты Б. Капустин, И. Жданов» [109].

В этот же период утрат вокруг Александра Михайловича складывается новое сообщество. Возрастает молодая братия. В некотором роде ученический круг. Писатель известен, многим знаком в лицо, и люди подходят к нему с вопросами после творческих встреч, круглых столов. Каждый адресуется со своей темой: судьбы белых офицеров, топонимика Барнаула, старообрядческая культура. Родионов универсален. Он мог говорить с каждым исследователем о его интересе и направлять поиск в нужное русло. Своими феноменальными знаниями он щедро делится с другими. «Мы все им пользовались, как энциклопедией», — говорит Сергей Тепляков. Военный историк Николай Ростов вспоминает о своем знакомстве с писателем: «В начале 2000 годов, когда меня впервые заинтересовала тема войны 1812 года, мы встретились в библиотеке Шишкова

на заседании клуба любителей алтайской старины. Меня поразило, что он, оказывается, и в этой области тоже знает! И знает достаточно много. Разговор наш вот чем закончился: «Работай, Николай! У тебя это получится». У Ростова получилась книга «Земли алтайской верные сыны», она вышла в свет в 2004-м. «Надлежащий воинский дух» — следом оценивает работу Родионов.

Александр Михайлович умеет поддержать человека. Как это важно! Десятки людей помнят его похвалу и подспорье в творческих начинаниях. Мне довелось быть свидетелем одной сцены, когда в дом Родионова на улице Пушкина пришел руководитель архитектурной мастерской Петр Анисифоров и рассказал о проекте и строительстве православной церкви Святой Троицы в Антарктиде. Конца-края не было ликованию Родионова. Разработка-то наша, с Алтая! По сей день помнит восторженную оценку Александра Михайловича автор этого неповторимого замысла барнаульский архитектор Светлана Рыбак.

Долго ищет поддержки Виктор Суманосов. Получив из США большую подборку документов их архива полковника 3-го Барнаульского Сибирского стрелкового полка Александра Иннокентьевича Камбалина, он не может пробить публикацию. Суманосов обратится за помощью к Юдалевичу. «Марк Иосифович меня отрезвил: "А зачем мне это надо?"» Пока Суманосов пребывает в раздумьях, другой дотошный краевед Евгений Платунов рассказывает Родионову об изысканиях Виктора. И вот уже Суманосову передают: «С тобой ищет встречи Родионов». Известный Родионов ищет встречи с инженером Суманосовым! «Через 15 минут я уже был в знаменитом доме на улице Пушкина, я рассказал все про себя и белогвардейского полковника Камбалина, показал фотографии. И я понял: вот человек, которого я искал», — рассказывает Виктор.

Весна 2009-го — Суманосов запомнит время их знакомства. Мемуары Александра Камбалина сходу попадают в толстенный альманах «Барнаул» из серии «Тобольск и вся Сибирь», который в ту пору готовит Родионов к печати. Это издание выйдет в 2010-м, в Барнауле появится двумя годами позже. Книга

«Забытый полк», составителями которой выступают Андрей Краснощёков и Виктор Суманосов, будет издана раньше, в конце 2009-го. Родионов даст предисловие к ней. Важно: подпишется «Александр Родионов, Лауреат специальной Всероссийской Литературной премии «Александр Невский», 2007 г.». Будто красным карандашом подчеркнет: я, писатель, тоже в ратном строю. «Он подставил нам с Андреем Краснощёковым крыло, способствовал публикации книги, протолкнул нас на телевидение», — восхищается Виктор Суманосов.

В первую же встречу с Суманосовым Александр Михайлович вскользь упомянет имя Марианны Колосовой. Тоже, мол, белоэмигрантка с Алтая, поэтесса, почти ничего не знают о ней у нас. Виктор впервые слышит это имя. Однако в 2011-м он соберет книгу стихов Колосовой и добавит новые страницы к ее биографии. За предисловием снова придет к Родионову. Вот цитата из статьи писателя «Здравствуй, Марианна!»: «Уже одни названия сборников ее стихов — «Армия песен», «Не покорюсь!» — говорят о направленности ее творчества, с первого взгляда напоминающие плакат-призыв. Но при вчитывании в колосовские строки обретаешь чувство — нет, это не плакат, это не призыв. Это — послание всему русскому миру: и побежденному Белому движению, и победителям, дабы последние знали — есть еще сила непобежденная, утвержденная на вере. И поэтому Колосова в поисках спасения обращается к Всевышнему:

Пошли нам, Господи, грешным, снова
Пробуждающий души грохот гроз!
Скажи нам, Господи, такое слово,
Чтоб мы задохнулись от слез».

Чуть раньше Суманосова знакомится с Александром Михайловичем Сергей Ужакин. Пересеклись в издательстве. «Он как раз готовил свою летопись, а я работал над книгой «На перекрестках истории». И быстро сошлись, но не на литературе, а житейски, я бы сказал, своей разностью. Он — монархист, я — красный. И мы без напряжения слушали друг друга, спорили,

иной раз с каким-то удивлением. Частенько просто бродили по городу, ходили в бани, совершили серьезную поездку в Казахстан к Китайской границе. Как-то раз на горе мы обнаружили репер на обрыве, и Александр Михайлович очень разволновался. Это был его репер, он устанавливал этот знак, когда работал на оползневой станции».

Замечательные воспоминания. Но слово «монархист» в нем — спорное. Родионов не был монархистом. Как историк, он принимает Россию целиком, без исключений каких бы то ни было периодов. Невозможно отбросить «кусочек» истории, как невозможно изъять из родового древа бесталанного родственника, он встроен в генетическую цепочку навечно. Родионов — государственный, патриот. Раскол нации он воспринимает как великую трагедию. Гражданская и исследовательская позиция Родионова четко заявлена в его текстах. «Наши предшественники долго предавали проклятиям царский режим, — пишет он в статье «Шишковка». — Нынче вектор анафемы изменился. Теперь проклинают режим советский. Но последуем совету Спинозы «Не проклинай, а пойми». И за что же проклинать Советы, если в 1937 г. с образованием Алтайского края Барнаул выделил под краевую библиотеку одно из лучших зданий города — бывшую канцелярию Кольвано-Воскресенских заводов» [14, с. 232]. И для равновесия — выдержка из предисловия «Остались верны присяге» к книге «Забывтый полк»: «Для того чтобы написать, собрать, составить эту книгу, я бы сказал, чтобы прожить эту книгу, не надо быть ни демократом, ни элдэпезровцем, ни отрезавшим коммунистом. Надо однажды проникнуться ясным патриотическим чувством — это история моих предков, и нет ничего на земле священнее этой истории» [76, с. 4]. В те годы, когда мало кто интересуется дореволюционным периодом страны, Родионов изучает его; когда стало модно поносить советское, писатель становится на защиту лучшего в этой эпохе.

Бывает в гостях у Родионова Олег Гармс, автор книги «Доктор Геблер — исследователь Алтая» (2011). В его работе приведена любопытная таблица, которая отражает все крупные открытия европейских ученых, пришедшиеся на время жизни Геблера. «Идея хорошая, — отмечает Александр Михайлович. —

Было бы еще лучше, если бы в книгу вошла выборка с открытиями русских ученых». И это логично. Геблер, врач, естествоиспытатель и географ, сорок лет отдал Кольвано-Воскресенскому горному округу и похоронен в Барнауле, на Горе. В городе есть улица его имени. В разговоре заходит речь и о «Дневных записках» Петра Ивановича Шангина, сделанных летом 1786 года в экспедиции до верховьев реки Чарыш. В книге «Колывань камнерезная» Родионов посвящает этому самоцветному путешествию главу «Тогда и граниты трогали всю душу». Путевой дневник Шангина уникален — в нем открытия на каждой странице. Однако в полном объеме труд русского геолога, ботаника, медика Шангина существует только на немецком языке, он издан ученым Петром Палласом. Русский оригинал утерян. С немецкого на русский переведена лишь часть записок, это сделал путешественник Иван Лепёхин (1740–1802). Дневник Шангина ищут многие. Надеется на счастливую звезду поисковика и Родионов. Он рассчитывает выловить в архивном море не только записки Шангина, но и руководителей других экспедиций лета 1786 года — Линденталя, Клюге, Риддера, Чулкова. Нет удачи. Не найдены шангинские «Дневные записки» и к 2011 году. «Значит, нужно переводить с немецкого, — говорит Родионов Гармсу. — Придется вернуться». И Олег Яковлевич берется за этот огромный труд.

К молодой компании писателей-поисковиков, историков Родионов относится с огромным уважением. И более того — любит своих новых коллег и друзей. Добавим в этот теплый круг талантливого, тогда еще студента, Бориса Бабарыкина, задушевного собеседника Александра Михайловича. Молодежь приносит вопросы, новые знания, удивляет. И Родионов любит удивлять. Любит сообщить такой факт, чтобы собрат-сподвижник «возмутился или задохнулся от восторга» [14, с. 123]. По-зволю себе одно воспоминание.

— Хочу тебе стихи прочесть, — с порога объявил мне Александр Михайлович.

Я устраивалась за его круглым столом, поближе к книжным полкам, чтобы можно было, как всегда, рассматривать корешки книг, фотографии и минералы.

— Попробуй угадать, кто автор. Я был поражен, совершенно не ожидал.

Он открыл записную книжку и начал:

Враги умолкли — слава богу,
Друзья ушли — счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь.

Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

Родионов время от времени отрывался от строк и поглядывал на меня, проверяя встречную реакцию. Он готовил интеллектуальный сюрприз, мечтал ошеломить, потряхнуть мои литературные устои и в предвкушении улыбался.

Я тоже улыбалась. Мне, в свою очередь, не терпелось проявить знание, но, как первоклашка, не решающийся прервать на полуслове учителя, я дождалась последней строки. И как только чтец остановился, выпалила торжественной скороговоркой:

— Я знаю это стихотворенье!

Улыбка спрыгнула с его лица, и, как бывало, когда овладевали им растерянность или волнение, он часто заморгал.

— Ну, и кто же это? — сухо спросил.

— Ершов. Сказочник, автор «Конька-горбунка».

— Вот, бляхин — ку-ку! А ты откуда знаешь?! — гаркнул радостно, выкинув вперед руку с блокнотом.

Не было проще способа вызвать расположение Родионова, чем проявить знание, сообщить что-то новенькое из области русской литературы или истории Сибири. Так сказать, припереть его к стенке открытием, хотя бы небольшим. Александр Михайлович как никто ценил крупницы информации, которые, может быть, имели всего лишь уточняющее значение, а добывались месяцами. Да и как ему, проведшему половину жизни в архивах и библиотеках, было их не оценить! «Архив. Я это слово готов писать с большой буквы!» [14, с. 117]

СЕРДЕЧНЫЙ ХРУСТ

В мае 2010 отметит Александр Михайлович 65-летие. Торжество пройдет чинно-академично в Белом зале Музея литературы, что расположен в самом начале барнаульской улицы Толстого, в исторической части города. Поздравительную церемонию ведет Юрий Масалов, тележурналист и друг молодости. К микрофону выходит творческий народ — архитекторы, музыканты, краеведы, художники... Люди говорят приятные слова, дарят подарки, рассказывают смешные случаи из жизни юбиляра. Все как положено. Но невидимый печальный флёр окутывает это дружеское собрание.

Где-то в задних рядах сидит Маргарита Аврамова. Вскоре ей предстоит переезд из Барнаула в Санкт-Петербург. Она едет следом за дочерью Ксенией, которая учится в Российской академии художеств. Неожиданный поворот судьбы Александру Михайловичу принять нелегко, но придется. В дневнике между тем: «а вокруг тихо и пусто», «среди ночи гора — она для одиночек» [307, л. 58], «...воздух пуст, и такой на земле покой, что слышно сердечный хруст» [307, л. 59], «буран легкий, на душе хуже» [307, л. 73].

Как всякий юбилейный родионовский год, 2010-й богат на публикации. Большею частью это новые очерки. Писатель расширяет первоначальную статью «Из анонимных в именитые» и делает «толстое» исследование «Никольский полковой». Из таких же обстоятельных писаний — «Особливая сибирская монета», где в центре внимания история Сузунского монетного двора Кольвано-Воскресенского горного округа. До сих пор в этой теме ничего лучше не написано. Появляется много прекрасных портретных очерков, посвященных «высшему интеллекту империи». С конца 1980-х Александр Михайлович не раз обращается к личности Степана Гуляева, теперь же он представляет новую обобщенную работу «Золотой стол Степана Гуляева». Гуляев возглавлял так называемый «золотой стол», куда поступали заявки на разработку золоторудных месторождений. Но, конечно же, Родионов имеет в виду «драгоценности иного свойства — золото песенной традиции» [14, с. 80].

Не первый раз оповещает Родионов современников: наследие Гуляева издано не полностью. «Пять тетрадей, переписанных набело рукой собирателя и содержащих бесценное наследие, хранятся в Пушкинском доме на берегах Невы. Сборник не издан до сих пор» [14, с. 81]. Ныне эта ремарка воспринимается как завещание. Родионовский наказ.

К судьбам литераторов Егора Ковалевского, Георгия Гребенщикова, Дмитрия Кобякова Родионов подступает впервые. Нельзя сказать, что в названных темах он первопроходец. Но в текстах Родионова всегда есть эксклюзивная часть. Никто до него не цитирует страницы дневника писателя-репатрианта Дмитрия Кобякова, не публикует его стихи, написанные в Париже, не приводит фотографий Дмитрия Юрьевича «периода парижанства» [20, с. 214]. В доме Родионова на улице Пушкина, в кухне, при самом входе, висел на стене двойной портретик Кобякова — анфас и профиль, — выполненный художником Александром Потаповым в технике цинкография. Дмитрий Юрьевич изображен старцем — обросший, с длинной бородой. Единственное, что роднит этот ветхий барнаульский лик с изящным видом парижанина, — выразительный нос, похожий на орлиный клюв. Александр Михайлович обнародует работу Потапова в книгах, и это тоже дебютный шаг на подступах к судьбе Кобякова.

Рядом с «портретами литераторов» возникают темы другого свойства: метеорологические наблюдения в Барнауле, посещение города князем Владимиром Александровичем в 1868 году, самое разрушительное наводнение в Барнауле в 1793 году — статья «Бунт «пробежной воды». Материал «Бийск. Груз 300» отстаивает историю города на реке Бие, известные его имена — Антона Скалона, героя войны 1812 года; Максюковых, основателей города. Необъятны исследовательские интересы Родионова.

С 2009 по 2012 годы Александр Михайлович работает над составлением трех больших книг, каждая больше 600 страниц. Он готовит к печати альманахи «Барнаул» и «Бийск», которые станут 13 и 24 томами в серии «Тобольск и вся Сибирь», придуманной тоболяком Аркадием Елфимовым и писателем Валентином Распутиным. В этих фолиантах весь исторический и культурный потенциал двух алтайских городов. Включены

в них и работы Родионова. В одном из интервью писатель отмечает, что гордится в барнаульской книге «тремя материалами о наших земляках — о первом поэте Алтая Егоре Ковалевском, о Дмитриии Юрьевиче Кобякове, авторе парижских рассказов о Бунине, и о Камбалине Александре Иннокентьевиче, последнем командире Барнаульского пехотного полка» [167].

В августе 2010-го размышляет Александр Михайлович на страницах дневника о названии своей новой книги: «Дело мое одинокое? или Жизнь по глаголу?» [307, л. 57] В следующем августе выйдет в свет «Одинокое дело мое». Под обложкой уместится четверть века: очерки, статьи, этюды, интервью писателя, которые создавались с 1986 по 2011 годы. В книге пять разделов. Первый — «Бесплодие жемчужных раковин» — рифмуется с обугленными досками, которыми «защиты» форзацы книги. Сами за себя говорят названия очерков: «Скорость опустынивания», «Память слова и дело памяти». Родом из середины 1980 годов, они и в 2011-м не потеряли актуальности. «Барнаульские засечки» напоминают об исторических событиях столицы Алтайского края и тех ее жителях, о которых Родионов говорит: «Города освещают не фонари. Города освещают люди». Третий раздел — литературный, с общим заголовком «Стремящая сила». Сюда включены материалы о Егоре Ковалевском, два — о краевой библиотеке имени В.Я. Шишкова, о Дмитриии Кобякове, Леониде Мерзликине, Владимире Башунове, Георгии Гребенщикове, о памятниках Ядринцеву на барнаульской Горе и Шукшину на Пикете. В четвертой части собраны очерки о художниках — Юрий Кабанов, Юрий Бралгин, Людмила Кульгачёва. А вот о живописце Андрее Арестове читатель узнает из письма, написанного Александром Михайловичем Андрею Васильевичу в 1995 году. В эту же главу определены рассказы о двух композиторах: современнике Михаиле Апарневе и сочинителе XIX века, представителе рода Демидовых, Григории Демидове. По особому важен и дорог очерк «От судьбы до судьбы», который дает название всей четвертой части. В нем много степного просторного детства, в нем явно виден мальчик Саша Родионов. Пятый раздел, озаглавленный «Особливая сибирская...», отдан под редкие сибирские темы: «Никольский полковой: опыт истории одного храма», «Особливая сибирская монета», «Спиртоносы

на сибирских приисках. По материалам Иркутского архива», «Все начиналось с Албазина», «Он мужественный брат мой...»

Многие читатели будут недоумевать по поводу названия сборника. «Меня упрекают, что я неправильно назвал книжку. Несколько человек мне это сказали. Дескать, что ты бедрами покачиваешь, красуешься, что ты одинокий... Да потому что литературное дело артельно не делается. Это только одинокое дело», — объясняет Родионов. В предисловии к книге, озаглавленном «Щеколда для читателя», он напишет: «А каким же еще по своей сути может быть писательское дело? Я же не в хоре пою и не в артели шабашников труждаюсь. Даже у зверей самка для родов забивается в глухомань чащобную, а что уж говорить о литературном деле... Одинокость мое творческое длится не год и не десять» [14, с. 7]

Хорошо нарек книгу Александр Михайлович. Кроме того, что название указывает на литературное дело, в нем накоплены и другие смыслы. Родионов — одиночка с отрочества. Семнадцатилетний паренек подписывает свою фотографию: «Одинокий». Говоря о детских годах в автобиографии 1997 года, писатель называет себя «одиноким отроком». В «молодых» дневниках упоминает келью. Сколько раз первым и в одиночку, не дожидаясь подмоги, выходит он на поле битвы за русскую культуру?! Есть у него статья «И один в поле воин», она посвящена геологу Вениамину Чекалину. Но и к самому Родионову сказанное в полной мере применимо. Первый значит один. Любопытный факт: презентация книги «Одинокое дело мое» состоится в городской библиотеке 1 ноября 2011 года — 1.11.11. Символично. И не случайно, конечно, выбирает Александр Михайлович этот день для представления книги.

С «Одиноким делом» опробует Александр Михайлович формат презентации книги на площадке магазина. «В холле «Книжного мира» было полно народу. Все толпились вокруг него с «Одиноким делом...» Он сидел за изящным столиком, своим светоносным взглядом встречал каждого книжника и рисовал родионовский кудрявый автограф» [175]. На публике Александр Михайлович всегда немного артист: неизменно увлекает собою. Собранный, напористый, обаятельный. Презентация получится удачной, сразу уйдет не меньше десятка

книг. Для барнаульской среды первого десятилетия XXI века — это достижение.

В названии книги есть финальный отзвук. Кажется, что и сама авторская тональность во вступительном слове настраивает наитог: «Оглянулсся и увидел: всю жизнь веду разговор об одном — что же делается с нашей исторической памятью?» [14, с. 7] Книга и получилась последней. Но не по авторской задумке. По судьбе. Родионов не знает, что сделал прощальную книгу. Он полон планов. 19 января 2012 года за книгу «Одинокое дело мое» писателю вручают национальную литературную премию «Имперская культура» в номинации «Публицистика». Награждение состоится в Москве.

2010, 2011, 2012 годы. Много дорог. 2010-й: апрель — Александр Михайлович в Тюмени на фестивале «Сибирский тракт»; 3-6 мая — Тобольск, 16-19 мая — Томск; 24 июня — Кольвань, 8 сентября — Бийск, 4 ноября — отъезд в Хантымансийск через Новосибирск. А под занавес года он махнет в Европу, впервые в жизни. Автобусный тур: Париж, Прага, Брюссель. Особый прицел на кольванские изделия в европейских землях. В парижской ратуше Отель-де-Виль он увидит, наконец, воочию подарок Александра III городу Парижу — вазу из зеленоволнистой яшмы, изготовленную в 1879 году по проекту управляющего Кольванской шлифовальной фабрикой Злобина. Из заграниц на встречу Нового года он приезжает в Питер, к Маргарите. К Рождеству они вдвоем едут во Псков к Валентину Курбатову. Валентин Яковлевич устраивает для гостей экскурсию в Псково-Печерский монастырь и Изборск. Вечер 7 января Александр Михайлович и Маргарита проводят в семье Курбатовых.

В апреле 2011-го — Гребенщиковские чтения в казахстанской Шемонаихе. На чтениях Родионов выступает великолепно. О казахской округе рассказывает, как о родных окрестностях. Собственно, места эти, называемые Рудным Алтаем или русским Казахстаном, хорошо известны Родионову-геологу и писателю. Основатель Усть-Каменогорской крепости майор Иван Михайлович Лихарев — один из героев романа-эпопеи «Князь-Раб». К истории XVIII века присоединяет Александр Михайлович

период гражданской войны, страницы Ледяного похода. Барнаулский пехотный полк под командованием Камбалина уходил из России в 1919 году через Рудный Алтай. После окончания официальной части его окружают участники чтений. Интерес неподдельный и взаимный. В Шемонаихе замечательно патриархальны, аутентичны фольклорные коллективы. Исполнение народных песен приводит Александра Михайловича в восторг. От полноты чувств он расцелует руководителя ансамбля «Товарки» из села Предгорного Нину Андреевну Ершову. Перед банкетом в атмосфере всеобщей суеты, радостного шума, звучащей вальсовой мелодии Родионов перехватит занятую распоряжениями Наталью Георгиевну Дубинчик, главного устроителя Гребенщиковских чтений и директора краеведческого музея Шемонаихи, и уверенно-непререкаемо вовлечет ее в танец. После нескольких па Наталья Георгиевна оставит кавалера и возвратится к делам. Но как это было красиво, возвышенно!

В этом же году Родионов еще раз будет танцевать при большом стечении народа в Санкт-Петербурге. В один из сентябрьских дней, прогуливаясь по набережной Невы с однокашником-геологом Петром Падериным, Александр Михайлович увидит красивую испанскую пару и тут же затеет разговор с иностранцами. У всех было прекрасное настроение. С разрешения сеньора Александр Михайлович пригласит даму на испанский танец. «И они его задорно исполнят на радость прохожим», — улыбается воспоминаниям Петр Падерин.

Между апрельской и сентябрьской поездками лежат дорожки в Бийск, снова в Казахстан — в Усть-Каменогорск через Бухтарму и на озеро Зайсан. В дневнике впечатление: «Чудно: с утра Черный Иртыш, в ночь Барнаул» [307, л. 103]. Это было в июне, а в июле — с восклицательным знаком: Укок! В ноябре одним днем Павловск. Седьмого декабря «выезд в 7 утра в Бийск. С собой коробку книг. Бийская библиотека в 12 часов. 5 продано». [307, л. 127].

2012-й. Тот же вояж по сибирским городам, и снова в апреле Шемонаиха. А в августе, с 9 по 16-е, вместе с Маргаритой они едут в тур по Финляндии и Швеции. Об этом последнем большом путешествии рассказывает Маргарита: «Мы ехали на автобусе через Хельсинки в Турку и далее на пароме до Стокгольма. Саша

во все глаза смотрел: как сено на полях уложено, как ограждены дороги в гористой и лесной местности, какая дорожная техника работает на строительстве дорог. Он еще не остыл от книги для Автодора. Когда плыли на пароме, смотрел на закат солнца в море, на шхеры. Был взволнован природой! Так было всегда. Ему интересно было все, что касалась «другой жизни»: как ведут себя люди на улицах, как отдыхают, как относятся к своей истории и культуре. Он часто находил предлог, чтобы установить пусть даже мимолетный контакт с местными: со старушками на Сенатской площади в Хельсинки, с колоритным бородатым шведом в кафе в Стокгольме, с контролером стокгольмского метро, не говоря уже о тех случаях, когда нужно было спросить, как пройти или добраться куда-то. Психологически для него не существовало барьеров, он знал какие-то английские слова (какие-то знала я), но больше помогали жесты и мимика. Ему очень понравился общественный оркестр из весьма пожилых людей, играющий на площади, где расположен музей Нобеля. Такие активные старики, красивые лица. Видно, что дружат и хорошо проводят время вместе. Не оставила равнодушным молодая шведская семья с ребенком. Он попросил разрешения сфотографировать. Он оценил отношение шведов к Карлу XII. Проиграл войну Петру I, а памятник стоит в центре Стокгольма. Александр Михайлович прекрасно знал историю российско-шведских отношений петровского времени, но во время поездки стремился расширить свои представления о малоизвестных исторических фактах. Поэтому во время всех экскурсий, особенно в Уппсалу, древнюю столицу Швеции, он постоянно задавал вопросы экскурсоводу, которыми ставил его в тупик. В Национальном музее Швеции искал изделия из колыванского камня, не нашел, но купил книгу об Эдварде Мунке. Расстроился, когда узнал, что какое-то изделие все же есть в Королевском дворце. Вся экскурсионная группа пошла в этот дворец, а мы поплыли на кораблике в Скансен, этнографический музейный комплекс под открытым небом. Эта экскурсия не была включена в программу нашего тура (всего-то четыре дня), но для Александра очень важно было побывать в Скансене. Во-первых, там представлены не только шведская архитектура разных веков, но и ремесла: работали мастерские стеклодувов (изделия «выпекали» на глазах), кузнецов.

Все это вызывало у него восторг. Во-вторых, ему важно было увидеть один из лучших в мире музеев народной культуры под открытым небом, так как в это время шли разговоры о создании музея на территории Барнаульского сереброплавильного завода. До этого мы были в новгородском музее Витославицы. Когда гуляли по Скансену, обратил внимание на расположенную вдоль тропы гряду из пород шведского камня, каждая глыба была подписана. Отметил, что и у нас можно было бы так сделать...»

В Барнаул Александр Михайлович прилетит 20-го, еще остается десять дней лета. Над 31-м числом в ежедневнике напишет: «Август!». Любимый его месяц.

АВГУСТ, АВГУСТ...

Ежедневники Александра Михайловича последних лет — 2010-2012 — так же хороши, живы, «заразительны», как и в молодые годы. Не чувствуется в них никакой жизненной усталости.

«2011 год.

28 марта — 3 апреля. Легенда — это то, что должно быть прочитано (с латинского).

19 апреля. Курево — крест!

7 мая. Малявочки к обеду.

5 июня. Мать талантливых людей — обида в детстве. Она прорезает глаза иного объема и фокуса... После чтения статьи о Белинском Н. Скатова. И в самом деле — вот ряд: Лермонтов, Герцен, Виссарион, Пушкин там же, Рубцов, Горбовский... и ряд, ряд.

12 июня. Троица!

19 июня. В бийский том нужен очерк о Пепеляеве — судьба. Председатель правительства Колчака. Кто может что-то сказать? Старцев.

17 августа. Когда мелочам много внимания, они пожирают целое, большое. Это август.

26 августа. И обгоняя собственные письма... «Потом обгону собственные письма» — так у Ивана (Из Березюка, письма И [рине] Б [резюк]).

Tutta forza! Со всей силой!

13 ноября. Господи, милостив буди мне, грешному! Молитва Пришвина.

22 ноября. Встреча в библиотеке политеха прошла по душам. Библиотекари Галя [Коротенко], Нина Васильевна [Ясиновская].

25 ноября. Найти англичанина Мартина в Москве.

2012 год.

Там гробовая тишина,

Там беспросветный мрак!

Зачем, проклятая страна,

Нашел тебя Ермак? (Н. А. Некрасов)

Кто ж его так обидел?

29 марта. Как день раскорячится — так и кончится. Жаль, сторублевая голова за грош пропадает.

16 апреля. Сегодня, 16-го, к полудню так затучило запад неба, небо собралось с духом и пророкотал гром, а там и дождь молодой, первый, защелкал, поклевывая все подряд, будто забытую землю ощупывая. И все огурчики-одуванчики запели аллилуйю небу!

17 апреля. Маша позвонила!

23 августа. Огород пустой и теплый, остается только виноград и свеклушки ярятся — сок в листьях.

25 сентября. Кому чужая голова — репка, а своя — Божья луковка.

29 сентября. Звонить Курбатову. Сидит и ждет на завалинке, когда опсковлюсь.

5-6 октября. «Критиковать значит объяснять, как бы я сделал сам, если бы умел». Карел Чапек.

17 ноября. Сергей Федорович учил открывать почту на компьютере.

10 декабря. Архив. Карта 1826 года с обозначениями курганов (бугров) и чудских копей. У меня копия 1827 г.

24 декабря. Заказал дела Сузун-конторы.

31 декабря. Был Витя Петров. Новый цех на Партизанке.

По медеплавке летом ехать на Ю. Урал!» [307, л. 187]

С просьбой о составлении и редактировании книги о Евгении Гущине обращается к Родионову вдова писателя — Елена

Дмитриевна. Конечно же, он берется: это Гущин, образец творческого поведения. Тема появляется в ежедневниках в начале 2012 года. Теперь он ведет к печати три книги: «Бийск», о сибирской монете (заказ алтайского Центробанка) и о Гущине. При этом он по-прежнему на виду. Все как обычно: встречи с читателями, писание статей, запись на телевидении. Журналист ТВ Катунь Анатолий Корчуганов посвящает ему одну из своих программ «Край в лицах».

Как-то неожиданно, вдруг, врасплох оказалось, что неумный бурный Родионов серьезно болен. Тревожная весть разнеслась по Барнаулу мгновенно. Не верилось. Декабрь 2012-го весь идет вперемешку: работа — больница. «17 декабря: архив, почему пожар на Сузуне? 18 декабря: Змеиногорский тракт, 110. Радиологический корпус. Кто ввел Андрея Порошина в поле видимости для государева ока? Беэр! 1748 г. визит на Алтай. 24 декабря: заказал дела Сузун-конторы. Материалы РГИА ф. 468. оп. 19. 25 декабря: бронхоскоп» [307, л. 186].

В январе 2013-го состоялась операция. Сразу после выписки, в феврале, прилетела на неделю Маргарита. «Мы вместе по утрам ходили в больницу на процедуры, он был настроен на выздоровление, — рассказывает она. — Поэтому поехал в Санкт-Петербург, чтобы работать в РГИА по теме сибирской монеты. В Питере мы ходили с ним на Книжный салон, который проходил 25–28 апреля. Он встретился там со своими хорошо знакомыми московскими писателями. Но самочувствие стремительно ухудшалось. Прямо в день рождения пришлось купить костыль. Нужно было возвращаться домой. Прописка, полис — медицинскую помощь могли оказать только по месту жительства». В аэропорту встречает его Виктор Сергеевич Петров, и Александр Михайлович сразу попадает в больницу под опеку друзей.

Его часто навещают. И все-таки: «Больница — мерзость», — записывает в ежедневник. С оказией он пересылает книгу «Одинокое дело мое» в Германию Галине Горн, с надписью и шаржами: «Галине Свет Алексеевне из нашего Vater'a в ваш Land с объятиями благодарности и поклоном. Автор из лазарета, почти из Назарета, просто хворобый парнишка Саша. Надо встречаться, Галя!!»

В июне снова прилетает Маргарита — ухаживать, побыть вместе. «У меня была встреча с главным врачом отделения. Он сказал, что осталось немного времени. Дал понять, что если Александра Михайловича сейчас забрать из больницы, то это означает, что умирать он будет дома, в больницу его больше не возьмут. Возможно, мой шаг был недальновидным, и я пошла на поводу чувств... Окончательное решение зависело от того, что скажет Саша, как он хочет. Он был рад моему приезду и тому, что я беру его домой. Мы провели вместе три недели. Не знаю, говорил ли с ним врач о смерти. Мне кажется, он понимал, что уходит. Но вся его сущность была с этим не согласна. Чувствовался внутренний протест. Он не показывал своего отчаяния, я не видела слез, не слышала жалоб. Мы не говорили о смерти».

Да, Александр Михайлович понимал: близится конец поля. В мае, по возвращении из Санкт-Петербурга, он позвонил мне: — У меня вот какое дело к тебе. Я не успел про Женю Гуци-на написать. Мы можем с тобой поработать, как прошлый раз?

Работа заключалась в следующем: он наговаривал на диктофон текст, я снимала звук, приносила распечатку, он правил, окончательный вариант шел в печать. Это «я не успел» перевернуло меня. Вот так, значит, спокойно, по-деловому он завершает земные дела, спешит отдать долги, не подвести друга, несколько лет назад уже переселившегося в мир иной. Заботы по гущинской книжке Александр Михайлович передает Ирине Березюк, редакторский опыт которой так понравился ему при работе с романом «Князь -Раб».

Как любой человек, Александр Родионов о смерти думал не раз. В 1971 году, узнав о том, что «три дня назад, 28 апреля, похоронили бабуся», внук напишет в дневнике: «Смертию смерть поправ. Не надо мне хороших похорон, дайте мне жить. Хоть как, но жить» [228, л. 48]. В это время ему 26 лет. А в тридцать семь он найдет способ борьбы со смертью: «Когда придет ко мне костлявая,/суставами стуча и хлябая,/С литовкой ржавой на плече, Я не спрошу:/«Пришла зачем?»/Не подивлюсь скелету-стану,/Не стану плакать,/Жизнь просить./Свою литовочку достану,/Скажу:/«Айда траву косить». И действительно, работа возвращала Родионова к жизни десятки раз. В апреле 2013-го, убегая в Санкт-Петербург, он действует по проверенному

рецепту: нужно спрятаться от болезни в целебных библиотеках и архивах Питера. Он помнит у Шукшина: «Ничего, болезнь не так уж и страшит: какое-то время можно будет еще идти на карачках». Не срабатывает? Ну что ж, давно, в автобиографии 1997 года, продуман и этот вариант. «Главное — бабушкино русское слово, лесной храм для одинокого отрока и возможность странствовать до тех пор, пока настанет срок присоединиться к большинству» [256, л. 1]. Вот так, кротко и смиренно. «Симметрично миру», если следовать за его любимыми присказками.

Запись о Гущине состоялась. Мы уместились на уличной веранде его дома вчетвером. Тесновато, но атмосфера вполне рабочая, творческая, как всегда у Родионова. Для Александра Михайловича принесли столик, кресло. Два объектива — видео и фото — напротив него. За камерой Вера Уразова, с фотоаппаратом Александр Волобуев. На круглой столешнице свежесваренный чай, мед, выпечка. Сверток с пирогами утром сунула мне моя мама: «Александр Михайловичу». На улице солнечно и тепло, на веранде — пульсирующая тень от набирающего силу дикого винограда. Перед камерой Родионов был ответственен и честен. К съемке подготовился: перед ним лежал листок с пронумерованными короткими строчками. В том майском интервью он поразил меня какой-то последней откровенностью. Чувствовалось: она была ему необходима и давалась легко. Небезболезненный разговор с Гущиным, составленный когда-то с глазу на глаз, Родионов мог бы утаить — никто не узнал бы о нем никогда. Нет, рассказывает:

— Мы в частном разговоре с Евгением завели речь о главном герое моего романа «Князь-раб». И он между прочим роняет: «А Гагарин-то у тебя никакой». Репу чесать поздно, потому что первая часть уже публикуется. Но я задумался над тем, каким должен стать Гагарин во второй части. Не стал об этом говорить Гущину. Проболтаешься, потом не напишешь — это железный закон. Года три спустя, уже Гущин не работает в журнале, и мы встречаемся на углу улицы Пушкина

и Ленинского проспекта. Он ни с того ни сего говорит: «А ты что, не продолжаешь, что ли, роман?» — «Да как-то не собрался. Другим занят. Летописью Барнаула». — «Ты что! Бросать такую тему нельзя». Значит, он видел перспективу развития романа, и по-дружески надеялся, что получится. Для меня эта поддержка была важна. Я сел за вторую часть романа. И разговор про Гагарина памятовал всегда. В первой части Матвей Гагарин нейтральный, другим он станет позже, когда дело дойдет до открытого конфликта с Петром I. Там и проявится русский сибирский характер — гагаринский.

Новый 2013 год Александр Михайлович встречает в семье старшей дочери Вероники. Балуется с внуками. Вспоминает счастливую свою молодость, томское студенчество вместе с Елизаветой Павловной. Последние месяцы и дни, отведенные ему, — это пример отчаянной стойкости. Никаких разговоров о болезни, ничего о приближающемся последнем рубеже. Александр Михайлович требует новостей, обсуждения книг, выставок и спектаклей. В июле 2013-го, пока победитель Всероссийской Шукшинской премии еще не известен, он болеет за томича Владимира Костина, за его роман «Колокол и болото». Интеллектуальная стихия была для него родной, естественной, самой комфортной.

На улицу Пушкина в дом Родионова потянулась людская вереница. Все те, фамилиями которых пестрели графы ежедневников. Музейщики, художники, промышленники, архивисты, музыканты, журналисты, историки, литераторы... Это было прощание. Александр Михайлович прекрасно это понимал. Компанией пришли сотрудницы архива. «Попробовали говорить бодрые слова, что-то о выздоровлении, — вспоминает Татьяна Мальцева. — Он посмотрел на нас долгим взглядом, дал понять: глупости болтаем, не надо этого. Сказал: «Не забудьте фонд Чекалина сделать». И очень заинтересованно слушал о похоронах художницы Майи Дмитриевны Ковешниковой. Особенно о том, что был на них хороший священник. И отпел, и слово последнее сказал прочувствованно. Родионов поинтересовался, откуда священник».

Были и у меня две прощальные встречи с Александром Михайловичем. Он сидел в кресле на закрытой веранде,

я рядом — на низком стульчике. Похвалил меня за статью о Николае Заболоцком, которую только что прочел в журнале «Культура Алтайского края». Два года назад с вестью о том, что предложили редакторство в этом издании, я пришла к нему. Мгновенно: «Соглашайся! Я помогу». Сейчас, на веранде, он попробовал закурить, закашлялся, смял в кулаке всю пачку. После паузы неожиданно: «Все помогали. И Тихонов помогал...» Он отматывал жизнь к началу. Через все свои свершения — к юности, детству. И сам, похудевший, без бороды, которую по его просьбе сбрил внук Павел, становился все больше похож на мальчика. Он давно у всех попросил прощения. Года полтора назад — и у Нины Ваниковны. Он всем был благодарен.

20 июля Александр Михайлович передавал со мной два «Одиноких дела...» — Валентину Курбатову в Псков и Ивану Жданову в Симеиз. Книги подписал. Под автографами я увидела дату: 25 августа 2013 г. Нет, он не перепутал день и месяц. Александр Михайлович оставался в памяти до последнего. Он просто знал, что уйдет в августе и, предполагаю, поставил роковое число.

Александр Родионов любил август. Видимо, тому было несколько причин. В самом конце августа, 29-го, когда сибирская природа предстает во всей своей зрелости, торжественности, «державном величии» родилась его любимая бабуся, Марфа Яковлевна. Август — «великий», «священный», «царственный» — самый плодотворный для Родионова месяц. Все получается у него в это время — и пишется, и влюбляется. Каждый раз выделяет он его в дневниках, ждет. «16 июля 1970. Ave, august! Приди» [216, л. 51]. «27-28 июля 1971. Скоро август. 18 august Два журавля в небе». «1.08.73. Сегодня кончился июль. Сейчас уже август. Первая ночь августа. Написать письмо Лизавете о том, что начался август» [221, л. 3]. «Август. Ни в крови, ни в голове». И еще один момент: Родионов отмечает писательские смерти, пришедшиеся на август. «Начало Бодлера. Он, как и Блок, ушел в августе. Август, август...» [216, л. 71]

Маргарита, уезжая в двадцатых числах июня, обещает приехать снова в середине августа. «Я понимала, что это будет окончательное прощание с ним, с живым». После ее отъезда

встает вопрос о сиделке для Александра Михайловича. Вечерами рядом с ним дочь Вероника и друзья, но больной слабеет и нуждается в круглосуточном пригляде. Виктор Сергеевич Петров, Сергей Федорович Ужакин, Николай Теодорович Герцен сбрасываются на сиделку. Пока мог ходить, он самостоятельно добирался до веранды. Позже его выносил на руках Боря Бабарыкин. Хлопочет в разных инстанциях об инвалидном кресле Виктор Сергеевич Петров. «В последние месяцы, где бы я ни побывал, достаточно было сказать «Родионов» — и все. Но уже ничем нельзя было помочь».

«Потом потребовались средства в большем объеме, и мы стали собирать с тех, кто мог бы поделиться, — рассказывает Сергей Ужакин, который приходил в дом Родионова каждый вечер. — Помню пришел навестить Александра Михайловича бизнесмен Сергей Мухортов. Узнав, что надо помочь, он не глядя достал купюры из кармана». Писательское безденежье — обстоятельство нестыдное. Давно об этом сказал Николай Семенович Лесков: «Ни для кого не секрет, что литературные запятые не приносят больших выгод и что писатели должны жить без излишеств, часто даже бывают знакомы с большими недостатками. Скрывать этого и нет нужды: писательская бедность по большей части есть настоящая честная бедность, которой нечего ни перед кем стыдиться». Кстати, Александр Михайлович на советы почитать что-нибудь из молодой литературы отвечал: «Я у Лескова еще не все прочитал».

Время от времени заходит проведать друга Алексей Александрович Хорошилов, человек верующий, прихожанин Никольского храма. Через него Александр Михайлович и передает последнюю просьбу: когда придет время, он хотел бы, чтобы пригласили священника.

«Сиделка была опытная. Накануне она уверенно сказала, что час ухода близок, — вспоминает Сергей Федорович Ужакин. — Мы спросили Александра Михайловича, хотел бы он принять причастие? Он ответил: «Да». Священника вызвали утром 15 августа. Мы все вышли. А Наталья-сиделка сказала, что хотела бы остаться, принять причастие. Они были втроем: Родионов, Наталья и священник из Никольского. Священник сказал, что он исповедался. И для нас это было удивительно, как и то, что он

сам попросил пригласить священника. А вечером уже я, чувствуя кончину, попросил остаться тех, кто может. Остался совсем малый круг — Вероника Александровна, Наталья, Борис Бабарыкин, Антон Ужакин и я. Ушел он легко. Где-то минут за десять до кончины я позвал Веронику, сказал, что он уходит, и попросил ее сесть рядом. Так и было. Мы все стояли в комнате».

Вероника держала отца за руку. Было самое начало 16 августа, первые десять минут. Жизнь Александра Михайловича Родионова завершилась.

Барнаул достойно проводил в последний путь своего летописца, русского писателя, человека яркой и трудной судьбы Александра Михайловича Родионова.

ДЕНЬ ДЛЯ ВЕЧНОСТИ

16 августа 2013 года — день для вечности Александра Родионова.

Как ему живется в этой новой жизни? А хватает разного. Один ремейк Иванова чего стоит. Мало того, обижают люди, знавшие Михалыча при первой жизни. В 2019 году литературный журнал «Сибирские огни» издал спецвыпуск, посвященный Сузунскому медеплавильному заводу. Есть в номере и статья Александра Родионова «Сибирская особливая монета» о сузунском монетном дворе. Родионов, как всегда, взял тему первым и дотошно взял, глубоко, со множеством оригинальных архивных документов. Изложил образно, достойно. Нет и близко подобных работ. Так отчего же в биографической справке записан Александр Михайлович «краеведом-любителем»? Есть еще краеведы-профессионалы? Он, постоянный автор «Сибирских огней», бывал ли при жизни «возведен в этакий ранжир»? Кто ж под локоть подтолкнул редколлегию? Еще одна неприятная ошибка «красуется» на барнаульском сайте «Демидовский фонд», здесь необходимо исправить даты рождения и смерти Александра Михайловича.

Но хорошего, к счастью, больше. Уже в октябре 2013 года состоялись первые Родионовские чтения. Их организатором

выступил Сергей Тепляков, журналист и писатель. На первых встречах друзья вспоминали Александра Михайловича, и у каждого он был свой, неожиданный для других. По следам тех бесед изданы сборники стараниями Сергея Теплякова и Сергея Ужакина. В настоящее время Родионовские чтения имеют формат краеведческой конференции, на которой представляются доклады на самые разные темы.

В 2013-м вышла в свет книга Олега Гармса «Самоцветное путешествие обер-гиттенфервальтера П. И. Шангина». Олег Яковлевич по совету Родионова перевел дневники Петра Шангина с немецкого языка на русский. Свой труд писатель и переводчик посвятил Александру Михайловичу.

Писателя уже не было в живых, а книги, статьи, которые он начинал, продолжали выходить. В 2014 году опубликована работа «270 лет со дня рождения известного горного специалиста и российского ученого И. М. Ренованца (1744–1798)», она выполнена Александром Родионовым в соавторстве с молодыми историками Алексеем Пережогиним и Борисом Бабарькиным. В 2015-м в серии «Тобол и вся Сибирь» вышел том «Бийск». В 2016-м в рамках краевого издательского конкурса напечатана книга «Евгений Гуцин... За пределами жизни», в которой Александр Михайлович выступает составителем и является автором предисловия. Это последняя работа Родионова.

К первой годовщине со дня смерти Александра Михайловича в барнаульском кинотеатре «Премьера» состоялся показ документального фильма «Родионов», о детстве и юности писателя. Его сделали автор этих строк и режиссер Вера Уразова. В кинозале не было ни одного свободного места, некоторым зрителям пришлось сесть на ступени или стоять вдоль стен. Фильм снимался вскладчину. Друзья Александра Михайловича (все имена внесены в титры) обеспечили наши командировки на родину Александра Родионова в Егорьевский район Алтайского края и в город Томск.

6 июня 2015 года на могиле писателя Александра Михайловича Родионова открыли памятник. Его проект выполнен архитектором Татьяной Дьяковой из мастерской Петра Анисифорова. Есть мнение: строить — это значит строить. Бог троицу любит. Бог любит Троицу. Прекрасно, что эти смыслы

нашли проявление в памятнике Родионову, в котором стрены мрамор, гранит и змеевик. Три белые мраморные плиты символизируют кипы чистых листов или стопку книг. Пирамидально соединенные, они установлены вертикально на конусе, покрытом змеевиком. Возвышение изумрудного цвета предстает символом горы и Голгофы. В нем читается и первая профессия Родионова — геолог, и его излюбленная тема «Колывань камнерезная», и путь — горный и горный. Блестящий черный гранит в подножии горы являет подобие крошечного труда и стойкости. Белоснежные скамеечки из мрамора, примыкающие к горке, в мысленном пересечении с белой книгой образуют крест. Под портретом Александра Михайловича выгравированы строки из его книги «Одинокое дело мое»: «Книгу любую я уподобляю дому. К дому есть тропинка либо дорога». Конечно же, и памятник делался вскладчину. Работу по изготовлению надгробия продвигал верный друг Александра Михайловича — Виктор Сергеевич Петров. Добрый ангел Александра Родионова устроил для друга и погребение на старом Власихинском кладбище, находящемся в черте города. В день открытия памятника Виктор Сергеевич опустился перед портретом Александра Родионова на колени и попросил прощения за то, что не успели с подарком ко дню — к 6 мая, к семидесятилетию. Строители допустили брак, и Виктор Сергеевич заставил их все переделать.

В августе 2015-го губернатор Алтайского края Александр Карлин сказал в своем интервью еженедельнику «Аргументы и факты. АиФ-Алтай»: «Я никак не сдвину тему меценатства в сфере культуры. Демидовский фонд у нас немножко увял. Был Александр Родионов, который эту тему продвигал. Жалею, что не успел близко с ним пообщаться. Мне кажется, что это был очень глубокий и интересный человек, и замену ему сейчас трудно найти. Я сейчас читаю его книги. Если бы он был жив, то проект «Барнаул — горнозаводской город» получил бы от него очень серьезную подсветку».

Прекрасные слова. Но как поздно приходит признание. Писатель, всю жизнь продвигавший тему горнозаводской цивилизации, по большому счету так и не дождался существенной поддержки от власти.

Пятого сентября 2017 года на фасаде краевой библиотеки были установлены мемориальные доски Василию Константиновичу Штильке, основателю библиотеки, и Александру Михайловичу Родионову. О Штильке при жизни пекся Родионов. Автор мемориумов — архитектор Петр Анисифоров. Но снова придется выделить человека, который на открытии памятных знаков простоял в стороночке, — Виктора Сергеевича Петрова, инженера от бога и друга Александра Михайловича. Экономическая сторона проекта — материалы, мощности — все это за Петровым. Материально поддержал мемориальный замысел Сергей Федорович Ужакин. Дай Бог всем таких друзей.

В 2020-м ко дню города в Барнауле появились огромные баннеры с портретом Александра Михайловича. «Города освещают не фонари. Города освещают люди». К 75-летию писателя переиздана его публицистика в серии «Литературное наследие Алтай».

Вообще же, Александр Михайлович вспоминается в самых разных уголках Барнаула — на улице Анатолия, Пушкина, Демидовской площади, повсюду в старом городе, — с этими местами была связана его работа общественного деятеля, историка, знатока русского искусства. Он охранял эти улицы. Также и на просторах края, бывшего Кольвано-Воскресенского горного округа, в разных его концах всплывает имя писателя Родионова. Кольвань, Уймон, Бийск, Тальменка, Рубцовск, Ивановка и Новогорьевское, вдоль всей Демидовской дороги. Перечисление может выстроиться в огромный ряд.

На улице Пушкина возле дома, где жил Александр Михайлович, есть дерево, посаженное им, — вяз. Соседи так и называют «подростка» — «Александр Михайлович».

У Александра Родионова немало последователей, учеников. Явление редкое в наши дни. Как-то на Родионовских чтениях архивист Татьяна Мальцева произнесла: «Родионов умер — поговорить не с кем». Это к слову о его универсальности, энциклопедической подготовленности.

Литературное, историческое, документальное наследие Александра Михайловича Родионова огромно. Его нужно изучать и продвигать.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. М. РОДИОНОВА

- 1945, 6 мая — родился в селе Ивановка Егорьевского района Алтайского края в крестьянской семье Родионовых.
- 1952 — идет в первый класс Ивановской начальной четырехклассной школы.
- 1956, сентябрь — 1957, ноябрь — учится в средней школе села Сросты, живет в интернате.
- 1957, ноябрь — вместе с мамой переезжает в село Новоегорьевское.
- 1963, май — получает аттестат об окончании Новоегорьевской одиннадцатилетней школы. Проваливается на экзаменах в Томский политехнический институт.
- 9 сентября — 17 октября — первая запись в трудовой книжке: «принят рабочим по 2 разряду в полевую партию Алтайской геофизической экспедиции».
- 1963, ноябрь — 1964, апрель — работает слесарем-ремонтником на Хабаровской ТЭЦ, в управлении тепловых сетей.
- 1964, май — август — работает инструктором физкультуры при Рубцовском райсовете ДСО «Урожай».
- 1 сентября — зачислен на геологический факультет Томского политехнического института. Специальность «Поиск и разведка руд редких радиоактивных элементов».
- 1965 — сотрудничает в качестве корреспондента с институтской газетой «За кадры». Занимается в литстудии «Молодые голоса», которой руководит поэт Василий Иванович Казанцев. Участвует в подготовке Дней поэзии.
- 22 декабря — первая публикация стихотворения в вузовской газете «За кадры».
- 1966, август — гибель одногруппника Гены Кузнецова.
- октябрь — в институтской многотиражке публикуется стихотворение Александра Родионова «Мрамора. Генке Кузнецову».
- ноябрь — вступает в брак с однокурсницей Елизаветой Ковтун.
- 1967, 8 марта — родилась дочь Вероника.
- декабрь — зачислен на должность препаратора кафедры в ТПИ.
- 1968, май — публикация стихов в сборнике «Молодые голоса». Знакомство с Леонидом Мерзликиным на пятом Дне поэзии в ТПИ.
- 1969, апрель — публикация рассказа «Лапа» в газете «За кадры».
- 1 августа — выходит из Томского политехнического института с дипломом геолога.
- 23 августа — отправляется по месту распределения в поселок Тисуль Кемеровской области. Зачислен ответственным геологом по массовым поискам в Мартайгинскую полевую геолого-разведочную экспедицию.
- 1970, май — переводится в Западно-Сибирскую геологическую экспедицию, в поселок Елань, где живут жена и дочь.

- 1971, *апрель* — предпринимает поездку Москва — Львов — Ленинград.
23 апреля — смерть бабуся, Марфы Яковлевны Родионовой.
20 мая — в блокнотах Родионова появляется тема камнерезной Колывани. Начало всей поисковой прозы.
октябрь–ноябрь — путешествие в Узбекистан: Ташкент — Навои — Бухара — Кызыл-Кумы.
- 1972, *май–октябрь* — в геологическом лагере на Таяне написано более 20 стихотворений.
октябрь–ноябрь — едет на Валдайскую возвышенность. Село Мешково — Ленинград.
- 1973, *ноябрь* — переезжает вместе с женой и дочерью в Барнаул. Работа в Алтай-ТИСИЗ.
- 1974, *лето* — знакомится с инженером Виктором Сергеевичем Петровым и директором Бийского краеведческого музея Борисом Хатмиевичем Кадиковым.
4 сентября — родился сын Владимир.
10 октября — выходит статья «Мелодия резных карнизов» в газете «Молодежь Алтая». Первая публикация в алтайской прессе.
- 1975, *лето* — выходит в свет первая книга стихов «Начало поля».
- 1977 — напечатан второй поэтический сборник «Краснотал».
с весны 1975 года по декабрь 1977-го — совершает исследовательские поездки по Алтайскому краю, собирая материал для книги «Чистодеревщики».
- 1978, *июнь* — принимает участие в научной конференции «Искусство Алтая в XVIII-XIX веках» с докладом «Декоративная резьба деревянных построек на Алтае конца XIX–начала XX вв.».
август — развод с Елизаветой Ковтун.
- 1979, *март* — становится участником VII Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве.
май–июнь — поездка на БАМ в составе алтайской делегации на агитпоезде «Комсомольская правда».
октябрь — получает работу геолога в Кулундинской партии и ведомственное жилье на оползневой станции Барнаула.
- 1980, *апрель* — участвует в декаде русской литературы в Туркмении (Ашхабад). Знакомство с Ниной Насибянц.
7 августа — женится на Нине Насибянц.
декабрь — первая публикация в альманахе «Поэзия».
- 1981, *декабрь* — выходит в свет книга «Чистодеревщики».
- 1982, *февраль* — издана третья поэтическая книга «Портрет реки».
сентябрь — родился сын Николай.
декабрь — опубликован очерк «Колывань камнерезная» в журнале «Алтай».
2 декабря — принят в Союз писателей СССР.
- 1983 — выходит четвертый поэтический сборник «Из биографии ручья» в Москве в серии «Первая книга в столице».
апрель — горисполком выделяет семье Родионовых трехкомнатную квартиру в районе дальних Черемушек.
1 сентября — зачислен слушателем Высших литературных курсов в Литинститут им. А.М. Горького. Переезд в Москву.
- 1984, *октябрь* — в газете «Комсомольская правда» выходит очерк, посвященный Александру Родионову.

- 1983, *сентябрь* – 1985, *июнь* — сотрудничает с газетами «Сельская жизнь», «Литературная Россия», «Советская культура», «Комсомольская правда», журналом «Советская женщина» в качестве спецкора Туркменской ССР.
- 1985, *июнь* — окончание ВЛК. Путешествие по Армении с женой.
июль — получает должность редактора в Алтайском книжном издательстве.
- 1986, *апрель* — родилась дочь Мария.
июнь — публикация в газете «Алтайская правда» статьи «Память слова и дело памяти». Ее обсуждение на страницах прессы длится полгода. «Молодежь Алтай» в шести выпусках подряд печатает главы из книги «Колывань камнерезная».
сентябрь — выходит в свет книга «Колывань камнерезная».
29 сентября — становится руководителем литобъединения «Родник».
18 октября — празднование 200-летия камнерезного дела на Алтае. В селе Колывань проходят торжественные мероприятия. Презентация книги «Колывань камнерезная». Запись для документального телефильма «Сказ про царицу ваз».
- 1987 — на экраны страны выходит документальный фильм режиссера Юрия Малашина «Сказ про царицу ваз». В фильме снимался Александр Родионов.
24 мая — состоится первый праздник Славянской письменности в Барнауле. Его инициатор и организатор Александр Родионов.
- 1988 — в московском издательстве «Современник» выходит книга «На крыльях ремесла». Тираж 50 000 экземпляров.
май — вторые Славянские дни в Барнауле. В серии «Фольклорное наследие», инициированной Александром Родионовым, выходит первая книга — «Былины и песни Алтая», собранные фольклористом Степаном Ивановичем Гуляевым. Открытие бюстов Петра Семенова-Тян-Шанского и Степана Гуляева.
- 1989, *апрель* — оставляет работу в литстудии «Родник» и переходит на должность литконсультанта в Дом писателей.
май — третий праздник Славянской письменности в Барнауле отмечен шествием с макетами разрушенных церквей. Александр Родионов участвует в Международном празднике славянской письменности в Смоленске.
июль — присутствует на конференции по поводу Катунской ГЭС в Московском доме ученых. Участвует в качестве консультанта в съемках пятичастного фильма «Демидовы» в г. Туле, с. Павшино, куда приглашен группой Центрального телевидения.
август — отдых с семьей в Коктебеле.
конец августа – сентябрь — сплавляется на барже по Каспийскому морю от Краснодарска до Астрахани, повторяя часть пути Хивинского похода князя Бековича-Черкасского (1717).
осень — выходит книга Александра Мисюрёва «Легенды горной Колывани» в серии «Фольклорное наследие». Ее составителем выступает А. М. Родионов.
октябрь — по инициативе Александра Родионова при отделе редких книг краевой библиотеки создан клуб «Краевед». Родионов избирается его президентом. Позже сообщество переименовано в «Клуб любителей алтайской старины» (КЛАС-С).
- 1990, *март* — издана «Красная книга ремесел».

- май* — четвертый раз Александр Родионов организует день Кирилла и Мефодия в Барнауле. На праздник съезжаются редакторы популярных толстых литературных журналов. Средства от благотворительного концерта перечисляются на восстановление Коробейниковской церкви.
- июнь* — выходит первый номер газеты писателей Алтая «Прямая речь». А.М. Родионов — инициатор, член редакционной коллегии и активный автор издания.
- июль* — публикуется очерк «К.Д.Фролов: Людям немало работы уменьшилось...» в книге «От махин до роботов» издательства «Современник» тиражом 75 000 экземпляров.
- 1991, *21 августа* — Александр Родионов создает Алтайский центр Международного Демидовского фонда и становится его исполнительным директором
- 4 октября — Алтайский центр «Демидовский фонд» зарегистрирован отделом юстиции крайисполкома.
- 1992, *январь* — начинается работа над летописью Барнаула и портретной галереей горных деятелей под эгидой Алтайского центра «Демидовский фонд».
- в течение года* — публикуются несколько отрывков из будущего романа «Азъ грешный» в газетах «Прямая речь» и «Алтайская правда».
- 18 октября* — умер Иван Иванович Березюк.
- 1993, *весна* — Александр Родионов получает четырехкомнатную квартиру из фонда главы администрации Барнаула Владимира Баварина
- сентябрь* — газета писателей Алтая «Прямая речь» публикует открытое письмо Александра Родионова к президенту России Б. Н. Ельцину.
- 1994, *27 февраля* — в барнаульском Доме архитекторов состоялось первое вручение гуманитарных Демидовских премий. Инициатива и организация — Александр Родионов.
- март-декабрь* — литературный журнал «Алтай» публикует историческое повествование «Азъ грешный».
- 1995, *7 февраля* — состоялась вторая Демидовская премиальная церемония, на которой была представлена выставка «Образ горного дела на Алтае», организованная Александром Родионовым. На ней впервые явлена публичке «Галерея горных деятелей Алтая». Александр Родионов становится лауреатом Демидовской премии в номинации «Литература».
- август* — выходит в свет «Барнаул. Летопись города (1 часть): 1701–1919 гг.»
- 5 сентября* — умер Леонид Мерзликин.
- 1996, *февраль* — первый Демидовский бал. Устроитель — Александр Родионов.
- май-июнь* — является доверенным лицом А.И. Лебеда, зарегистрированного кандидатом на должность Президента Российской Федерации.
- июль* — А. М. Родионов становится лауреатом Шукшинской литературной премии, учрежденной Алтайкапиталбанком, с вознаграждением 2000 долларов.
- 1997, *январь* — выходит книга «Предприниматели Алтая: 1861–1917» под патронажем Алтайского Демидовского фонда. А. М. Родионов — редактор книги.
- февраль* — состоялся второй Демидовский бал.
- 1998, *18 ноября* — смерть матери Татьяны Леонтьевны Родионовой.
- 1999, *декабрь* — организация выставки «Инженеры — образ эпохи».
- 2000, *май* — в краевой библиотеке проходит презентация книги «Азъ грешный» и празднование 55-летия автора.
- 2001, *февраль* — девятое вручение Демидовских премий и Демидовский бал.

- май* — второе издание романа «Азь грешный» в серии «Библиотека писателей Алтая».
- август* — руководит экспедицией по первой Демидовской дороге.
- 31 октября* — после десяти лет работы переизбран с поста Президента Алтайского Демидовского фонда.
- ноябрь* — развод с Ниной Ваниковной Родионовой.
- 29 ноября–10 декабря* — работает в архивах и музеях Санкт-Петербурга и Москвы, проводит деловые встречи в преддверии 200-летия Кольванского камнерезного завода.
- декабрь* — вступает в гражданский брак с Маргаритой Аврамовой.
- 2002, июль* — публикация очерка «Шукшин — русское полотно».
- август* — выходит в свет второе издание книги «Кольвань камнерезная».
- 2004, март* — публикуется исторический очерк «Все начиналось с Албазина» (русское южное порубежье и Цинская империя).
- июль* — появляется в печати очерк «Но есть покой и воля...».
- 2005, январь* — создается Алтайская краевая общественная организация профессиональных писателей. Александр Родионов выбран председателем.
- 21 февраля* — умер Владимир Башунов.
- 7 апреля* — закончена рукопись второго тома исторического романа «Князь-Раб».
- март – декабрь* — публикация второй части романа «Князь-Раб» в литературном журнале «Алтай».
- 2006* — литературный журнал «Сибирские огни» печатает роман «Князь-Раб»
- 2007, август* — издание двухтомной книги «Князь-Раб».
- Выходит в свет «Барнаул. Летопись города. 1701–2000».
- Третий раз переиздается книга «Кольвань камнерезная».
- лето* — издана книга «Алтай – Беловодье».
- осень* — завершен труд «Твои дороги, Алтай», начатый В.М. Башуновым.
- сентябрь* — становится лауреатом Всероссийской литературной премии «Александр Невский» за исторический роман «Князь-Раб».
- 5 декабря* — умер священник Михаил Сергеевич Капранов.
- 2008* — становится обладателем премии администрации Алтайского края в номинации «Литература» за исторический роман «Князь-Раб». На фестивале «Издано на Алтае» роман признан лучшей книгой 2007 года в номинации «Проза».
- 2009* — начинается работа над книгами «Барнаул», «Бийск» в серии «Тобол и вся Сибирь», «Одинокое дело мое».
- 2010, апрель* — участвует в фестивале «Сибирский тракт» в Тюмени.
- лето* — переезд Маргариты из Барнаула в Санкт-Петербург.
- 17 ноября* — умер известный исследователь Алтая Борис Хатмиевич Кадиков.
- 14–24 декабря* — едет в тур по Европе: Париж – Прага – Брюссель.
- декабрь* — издан альманах «Барнаул» в серии «Тобольск и вся Сибирь» под редакцией А. М. Родионова.
- 31 декабря* — встречает Новый год в Санкт - Петербурге вместе с Маргаритой.
- 2011, 6–7 января* — поездка во Псков к Валентину Яковлевичу Курбатову.
- апрель* — едет в казахстанскую Шемонаиху на Гребеншиковские чтения.
- 25–30 июля* — путешествие на плато Укок в Республике Алтай.
- август* — издана книга «Одинокое дело мое».
- 1–18 сентября* — находится в Санкт-Петербурге.
- 1 ноября* — презентация книги «Одинокое дело мое» в городской библиотеке.

- 2012, 19 января — вручена национальная литературная премия «Имперская культура» в номинации «Публицистика» за книгу «Одинокое дело мое».
- 31 марта — умер Виктор Горн.
- апрель — участвует в Гребенщиковских чтениях в Шемонаихе.
- 9–16 августа — путешествует по Финляндии и Швеции.
- октябрь — выезжает в Тюмень в качестве члена жюри на Всероссийский фестиваль телевизионных фильмов «Белые пятна в истории Сибири».
- 2013, январь — перенес хирургическую операцию.
- 13 апреля–7 мая — пребывание в Санкт-Петербурге. Работа в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Российской национальной библиотеке.
- 16 августа — Александр Михайлович Родионов умер. Похоронен на Власихинском кладбище в Барнауле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А. М. РОДИОНОВА

Отдельные издания

1. Начало поля: стихи/[предисл. Л. Агеева; худож. Г.И. Кравцов]. Кемерово: Кн. изд-во, 1975. 78 с.: портр.
2. Краснотал: стихи/[худож. Л. Пастушкова]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1977. 79 с.: ил. — Содерж.: Камнерезы; Агашевка: поэмы; стихи.
3. Чистодеревщики: заметки и размышления о деревян. домовой резьбе Алтая/[худож. Б. Щербаков]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. 143 с., 24 л. ил. Библиогр. в примеч: с. 140-142.
4. Портрет реки: новые стихи и поэмы/[худож. Б. Храбрых]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. 63 с.: портр. — Содерж.: Сосед; Портрет реки: поэмы; стихи.
5. Из биографии ручья: стихи, поэма/предисл. В. Устинова; худож. В.Те. Москва: Современник, 1983. 45 с. — Содерж.: Камнерезы: поэма; стихи.
6. Кольвань камнерезная: повествование о рудознатцах, горных инженерах, подмастерьях и мастерах/[худож. А. Курдюмов, В. Максименко]. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1986. 296 с. Библиогр.: с. 295-296.
7. На крыльях ремесла: повествоват. хроника каменерез. дела на Алтае с 1786 г. и до наших дней/[худож. В. Александров]. Москва: Современник, 1988. 278 с.: ил.
8. Красная книга ремесел: заметки о чистодеревщиках, кузнецах, гончарах, ткачах, вышивальщицах, кольванских камнерезах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. 320 с.: ил. Библиогр.: с. 315-317.
9. Азь грешный: ист. роман: в 3 ч./послел. А.И. Ивановой. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 1998. 558 с.: ил.
10. Азь грешный: [ист. роман]. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. 415 с.: портр. (Библиотека «Писатели Алтая»; т. 8).
11. Кольвань камнерезная. Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2002. 327 с.: ил.
12. Князь-раб: ист. роман: в 2 т. Новосибирск: Сова, 2006-2007.
Т. 1: Азь грешный. 2006. 536 с.: портр.
Т. 2: Князь-раб. 2007. 428 с.
13. Кольвань камнерезная. Барнаул: [б. и.], 2007. 327 с.: цв. ил.
14. Одинокое дело мое: мгновенья лет мимолетящих: [статьи, заметки, очерки]. Барнаул: Алт. дом печати, 2011. 615 с.: ил., портр.

А. М. Родионов — редактор, составитель

15. Мисюрев А. Л. Легенды Горной Кольвани/А. Л. Мисюрев; сост. А. М. Родионов; вступ. ст. С. Залыгина; худож. Т. Ашкинази. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 295 с.: ил., портр.

16. Барнаул. Летопись города/[сост., общ. ред. и вступ. ст. А.М. Родионова; фот. С.И. Пирогова]. Барнаул: ГИПП «Алтай». (2 кн. в одной обл.). Ч. 1: 1701-1919. 1994. 223 с.: ил.+ Прил. (80 с. фот.).
17. Алтай — Беловодье: [сказы, легенды, сказки, былины, календарная обрядовая поэзия]/Межрегион. ассоц. «Сиб. соглашение»; [ред.-сост. А.М. Родионов; худож. Ю.А. Иванов]. Барнаул: Алт. Дом печати, 2007. 321 с.: ил. (Сказы народов Сибири; т. 3).
18. Барнаул. Летопись города: хронология, события, факты/[В.Ф. Гришаев и др.; сост. и вступ. ст. А.М. Родионова; ред. проекта В.А. Скубневский]. Барнаул: А.Р.Т., 2007. 623 с., [24] л. ил.: ил.
19. Башунов, В.М. Твои дороги, Алтай/В. Башунов, А. Родионов; [сост. и ред. А.М. Родионов]. Барнаул, 2007 (ИД Алтапресс). 439 с.: цв. ил.
20. Тобольск и вся Сибирь: альманах/Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска»; [ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) и др.]. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2004 —
Кн. 13: Барнаул/[сост. и общ. ред. А. Родионов]. 2010. 615 с.: ил.
21. Тобольск и вся Сибирь: альманах/[ред. совет: Ю.С. Осипов (пред.) и др.]. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2004 —
Кн. 24: Бийск/[сост.: А.М. Родионов, С.В. Филатов, Ю.П. Перминов]. 2015. 669 с.: ил. + 1 эл. опт. диск (CD-ROM).
22. Евгений Гущин... За пределами жизни: рассказы, воспоминания, письма, статьи/[сост.: А.М. Родионов, И.А. Березюк]. Барнаул: Алт. дом печати, 2016. 397 с., [14] л. ил.

Публикации в периодических изданиях и сборниках

23. Таежный аэродром: стихотворение/предисл. В. Казанцева // За кадры. Томск, 1965. 22 дек.
24. Мы выбираем дорогу на самом краю России // Молодежь Алтая. 1979. 28 июня.
25. Кольвань камнерезная // Алтай. 1982. № 4. С. 93-100.
26. Разбудить человека в человеке // Молодежь Алтая. 1987. 27 февр.
27. Золото взято. Что взамен? // Прямая речь. Барнаул, 1990. Янв. (№ 3). С. 4.
28. «Людям не мало работы уменьшилось...» // От махин до роботов. Москва, 1990. Кн. 1. С. 89-122.
29. О русском центре // Прямая речь. Барнаул, 1990. Янв. (№ 5). С. 1.
30. Секреты и секреты // Там же. С. 3.
31. Водосвятие на сибирской реке // Прямая речь. Барнаул, 1991. Январь (№ 6). С. 8.
32. Послесловие к статье «Духовная беседа ко дню Нового года» // Там же. С. 2.
33. «Кина не будет» // Прямая речь. Барнаул, 1991. Окт. (№ 11). С. 2.
34. Виден ли свет?: заметки о сибирском пути // Прямая речь. Барнаул, 1992. Май (№ 15). С. 6-7.
35. Посольство Ивана Чередова: [отрывки из докум. повести] // Прямая речь. Барнаул, 1992. Сент. (№ 17). С. 4-5.
36. Демидов [Акинфий] // Прямая речь. Барнаул, 1992. Дек. (№ 19). С. 8: портр.
37. Город должен иметь родословную // Алтайская правда. 1993. 30 янв. С. 10.
38. Золотой венец Сибири // Прямая речь. Барнаул, 1993. Июль (№ 22). С. 4-5.
39. Горная слава Алтая/записал С. Тепляков // Молодежь Алтая. 1993. 16 июля (№ 29). С. 5.

40. Биография Корбалихи: [беседа с геологом В. Чекалиным/вел А. Родионов] // Прямая речь. 1993. 22 июля. С. 4.
41. Кривые судьба законотворчества // Прямая речь. Барнаул, 1993. Ноябрь. (№24). С. 4-5.
42. Китайское посольство // Алтайская правда. 1993. 4 дек. С. 4.
43. «Азь грешный...»: ист. повествование о бухар. песошном золоте, о грабителях алт. курганов и сиб. губернаторе Гагарине // Алтай. 1994. №3. С. 109-161; №4. С. 57-104; №5. С. 65-147; №6. С. 30-82.
44. Восхождение к природе: письмо художнику Андрею Арестову // Алтай. 1995. №4/5. С. 240-241.
45. Образ горного дела // Вечерний Барнаул. 1995. 7 февр. С. 2: портр.
46. Один портрет из галереи // Вечерний Барнаул. 1995. 18 февр.: фот.
47. Барнаул: годы и люди: страницы летописи [1701-1748] // Вечерний Барнаул. 1995. 21, 23, 28, 30 марта.
48. Унесенные наркотическим ветром // Голос труда. Барнаул, 1996. 1 янв.
49. Заглядывая в будущее, не забывая о прошлом: [беседа с геологом В. Чекалиным/вел А. Родионов] // Алтайская правда. 1996. 6 апр.
50. Димитриевская суббота // Литературная Россия. 1998. 23 янв.
51. Тихо-то как! // Алтайская правда. 1999. 2 окт.: фот.
52. От Демидова до Кондратюка // Алтайская правда. 1999. 9 дек.
53. Муниципальные премии // Барнаул: энциклопедия/[редкол.: В. А. Скубневский (гл. ред.) и др.]. Барнаул, 2000. С. 193.
54. Пирогов Сергей Иванович: [фотограф] // Там же. С. 223.
55. Китайские забавы // Алтайская правда. 2000. 12 мая. С. 11.
56. Душевная крепость художника Кабанова // Вечерний Барнаул. 2000. 11 июля: ил.
57. ...И приказал царь Петр: [беседа с гл. геологом ОАО «Сибирь-Полиметаллы» В.М. Чекалиным о геологической службе края/вел А. Родионов] // Алтайская правда. 2000. 26 авг.: фот.
58. «Он чувствовал сильное призвание»: [о композиторе Г. А. Демидове] // Демидовский вестник. Барнаул, 2001. №7. С. 11: портр., ил.
59. Песня-обряд, песня-милованье // Там же. С. 10: портр.
60. Художница, сумевшая остановить мгновение: выходит в свет альбом Л. Кульгачевой // Свободный курс. Барнаул, 2001. 20 сент. (№38). С. 22: портр.
61. [Выступление на IV съезде писателей Сибири] // Сибирские огни. 2003. №2. С. 23-24.
62. «Частокол князя Гагарина» // Союз-Алтай. Барнаул, 2003. Февр. (№1). С. 4: фот., карт.
63. Проверка на вечность // Избранные страницы: клубу любителей алт. старины 15 лет: [сборник]/[сост. Н.В. Воробьева и др.]. Барнаул, 2004. С. 3-5.
64. Все начиналось с Албазина: (русское южное порубежье и Цинская империя) // Сибирские огни. 2004. №3. С. 145-160.
65. «Надлежащий воинский дух»: (заметки о кн. Н. Ростова «Земли алтайской верные сыны») // Союз-Алтай. Барнаул, 2004. Апр. (№8). С. 4: фот.
66. Три головы Николая Ядринцева // Свободный курс. Барнаул. 2004. 26 авг. (№35). С. 28: фот.
67. Ты о чем, мужик, хлопчешь?: в какой музей придут потомки // Алтайская правда. 2004. 2 окт.
68. [Предисловие] // Избранное: [стихотворения, поэмы]/Л. Мерзликин. Барнаул, 2005. 319 с.: портр. (Библиотека журнала «Алтай»).

69. Сто лет со дня первой русской революции/А. М. Родионов, В. А. Скубневский, Т. Скворцова; подгот. В. Ворсина // Вечерний Барнаул. 2005. 25 янв.: фот.
70. Барнаул «заказал» XVIII век/беседу вела Л. Вигандт // Вечерний Барнаул. 2005. 26 авг. С. 6: фот.
71. И один в поле воин: инженеру-геологу, исследователю горно-пром. дела на Алтае В. Чекалину исполняется 70 лет // Алтайская правда. 2005. 30 дек.
72. Претечи и наследники // Писатели Алтайского края: биобиблиогр. словарь. Барнаул, 2007. С. 491-502.
73. «Бери деньги, да токмо заводы сюда не приводи...» // Литературная газета. 2007. 21-27 марта (№ 11). (Прил.: Алтай. № 2).
74. Михаил Капранов: путь «разумения силы и сущности» // Два слова. Барнаул, 2007. 12 дек.
75. «В двух шагах от беды до победы...»: стихи // Сибирские огни. 2008. № 7. С. 138-140.
76. Остались верны присяге: [предисл.] // Забытый полк: страницы истории 3-го Барнаульск. полка Белой армии: [воспоминания, документы/сост. А. А. Краснощеков, В. А. Суманосов]. Барнаул, 2009. С. 3-6.
77. Сибирь. Думы // Сибирские огни. 2010. Авг. (№ 8). С. 112-113.
78. В Барнауле был собран высший интеллект империи/беседу вел С. Мансков // Барнаул литературный. 2010. Сент. (№ 3). С. 4-7: фот.
79. Гавриил Качка. Мадьярский след // Барнаул литературный. 2010. Ноябрь. (№ 4). С. 10-13: портр.
80. Здравствуй, Марианна!: [предисл.] // Колосова М. И. Вспомнить, нельзя забыть: [стихи]/Марианна Колосова; [сост. В. А. Суманосов]. Барнаул, 2011. С. 3-6. (Сибирская библиотека).
81. Мимо загадки, или Дыра в барнаульской памяти // Культура Алтайского края. 2011. № 4. С. 68: цв. фот.
82. 82. «Он, мужественный брат мой...» // Сибирские огни. 2011. № 8. С. 148-168, 2-3-я с. обл: фот.
83. 83. 270 лет со дня рождения известного горного специалиста и российского ученого И. М. Ренованца (1744–1798)/А. М. Родионов, А. А. Пережогин, Б. В. Барыркин // Алтайский край, 2014. Барнаул, 2013. С. 65-68: ил.

Демидовский фонд

84. Если вспомнить о Демидове // Алтайская правда. 1992. 18 июля. С. 10: фот.
85. Премии Демидовского фонда: имена лауреатов станут известны в конце февраля // Алтайская правда. 1994. 5 февр.
86. Сам Демидов бы руку пожал/фот. Е. Налимова // Алтайская правда. 1994. 2 марта.
87. Кто станет лауреатом? // Алтайская правда. 1996. 27 февр.: ил.
88. «Слова — не дела», — так говорил Демидов и говорит Родионов/беседу вел В. Токмаков // Вечерний Барнаул. 1997. 22 янв.: ил.
89. Демидовский бал: что нового?/записала Н. Келлер // Вечерний Барнаул. 1997. 13 февр.: фот.
90. «Откуда берутся в Барнауле деньги на всякие там премии вроде Демидовских?»: [ответ А. Родионова на вопрос читателя] // Там же.
91. «Достойных надо чествовать достойно», — говорит президент Демидовского фонда писатель А. Родионов/записал В. Тихонов // Алтайская правда. 1997. 4 дек.

92. Демидовский взгляд промышленников/беседу вел В. Слободчиков // Алтайская правда. 1999. 21-28 янв. С. 2.
93. Демидовский фонд в ожидании нового имени/беседу вела О. Зальцман // Аргументы и факты. Алтай. 1999. Февр. (№8). С. 2: портр.
94. От Верхней Оби до «железных вождей» // Алтайская правда. 1999. 20 февр.
95. Был ли Акинфий меценатом?: история Демидов. премий на Алтае. Истоки и продолжение // Вечерний Барнаул. 1999. 7 дек.: портр.
96. Как все начиналось: «Замысел был хорош и остается таким», — считает основатель [Алтайского Демидовского] фонда // Демидовский вестник. Барнаул, 2011. С. 6: фот.

Колывань

97. Колывань камнерезная // Алтай. 1982. №4. С. 93-100.
98. Над обмелевшим прудом // Алтайская правда. 1989. 15 окт. С. 7-9.
99. Юбилей — дело неизбежное // Алтайская правда. 2001. 14 апр.: фот.
100. Алмазные пилы звенели... // Алтайская правда. 2001. 1 сент.
101. От Касмалы до Колывани: по первой Демидов. дороге // Алтайская правда. 2001. 6, 20 сент.: фот.
102. Колывань. Пунктир истории // Алтайская правда. 2001. 30 нояб. С. 7: ил.
103. «Злой гений фабрики...» // Алтайская правда. 2002. 15 марта. С. 20: фот.
104. Камнерезная дипломатия, или Дискета от Дианы // Алтайская правда. 2002. 12 апр. С. 20: фот.
105. Явь самоцветная // Алтайская правда. 2002. 17, 20, 21, 22 авг.: фот.

О творчестве отдельных писателей

106. «Я вернусь обратно. Ты слышишь?»: 18 авг. алт. поэту Л. Мерзликину исполнилось бы 65 лет // Алтайская правда. 2000. 19 авг.: портр.
107. «Скакал казак через долину...» // Сибирские огни. 2003. №1. С. 179-183. Рец. на кн.: Шукин М. «Встречь солнцу»: рассказы по истории Сибири. Новосибирск, 2001. 558 с.
108. «Натура, природа, судьба...» // Сибирские огни. 2005. №12. С. 212-213. Рец. на кн.: Мерзликин Л. Избранное: [стихотворения, поэмы]. Барнаул, 2005. 319 с.
109. 60 лет со дня рождения поэта В. М. Башунова (1946–2005) // Алтайский край: календарь знаменат. и памят. дат, 2006. Барнаул, 2005. С. 87-91: портр.
110. «Были у нас и свои бианкины...» // Литературная газета. 2006. 22-28 нояб. (№47). (Прил.: Алтай. №17: фот). Рец. на кн.: Литературный Алтай (конец XIX — начало XXI вв.): [справочник/сост. Н. Т. Герцен, В. А. Шнайдер]. Барнаул: Алт. Дом печати, 2006. 299 с.: ил.
111. Поклон родной земле // Два слова. Барнаул, 2007. 21 февр. (№7). С. 21: цв. фот. (На фото А. Заболоцкого — В. Башунов, А. Родионов, В. Горн, конец 1980-х гг.).

Под псевдонимом

112. Фатин И. Люди передового края // Алтайская правда. 1975. 20 сент.
113. Ионов Д. Чистодеревщики // Молодежь Алтая. 1976. 13 янв.
114. Фатин И. Говорю о своем селе // Алтайская правда. 1977. 10 марта.
115. Он же. Из огненной дали // Алтайская правда. 1977. 27 окт.

116. Он же. Лирический дневник // Молодежь Алтай. 1977. 30 нояб.
 117. Он же. «Согревать, не только греться» // Звезда Алтай. Горно-Алтайск, 1978. 11 марта.
 118. Он же. Живет любовью обоюдной земля и человек // Алтайская правда. 1978. 3 окт.
 119. Он же. Прочтите сказку до конца // Молодежь Алтай. 1979. 2 авг.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

120. Александрова Л. Дом культуры, 4 часа дня // За кадры. Томск, 1969. 21 мая: фот.
 121. Байбуза Н. Праздник звучащего слова // Молодежь Алтай. 1975. 1 мая.
 122. Скворешнев Е. «О чем-то несущественном скорбя...»: (заметки о трех книгах молодых алт. поэтов) // Алтайская правда. 1977. 7 дек.
 123. Голик, А. «Спасибо, поле, травы, птицы...»: заметки о стихах А. Родионова [в сб. «Краснотал»] // Алтай. 1978. № 2. С. 61-63.
 124. Федоров В. Призвание // Комсомольская правда. 1979. 30 марта.
 125. Юдалевич М. И. Проникновенное слово // Алтайская правда. 1979. 21 авг.
 126. Забелин П. Стихи: рождаются или делаются? // Алтай. 1982. № 2. С. 104-112. — Из содерж.: [О сборнике «Портрет реки»]. С. 108-109.
 127. Забелин П. И проза, и поэзия: обзор альм. «Алтай» № 4 за 1981 г. // Алтайская правда. 1982. 13 февр.
 128. Явинский В. «Птицы, кони, самолеты...»: [о кн. «Чистодеревщики»] // Молодежь Алтай. 1982. 13 февр.
 129. Заплавный С. [О книге «Чистодеревщики»] // Сибирские огни. 1982. № 9. С. 173-174.
 130. Петренко В. Живая память: заметки о кн. А. Родионова «Из биографии ручья» // Алтайская правда. 1984. 17 июля.
 131. Мартынов А. Растить хлеб и людей // Колос. с. Новоегорьевское, Алт. край, 1985. 11 апр.
 132. Гришаев В. Оживет ли слава Колывани? // Алтайская правда. 1986. 4 нояб.
 133. Родионов А. Блажен, кто в старости был молод.../беседу вел В. Тихонов // Молодежь Алтай. 1993. 26 нояб. (№ 48). С. 6.
 134. Тихонов В. Новых книг нет. Наградили за старые: вручены лит. премии им. В. М. Шукшина // Молодежь Алтай. 1994. 29 июля (№ 31). С. 2.
 135. Шевчук О. Пускай же здравствуют веки демидовские мужики! // Алтайская правда. 1995. 2 марта. С. 1-2.
 136. Пишите, Шура, пишите... [поздравление от ред. газеты «Молодежь Алтай»] // Молодежь Алтай. 1995. 5 мая (№ 19). С. 3: портр.
 137. Александр Родионов: вхождение в правду/беседу вел С. Шабанов // Колос. с. Новоегорьевское, Алт. край, 1995. 17 мая: фот.
 138. Ершов Л. Летопись есть летопись // Алтай. 1995. № 8. С. 224-226.
 139. Носкова Е. Город, который люблю безмерно // Алтайская правда. 1995. 30 сент. С. 6-7.
 140. Возчиков В. Сказание о делах сибирских // Алтайская правда. 1995. 14 нояб.
 141. Тихонов В. Литературное событие не только сибирского, но и российского уровня // Молодежь Алтай. 1995. 17 нояб. (№ 47). С. 2.

142. Возчиков В.А. Чтобы не погас костер...: творч. палитра А. Родионова. Бийск: НИЦ БИГПИ, 1996. 59 с.
143. Ворожбитов В. Еще раз о летописи [Барнаул] // Алтайская правда. 1996. 10 февр. С. 8.
144. Михова Л. Демидовский бал//Л. Михова, А. Бочкарев // Алтайская правда. 1996. 2 марта. С. 1, 4.
145. Слободчиков В. Этот союз очень Пятнице нравится // Алтайская правда. 1996. 26 июля.
146. Родионов А.М. Прогулки босиком: писатель А. Родионов о времени и о себе/беседа вела Л. Хомайко // Молодежь Алтай. 1996. 9 авг. (№32). С. 16: портр.
147. Токмаков В. На балу как на балу... // Вечерний Барнаул. 1997. 4 марта: фот.
148. Ермолин К. Среди шумного бала // Алтайская правда. 1997. 5 марта.
149. Берсенов Е. И грянул бал! // Время и деньги. 1997. 6-12 марта. С. 15.
150. Тихонов В. Не надо бояться некруглых дат и тринадцатого числа // Алтайская правда. 1997. 20 мая.
151. Родионов А. И на холмах мы побывали.../беседа вела Л. Хомайко // Молодежь Алтай. 1997. 22 мая (№21). С. 12.
152. Родионов А. Создатель и Хранитель/беседа вел С. Кочевников // Свободный курс. Барнаул, 1999. 11 февр. (№7). С. 3: фот.
153. Горшенин А. Гибельное золото Джунгарского ханства: [о кн. «Азь грешный»] // Сибирские огни. 2000. №3. С. 212-216.
154. Лушников А. Писателя Родионова «осудили». За книгу // Алтайская правда. 2000. 20 мая: фот.
155. Вигандт Л. Эх, грехи наши тяжкие...: [о презентации кн. «Азь грешный»] // Алтайская неделя. 2000. 25-31 мая (№22). С. 7.
156. Латышев Д. Сибирская песня Александра Родионова // Алтайская неделя. 2000. 8-14 июня (№24). С. 13.
157. В «Демидовском фонде» — смена //Алтайская правда. 2001. 9 нояб. С. 1
158. Лимонов Э. Книга воды: [сборник]. Москва: Ad Marginem, 2002. 320 с.
159. Башунов В.М. 60 лет со дня рождения писателя А.М. Родионова // Алтайский край, 2005: календарь знаменат. и памят. дат. Барнаул, 2005. С. 22-24: портр.
160. Родионов А.М. [Автобиографические заметки] // Алтай. XXI век: Имена. Дела. Судьбы: кто есть кто/[рук. проекта Л. Слободчикова]. Барнаул, 2005. Т. 2. С. 262-263: цв. фот.
161. В поисках Беловодья/беседа вела Л. Вигандт // Вечерний Барнаул. 2005. 6 мая. С. 19: фот.
162. Золотая кладовая России/беседа вел А. Муравлев // Алтайская правда. 2005. 6 мая. С. 3: портр.
163. Карпов Г. Князь-раб. Во мгле криводушия // Алтайская правда. 2006. 31 марта. С. 18: ил.
164. Родионов А. «Еду-еду, а следа нет»/вел С. Мансков // Литературная газета. 2007. 21-27 февр. (№7). (Прил.: Алтай. №1: фот).
165. Яранцев В. Сибирь золотая: история и слово // Литературная газета. 2007. 30 мая — 5 июня (№22/23). (Прил.: Алтай. №6).
166. Курбатов В. Верой и правдой, силой и кривдой // Два слова. Барнаул, 2007. 4 июля (№26). С. 17: цв. фот.
То же, расшир. // Алтайская правда. 2007. 5 июля: ил.
167. Родионов А.М. Меж ковылем и асфальтом/интервьюер С. Мансков // Литературная газета. 2007. 19-25 сент. (№37). (Прил.: Алтай. №11. С. 3: фот.).

168. Вигандт Л. Александр Родионов. Одинокое дело мое // Культура Алтайского края. 2011. № 4. С. 69: фот.
169. Родионов, А. Поверяя прошлым настоящее/беседу вел С. Тепляков // Алтайская правда. 2011. 12 авг.
170. Родионов А. Разворошивший историю/интервьюер А. Тростникова; фот. А. Чурилов // Вечерний Барнаул. 2011. 17 дек. С. 9: цв. фот.
171. Климов В. О Родионове и Демидовских балах // Александр Родионов: первые литературные чтения, посвящ. памяти рус. писателя. Барнаул, 2013. С. 15
172. Кирилин А. Я несу к тебе свои черты //Алтай. 2014. № 1.
173. Юровская Л. О романе Александра Родионова «Азь грешный» // Александр Родионов: вторые лит. чтения, посвящ. памяти рус. писателя. Барнаул, 2014. С. 4-7.
174. Боженко С. Учителя жизни, или Всегда ли прав художник: [мемуары]/[авт. предисл. Е. Скрипин]. Барнаул: Алт. Дом печати, 2016. 175 с. — Из содерж.: [Об А. М. Родионове]. С. 119.
175. Соколов В. Встречи с Александром Родионовым//Культура Алтайского края. 2016. № 4. С. 54-55
176. Батюк Г. Отец Михаил и все мы (в т.ч. о Родионове) // Культура Алтайского края. 2017. № 4. С. 30-33.
177. Заплавный С. Поэтический олимп Сибири // Выходной. Томск, 2017. 25 нояб.
- ***
178. В ожидании дня: [докум. фильм об А. М. Родионове]/Рубцовск. студия «Квант», 1995.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

179. Клевина И. Будет ли летопись Барнаула? // Молодежь Алтая. 1990. 6 апр. (№ 15).
180. Победоносцев К. Великая ложь нашего времени // Прямая речь. Барнаул, 1990. Сент. (№ 1). С. 7.
181. О демидовских премиях // Алтай. 1993. № 6. С. 148.
182. Кривонос Я. Земное диво // Встреча. 1995. № 1-3 С. 60-61.
183. Мерзликин Л. Поэтом не могу не быть. Так что же — воровать обязан?/интервьюер Анатолий Егоров // Вечерний Барнаул. 1995. 14 февр. С. 5.
184. Булыгин Ю.С. Список населенных пунктов Алтайского края: [справочник]. Барнаул: Б. и., 2000. 237 с.: портр.
185. Башунов В. Не вышпечешь! Заметки на полях сборника стихотворений Валерия Тихонова «Формат окна» // Алтайская правда. 2003. 3 окт. с. 18.
186. Крест бесконечный. Виктор Астафьев — Валентин Курбатов: письма из глубины России, 1974-2001/[сост. Г. Сапронов; послесл. Л. Аннинского]. [2-е изд., доп.]. Иркутск: Сапронов, 2003. 526 с.
187. Тихонов В. Истоцимо терпение// Алтайская правда. 2003. 14 нояб. С. 18
188. Цывцына Е. Каторжный труд: [о переселенцах в Егорьевский р-он Алт. края] // Колос. с. Новогорьевское, Алт. край, 2005. 9 июля.
189. Песоцкий В. Нам есть чем удивлять ///Демидовский вестник. 2007. С. 3
190. Скрипин Е. Барнаульские поэты без иллюзий. Барнаул, 2013. 208 с.

191. Шукшин В.М. Как я понимаю рассказ // Собр. соч.: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 8: Публицистика, письма, рабочие записи. С. 12-15.
192. Иванов А.В. Тобол. Много званных: роман-пеплум/Алексей Иванов. Москва: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2017. 703 с.
193. Иванов А.В. Тобол. Мало избранных: роман-пеплум/Алексей Иванов. Москва: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2018. 828 с.

194. Подвиг народа [Электронный ресурс]: обобщен. банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»: [сайт]/Департамент развития информационных технологий Минобороны России. Режим доступа: <http://podvignaroda.ru>.

Архивные и музейные документы

Государственный архив Алтайского края (ГААК)

195. Ф. 3 Оп. 1 Д. 696	227. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 134
196. Ф. 4 Оп. Д. 2878	228. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 135
197. Ф. 144 Оп. 6 Д. 580	229. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 136
198. Ф. 144 Оп. 6 Д. 783	230. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 137
199. Ф. 144 Оп. 6 Д. 1031	231. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 140
200. Ф. 233 Оп. 16 Д. 517, 518, 519	232. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 170
201. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 5	233. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 172
202. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 21	234. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 175
203. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 22	235. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 176
204. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 23	236. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 178
205. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 24	237. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 175
206. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 25	238. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 188
207. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 26	239. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 189
208. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 29	240. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 190
209. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 34	241. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 191
210. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 112	242. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 194
211. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 113	243. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 194а
212. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 118	244. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 226
213. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 119	245. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 227
214. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 120	246. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 228
215. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 121	247. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 229
216. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 123	248. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 235
217. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 124	249. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 236
218. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 125	250. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 239
219. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 126	251. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 240
220. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 127	252. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 250
221. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 128	253. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 251
222. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 129	254. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 252
223. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 130	255. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 253
224. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 131	256. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 254
225. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 132	257. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 255
226. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 133	258. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 256

259. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 257
 260. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 258
 261. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 259
 262. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 260
 263. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 282
 264. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 283
 265. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 285
 266. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 287
 267. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 288
 268. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 289
 269. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 292
 270. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 293
 271. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 294
 272. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 295
 273. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 296
 274. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 297
 275. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 298
 276. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 299
 277. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 300
 278. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 301
 279. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 302
 280. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 303
 281. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 304
 282. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 305
 283. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 310
 284. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 322
 285. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 341
 286. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 356
 287. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 357
 288. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 359
 289. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 361
 290. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 375
 291. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 376
 292. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 392
 293. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 393
 294. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 394
 295. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 398
 296. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 399
 297. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 401
 298. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 408
 299. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 411
 300. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 416
 301. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 417
 302. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 418
 303. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 448
 304. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 449
 305. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 453
 306. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 454
 307. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 455
 308. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 456
 309. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 460
 310. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 464
 311. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 468
 312. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 498
 313. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 504
 314. Ф. Р — 1696. Оп. 1. Д. 510

МБУК «Краеведческий музей» г. Рубцовска

315. оф 18869 п 9956
 316. оф 13028/п 6697
 317. оф 13021 п 6697
 318. оф 13022/п 6998

Примечания

Как читать квадратные скобки в тексте?

[195, л. 450, 450 об, 451] или [97, с. 94]

195 — порядковый номер в разделе «Библиографические ссылки на источники»

л. 450 — номер листа в архивном деле

450 об — оборот листа

с. 94 — номер страницы в книге, газете

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. «Предки путь выверили»

Предтечи.....	7
Война и Победа.....	14
Бабуся.....	18
Мама.....	23
Отец.....	27
Школа.....	31
Простор и цвет.....	37

Глава вторая. «Мы из такого, брат, сословия...»

Редкачи.....	47
Дни поэзии.....	57

Глава третья. «Надо карабкаться, иначе жизнь задавит»

Отступление от звездности.....	73
Геологическая держава.....	83
Правило белого камешка.....	87
«Ни стиха».....	92
Чарышский лист.....	96
Ave Nomo.....	102
Новое поле.....	108
Первая книга.....	113
Д.Ионов. И. Фатин.....	118
Впереди бесконечная работа.....	126

Глава четвертая. «Делаю нужное дело»

Красивая история.....	137
Чистодеревщики.....	143
Детский цикл.....	154
Крен в сторону прозы.....	160
Двинуть на Москву.....	167
Спецкор Туркменской ССР.....	172
Письма к Джане.....	179
Колывань камнерезная.....	185
Правило первых.....	196
Домовой.....	205
Основатель праздников и клуба.....	217

Родник	226
Писать свое	236
Красная книга	245

Глава пятая. «Восторг открытия»

Прямая речь	257
Ватажка	267
Сила стремящая	274
Демидовский фонд: как все начиналось.....	286
Русская логика	296
И грянул бал	304
Летопись	309
Личные обстоятельства	314
Восхождение вопреки разрухе.....	318
За кулисами	325
Не дай, Господь, судьбы Неглинки.....	332
Погружение в роман.....	337
Гуща и пуща.....	343
Я — симметрично	349

Глава шестая. «Неоглядно здесь, неоглядно»

По Демидовской дороге.....	359
Отлучение	364
Программные статьи.....	368
Чудесный подарок.....	376
Лауреат премии «Александр Невский»	382
Книжный урожай.....	389
Русский космос	398
Свет и пепел	408
Утраты. Обретения.....	419
Сердечный хруст	427
Август, август	434
День для вечности	442
Основные даты жизни и творчества А.М. Родионова	446
Библиографические ссылки на источники.....	452
Примечания.....	461

Историко-биографическая серия

Вигандт Лариса Александровна

Александр Родионов

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Алтайского края, Краеведческого музея г. Рубцовска, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова, Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая, Егорьевского межпоселенческого районного историко-краеведческого музея, музея села Сросты Егорьевского района, всем родственникам, близким людям и друзьям Александра Михайловича Родионова за помощь в подготовке книги.

На обложке портрет Александра Родионова, выполненный фотографом Александром Волобуевым.

Редактор: Е. В. Гундарина
Дизайнер: Ю. В. Раменская
Корректор: Ю. А. Зименкова
Верстальщик: Н. П. Четырина

*Подписано в печать 19.10.2020 г.
Формат 84x108/32
Тираж 2500 экз. Заказ №*

Отпечатано в типографии ООО «Экселент»
630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 35.
Тел. +7-953-887-0769